

63.3(2Р-УСм)

1/30

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ НА 1997–2000 ГОДЫ»

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Вторая половина XIX – начало XX века

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Вторая половина XIX – начало XX века

МОСКВА «НАУКА» 2000

УДК 947.0
ББК 63.3(235.54)
И 90

Редакционная коллегия:

П.С. КАБЫТОВ (главный редактор),
И.Б. ВАСИЛЬЕВ (зам. главного редактора),
Э.Л. ДУБМАН, Ю.Н. СМИРНОВ, Л.В. ХРАМКОВ

Редакторы книги:

П.С. КАБЫТОВ, Н.Н. КАБЫТОВА

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. – М.: Наука, 2000. – 236 с., ил.

ISBN 5-02-008720-3

В книге дается широкая панорама социально-экономического развития и острых социальных конфликтов в пореформенный период и в дни трех российских революций. Авторы стремятся показать героев самарской истории живыми, понятными людьми, а не безликой массой населения.

Для историков, краеведов, преподавателей, студентов, школьников, для всех, кто интересуется историей России и Самарского края.

Без объявления

ISBN 5-02-008720-3

ISBN 5-02-008708-4 (общий)

© Центр “Интеграция”, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕК XIX: ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ (П.И. Савельев)	5
Реформы и реформаторы	5
Крестьянский мир	24
От поместья к экономии	39
Новые хозяева жизни	51
Приволжский “Новый Орлеан”	53
В гуще политических событий	66

ГЛАВА ВТОРАЯ

САМАРСКИЙ КРАЙ В 1905–1907 годах (М.И. Леонов)	85
Истоки и начало революции	85
Лето 1905 года. Борьба обостряется	99
Осень 1905 год. Противостояние	102
Осень 1905 года в деревне	108
Политические организации	112
Декабрь 1905 года в Самаре	117
В перводумские дни	120
Политический кризис 1906 года	125
Втородумский период	129

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА (П.С. Кабытов)	132
Община и хуторяне	132
“Ссуда, которую я получил из банка...” (Н.Ф. Тагирова)	140
Крестьяне и кредитные учреждения	151
Хлебная торговля	162
Влияние банков и монополий на промышленность Самарского края	169
В годы первой мировой войны	178

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1917 ГОД (П.С. Кабытов, Н.Н. Кабытова)	182
Рождение республики в России и образование властных структур	182
Демократы предполагают, а народ располагает	189
Эсеры массы заговорили и уговорили, но... ненадолго	203
Октябрьский переворот	214
ПРИМЕЧАНИЯ	220

ВЕК XIX: ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

Центральным событием русской истории XIX столетия стала Великая реформа 1861 г. Следует решительно отказаться от стереотипного представления, согласно которому эта эпоха сводилась лишь к акту 19 февраля 1861 г., т.е. только к освобождению крепостных. Нельзя отрывать от крестьянской реформы также преобразования в сфере местного управления, суда, армии, финансов и др. Факты свидетельствуют, что все главные меры, которые должны были определить социально-экономический и политический облик новой России, были спланированы и разработаны до 1861 г. В начале 1859 г. к работе приступила особая комиссия при Министерстве внутренних дел по выработке проекта земской реформы, значение которой для России трудно переоценить, так как она вводила представительные формы управления на местах. Самая яркая и последовательная из реформ — судебная, она заявила о себе уже 8 июля 1860 г., когда была введена неведомая ранее должность судебного следователя, независимого от полиции. Готов был и фундамент для нового суда. К 1859 г. был ликвидирован один из краеугольных камней старой военно-полицейской системы — Департамент военных поселений. Уже в августе 1860 г. влиятельнейшим человеком в военном ведомстве стал “отец военной реформы” Дмитрий Алексеевич Милютин¹. С 1860 г. Государственный банк России заменил собой старые сословные кредитно-финансовые установления.

Перед нами отнюдь не случайный набор нововведений, а именно программа, пакет реформ со своей внутренней логикой. За ними стояли умные, трезвые головы, хорошо знавшие положение дел в стране. Осведомленность — характерная черта реформаторов того времени. В стране была проведена последняя, десятая, ревизия крепостных душ, во все концы империи были посланы наблюдатели, представившие детальные записки об увиденном, услышанном от помещиков, чиновников, крестьян. Редакционные комиссии собрали и в 1860 г. (опять же, накануне крестьянской реформы) опубликовали подробнейшие сведения о состоянии помещичьих имений с числом свыше 100 душ крепостных. Это была серьезнейшая подготовительная работа, во многом предопределившая успех реформ.

Ход “крестьянского дела” в провинции зависел в основном от двух сил — губернской администрации и поместного дворянства. Чрезвычайно важное значение приобретала фигура губернатора. Самаре в этом отношении определено повезло. Губернатор Константин Карло-

вич Грот — виднейший реформатор-практик среди начальников губерний, с полным основанием мог быть причислен к кругу лиц, определявших основную идею реформы и приближавших ее исполнение.

Феномен Грота довольно типичен для тех времен: чиновник до мозга костей, он был плоть от плоти той генерации российской бюрократии, которая переживала свое взросление в душной, тепличной атмосфере империи Николая I, а затем волею исторических судеб оказалась на переднем крае борьбы нового со старым. Он — непреклонный и жесткий сторонник порядка, но порядка нового, опирающегося не на деспотический каприз местного сатрапа, а на рациональную, не замутненную мздоимством службу. Ни один самарский губернатор, ни до, ни после Грота, не заслужил столь много лестных отзывов местного общества, и это несмотря на его относительно краткий срок пребывания на посту начальника губернской администрации.

К.К. Грот родился в Санкт-Петербурге 12 января 1815 г. Семейные корни его в Голштинии. Отцу, Карлу Ефимовичу, прожившему недолгую жизнь, в детстве улыбнулась фортуна: он был взят в товарищи по воспитанию к будущему императору Александру I. Это обстоятельство открыло затем перед двумя рано осиротевшими его сыновьями, Яковом и Константином, блестящую будущность. По личному указанию императора они были определены в Царскосельский лицей — самое привилегированное учебное заведение России. По окончании курса Яков стал видным ученым и академиком, преподавал будущему императору Александру III русский, немецкий языки, историю и географию. Константин избрал путь чиновника. Он видел свое призвание в благоустройстве государства Российского. Коренная семейная черта Гротов — страсть к упорядочению и рациональному переустройству — проявилась тогда с наибольшей силой в его деятельности. “Когда нет общей гармонии, то все не клеится и не ведет к цели”, — любил говорить реформатор.

К.К. Грот начал службу в чине титулярного советника. Карьера складывалась счастливо, он быстро поднимался по чиновничьей лестнице: в Курляндской палате государственных имуществ стал ассессором; спустя годы перешел в центральное Министерство внутренних дел, где уже в начале 40-х годов занимал перспективную должность чиновника особых поручений, благодаря своим дарованиям и ходатайствам В.И.Даля, который много значил при министерстве В.А. Перовского². Как истинный лицеист, Константин Карлович преклонялся перед Пушкиным. Он активно участвовал в деле возведения памятника поэту (но из-за болезни и отъезда за границу не присутствовал на его открытии в Москве в 1880 г.), заведовал делопроизводством Пушкинского комитета. Грот владел немецким, французским, итальянским языками, во время службы в Митаве быстро выучил латышский. До конца жизни он был устроителем лицейских обедов для воспитанников старейших курсов в знаменательный день 19 октября.

Как чиновник особых поручений Грот объехал многие губернии России, в том числе поволжские. Он был строгим ревизором. После проверки Гротом Тверской губернии, бывший ее начальник, извест-

ный романист Лажечников, вынужден был вернуть в казну около 70 тыс. руб. Грот симпатизировал Лажечникову, жалел его чисто человечески, но был непреклонен. Плачевно кончались попытки подкупить его. Так же жестоко поплатились и киевские чиновники, предложившие ему пакет депозитных билетов. С 1848 г. Грот становится правой рукой выдающегося реформатора Николая Алексеевича Милютина. В 1850 г. его приняли в действительные члены Императорского Русского географического общества — цитадель “идейного реформаторства”. В том же году он получил чин статского советника. Судя по его дневниковым записям, переписке, Грот был близко знаком со многими известными в обществе людьми. Среди них были историк Погодин, публицисты Кавелин, Шевырев и др.

Таким Грот прибыл в Самару. Здесь остро стоял вопрос об опытных чиновниках. Многие должности советников, столоначальников годами не замещались из-за дороговизны квартир, несмотря на разрешение выдавать в качестве поощрения “средства на покупку мебели, аренду домов и прочие имущества”³. В мутной бумажной стихии, усложнявшейся тем, что самарский губернатор был подчинен Оренбургскому генерал-губернатору и сносился с правительством через него (бумаги шли лишних 800 верст), процветали мздоимство, косность и полная неразбериха. Отчеты предшественника Грота были заполнены жалобами на “неудовлетворительность” администрации. Положительная деятельность Грота в этой неблагоприятной обстановке, нуждается, конечно, в специальном изучении. Впечатление, которое он произвел на самарское общество, выразил П.В. Алабин: “Усилия Константина Карловича имели прямым последствием искоренение взяточничества в Самарском крае — особенность, которою этот край с того времени стал справедливо гордиться”⁴. Даже если сделать необходимую скидку на юбилейный пафос автора и желание потрафить современной ему администрации, нельзя не признать, что такие слова одного из самых замечательных и честнейших людей Самары стоят многого.

Новый губернатор с самого начала показал решительность своих намерений. Прежде всего, отметим, что прибыл он к месту службы не один, а со своей командой, на которую и опирался. “Немалою заслугою К.К. Грота Самарскому краю, — писал П.В. Алабин, — было привлечение на службу в его пределы много отлично образованных молодых людей. Затем, частью помощью этих вполне свежих сил, частью личным самобытным способом действия, К.К. Грот успел положить твердые основы благоустройству вверенного его управлению края”⁵. Самобытность действий начальника губернии состояла в том, что он сочетал исключительную жесткость (Алабин пишет о “непреклонной воле”, “личном решительном, часто диктаторском способе действий”) с “неустанным, самым добросовестным трудом”⁶.

В своих устремлениях К.К. Грот нашел полную поддержку со стороны Оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского и обратил неудобство двойного подчинения в свою пользу. Не могло не озадачить местных чиновников отрицательное отношение губернатора ко многим “святыням” старины, стремление возбудить общественное мнение.

Грот, конечно, хорошо знал обстановку при дворе, различные течения и подводные камни, но нельзя не признать, что он сильно рисковал, сделав ставку на те идеи, которым симпатизировал еще со времени своего участия в Русском географическом обществе. Его решимость действовать “по готовым рецептам своего великого учителя Н.А. Милютина” дала очевидные плоды: он не только “создал местное городское самоуправление в Самаре”, но и “вдохнул в него живую душу”⁷. В главном деле своего поколения — Крестьянской реформе 1861 г. — К.К. Грот участвовал как ревностный его сторонник. По своему обычаю он основательно изучил суть вопроса. 6 марта 1858 г. последовал циркуляр о создании губернского дворянского комитета.

Между тем в правительственных сферах борьба вокруг реформы вступила в решающую фазу. Предложение императора освободить крестьян сверху, не дожидаясь, когда они начнут это делать сами снизу, повисло в воздухе. Честь Александра спас друг его молодости, виленский генерал-губернатор В.И. Назимов, склонивший дворянство северо-западных губерний выступить с инициативой освобождения крестьян. Получив от Назимова желанный адрес, царь мгновенно издал рескрипт, разрешающий помещикам Виленской, Гродненской и Ковенской губерний создать комитет “для улучшения быта владельческих крестьян”. 20 ноября 1857 г. его одобрил секретный комитет по крестьянскому делу. Дальше царь сделал совершенно неожиданный ход: сразу после подписания, в течение ночи, рескрипт Назимову был отпечатан типографским способом и на рассвете разослан по губерниям для сведения. Это была нелишняя предосторожность: утром члены Секретного комитета одумались, но было поздно — документ был уже в пути. Спустя две недели, Александр буквально навязал подобный же рескрипт столичным дворянам, используя для этой цели ходатайства, поданные ими совсем по другому поводу. Так появился рескрипт Санкт-Петербургскому генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву от 5 декабря 1857 г.

Потом последовало и вовсе небывалое: оба рескрипта были опубликованы за границей, в газете “Le Nord”, которая издавалась в Бельгии с 1855 г. как русский официоз с целью “знакомить Европу с действительным положением России”. Еще через месяц оба рескрипта появились на страницах ведомственного “Журнала МВД” с разрешением перепечатки во всех газетах и журналах⁸. Так Александру II удалось, соблюдая внешние приличия в отношениях с дворянством, запустить в ход машину реформы. Роль императора в повороте к реформам была чрезвычайно велика, а царь-“Освободитель” вполне заслужил и монументы (один из них возвышался в Самаре).

Наступил драматический момент в судьбе преобразований. Потрясенное гласностью в столь важном для себя вопросе, поместное дворянство после некоторого замешательства приступило к обсуждению рескриптов, предоставлявших ему право создавать в губерниях комитеты для разработки проектов реформы по каждой местности. В Самаре дворянское собрание обсуждало царский рескрипт в январе 1858 г. В то самое время помещики съехались на дворянские выборы. К.К. Грот

призвал на помощь все свое красноречие, чтобы убедить дворян в том особом доверии, которое оказал им государь император, предоставив право самим решить столь важный вопрос, проявить высшее благородство добровольным отказом от собственности на крепостные души. Однако помещики не проявляли большого энтузиазма. Более того, собрание решило, что освобождение крестьян от обязательного труда разорительно для помещиков, ибо они остаются без рабочих рук, лишаются доходов. Было ясно, что в губернии освобождение крестьян пойдет не просто. Развернулись бурные споры. 6 марта 1858 г. последовал Высочайший рескрипт на имя Оренбургского генерал-губернатора, предписывавший немедленно открыть в Самарской губернии особый комитет под председательством губернского предводителя дворянства и приступить к составлению подробного проекта Положения "Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян"⁹. В рескрипте были предложены и основания, из которых следовало исходить комитету в его занятиях: 1) за помещиком сохранялось право собственности на всю землю, но крестьянам должна быть оставлена усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени должны выкупить; сверх того подлежало предоставлению в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам для обеспечения их быта и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком количество земли, за которое они должны платить оброк или отбывать работы помещику; 2) крестьяне должны быть распределены на общества, помещикам же предоставлялась вотчинная полиция; 3) при устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть обеспечена надлежащим образом уплата государственных и земских повинностей и денежных сборов¹⁰.

Напряженное время сельскохозяйственных работ весны и лета отодвинуло сроки создания дворянского комитета. Его открытие состоялось 25 сентября 1858 г. в зале дворянского собрания. Собравшиеся получили благословление Епископа Самарского и Ставропольского Феофила, присутствовал начальник губернии К.К. Грот, председательствовал губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров¹¹. В комитет вошли: от Самарского уезда — предводитель дворянства, штаб-ротмистр Александр Николаевич Осоргин и губернский секретарь Алексей Григорьевич Лопатин; от Ставропольского — коллежский асессор Иван Дмитриевич Лазарев и отставной ротмистр Александр Ипполитович Сосновский; от Бугульминского — отставной артиллерии прапорщик Дмитрий Николаевич Рычков и надворный советник Степан Петрович Шелашников; от Бугурусланского — уездный предводитель дворянства штаб-ротмистр Иван Петрович Рычков (заместитель председателя) и коллежский советник Дмитрий Алексеевич Костицын; от Бузулукского — коллежский асессор Борис Петрович Обухов и губернский секретарь Александр Александрович Шишков; от Николаевского — уездный предводитель дворянства поручик Владимир Николаевич Осоргин и отставной капитан Дмитрий Александрович Семенов (затем его заменил Андрей Сергеевич Карпов); от Новоузенского — коллежский секретарь Александр Дмитриевич Лазарев.

Поскольку губернские комитеты должны были руководствоваться принципами, изложенными в рескриптах 1858 г., правительство назначило своих представителей на правах непререкаемых их членов. В Самаре были направлены коллежский секретарь Николай Лаврентьевич Муханов и отставной коллежский советник Юрий Федорович Самарин.

Дворянский род Самариных был издавна и тесно связан с этим краем, как и землевладельцы Самарины известны со времен Ивана Грозного. Первая запись в хозяйственном архиве Самариных о земельном дарении Троицке-Сергиеву монастырю относятся к 1553 г.¹² В Поволжье к ним отошла часть обширного владения боярина Ф.А.Головина¹³. Эти земли составили два имения — в Самарском и Сызранском уездах. Первое после образования Самарской губернии оказалось в ее составе. В него входили с.Спаское и прилегающие к нему сельца. Самаринами принадлежали 542 двора с 2114 д.м.п. (крестьяне) и 61 д.м.п. (дворяне). Имение было довольно крупным: в пользовании крестьян (все — на барщине) было 18 928,5 дес. — по 8,95 дес. на душу, причем крестьянские земли были разбиты на четыре поля. В Сызранском уезде Симбирской губернии Самарины владели (вместе с Пустошкиными) с. Вязовка и д. Озерки. Здесь на 93 двора (322 д.м.п.) приходилось 3183 дес. удобной земли, или 9,88 дес. на душу¹⁴.

Ю.Ф. Самарин родился в 1819 г. в семье придворных вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Отец его, Федор Васильевич, имел чин шталмейстера и пользовался особым расположением царствующего дома, о чем свидетельствует тот факт, что воспитателями его первенца Юрия были сама Мария Федоровна и ее сын император Александр I. Как многие отпрыски богатых и родовитых дворянских семей, Ю. Самарин окончил курс в Московском университете по философскому факультету, после чего выступил на магистерском диспуте с диссертацией о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче.

Поступив на службу, Самарин прошел путь, схожий с началом карьеры Грота: секретарь I Департамента сената, делопроизводитель комиссии МВД в Риге по делам городского управления. После опрометчивых “Писем из Риги”, в которых Самарин нелестно отзывался о прибалтийских немцах и предлагал правительству использовать дружественные России силы латышей и эстов, против него было начато судебное преследование, закончившееся 10-дневным заключением в крепость. Император Николай I вызвал к себе молодого патриота и лично убедился в его благонамеренности, после чего Самарин служил некоторое время в канцелярии киевского генерал-губернатора Бибикова, а в 1853 г. вышел в отставку и поселился в деревне. Вскоре он стал одним из наиболее ярких публицистов славянофильского лагеря. Его сочинение об освобождении крестьян в Пруссии в то время опубликовал журнал “Сельское благоустройство”. Формально причиной отставки была, вероятно, смерть отца и необходимость заняться обширным и разветвленным хозяйством в имениях, но осведомленные современники писали потом, что Ю.Ф. Самарин был сослан “по козням врагов освобождения крестьян” в Самару и отдан там “под надзор губернатора”¹⁵. Для только что вступившего в должность К.К. Грота это была

сушая находка. Он тотчас же сблизился с опальным публицистом и привлек его к разработке крестьянского вопроса во вверенной ему губернии. Так судьба свела в Самаре двух выдающихся деятелей эпохи освобождения крестьян, что превратило губернию и дворянский комитет, образованный здесь, в явления общероссийского значения. Под влиянием Самарина губернатор Грот, по мнению П.П. Семенова-Тян-Шанского, “сделался едва ли не лучшим исполнителем царской воли из всех губернаторов империи”¹⁶.

Самарский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян приступил к регулярным занятиям 26 сентября 1858 г. Его состав был воспринят Самариным с энтузиазмом: по его словам, по крайней мере половина членов комитета придерживалась освобождения с достаточным наделом земли¹⁷. Вскоре, однако, ему пришлось испытать разочарование. Уже первое заседание показало, что комитет распадается на две неравные партии — сторонников либеральных условий освобождения и так называемых ярых крепостников. Ю.Ф. Самарин возглавил либеральное меньшинство. С большинством комитета он столкнулся уже при обсуждении регламента (устава). Самарин настоял на том, чтобы все возражения и особые мнения представлялись в письменном виде и приобщались к журналу заседаний, благодаря чему мы имеем теперь возможность ознакомиться с этими важными документами в архиве¹⁸.

Борьба вокруг проекта реформы в Самарском комитете обострилась до крайности. Вокруг Самарина сплотились лидеры либерального меньшинства — А.А. Шишков и Д.Н. Рычков. С последним у Самарина установились особенно теплые отношения. На заседаниях имели место бурные сцены, участники прений переходили на брань и угрозы, были подчас несдержаны, вплоть до потасовок. В связи с обсуждением важнейшего вопроса о повинностях Шелашников обвинил Самарина в стеснении помещиков¹⁹. Самарин исходил из убеждения в том, что нельзя допустить ухудшения жизни крестьян: “Нам предстоит улучшить быт крестьян настолько, насколько это возможно без разорения помещиков”²⁰. Поэтому он отвергал “принцип ренты” при составлении проекта закона о барщине и оброке, доказывал, что “улучшение хозяйственного быта крестьян предполагает непременно жертвование со стороны помещиков, а именно: облегчение в повинностях и преимущественно в обязательной работе или барщине. При этом, разумеется, само собою, что делая уступку в повинностях, помещики должны сделать ее чистосердечно, без задней мысли вознаградить себя”²¹.

Возмущенные оппоненты Самарина призвали на помощь своих сторонников из уездов. Самарин обзавелся телохранителями, несколько дней не решался выходить из дому, носил в кармане револьвер. Наконец, последовали вызовы на дуэль. Друзья Самарина заявили, что тоже будут драться с его обидчиками²². Усмирять разбушевавшийся комитет приезжал Оренбургский генерал-губернатор Н. Катенин. Некоторые его члены были вынуждены извиниться, остальные дали слово не доводить дело до столкновений. Дуэль не состоялась, но споры продолжались на всем протяжении занятий комитета.

Долгое время отечественная историография исходила из ленинской оценки фракционной борьбы в помещичьей среде как исключительно борьбы из-за меры и формы уступок крестьянству²³. Оценка эта не лишена оснований, но не отражает всех нюансов ожесточенной полемики тех лет, а потому неизбежно обедняет историческую реальность, загоняет ее в жесткие рамки социологической схемы. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что принципиально вопрос о необходимости освобождения от крепостной, т.е. личной, зависимости вообще не вызвал дискуссий. Считать это следствием страха дворянства перед крестьянским движением было бы большим преувеличением, ибо не наблюдалось серьезного подъема этого движения накануне реформы. Масса крестьянского люда затаила дыхание, впитывая слухи о близкой воле, и все пристальнее всматривалась в своих господ. Местные “сельские хозяева” неизбежно были консервативнее тех, кто вращался вблизи правительства, испытывая пиетет перед модными идеями, привыкая мыслить общегосударственными масштабами. В провинции практичнее смотрели на жизнь. Безоговорочно приняв необходимость выполнить царскую волю, местные помещики в своих губернских комитетах вскоре почувствовали, что за всем этим последует коренная ломка уклада жизни. Это страшило, вызывало протест, порождало резкие столкновения.

В Самарском комитете ожесточенным оказался спор Ю. Самарина с И. Рычковым о праве помещика переводить дворовых в крестьянское состояние. Самарин указывал на пагубность такого перевода, ибо между крестьянами и дворовыми разверзлась пропасть взаимного отчуждения и даже вражды: “Дворовые вообще презируют крестьян и почти всегда готовы служить орудиями помещичьего произвола, а крестьяне не терпят дворовых и называют их дармоедами и белоручками...”, к тому же “нельзя в двадцать четыре часа камердинера, умеющего только чистить сапоги и подавать трубку, для которого сертук или фрак с барского плеча, чай по утрам и вечерам сделались потребностью, повернуть в пахаря”²⁴. Рычков же считал дворовых вполне готовыми к крестьянствованию, так как многие из них владели усадьбами и огородами. Дворовые, по его мнению, “не только не возбуждают к себе ненависти в крестьянах и не были орудиями помещичьего произвола, а напротив, всегда пользовались и будут пользоваться полным доверием и уважением крестьян, которые привыкли при всех случаях обращаться за советами к дворовым людям...”²⁵ Рычков стремился доказать, что “большая часть помещичьей дворни создавалась не по прихоти помещиков, а по необходимости в хозяйстве”. Посему дворовые, взятые в свое время от сохи, будут хорошими крестьянами. Однако факты, приведенные Самариным, свидетельствовали об обратном: по самым точным справкам, в его имении за 50 лет только два человека из дворовых взяли себе жен из деревень и только один крестьянин женил своего сына на дворовой девушке, причем последний брак оказался несчастным, женщина не смогла привыкнуть к крестьянскому быту, и дело едва не дошло до убийства. Опыт добровольного перехода дворовых в крестьянство в самаринском имении также дал плачевные результаты. Если

отвлечься от конкретно-политических и экономических разногласий, стоящих за этим спором, возникает общий вопрос — о способности к хозяйствованию на земле людей, далеких от крестьянского образа жизни. Наиболее разумные из наших предков отвечали на этот вопрос отрицательно.

Споры вокруг экономических вопросов освобождения крестьян (размер надела, сумма выкупа, условия индивидуального выкупа надельной земли и т.п.) отразили боязнь их участников допустить как урон помещицкому хозяйству, так и “язву пролетариата” в среде крестьян. Поэтому была поддержана мысль Самарина о преимуществах пообщинного выкупа перед индивидуальным, хотя и осознавалась опасность “корпоративного духа” общины, способной противопоставить себя помещику. Консерваторы считали, что за общиной нужен глаз да глаз. “Что такое мир? — восклицал их лидер И. Рычков. — Несамостоятельная толпа, управляемая небольшим количеством влиятельных лиц богатых или буйных, и не только существующая надзором помещика, но даже понуждаемая к радению о собственном хозяйстве. Откажись помещик от этой толпы и предоставь ее самой себе, через два или три года она будет нищая, пьяная и, конечно, не только не будет иметь никакой возможности уплачивать помещику оброк, но едва ли уплатит государственные подати”²⁶. Либералы славянофильского толка видели в общине один из основных устоев жизни народа и одновременно лучшую форму обеспечения его хозяйственной будущности, гарантирующую своевременное внесение выкупа за землю.

Основному принципу реформы, как его понимали прогрессивные реформаторы, должно было соответствовать и наделение крестьян землей. “Для разрешения вопроса, какое именно количество десятин может обеспечить крестьянам в различных местностях губернии (средства к существованию и к уплате податей), самое лучшее основание представляет тот порядок вещей, который существует теперь в большей части помещичьих имений”²⁷, — считал Самарин. Тот же принцип лежал в основе его предложения, вызвавшего удивление даже у консервативных оппонентов кажущейся жестокостью — обеспечить взыскание возможной оброчной недоимки продажей рекрутских квитанций. Но прежде чем обвинить автора предложения в поддержке торговли людьми²⁸, следует вспомнить, что продажа рекрутской квитанции была предложена взамен конфискации крестьянской земли в пользу помещика. К тому же Самарин наверняка имел сведения о грядущей военной реформе и отмене рекрутской системы, так как вел активную переписку с членами от правительства других губернских комитетов, в том числе с видным реформатором князем В.А. Черкасским (Тула) и общественным деятелем А.И. Кошелевым (Рязань). В конце декабря 1858 г. состоялась их встреча.

Разногласия в Самарском комитете были существенными и привели к составлению двух разных проектов реформы. В деталях они мало отличались друг от друга (6 или 7 полос, на которые следовало поделить губернию для определения размера надела, 23 или 25 рублей с десятины в качестве выкупной суммы и т.п.). Но большинство (во главе

с И.Рычковым) и меньшинство (во главе с Ю. Самариным) по-разному смотрели на пореформенную судьбу самарской деревни. Первые ставили в центр аграрных отношений помещика, чье хозяйство представлялось им стержнем всего аграрного развития, а роль крестьянского двора считали сугубо вспомогательной. Вторые допускали самостоятельное хозяйственное значение крестьянина наряду с помещиком, т.е. по сути были сторонниками биполярного аграрного строя. И при всех экивоках правительства (особенно после смерти руководителя Редакционных комиссий Я.И. Ростовцева) в сторону первых, победителями все же следует считать вторых, в решающий момент поддержанных императором Александром Освободителем. 4 декабря 1858 г. правительство приняло новую программу, направленную на создание общерусского проекта. 16 мая 1859 г. Самарина отозвали в столицу, где ему была предложена роль эксперта Редакционных комиссий. Ему не пришлось быть очевидцем объявления воли в своем имении, но именно из-под его пера вышел первоначальный текст Манифеста 19 февраля, правленный затем митрополитом Филаретом.

Напряжение усиливалось. 4 марта 1861 г. газета “Самарские губернские ведомости” не выдержала и сообщила: “Мы теперь живем в такую эпоху: вся Россия ждет с нетерпением вести о крестьянском деле. Мы со своей стороны поспешили осведомиться о настоящем положении крестьянского вопроса и узнали из достоверного источника, что это многозначительное для всей России дело приводится к окончанию. На это важное народное дело потребовались продолжительные ежедневные обсуждения в высших государственных установлениях. Обсуждения эти приближаются к концу и можно надеяться, что в седьмой год царствования Александра II, в предстоящие дни молитвы и поста свершится давно ожидаемое народное событие”²⁹.

10 марта 1861 г. в восьмом часу утра в Самару прибыл флигель-адъютант Его Величества будущий знаменитый генерал И.В. Гурко, имевший при себе текст Всемиловейшего Манифеста. В тот же день на улицах и площадях были расклеены объявления о предстоящей завтра церемонии чтения Манифеста и благодарственного молебна во всех храмах города. В субботу 11 марта колокола Вознесенского собора торжественным благовестом возвестили жителям Самары о великом событии. Храм был полон народу: “Народ и дворяне, граждане и чиновники находились уже во храме, служащее сословие, явившееся в мундирных кафтанах, на этот раз представляло не тот официальный элемент, который напоминает о своем присутствии в обычные торжественные дни... Прочтен Манифест, внимательно всеми выслушанный, и тотчас началась благодарственная молитва Господу за Императора Александра II и за успех великого дела”³⁰. Редакция губернских ведомостей сообщила подписчикам, что она временно прекращает печатание неофициальной части газеты, так как сотрудники и вся газетная площадь будут заняты публикацией документов реформы³¹. Началась самая грандиозная со времен Петра Великого эпоха преобразований.

Весть о воле пошла гулять по губернии. Со священным трепетом встречали мужики курьеров с текстом Манифеста и Положений, охот-

но сопровождали их в неблизких поездках. Что слышали крестьяне с амвонов сельских храмов?

“Божием провидением и священным законом престолонаследия быв призваны на прародительский всероссийский престол, в соответствие сему призванию мы положили в сердце своем обет обнимать нашу царскую любовь всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечом на защиту Отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохой или плугом...”

“Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян, причем дворянам предлагало ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования не без уменьшения своих выгод. И доверие наше оправдалось... дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных людей... крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей... Помещики... предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадьбную их оседлость и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред правительством, определенное в положениях количество полевой земли и других угодий... крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными... С приобретением в собственность определенного количества земли крестьяне освобождаются от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников. Полагаемся на здравый смысл нашего народа... по закону христианскому *всякая душа должна повиноваться властям предержащим* (Рим. XIII, I), *воздавать всем должное*, и в особенности кому должно, *урок, дань, страх, честь* (7)... Было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие соответствующей повинности... С надеждою ожидаем, что крепостные люди при открывающейся для них новой будущности поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное благородным дворянством для улучшения их быта... Осени себя крестным знамением, православный народ, призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного”³².

Далее следовало чтение Положений. Первые же слова Общего положения приводили неискушенную в юридических тонкостях, но крепкую в защите своих интересов крестьянскую аудиторию в замешательство:

“Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда... Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют в постоянное пользование крестьян” земельный надел, от чего возникают “*обязательные поземельные отношения*” (мало чем отличающиеся от барщины и оброка). Избавиться от них крестьянин мог, либо

заплатив выкуп за землю, либо отказавшись от надела, либо переходом в другие сословия.

Да в чем же воля? В чем улучшение крестьянского быта? В добровольном отказе от одного? От такой страшной мысли рука сама тянулась совершить крестное знамение: свят, свят, чур меня!

Дальше вроде опять хорошо сказано: Крестьяне получают право “производить свободную торговлю”, “отлучаться от места жительства”, “поступать на службу”, “приобретать в собственность недвижимые и движимые имущества” и т.д. Но главное — земля. Замысловатая выкупная операция не волнует пока так, как земля: сколько, какая, где? Вместе с другими великорусскими губерниями Самарская в составе Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Самарского, Ставропольского и северной части Николаевского уездов была отнесена ко второй (черноземной) полосе, где в зависимости от местности устанавливался высший надел на душу от 2 дес. 1800 кв.саж. до 6 дес. В третьей (степной) полосе, куда были отнесены Новоузенский и часть Николаевского уездов, вводился указной надел для каждой из пяти местностей. Если во второй полосе размер надела колебался от низшего до высшего (низший составлял одну треть высшего), то указной надел степной полосы был фиксированным от 6 дес. в первой местности до 12 дес. — в пятой. По добровольному соглашению помещика и крестьянина надел мог быть определен в одну четверть от высшего — так называемый дарственный надел. С момента выхода на “дар” всякая зависимость крестьянина от помещика прерывалась. Дореформенные наделы зачастую были меньше установленного максимального уровня, а поскольку помещик обязан был прирезать земли лишь в том случае, когда наделы не достигали минимума, то фактически крестьяне лишались прирезки.

В 1857 г. началась подготовка реформы удельной деревни. После четырех лет строго засекреченных работ 5 марта 1861 г. вышел царский указ, но еще три года продолжалось обсуждение способов наделения земель и организации ее выкупа. Нельзя было ставить удельных крестьян в худшие, по сравнению с владельческими, условия. К тому же польское восстание 1863 г. вынудило правительство провести там принцип обязательного выкупа. Наконец, решили оставить без изменений дореформенный надел, а в случае, если он не достигал максимума, делать прирезку из фонда запасной земли. Излишки, оказавшиеся у многих, было решено оставить крестьянам во временное пользование на 20 лет — “за существующую повинность”. 26 июня 1863 г. император утвердил “Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых, удельных”³³. Оно предусматривало: обязательный выкуп земли крестьянами, никаких добровольных соглашений с земельным собственником (как в помещичьей деревне) — повсюду обязательные и точно установленные нормы выкупа, никаких денежных доплат Уделу, дарственных наделов и т.п. Удельное ведомство учло таким образом все минусы Положений 19 февраля, приведшие к отказам помещичьих крестьян подписывать уставные грамоты, выходить на выкуп, требованиям дарственного надела. Последний казался

настолько привлекательным, что и удельные крестьяне требовали предоставить им 6 дес. дарственного надела. Так, крестьяне деревень Каменки и Малой Таволожки Николаевского уезда отказались платить выкупные платежи, ссылаясь на неурожай. На их просьбы о дарственном наделе пришел отказ, ибо по указу 5 марта “дар” им не полагался³⁴. Подобные просьбы поступали от крестьян сел Крестовые Городищи, Кайбель, Хрящевка, Красный Яр Ставропольского уезда и в 70-е годы, но все они остались без удовлетворения³⁵.

Удельная реформа предусматривалась в два этапа: в течение двух лет — введение уставных грамот (выкупных актов); затем — разверстание земель и отвод наделов. Как оказалось в ходе реализации реформы, реальный надел удельных крестьян существенно превышал установленную законом высшую норму практически во всех уездах, в Ставропольском — почти вдвое, в Новоузенском — и того более (реальный надел составлял 22 дес., а высший указной — 10³⁶). Крестьяне осознали очевидные невыгоды реформы и сопротивлялись введению уставных грамот. К декабрю 1864 г. по всей губернии их было введено лишь 68%, а реформа растянулась на десятилетия.

Последним аккордом в преобразовании быта крестьян была реформа государственной деревни. Указ 5 марта 1861 г. содержал поручение Министерству госимуществ разработать правила применения Положений 19 февраля 1861 г. к государственным крестьянам³⁷. Известный историк государственной деревни Н.М. Дружинин считал этот шаг правительства вынужденным, ибо различия в правах крестьян могли вызвать недовольство³⁸. Разработка соответствующего законопроекта была задержана ожесточенными спорами в Главном комитете — об устройстве сельских состояний и в Государственном совете — о юридической природе землевладения государственных крестьян. Проект министра М.Н. Муравьева встретил возражения со стороны министра Двора В.Ф. Адлерберга. Александр II утвердил мнение большинства Государственного совета, считавшего землю собственностью казны. Созданная комиссия под руководством сенатора Гана выработала общее и два местных положения, а также положение о выкупе на основе капитализации оброка из 5%, с рассрочкой платежей от 10 до 49 лет. 18 января 1866 г. царь утвердил передачу государственных крестьян в ведение уже развернутых повсюду губернских по крестьянским делам присутствий. Теперь все разряды крестьян были уравнены в управлении. Дело это завершилось к началу ноября 1866 г. В ходе его крестьяне нередко выражали благодарность чиновникам Министерства госимуществ за заботу и попечение об их нуждах. Такие благодарственные приговоры поступили в министерство от 12 волостей Бузулукского уезда³⁹.

24 ноября 1866 г. реформа государственной деревни вступила в новую фазу. Утвержден закон “О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях”⁴⁰. Все земли (кроме лесов), состоявшие в пользовании крестьянских обществ, передавались им во владение, но не свыше 8 дес. в малоземельных губерниях и 15 — в многоземельных. Каждой общине выдавалась владенная запись, после чего никаких при-

резок на прибылые души не могло быть. Крестьяне должны были платить оброчную подать и лесной налог (если в состав надела входил лес). Получить землю в полную собственность и полностью освободиться от оброчной подати можно было единовременным взносом капитализированного оброка. Выдача владенных записей в Самарской губернии затянулась до начала 80-х годов. Оброчная подать здесь составляла 3 руб. 84 коп. с души. Крестьяне получили 33 тыс. дес. леса, размеры душевых наделов колебались от 7,2 до 15,9 дес. В южных уездах, как более многоземельных наделы были более значительными⁴¹. Таким образом, в государственной деревне, в отличие от удельной, был реализован принцип крестьянской собственности, включавший лишь владение и пользование землей.

Эпоха реформ охватила все общественное здание России. На первое место по значимости для провинции должна быть поставлена земская реформа. Самарское общество имело отношение к предыстории этого славного дела благодаря записке Ю.Ф. Самарина и Л.Б. Тургенева в комиссию, руководимую министром внутренних дел П.А. Валуевым. В ней весьма осторожно излагались возможные основания земских учреждений, которые мыслились как сословные уездные и губернские собрания в присутствии правительственных комиссаров с правом протеста. Споры в Валуевской комиссии затянулись, что вызвало раздражение императора. В ноябре 1863 г. он жестко потребовал, чтобы “дело это непременно было окончено до 1 января 1864 г.”⁴²

По предложению от 12 июня 1864 г. в Самаре был создан Временный губернский комитет, начавший подготовительную работу по созданию земских органов. В его состав входили губернатор Н.П. Мансуров (председатель), губернский предводитель дворянства Б.П. Обухов, вице-губернатор С.П. Ушаков, председатель казенной палаты Н.А. Нащокин, управляющий палатой государственных имуществ И.И. Сумароков, управляющий удельной конторой П.А. Рихтер, члены губернского по крестьянским делам присутствия А.И. Сосновский и В.К. Луцкий, губернский прокурор Д.С. Синеоков-Андреевский, самарский уездный предводитель дворянства В.И. Чарыков, исправляющий дела городского головы купец Е.Н. Шихобалов. Выборы гласных показали, что земский устав не вызвал воодушевления у местных дворян. На выборы их явилось лишь 17,4%, даже у горожан и духовенства показатель был существенно выше — соответственно 24,7 и 38,3%⁴³. “Устав о земских собраниях произвел самый ничтожный эффект”⁴⁴, — писал из Самары Д.Н. Рычков сыну. Друг и соратник Ю.Ф. Самарина по словесным баталиям в дворянском комитете сожалел об упадке роли дворянства в связи с земским законодательством. Реакция большинства помещиков на идею этого всесословного института была, вероятно, еще более негативной.

Иначе отнеслись к делу крестьяне. Они с воодушевлением восприняли идею выборов своих представителей, хотя зачастую не понимали самого замысла правительства. Характерен в этом отношении диалог, помещенный в местной газете. Крестьянин-участник земских выборов восхищается обстановкой выборов, наплывом народа. Не сумев отве-

тить на вопрос, для какой цели выбраны гласные, он тем не менее с надеждой заключил: “А вот и хорошо, что мы избрали людей все хороших и умных. Да как вы выбирали людей хороших и умных, когда не знали кого и куда выбираете? Да так, на всякий случай, думали, что авось и пригодится”⁴⁵. Процент явившихся на выборы крестьян оказался наивысшим — 78,1, более того, на их долю приходилось 213 гласных из 401 губернии, что составило 54,6%. Дворянских же представителей было 103, или 25,8%. В интересах последних были внесены коррективы в размер имущественного ценза: в Ставропольском уезде, где преобладали средние и мелкие имения, он был понижен с 350 до 250 дес., а в Новоузенском, с его крупными крестьянско-купеческими запашками, повышен до 650 дес.⁴⁶ Тем не менее Новоузенское земство оказалось самым неуправляемым из земств Самарской губернии.

Учредительное земское губернское собрание открылось 28 февраля 1865 г. в 14 часов в обширном зале дома Шелашникова на углу улиц Казанской и Воскресенской. По сообщению очевидца, “Стечение народа было огромное. По наружности собрание не отличалось официальным видом. Все были в будничных костюмах и только председатель собрания был неизменно во фраке”⁴⁷. Сословный состав собрания был следующим: дворян 38 (55%), крестьян — 17 (25%), купцов — 7 (10,5%), священников — 4 (6%), колонистов — 2 (3%), чиновников — 1 (1%). Вступительную речь произнес губернатор: “По приведению в действие Положения о земских учреждениях Самарская губерния, как и во многих, впрочем, делах, опередила прочие губернии. Вам выпал славный жребий начать великое дело, все взоры обращены на Самару... я горжусь вместе с вами, что сего числа открываю первое губернское земское собрание в Империи”. Он объявил собрание открытым. Председательствовал губернский предводитель дворянства. Архимандрит Серапион отслужил благодарственный молебен, благословил собравшихся иконой Знамения Божьей Матери и произнес напутственное слово. Затем была принята присяга гласных и началась работа.

На первом заседании прозвучало взволнованное выступление гласного от Самарского уезда А.А. Шишкова о тревожном положении с народным продовольствием. К тому времени Шишков уже был известен своей гневной запиской в Самарское уездное собрание, где он уличал председателя собрания В.И. Чарыкова и губернатора в стремлении навязать свою волю собранию.

Первая сессия продлилась до 14 марта. В ходе ее прозвучали почти все вопросы, составившие затем стержень деятельности земства. В Очерке земского хозяйства, написанном Б.П. Обуховым (к сожалению, утраченном), была дана максимально полная и объективная оценка положения: “Мы становимся хозяевами своего добра, но вступаем в наши владения с таким чувством, с каким богатый наследник входит в свое запущенное наследие. Все кругом ветхо, все требует обновления”⁴⁸.

Были затронуты вопросы о народном образовании и здравии, земском губернском банке и его уездных отделениях, сберегательных кассах для крестьян, об общественном призрении, ветеринарии, о натуральных повинностях и обложении, заслушаны записки Шишкова о со-

здании специальной школы для учителей и о воскресных школах, священника Грекулова — о народном образовании и о борьбе с пьянством, доктора Укке — о необходимости участковой медицины, института повивальных бабок и оспопрививания. Специально слушался вопрос о статистике. Было решено собрать сведения о числе школ и учителей, о ходе народного образования и материальных нуждах инородных школ, о разных имуществах губернии. Таким образом, самарская земская статистика, признанная лучшей в России, начиналась со школьной и оценочной.

Исполнительным органом стала губернская земская управа. Ее председателем был избран Л.Б. Тургенев (Обухов отказался, несмотря на долгие уговоры). Членами первого состава управы стали Н.П. Янишевский, М.М. Наумов, А.И. Сосновский, Ф.Ф. Микулин, М.Н. Осыко, Н.Д. Щеткин. На баллотировку было выдвинуто несколько крестьян, но они, за исключением Осыко, отказались “за неспособностью”.

Ход земской реформы в Самаре был в центре внимания правительства, ибо это был первый опыт). Б.П. Обухов направил телеграмму министру внутренних дел: “Могу удостоверить, что Самарская губерния оправдала доверие Вашего Высокопревосходительства при назначении ее ранее прочих для выполнения воли государя императора”. Министр с облегчением начертил на бланке телеграммы: “Слава Богу”⁴⁹.

Первое земское собрание состоялось 28 декабря 1865 г. Губернатором к этому времени был уже Б.П. Обухов, а председателем губернского собрания, после отказа исправлявшего должность губернского председателя дворянства В.И. Чарыкова, был назначен по высочайшему повелению Ю.Ф. Самарин. Так оба автора записки в Валуевскую комиссию заняли ключевые должности в Самарском земстве. Блестящий публицист, великолепный оратор и энергичный руководитель, Ю.Ф. Самарин оставил яркий след в истории самарского земства, о чем с благодарностью писал позднее не менее достойный продолжатель его дела П.В. Алабин.

С крестьянской реформой неразрывно была связана задача преобразования судебной системы. Помещичье право вотчинной полиции отходило в область предания, старая судебная система, перегруженная бумажной волокитой, разъеденная коррупцией, нуждалась в немедленной реформе. Поэтому работы в этом направлении начались одновременно с подготовкой отмены крепостного права. Первой ласточкой грядущей судебной реформы стало введение в 1860 г. должности судебного следователя. Инициатором этой меры был статс-секретарь Государственного совета С.И. Зарудный, специально командированный в Европу для изучения законодательства и практики Запада. Он же руководил и комиссией по выработке новых судебных уставов, утвержденных императором 20 ноября 1864 г.

В Самаре новый суд появился спустя шесть лет. По предложению министра юстиции Государственный совет постановил ввести уставы от 20 ноября 1864 г. в округе Казанской судебной палаты, в который вошли следующие губернии: Казанская, Симбирская и Самарская (без Новоузенского уезда, который в 1870 г. был отнесен к округу Саратов-

ской судебной палаты вместе с Саратовской, Пензенской и Тамбовской губерниями⁵⁰). Это означало, что упразднялась должность губернского прокурора и прекращалось ее финансирование.

25 ноября 1870 г. в первом часу пополудни состоялось торжественное открытие самарского окружного суда. В присутствии губернатора и высших чиновников, представителей сословий, земства и публики документы об открытии суда, указ и приказы о назначениях зачитал старший председатель Казанской судебной палаты, тайный советник и сенатор князь М.Н. Шаховской. Он выступил с речью, затем судебские чиновники принесли присягу и отстояли благодарственный молебен, который служил (ввиду болезни Преосвященного Герасима) архимандрит Владимир. Торжество проходило в здании окружного суда, которое, по описанию современника, “как по наружному его виду, так и по внутреннему расположению, производит самое приятное впечатление. Зал уголовного отделения, бывший местом собрания публики, достаточно обширен, сух и хорошо освещен большими и частыми одно от другого окнами... В залы суда ведут широкие каменные лестницы с обширными площадками... По месту положения здание окружного суда занимает центр самой населенной части города, выходя главным фасадом на лучшую в городе площадь”⁵¹. В четыре часа пополудни в зале Дворянского дома был дан обед по подписке с участием дворян, купцов, чиновников. В качестве почетных гостей были князь М.Н. Шаховской, председатель нового суда Н.М. Окулов, первый прокурор новой формации А.А. Головинский и др. Звучали заздравные тосты государю императору и всей августейшей семье, несколько раз по требованию собравшихся исполнялся государственный гимн.

Новый суд вызвал живейший интерес в местном обществе. На процессы ходили, как на спектакли. Особенно привлекали яркие речи адвокатов — присяжных поверенных, впервые публично заговоривших о сложном внутреннем мире человека, о личностных мотивах преступающих закон, о долге перед обществом и т.п. Первая коллегия присяжных поверенных включала десять человек: М.М. Шошин, Л.Н. Яценко, П.А. Павловский, Е.А. Тимрот, В.С. Мамышев, В.Н. Марков, Л.О. Косинский, В.Д. Колпаков, Н.И. Каменский, С.И. Богословский.

Первое публичное разбирательство с присяжными заседателями состоялось 9 февраля 1871 г. Это было дело временноотпускного рядового К.А. Субботина, преданного суду за проживание с чужим видом на жительство. Вердикт присяжных по главному вопросу был оправдательным, по второстепенному — обвинительным, но со снисхождением по обстоятельствам дела. Наказание подсудимому было назначено в 4 месяца тюремного заключения либо 40 ударов розгами⁵². В первый состав суда присяжных входили представители всех сословий: крестьяне М.Я. Анисимов, Г.Т. Скороходов, Ф.М. Суворов, мещане А.Ф. Кротков, Е.М. Овсянников, Н.П. Добромыслов, купец В.М. Грошев, коллежский регистратор А.А. Розов, коллежский секретарь П.К. Попов, коллежские советники М.С. Муратов и И.С. Меридиев, действительный статский советник П.А. Рихтер. После краткого наставления священника, присяжные произнесли вслед за ним следующие слова: “Обещаю

и клянусь всемогущим Богом пред святым Его Евангелием и Животворящем Крестом в том, что по делу, по которому я избран присяжным заседателем, приложу всю силу разумения моего к тщательному рассмотрению как обстоятельств, уличающих подсудимого, так и обстоятельств, его оправдывающих, и подам решительный голос согласно с тем, что увижу и услышу на суде, по сущей правде и убеждению моей совести, не оправдывая виновного и не осуждая невинного, памятуя, что я во всем этом должен дать ответ пред законом и пред Богом на страшном Суде Его. В удостоверение сего целую Слово и Крест Спасителя моего. Аминь". Затем, поцеловав крест, добавили: "Клянусь". П.А. Рихтер, как лютеранин, произносил присягу вслед за председателем по тому же тексту⁵³.

Председатель суда Н.М. Окулов, разъясняя права и обязанности присяжных, объявил им: "Вы первые избранники народа, люди земства. Власть суда есть власть немаловажная. Она передана вам державною властью и составляет собственно власть царя. Вы являете собою не самих себя, в вас сосредоточилась власть всех; будучи частью народа, вы принесли сюда его совесть, его убеждение и сотворите суд его именем... Все, что вы ни скажете, только бы нисходило оно из вашей совести, будет гласом народа, гласом Божиим. Ваш приговор есть народное правосудие"⁵⁴. В просторном зале, вмещавшем не менее 200 человек, каждое слово звучало весомо, было исполнено особого смысла и значения.

В речи защитника М.М. Шошина звучал знаменательный поворот. Он указал самарским присяжным на Англию, родоначальницу суда присяжных, чье уголовное право содержит постановления "прежнего времени, которые несогласны с требованиями современного общественного мнения страны". Английские присяжные, как представители общественной совести, не решаются "произнести обвинительного вердикта в том случае, когда законные последствия этого приговора не согласны с требованиями современного понятия о справедливости". Шошин пожелал самарским присяжным усвоить "указанный обычай" и был совершенно прав, ибо для русского суда проблема "авгиевых конюшен" законодательства была еще острее: действовали даже некоторые нормы Соборного уложения 1649 г. После систематизации русского права, проведенной графом М.М. Сперанским, по словам замечательного русского юриста А.Ф. Кони, "бессвязное собрание самых разновременных постановлений, механически сливших воедино Уложение царя Алексея Михайловича, указы Петра, и, как выразился в 1835 г. Государственный совет, "виды правительства", обнародованные в 1784, 1796, 1823 годах"⁵⁵.

Важные перемены произошли в городском самоуправлении. До начала 70-х годов XIX в. оно строилось на основе "Жалованной грамоты городам" Екатерины II. В 40-е годы началась подготовительная работа по преобразованию этой сферы местного управления. В апреле 1870 г. Государственный совет на заседании департаментов Законов, Государственной экономики, Гражданских и Духовных дел рассмотрел окончательный вариант Городового положения. 16 июня 1870 г. оно

было подписано императором. Городская дума обретала всесословный характер. Гласные избирались по трем куриям — по 24 человека от каждой. Право голоса было ограничено имущественным цензом, который определялся по оценочному сбору с недвижимых имуществ. Основная масса избирателей в Самаре составила третью курию — 2625 человек. В первой курии были крупнейшие купеческие фамилии, состоятельные владельцы недвижимости — 88 человек, однако они избирали равное с третьей курией число гласных. В целом же избирательные права получили всего 9%-самарцев⁵⁶. Активность избирателей также была невысока — в 1871 г. она достигла всего 7,4%, в других городах империи — подчас 50% и более⁵⁷.

Открытие Городской думы состоялось 3 февраля 1871 г. В Дом самарского городского общества собрались гласные для выборов на городские должности. Перед открытием был отслужен благодарственный молебен, и гласные были приведены к присяге в соответствии со статьей 96 Городового положения 1870 г. С речью к собравшимся обратился начальник губернии, который “выразил уверенность, что избрание в должности городского общественного управления падет на лиц, вполне отвечающих требуемым для этого условиям по нравственному и беспристрастному сознанию избирателей”⁵⁸. Председательствовал купец I гильдии Василий Ефимович Буреев. Ему предстояло стать и первым Городским головой Самары. В члены городской управы прошли по большинству голосов купец II гильдии Василий Павлович Горинев, потомственный почетный гражданин (замещавший городского голову в его отсутствии) Федор Дмитриевич Шеткин, коллежский асессор Николай Иванович Эссен, мещанин Сергей Трофимович Колпаков⁵⁹.

Городская управа занималась вопросами транспорта, освещения, отопления, канализации, мощением улиц, набережных, тротуаров, сооружением мостов, заведовала школьным, медицинским, благотворительными делами, регулировала порядок торговли, городского кредита, сбор необходимых для Думы сведений об имущественном положении подведомственных ей отраслей хозяйства. Городской голова сочетал в своей компетенции распорядительные и исполнительные функции. По росписи штата управы на 1873 г. в нем состояли: архитектор, землемер и два чертежника в техническом отделении, бухгалтер и два писца в денежном отделении, три столоначальника, семь писцов, регистратор, экзекутор и пять рассыльных — в хозяйственном⁶⁰.

Управа сосредоточила в своих руках всю хозяйственную часть города. Она инициировала многие постановления думы, в том числе и обязательные. Примером таких постановлений могут служить разрешение на поливку дворов и улиц только с 10 часов утра до 3 часов полудни⁶¹, предписание (1890) “в предупреждение несчастных случаев от беспорядочной езды по городу” ездить только по правой стороне мостовой, а движение на верблюдах прекращать после 7 часов утра⁶², о порядке торговли тушами свиней, отправляемых в другие города и в столицы (1887), о запрещении торговли сеном и дровами за пределами Полицейской площади (1890), о запрещении торговли спиртными на-

питками в праздники и выходные дни⁶³. Санитарного состояния города касались постановления о содержании помойных ям и отхожих мест, о хранении скоропортящихся продуктов, о противоэпидемических мерах. Регулировалось движение обозов с хлебом, запрещалось выпускать на улицу свиней, в целях укрепления общественной нравственности не разрешались в трактирах игры в домино, бикс и горку. Много внимания уделялось благоустройству города. Домохозяева обязывались содержать и ремонтировать мостовые перед своими домами, устраивать сточные каналы, нумеровать дома и т.п.

Эпоха великих реформ внесла в жизнь города и края значительное оживление. Оно проявилось во всем — в хозяйственно-экономическом росте городов и крупных торгово-промышленных селений, в мобильности представителей всех сословий. Но самым значительным был переворот духовный: освобождение и обретение гражданских прав огромными массами людей привели к ломке прежних стереотипов мышления и поведения, переоценке привычной системы ценностей. За переворотом обычно следует своеобразный и сложный период, в течение которого общество обретает новый уклад жизни, стабильность. В России он оказался затяжным и особенно мучительным из-за альтернативных тенденций, пронизывавших все сферы общественного бытия и общественного сознания.

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

Важнейшим процессом пореформенной деревни было становление крестьянского хозяйства как самостоятельного экономического организма, субъекта аграрных отношений. Этому предшествовала непростая история расщепления старого вотчинного хозяйства (помещичье-го, удельного, казенного).

Хозяйственное обособление крестьян разных разрядов проходило в различных условиях и с неодинаковым результатом, но суть была одна — стужа крепостничества, сковывавшая жизненные силы народа, отступила. Взору образованного общества предстали незнакомые прежде черты народной жизни. Вот когда стал понятен и не вызывал более скептической усмешки призыв великого Пушкина: “Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступки и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна”⁶⁴.

Разграничение помещичьих и крестьянских земельных владений должно было завершиться подписанием уставной грамоты. Не обошлось без столкновений. Крестьяне пережили форменное потрясение, узнав, что земля, на которой трудились не только они сами, но и их предки, принадлежит вовсе не им и ее нужно выкупать у барина. Разыгались драматические события из-за массового несогласия признать несправедливые условия. Самарский губернатор А.А. Арцимович в докладе министру внутренних дел был откровенен: Народ вынес из церкви впечатление, что надежды его не сбылись. Он ожидал полной чистой воли и впридачу бесплатного отвода земли, которую, по словам крестья-

ян, они успели выслужить долговременным отбыванием повинности. С этой надеждой народ расставался так неохотно, что он сперва готов был допустить обман или подлог, чем мысль отказаться от любимой мечты”⁶⁵.

Крестьяне отнеслись с недоверием ко всем толкователям Манифеста и Положений 19 февраля, убеждавшим их в необходимости выполнять прежние повинности в пользу помещика и готовиться к выкупу земли, так как считали их речи обманом, а документы, которыми те потрясали — подложными. Так, крестьяне вотчины графа Воронцова-Дашкова (д. Грачи и Озинки Николаевского уезда, 1362 души) заявили на сходе, что “будто бы в городах читали манифест, чтобы помещиков не слушаться и на работы не выходить, а потому прямо становому приставу объявили, что на работу не выйдут и не выйдут и даже не взяли... экземпляры манифеста, считая его заложным”⁶⁶. Сюда прибыли предводитель дворянства уезда, а также флигель-адъютант Гурко, которые вынуждены были признать, что “урочное положение барщины до такой степени тяжело, что нет никакой физической возможности крестьянам выполнять его”⁶⁷. За 1861 г. в губернии произошло 54 случая “неповиновения и самоуправства” крестьян, из них 44 состояли в отказе выполнять барщинные и оброчные повинности и принимать уставную грамоту⁶⁸. В Бугурусланском уезде подобные события произошли у помещика Каракозова в с. Нестеровка, у Дурасова в с. Степная Дурасовка, у Жемчужниковых в д. Георгиевке, у Мордвиновой в д. Кисловке, а в д. Дмитриевка, Натальино, Исакове, Никольское и Жердино — столкновения с земской полицией, и администрация вынуждена была ввести сюда войска. Ставропольский уезд прославился на всю округу отказом 200 крестьян с. Никольского признать Манифест и Положения.

Как ответ на навязываемые уставные грамоты, в ноябре 1861 г. последовали требования “дарственного надела”. Одними из первых к такому требованию прибегли крестьяне помещика Нагаткина в с. Старое Нагаткино Бугурусланского уезда⁶⁹. В дальнейшем такая форма реакции крестьян на реформу стала массовой.

В связи с отделением крестьянского хозяйства от помещичьего стоит вопрос и об отрезках. Поволжские помещики в нашей литературе традиционно считаются алчными, доказательством служат самые высокие в России проценты отрезков от дореформенного крестьянского надела. Недавно было внесено существенное уточнение в понимание данного вопроса. Установлено, что в общей массе отрезков большая доля принадлежит потерям дарственников. Если отвлечься от дарственных сделок, заключавшихся добровольно и часто по требованию самих крестьян, то потери от собственно отрезков выглядят значительно скромнее: В Симбирской губернии в целом — 11,4%, а по Сызранскому уезду — 8,7%; в Самарской губернии было отрезано по уставным грамотам 70 367 дес. (31,8%), по выкупным актам без участия правительства 18 469 дес. (8,3%), а по дарственным сделкам — 132 625 дес., — 59,9% от всего уменьшения наделного землепользования⁷⁰. Реформационные отрезки составили здесь не 41,3%, а 13,1%. Если включить

сюда сделки, заключенные без участия правительства, то эта цифра вырастет до 16,6%.

Таким образом, следует признать справедливой высокую оценку деятельности Редакционных комиссий, не пошедших на поводу у губернских дворянских комитетов и отстаивавших минимальный уровень отрезков. Но были ли дарственные сделки нечаянной радостью для помещиков? Видимо, нет. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, один из видных деятелей Редакционных комиссий, вспоминал позже, что дворянские депутаты, участвовавшие в совещаниях Редакционных комиссий, в частных беседах говорили о своих особых надеждах на введение дарственного надела: “Дальновидные помещики многоземельных имений юго-восточной России (Самарской, Оренбургской, Саратовской и Воронежской губерний) были убеждены, что крестьяне их неминуемо попадут в эту ловушку... Само собой разумеется, что крестьяне не могли предвидеть того, что помещики, землями которых они были окружены со всех сторон, с каждым годом будут повышать земельную плату за отдаваемую ими землю и доведут ее до недоступных размеров, как это и случилось впоследствии”⁷¹.

Земля казалась крестьянам вполне доступной из-за дешевизны и количества. Для них важнее было поскорее освободиться от ненавистных пут крепостничества: “Хоть с крестом на шее да на волю! А там, где арендой, где покупкой у казны — даст Бог, авось и поднимусь”, — вот самое распространенное среди крестьян настроение. Но реальность оказалась жестокой. В 1881 г. правительственная комиссия установила плачевное положение селений, вышедших на дарственный надел.

Общая картина по прошествии 20 лет после реформы в помещичьей деревне губернии была такова.

В Самарском уезде состояло 65 общин с 8869 рев. душами и средним наделом 4,8 дес. на душу, из них 8 общин и 244 души на оброке и издельной повинности и одно общество с 205 рев. душами только на издельной (т.е. отработочной); остальные — на оброке. За 20 лет резко увеличилось наличное население (на 34%), и надел не превышал уже 3,6 дес. на душу. Крестьяне вынуждены были арендовать к своим надельным 42 100 дес. еще 28 691 дес., из которых 11,5 тыс. дес. — пахотная земля, по 7 руб. за дес., что требовало выплаты 200 тыс. руб. Выкупные платежи достигали 6 руб. 67 коп. с души, или 1 руб. 38 коп. с дес. Такое положение было признано еще сносным, ибо недоимки не превышали 23% годового оклада. Здесь не было и окончательно расстроившихся в хозяйственном отношении селений⁷².

В Бугульминском уезде средний надел на ревизскую душу составлял 5 дес. Вследствие прироста населения на 28% он уменьшился до 3,9 дес. Крестьяне владели здесь 20 700 дес. надельной земли, и арендовали еще 11,7 тыс. дес. по средней цене около 3,5 руб. за дес., выкупной платеж — 7 руб. 8 коп. с душевого участка, или 1 руб. 41 коп. с дес. Недоимки были огромными — 294% годового оклада. В особенно тяжелом положении оказались селения Екатериновка Александровской волости, Павловка Борисоглебской, Чемодуровка и Ивановка Микулин-

ской, Софьевка Мордовско-Кармальной, Верхне-Троицкое, Чирково и Акшуат Сумароковской, Боровка Сходневской, Никольское Тимяшевской волостей.

В Бугурусланском уезде в 66 общинах бывших помещичьих крестьян числилось 9884 рев. души со средним наделом в 4,6 дес. Прирост населения составил 11,5%, что сократило надел до 4,1 дес. К своим 45 733 дес. крестьяне арендовали еще 24 300 дес. по 3 руб. за дес., выплачивая до 73 тыс. руб. ежегодно. Выкупная сумма за душевой участок — 6 руб. 53 коп., т.е. 1 руб. 42 коп. с дес. Уездное земство пришло к выводу, что за два пореформенных десятилетия в расстроенное состояние пришло более половины сельских обществ бывших помещичьих крестьян. В некоторых волостях (Троицкой, Знаменской) недоимки по выкупным платежам превысили 5-7 годовых окладов. Лишь Подбельская волость была свободна от недоимок. Саврушинское общество Стюхинской волости вынуждено было вообще отказаться от надела из-за непригодности почвы.

В Бузулукском уезде было 62 общины бывших помещичьих крестьян с населением 5972 рев. души, из них 5 общин оставались на временнообязанном положении с издельной повинностью. Средний надел здесь был определен в 5,2 дес. на душу. Из-за прироста населения на 69% надел сократился до 3,1 дес. на душу. К 31 100 дес. наделовой земли арендовалось еще 23 тыс. по 3 руб. за дес., что обходилось в 69 тыс. руб. Недоимки здесь были невысоки — 160% годового оклада. Местная земская управа отметила также 17 селений, пришедших в упадок. Так, в Алексеевском обществе Булгаковской волости надел составлял только 2 дес. на рев. душу, в Павловском наделы крестьян были отделены узкой полосой помещичьей земли, что закрыло им доступ к воде. Самым бедным было Борисовское общество, так как до реформы помещик специально отобрал бедняков из своих деревень и поселил их здесь. Надел Богдановского общества выглядел как бесплодная пустыня из-за песчаной почвы.

В Николаевском уезде средний душевой надел составлял 5,5 дес. Числилось 47 селений с 8329 душами дарственников, получивших около 1,7 дес. на душу. Население в бывших помещичьих селениях выросло на 32%, а надел понизился до 4,2 дес. на душу. Здесь крестьяне владели 25 700 дес. и арендовывали еще 22 650 дес. по 4,5 руб. У дарственников надел достигал 13 832 дес., а аренда — 50 тыс. дес. Выкупная сумма с душевого надела была 6 руб. 84 коп., или 1 руб. 23 коп. с дес. Недоимки достигали 197%. Всего селений, состоявших на выкупе и оброке, было 42, а крестьян — 4659 рев. души.

В Новоузенском уезде было 19 общин бывших помещичьих крестьян с 1779 рев. душами, из них 3 общества с 316 рев. душами находились на оброке, остальные перешли на выкуп. Средний душевой надел составлял 7,5 дес., а после роста населения на 34% — 5,6 дес. К 13 388 дес. наделовой земли арендовывалось 6550 дес. по цене около 5,5 руб., что обходилось крестьянам в 36 тыс. руб., выкупные платежи по уезду — 6 руб. 59 коп. на душу, или 88 коп. за дес., недоимки — 127% к годовому окладу. Земская управа внесла в реестр селений с расстроенным

хозяйством 19 селений. Кроме того, в ее отчете говорилось о 10 обществах, получивших дарственный надел. Земство предлагало дополнительно наделить этих крестьян землей из казенного фонда, как это было сделано для дарственников Николаевского уезда, получивших земли в Оренбургской губернии.

В Ставропольском уезде средний надел бывших владельческих крестьян составлял 3,8 дес. Население за 20 лет приросло на 35%, надел сократился до 2,8 дес. Всего крестьяне получили в надел 48 800 дес. и арендовали 33 200 дес. по 4,5 руб. за дес. Выкупные платежи достигали 6 руб. 77 коп. на душу, или 1 руб. 78 коп. с дес. Недоимки превышали 111% годового оклада. Земская управа не указала селений, находившихся в упадке, но на основе расчетов доходно-расходной части хозяйства крестьянской семьи пришла к заключению о несоответствии доходности и ценности семейного крестьянского надела с лежащим на нем платежом, особенно у тех крестьян, экономическое положение которых оценивалось ниже среднего.

Таким образом, после болезненного разграничения земель с помещиком, крестьянское хозяйство не рухнуло, однако состояние его нельзя было назвать процветающим. В большинстве уездов губернии существовали селения и целые волости, где оно так и не смогло встать на ноги. Земская комиссия приводит разнообразные причины этого: ежегодные переделы земли между семействами внутри общины, из-за чего крестьяне не вносили удобрений; неурожаи и падежи скота; распространение кабаков, которые крестьяне допускали на общинную территорию в расчете на получение от кабатчика денег для уплаты недоимки. В Николаевском уезде было отмечено: “1) отсутствие мелкого кредита, породившего кулачество и ростовщичество; 2) отсутствие правильного общинного хозяйства (вследствие обращения старост в агентов полиции); 3) расшатавшийся строй крестьянского самоуправления, подчиненного лицам, вовсе не заинтересованным в крестьянском благосостоянии”. Далее Управа указывала, что “обеднение крестьян-собственников произошло от слишком высокой оценки земли для выкупа, а упадок временнообязанных — именно от этих временнообязанных отношений к помещику, наконец, бедственное положение крестьян, получивших даровые наделы, от недостаточности этих наделов”⁷³. В Новоузенском уезде отмечались “недоброкачественность наделов, конокрадство, развитое в высшей степени в пограничной с киргизами местности, безлесие, вынуждающее покупать лесной материал по дорогой цене, высокая арендная плата за землю, высокие цены на рабочих”⁷⁴. Наконец, большинство крестьян с момента первых взносов в счет выкупной суммы страдало от безденежья, кризиса наличных средств. Во имя получения их в ближайшее время крестьяне шли в кабалу за самую умеренную плату, выданную вперед. Ростовщики под верный залог брали от 12 до 24% в год, на этом наживались многие управляющие имениями, местные барышники, лавочники, шинкари.

Значительно легче происходило разграничение с крестьянами у Удельного ведомства и казны. Хозяйство удельных и государственных

крестьян и до реформы представляло собой самостоятельный экономический организм. Землепользование удельных крестьян сократилось по губернии с 917 085 дес., или 7,7 дес. на душу, до 802 293 дес., или 6,8 дес. на душу, т.е. на 12,5%⁷⁵. Имевшая место чересполосность с удельными землями заставляла крестьян арендовать у Удела клочки, не представлявшие ценности. Со второй половины 70-х годов характер аренды меняется. Прежде снимались отрезанные земли, как бы восстанавливалось привычное дореформенное хозяйство, поэтому аренда носила в большей степени потребительский характер. Теперь площадь арендованных земель увеличивается, и хозяйства извлекают из них предпринимательскую выгоду. Так, в 1883 г. в Самарском уезде на каждое крестьянское общество приходилось в среднем 702 дес. арендованной земли⁷⁶.

В ходе реформы в 1863 г. в собственности Удела остались богатейшие лесные пространства края. Раньше крестьяне свободно распоряжались здесь валежником, кустарником, иногда и строевым лесом. Теперь все это нужно было арендовать даже в тех уездах, где леса было много. Так, в Ставропольском уезде во владении 77 обществ был лишь мелкий кустарник из раkitника, тальника, “чалыжника” по лугам и болотам, осинника, березника, орешника и дубняка по оврагам и берегам речек⁷⁷. Из-за лесопользования то и дело возникали столкновения с удельной администрацией, лесными смотрителями и сторожами. За самовольную пастьбу скота в лесах Удела крестьяне подвергались штрафу. Сведения о мздоимстве лесной стражи дошли до Департамента, что вызвало грозный циркуляр о необходимости в каждом случае составлять акт о самовольных порубках леса и т.п. нарушениях. Виновные крестьяне должны были в первый раз уплатить двойную цену срубленного леса, во второй — тройную и подвергнуться аресту до 3 месяцев, а в третий раз — двойному штрафу и полугодовому содержанию в замке⁷⁸.

В 80-х годах XIX в. соотношение наделной и арендованной земель в хозяйствах удельных крестьян губернии было следующим (в расчете на двор, дес.)⁷⁹:

<i>Уезд</i>	<i>Надел</i>	<i>Аренда</i>
Самарский	13,2	8,8
Ставропольский	13,1	5,6
Бугульминский	13,5	8,0
Бугурусланский	11,4	10,9
Бузулукский	14,7	17,0
Николаевский	11,3	14,5
Новоузенский	17,5	82,5
<i>По губернии</i>	13,1	10,9

Удельная деревня вышла из эпохи реформ вполне жизнеспособной. Об этом свидетельствуют и данные о душевых наделах: хозяйства с душевым наделом до 2 дес. составляли здесь в 1877 г. 0,2% и им при-

надлежало 0,02% общей площади надельных земель, с наделом от 2 до 5 дес. — соответственно 16,7 и 10,8%, с наделом более 5 дес. — 85 и 89,1%⁸⁰. В то же время у бывших крепостных крестьян хозяйства с наделом до 2 дес. на душу достигали 38,2%, от 2 до 5 дес. — 49,6%, более 5 дес. — лишь 12,2%.

Землевладение государственных крестьян в ходе реформы в 1866 г. сократилось с 4 190 648 дес. удобной земли и леса (данные 1858 г.) до 3 927 372 дес. (по итогам введения владенных записей)⁸¹. Отрезки составили 6,3%. Намного легче в отличие от двух рассмотренных категорий крестьян, были повинности: оброчная повинность на 1868 г. в среднем по губернии была всего 33 коп., самая высокая в Николаевском уезде — 84 коп., самая низкая — в Бугульминском (15,5 коп.)⁸². Кроме того, крестьяне платили лесной налог, земские и мирские сборы, страховые платежи и др.

Государственная деревня была самой многочисленной в губернии. В ней, как и повсюду, преобладал общинный душевой тип землевладения и землепользования, но в двух северных уездах — Самарском и Ставропольском, имелся ряд общин, владевших землей на подворно-семейной основе. Здесь же было представлено так называемое четвертное и лично-подворное землевладение. Семейно-участковое хозяйство было лучше обеспечено землей, чем общинно-душевое: соответственно 10,3 и 6,8 дес. на душу в Самарском уезде и 9,5 и 6,3 дес. — в Ставропольском. В Ставропольском уезде существовало много хозяйств на четвертном праве, уровень землевладения в них был выше даже семейно-участкового — 13,7 дес. на душу⁸³.

В государственной деревне, как и в других, было отменено дополнительное наделение землей на прибылые мужские души, поэтому рост населения неизбежно вел к сокращению душевого надела. Число государственных крестьян в губернии увеличивалось (особенно в Самарском и Николаевском уездах) вследствие переселений, за 1858-1878 гг. оно выросло на 25%.

Часть государственных крестьян попала в этот разряд из крепостного состояния в связи с передачей в казну имений мелкопоместных дворян. Их земельные наделы были начислены по нормам Положения 19 февраля 1861 г., они должны были выплачивать долги бывших владельцев перед казной и кредиторами. Отчаявшись, крестьяне д. Богдановки Бузулукского уезда обратились в 1871 г. с ходатайством о сложении с них недоимки по долгам бывшего хозяина, но получили отказ. Более того, их долг даже вырос, так как обнаружились неплатежи с долговой суммы, начисленной еще в 1849 г., когда имение было выкуплено в казну⁸⁴. Как видим, государственная деревня была многолика. Основную массу здесь составляли достаточно обеспеченные реформой 1866 г. крестьяне, но были категории лишь номинально отнесенные к этому разряду, а по реальному положению приближающиеся к бывшим помещичьим крестьянам.

Недостаток надельной земли для ведения самостоятельного хозяйства государственные крестьяне также восполняли арендой. Они имели для этого более благоприятные возможности огромного резервного

фонда казны. Земельная аренда в пересчете на двор (в дес.) в 80-х годах XIX в. по уездам выглядела следующим образом⁸⁵:

<i>Уезд</i>	<i>Надел</i>	<i>Аренда</i>
Самарский	20,1	5,2
Ставропольский	16,0	6,7
Бугульминский	15,3	6,4
Бугурусланский	20,1	9,6
Бузулукский	24,2	10,0
Николаевский	23,5	7,3
Новоузенский	29,0	73,0
<i>По губернии</i>	22,3	11,8

Данные о размерах душевых наделов усиливают впечатление прочности хозяйства государственных крестьян: наделом до 2 дес. обладало лишь 0,2% душ (0,02%) земли, от 2 до 5 дес. — 1,3% (0,48%), наделами более 5 дес. — 98,5% (99,5%)⁸⁶.

Важным резервом развития крестьянского хозяйства была полученная, наконец, возможность покупать земли в личную собственность. Самые ранние сведения о земельных покупках крестьян относятся к 1872 г. В пяти уездах (без Самарского и Ставропольского) у государственных крестьян было 140 384 дес., или 71,9 дес. на душу: у удельных соответственно 12 400 и 105 дес.: у помещичьих — 14 483 и 97,8 дес., в среднем по всем разрядам — 167 267 и 75,4 дес. За пять последующих лет две последние цифры возросли до 358 890 и 144,8 дес. Дальнейший рост частного землевладения самарских крестьян устанавливается по двум переписям — 1877 и 1905 гг.⁸⁷:

<i>Уезд</i>	<i>Имена</i>	<i>Дес.</i>
Самарский	161	22 091
Ставропольский	253	18 873
Бугульминский	147	26329
Бугурусланский	445	39 843
Бузулукский	1279	165 331
Николаевский	458	143 523
Новоузенский	306	387 063
<i>По губернии</i>	3049	803 053

Средний размер частного землевладения в 1905 г. составлял 263,4 дес. Крупные земельные владения чаще встречались у бывших государственных крестьян. Известны целые семейные кланы: в 1872 г. в с. Максимовка Максимовской волости Бузулукского уезда крестьяне

Фунтиковы (5 хозяев) имели 733 дес., Мамонтовы (7 хозяев) — 4840 дес. Жоголевы (6 хозяев) — 3266 дес., Новосельцев — 837 дес., Астафуров — 339 дес. В с. Утевка крупными собственниками были бывшие крепостные: из 24 домохозяев 15 имели менее 100 дес., 4 — от 100 до 200, 3 — от 200 до 1000, а 2 владели имениями свыше 1000 дес.⁸⁸

Общее впечатление благополучия все же обманчиво, ибо среди крестьян были не только малоземельные, но и совершенно безземельные. Таковых к середине 80-х годов XIX в. насчитывалось по губернии 59 226 душ обоего пола (21 606 дворов). Кроме того, без земли были 21 556 душ мещан (3719 дворов), которые на самом деле были из крепостных. Они жили в местах своей прежней оседлости и занимались земледелием на арендованной земле. Безземельные составляли 3,8% сельского населения. Наконец, 453 917 дес., или 6,3% всей наделной земли, было заложено, либо сдано за долги, составившие в середине 80-х годов 6 415 517 руб. недоимок по платежам и 1 170 932 руб. долгов ростовщикам⁸⁹.

Общее увеличение крестьянского землевладения за первое пореформенное 20-летие (1863–1882) составило лишь 200 100 дес., т.е. 3,2%, а в среднем на ревизскую душу 0,2 дес. Из последних сил за землю держались беднейшие крестьяне. С начала деятельности местного отделения Крестьянского поземельного банка и вплоть до его реорганизации в 1895 г. основными клиентами его посреднических операций в купле-продаже земли были беднейшие крестьяне. Самое первое заявление было сделано Барско-Селянским сельским обществом (92 домохозяина), совершенно не имевшим полевой земли, а лишь усадьбную. В первые два года (1885–1887) заявителями оказались исключительно крестьяне-дарственники с размерами владений не свыше 1,25 дес. на душу. Вплоть до конца столетия среди клиентов банка преобладали бывшие помещицы крестьяне⁹⁰.

К середине 80-х годов XIX в. завершался болезненный процесс освобождения крестьянского хозяйства от феодальной скорлупы. С отменой с 1883 г. временнообязанного состояния пали последние юридические оковы, на которых держалось внеэкономическое принуждение. Самарское крестьянство вышло из великих потрясений аграрной реформы в массе своей хозяйственно дееспособным. Для его быстрого подъема и процветания необходимы были две вещи — широкая свобода в увеличении землевладения и землепользования и благоприятная налоговая политика правительства. Однако таких условий не было создано. Для покупки земли нужны были деньги, но они почти все уходили на уплату выкупных платежей, различных налогов и повинностей. Разбогатеть в таких условиях внутри общины можно было лишь путем откровенного ограбления своих соседей. Потому немногочисленная состоятельная верхушка деревни наделялась (особенно в бедных, малоземельных общинах) весьма неприятными для нее эпитетами: кулаки, мироеды и т.п. Богатство вызывало ненависть и обостренное чувство несправедливости существующего порядка вещей. В таких условиях чрезвычайно важное значение приобретали фундаментальные ценности традиционного крестьянского уклада, практически не затронутого реформой.

Крестьянский мир имел в своем распоряжении вполне реальную форму организации такого уклада — общину. Она, действительно, вмещала в себя все крестьянское мироздание, а за ее пределами раскинувшись “весь свет”. Реформы в деревне даже укрепили это мироощущение крестьян разных разрядов, ибо их правовое положение было в значительной мере унифицировано. Все насущные дела решал сельский сход, межобщинные трения устранялись на волостном сходе. Главными фигурами на селе были староста и волостной старшина. Новые судебные уставы лишь скользнули по поверхности жизни громадного большинства населения губернии. Стоявшие ближе других к общине мировой посредник и мировой судья так и остались силой чуждой, не говоря уже о полиции и появившихся позднее земских начальниках. Все это было “начальство”, появление которого связывалось в сознании крестьян с новыми поборами, притеснениями. Выколачивание выкупных платежей и повинностей, карантинные зверства в годы эпидемий и эпизоотий лишь усилили у крестьян твердое неприятие всего, что исходило от “начальства”. Как бы ни убеждали их заезжие чиновники, что та или иная мера проводится для их же, крестьян, пользы, сход либо молчал, либо охотно поддакивал, смекая тем временем, как бы лучше свалить новый груз. Поэтому между общиной и властью сложился негласный уговор, по которому “начальство” не вмешивалось во внутриобщинные дела, а общество принимало на себя фискальные функции, и во имя сохранения автономии бывало нередко жестоким по отношению к своим членам. Это обстоятельство породило обвинения общины в ее полицейском характере, что было несправедливо.

Самым важным событием в жизни общины являлся передел земли. Чаще всего это были частичные переделы, связанные с выходом из общества. Поскольку малый надел не оправдывал себя и доход с него не покрывал расхода, участилось бегство с земли, вызвавшее “свалку-навалку” душ, частые жеребьевки. Передел принимал порой тяжелые формы внутренней борьбы в общине за уравнительное землепользование. Иногда споры длились годами, вызывая тяжбу на сходе, жалобы в волость и даже побоища, убийства и поджоги. В ожидании передела домохозяева прекращали унавоживание земли, корчевку пней, и т.п. Опасную напряженность создавал конфликт между заревизским поколением крестьян (т.е. родившимся и выросшим после последней ревизии) и “державцами” наделов. Рубежом стала середина 80-х годов, когда первым удалось, наконец, добиться своего, и деревню захлестнула волна переделов, охватившая не только приволжский, но и центрально-черноземный район⁹¹.

Велика была роль общины в формировании взгляда крестьян на преступление и наказание. Основой его, по свидетельству современников, была степень вреда благосостоянию народа. Поэтому преступления, касающиеся личной собственности и безопасности, считались более тяжкими, нежели те, которые касались общественной собственности и безопасности. Русские крестьяне северных уездов считали преступлением и грехом святотатство, поджог, умышленное убийство, кражу и грабеж; в то же время уклонение от воинской повинности,

стрельба дичи в запрещенное время — не преступление и не грех, а проступок, покушение же на самоубийство, пьянство и развратная жизнь — грехи. Кража леса из казенной дачи не считалась даже проступком. По сообщению современника, “народ смотрит на казенный лес как бы на свою собственность, принадлежащую всем вместе и каждому в отдельности, и потому иногда приходится встречать такие суждения, из которых видно недоумение в отношении запрета пользоваться казенным лесом с полною свободою”⁹².

Особую ненависть вызывали у крестьян конокрады — каштаны, ибо делом их рук было подчас окончательное разорение целой семьи. Наказания были жестокими и вершились самосудом. Здесь были свои правила. Обязательным считалось обсуждение преступления на сходе, при этом правом голоса пользовались все семейные крестьяне 35-40-летнего возраста, не замеченные ни в чем предосудительном. Таковых набиралось 8-10 человек во главе с сельским старостой или волостным старшиной. В случае отсутствия последних в председатели схода призывался опытный и авторитетнейший старик, слово которого считалось окончательным и безапелляционным. Решение о наказании принималось тайно и проводилось в жизнь немедленно. Известны случаи, когда по решению схода конокрады подвергались мучительному истязанию: одному из них были вбиты под ногти рук и ног деревянные шпильки; другому крупному вору народ порешил вбить в голову железный гвоздь, и он был вбит. Особенно страшной была казнь группы воров из пяти человек: их сначала высекли плетью, потом посадили в наполненную дымом баню, но не добились признания: наконец, ввернули им в голову через уши прядильные веретена, что привело к гибели подозреваемых⁹³.

Неоправданную жестокость порождали всякого рода предрассудки. Так, не считалось за преступление убийство колдуна или колдуньи (ведуньи): в случае появления повальных болезней иногда производилось тайное опаживание селения, при этом если кто-либо случайно узнавал тайну либо попадался в момент совершения таинства, его следовало убить (зарыть в землю живьем) и т.п.

К плотским преступлениям отношение у народов, населяющих губернию, было различным. Блуд и прелюбодеяние и связанное с ним изгнание плода и детоубийство были весьма распространенным явлением у всех, кроме татар и черемис (марийцев): у них разврат и прелюбодеяние считались тяжким грехом и потому названные преступления, а также изнасилование, растление и сводничество были весьма редким явлением. Впрочем, и все остальные народы считали все это безобразием (т.е. не соответствующим образу Божьему), а, следовательно, грехом, в котором отчет возможен только перед Богом.

Фундаментальной ячейкой крестьянского уклада была семья. Благодаря этнографическим исследованиям Императорского Русского географического общества, опубликованным в 70-х годах XIX в., имеются довольно подробные сведения о внутреннем мире крестьянской семьи тех времен⁹⁴. Уже тогда наблюдатели отметили, что представление о чрезвычайной простоте семьи у русского населения, в отличие от

нерусских народов, не соответствует действительности. Семья, особенно большая, сохранявшая черты родового быта, представляла собой сложный организм. В ней насчитывалось иногда более 10 работников. По подворной описи 1867 г., в Бузулукском уезде было 195 семей, имевших в своем составе от 6 до 10 работников, в 8 семьях было более 10 работников. В Николаевском уезде таких семей было 194. Громадная семья Фортущных была известна в д. Раевке (крепостные переселенцы помещицы Раевской из Курской губернии). Возглавлял ее большак Михайла. Семья состояла из его женатых братьев, сыновей и внуков и владела участком в несколько сот десятин. Еще отец Михайлы, Иван, купил у помещицы 500 дес., к которым затем были присоединены новые приобретения⁹⁵. Большая семья представляла собой настоящую общину или артель, находившуюся под контролем большака и большухи. Связующей силой ее являлось кровное родство, а в хозяйстве преобладало трудовое начало. По нему и определялось имущественное право членов семьи. Кроме главы семьи, дееспособными были также взрослые работники, имевшие свои семьи.

Имущественная власть главы семьи была ограничена правом на пай других ее членов, поэтому завещания здесь не могло быть. В случае смерти большака сыновья его могли разделиться. В малой семье, которая уже преобладала в самарской деревне, завещание (духовная память) практиковалось и было признано волостным судом. Власть отца в малой семье была значительно сильнее, ибо являлась не только административной, но и имущественной. Однако и здесь были свои правила: отец мог привести в семью приемыша, пасынка или зятя-влазена, но они не могли претендовать на имущество и если что и получали, то только из милости. Наделить хорошего зятя-влазена правом имущественного представительства отец мог только при отсутствии собственного сына либо объявить (с согласия мира) родных сыновей беспутными. В иных случаях зять-влазень отходил от семьи "с одним крестом". Мальчик-сирота, оставшийся с матерью в семье отца, в случае своей женитьбы получал полный пай. Если же мать выходила вновь замуж, он отправлялся пасынком в чужую семью, а родня освобождалась от обязанности выдачи сироте пая его отца.

Ряд обычно-правовых устоев определял положение женщины, которой в малой семье жилось лучше: она свободнее распоряжалась имуществом. Своеобразие ее положения в семье определялось тем, что она не имела доли в имуществе, но зато обладала своим отдельным имуществом — коробьей. Это была ее привилегия. Она копила коробью всю свою жизнь на себя и детей, особенно на дочерей к замужеству. Коробья складывалась из побочных заработков (от продажи грибов, ягод, в малой семье — молочных скопов, яиц, птицы). Все женщины (бабы) получали из общего семейного запаса льняную, пеньковую или посконную нить, шерсть на одежду, обувь себе и семье. Эти выдачи были строго регламентированы с учетом состава семьи (муж, сыновья). Что сэкономила — в коробью. Большуха получала ровно с остальными. Ее преимущество заключалось в том, что она распоряжалась женской работой, "квашней и стряпней" и "не смотрела из чужих рук куска"⁹⁶.

Семейное достояние выдавалось только на мужскую часть, девушкам не выдавали ничего. На них мать выгадывала из своего да из части сыновей-подростков. В то же время девушки могли работать на себя (после общей работы, конечно) отправляясь в гульку — праздничную уборку хлеба по найму группами по 6-10 человек. Заработанное таким путем девушка откладывала в коробью, которая была неприкосновенна. Хозяин дома мог вскрыть ее лишь по подозрению в том, что в коробью уходит непомерное количество общесемейного достояния. Это был бы скандал. Вообще девушка в семье считалась “пустокормом”. В народе ходила поговорка: “Отца-мать кормлю — долг плачу, сыновей в люди вывожу — займы даю, дочь снабжаю — за окно (на ветер) бросаю”. Поэтому свадебные расходы брала на себя семья жениха: она получала работницу и должна была раскошелиться, в том числе и на выкуп коробьи — кладку. Кладка отличалась от калыма тем, что ею выкупалась не невеста, а ее коробья.

Женщине запрещалось выступать в главных имущественных действиях, например, в продаже хлеба, соломы и т.п. продуктов. В Тростянской волости Самарского уезда был случай, когда жена тайком от мужа продала хлеб и продешевила, так как у нее степенный хозяин за полную цену покупать не стал бы. Волостной суд по жалобе мужа взыскал с покупателя и продавщицы штраф в 50 коп.⁹⁷

Община вмешивалась в жизнь семьи лишь в том случае, когда намечался урон для общества. Тогда сход рядил и выносил свой приговор. К числу таких случаев относилась забота о сироте, которого слишком обделяли. Мир добивался выделения ему полного пая, так как из него мог выйти хороший работник, полезный член общины. Мир вступался за солдатку, которую пытались спровадить из семьи. Если она имела сына, то могла твердо рассчитывать на защиту схода.

Таким образом, крестьянская семья представляла собой замкнутый мир со своим твердым уставом, восходившим подчас к очень древним нормам обычного права. Внутри этого крестьянского микрокосма выстраивалась сложнейшая иерархия ценностей со многими оттенками в отношениях, непонятными для людей, взирающих на деревню со стороны.

После 1861 г. резко участились семейные разделы. Как правило, их инициаторами были молодые хозяйки. Раздел — это не то, что привычные выделы, отдели или отходы. Они не нарушали целостности хозяйства. Раздел означал, что из одного крепкого хозяйства возникали несколько маломощных. Сами крестьяне говорили: “Поделилися такой-то дом, ну и ослабели во всем, что скотиной, что в лошадях, что и хлебушком”⁹⁸. После падения власти помещика, тормозившего разделы, распад больших семей пошел так быстро, что к концу XIX в. трудно было встретить под одной крышей даже две семьи родных братьев. Однако парные семьи в одно тягло (муж-жена) в миниатюре воспроизводили традиционный уклад.

Внешне жизнь крестьянина была непритязательна и однообразна — целый летний день в поле. С ранней весны — сев ярового, от него до взметки паров под озимь — междупарье, и крестьянин норовит сходить

в извоз, дальше настает метка паров и покос, за ними уборка ржи, посев озимого, а тут и уборка ярового хлеба, возка снопов и ломка (вспашка) жнивья под будущий яровой посев. “Ясная осень и все первозимье тянется молотьба. Наступил первопутук по зимнику — снова в извоз. Шесть дней в неделю в избе грязно, белье не стирано, рваное платье. Лишь в праздник да на Христово воскресенье наденет он чистую рубаху, порты и онучи, новую сермягу или полушубок, обуется в сапоги или новые лапти, велит бабе обмыть лавку да почистить избу”.

Одежда русского крестьянина — посконная, реже холщевая рубаха, пояс из шерстяного шнурка, порты из синей полосатой набойки, онучи, лапти или сапоги, шапка или картуз; молодые парни щеголяли в красных кумачовых или цветных ситцевых рубахах, суконных, нанковых или верблюжьих чуйках (халатах) на опаш или в новых армяках, подпоясанных красным шерстяным кушаком, летом в суконных картузах, зимой — в серых барашковых шапках-крымках с суконным донцем.

Отправляясь в извоз зимой, мужик надевал обычно малахай (овчинная дубленая шапка), шерстяные онучи (состоятельные — валенки), на руки — шерстяные домашней вязки варежки, укрытые рукавицами из дубленой овчины.

Позже в праздничной одежде девок и баб наступают перемены. Примерно с 80-х годов XIX в. на смену еще широко распространенным сукманам (сарафан из выкрашенной в синий цвет шерсти или ярко-красного ситца) с передниками, перетягивавшими грудь посередине и потому портившими фигуру, пришли полумещанские одежды — платья с кофтами. Бабы отказались от древней кички и поверх повойника (шапочка со жгутом, приходившимся прямо над теменем) повязывали платок с узлом сзади, под косой. Девки же ходили либо вовсе без головного убора, распустив одну косу, схваченную шелковой лентой-косником, либо накидывали на голову платочек или косынку с узлом под подбородком. На ногах — чулки, лапти, коты или башмаки, летом — босиком.

Избяное зодчество почти не изменилось, разве что у бедных крестьян вход в избу обычно со двора, а у более состоятельных — иногда с улицы, через крыльцо с навесом. Материал — сосновые полубрусины (обычно тройник — трехсаженной длины), либо кругляк из чернолесья. Фундамент из бутового камня встречался в местах, где камень был удобен для ломки в геологических разломах, чаще дом ставился на стулья — мощные комлевые столбы. По основанию дома за специальным двойным плетнем делалась завалина, заполнявшаяся назьмом и старой соломой для сбережения тепла зимой, кроме того, обычно на зиму бабы “ухетывали” избу, т.е. обмазывали ее снаружи глиной.

Внутри русской избы было не столь чисто и опрятно, как у украинцев или тем более у немцев и молочан, воздух спертый и прогорклый, особенно зимой. В холода к тому же изба заполнялась приплодом — теленок, ягнята, поросята, нередко даже коровы. Убранство ограничивалось занавесками да подзорниками (у богатых — кружевные), нередко были лубочные картинки, вывезенные с базара. Чаще всего изображались великие полководцы, персонажи сказок и песен (иногда с текстом, весьма безграмотным), а также картины духовного содержания:

страшный суд и дьявол в виде огромного змея, разрисованного красными и зелеными полосами с надписью на каждой: “злоба”, “пьянство”, “блуд” и т.п. К концу века, впрочем, лубочная живопись стала исчезать из крестьянской избы. Непременно в каждом доме — кивот с образами, иконы, подчас весьма старинные, передававшиеся из рода в род.

В пореформенный период самарская деревня сохранила свое культурно-национальное и бытовое многоцветие, продолжался приток населения. Самарское Заволжье обладало самым крупным в регионе положительным миграционным балансом. По данным всеобщей переписи населения 1897 г., число неместных уроженцев в Самарской губернии составило 244 974 человек⁹⁹. Из отдаленных губерний больше всего крестьян дали Тамбовская, Нижегородская, Курская, Яранская и Владимирская, из соседних — Симбирская, Саратовская, Пензенская и Казанская. По уездам число неместных уроженцев было наибольшим в Новоузенском, т.е. на самом юге губернии (64 463), и Самарском (60 571), в остальных существенно меньше: в Николаевском — 42 459, в Бузулукском — 35 072, Бугурусланском — 17 235, Ставропольском — 14 157, Бугульминском — 11 017 человек¹⁰⁰. В результате этнодемографическая картина к концу XIX в. выглядела следующим образом: русских — 64,5%, мордвы — 8,7%, немцев — 8,2%, татар — 6,0%, украинцев — 4,3%, чувашей — 3,3%¹⁰¹.

После русских самым многочисленным народом были мордва и немцы. Мордовский крестьянский быт весьма близок к русскому, но были и особенности, в основном сохранявшиеся в одежде. Мужчины носили белую холщовую рубаху (понар) с синей оторочкой по косому вороту и вышивкой (красной) по подолу, холщовые набойчатые порты, на голове большую часть года — баранью шапку (часто с прорванным верхом), на ногах — лапти. Сапоги хранились как заветная вещь и надевались по большим праздникам или на свадьбу. Зимняя одежда та же, что и у русских (полушубок, тулуп, армяк домашнего сукна).

Одежда мордовских женщин была более разнообразна: рубаха-понар вышита по всем швам, груди и подолу. Она делалась с открытой грудью и стягивалась большим медным или железным кольцом с пряжкой. Поверх понара — шушпан (узкий халат), расшитый по всем швам красной шерстью и гарусом с блестками и мишурой, передник с кружевами и прошивками, на талии пояс с подвешенными к нему мелкими вещичками, а сверху — красный шерстяной кушак. На голове — шалыган, под который убирались волосы. Девушки и молодухи (урьва) заплетали волосы в одну косу с узенькой ленточкой и кистью красных шерстяных ниток с блестками на конце. Летом и зимой они ходили с открытой головой, а если покрывались платком, то непременно красным. Среди мордовских женщин был распространен обычай нюхать табак или курить из трубки махорку. Они проявляли большую склонность к украшениям — носили огромные медные или оловянные серьги, массу таких же колец на пальцах; бусы, стеклярус, нанизанные на шнурок раковинки до девяти рядов, отягощали шею, ниспадая на грудь, и на каждом из них непременно крест или мелкая монета.

Этническая пестрота подчеркивала еще более многоликость кре-

стьянского уклада, но в сущности своей он был единым у всех народов, внесших свой вклад в сельскохозяйственное освоение края. Духовным стержнем его было особое отношение к земле, сильнее всего выраженное в русском: “Земля — Божья”. Здесь чрезвычайно важно заметить, что в понимании русского крестьянина земля именно Божья (а не просто ничья), она сотворена Господом для всех людей, для всего народа. Она дана для того, чтобы человек трудом своим праведным добывал хлеб свой. В этом коренится глубочайшее отличие крестьянского чувства хозяина — хозяина-труженика. Оно отличалось от примитивно-буржуазного чувства хозяина-собственника. То, что крестьянин был ярым собственником, не подлежит сомнению. В то же время, в его отношении к земле было много такого, что не укладывалось в буржуазный стереотип. Совершенно прав русский философ Н.А. Бердяев, в своем утверждении, что “никогда русское царство не было буржуазным”. В душе русского крестьянина как бы сходились две бездны — бездна прошедшего, в котором начиналось крестьянствование, и бездна будущего в его отдаленном, эсхатологическом значении, пока будет исполняться сказанное: “В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из коей ты взят” (Быт. 3. 19). Древняя идея “Земля — Божья” объясняет и благоговейное, молитвенное отношение к земле-матушке. Это чувство многократно усиливалось сознанием огромного труда, вложенного в нее поколениями отцов и дедов. Именно на этой благоприятнейшей почве труда и молитвы взращивалось крестьянское чувство — чувство истинного хозяина земли, хозяина-труженика.

Исследования традиционных норм поведения и форм общения крестьян (помочи и побратимство, братчины и хороводы, посиделки и колядование)¹⁰² свидетельствуют, что жизнь деревни была неизмеримо богаче любой самой совершенной социологической схемы. Каждое крестьянское селение представляло собой целостный мир со своими обычаями, престольными праздниками, доморощенными философами и шутами, богатырями и убогими, пастырями и юродивыми, со своим набором местных названий речушек и ручейков, лесов и оврагов, прозваний и кличек. Эта духовная вселенная воспроизводила и воспитывала новые поколения и двигалась навстречу грозным раскатам войн и революций, двигалась по-своему, не желая уместиться в рамки политических теорий, посрамляя непосредственной правдой своего существования любые пронизательные умы, как только они в пылу порой самых благородных стремлений отрывались от нее, либо отдельные движения крестьянской жизни, крестьянской души пытались объявить столбовой дорогой к правде и счастью.

ОТ ПОМЕСТЬЯ К ЭКОНОМИИ

Стержневой идеей, издревле определявшей менталитет русского дворянства, была идея службы, долга перед Отечеством. В конкретной жизни она воплощалась в службе государевой и службе земской. В допетровской России они были слиты воедино, ибо взаимно обусловле-

ны: без службы не давались поместья, без поместья невозможна была достойная служба (“конно, людно и оружно”) государю. Петровский указ о единонаследии впервые провел разделительную черту между государственной службой (как бюрократической) и поместьем, и с этого времени понятие “поместное дворянство” стало приобретать всем известный общеупотребительский смысл. Выделение хозяйственных забот в качестве основных для определенной части дворянства стало фактом сословного менталитета, несмотря на то, что указ о единонаследии не прижился в последующей истории.

Век XIX-й предъявил дворянству России такие требования, которые сделали необходимой коренную переработку усвоенных предками и казавшихся незыблемыми привычек и понятий. Это был век расставания с романтическим великолепием екатерининской эпохи. Уже “холодный душ” непродолжительного, но памятного правления Павла I заставил искать спасения от непредсказуемых превратностей службы. Меры Александра I по созданию всесильных бюрократических ведомств — министерств, продолженные и развитые его братом императором Николаем I, еще более укрепили поместных дворян в их стремлении основать свою независимость на доходах от собственного хозяйства.

Реформа 1861 г. подвергла всю систему воззрений благородного сословия суровому испытанию. Накануне реформы было сломано немало копий в спорах о пореформенном устройстве поместий¹⁰³. Газетно-журнальная полемика обнажила одно важное убеждение поместного дворянства — никакого отказа от собственного хозяйства. Все рассуждения вращались вокруг вопроса: как вести хозяйство без крепостных. Сложился устойчивый миф о немедленном переходе от крепостного труда к вольнонаемному, и вот этот-то миф был развенчан в первые пореформенные десятилетия. Наиболее реальным, жизненным оказалось предложение правительства о временном сохранении обязательного труда, в итоге помещичье хозяйство вступило в долгую полосу переходного состояния: ни вопрос об основном капитале, ни вопрос о наемных рабочих так и не были разрешены на протяжении пореформенного периода в том виде, как это рисовалось романтикам предреформенной эпохи.

Разделение прежней вотчины на два типа хозяйства ударило по помещичьей экономике еще более сильно, чем по крестьянской. В массе поместий не было до этого никакого производящего хозяйства. Его нужно было создавать: покупать орудия производства, тягловую силу, рабочие руки. Прежде всего, нужны были деньги. Сколько? Такие подсчеты были сделаны накануне реформы — 2 637 915 руб. на губернию¹⁰⁴. Но помещичье хозяйство вступало в новую эпоху с громадным платежным дефицитом. Основная часть долгов приходилась на старые кредитные установления (Заемный банк, Приказы общественного призрения, Сохранные казны) — 4 211 607 руб.¹⁰⁵ Задолженность помещиков частным лицам не поддается точному учету. На быстрое погашение этих долгов рассчитывать не приходилось, так как далеко не все тягла были переведены на оброк после реформы, сбор хлебов товар-

ного значения должен был сократиться из-за уменьшения барской запашки, выкупная сумма больше была в активе казны, нежели помещиков, и была выдана в основном не наличными, а выкупными свидетельствами, которые быстро упали в цене. Эта неумолимая финансовая реальность и была главной причиной медленной перестройки помещичьего хозяйства на новый лад.

Помещики в большинстве своем, если не осознавали, то чувствовали надвигавшийся финансовый крах. Московское общество сельского хозяйства предложило реанимировать Сохранные казны и Приказы общественного призрения, но этот путь не мог быть реализован, ибо старые сословные банки бесповоротно ушли в прошлое. Горячо обсуждался проект “Поземельного банка русского земства”. Он должен был обосноваться в Москве, в здании Опекунского совета (Воспитательный дом), капитал которого, составленный из дворянских пожертвований, достигал 2 млн руб. и собирался со времен Екатерины II. В 1865 г. съезд сельских хозяев в Санкт-Петербурге констатировал, что ни один из ипотечных кредитов на основе частной кампании не получил осуществления¹⁰⁶.

Первым реальным источником поземельного кредита для помещиков стало Общество взаимного поземельного кредита (ОВПК), утвержденное 1 июля 1866 г. Оно имело всероссийский характер и выдавало ссуды в золотой валюте, что было весьма недальновидно в условиях нестабильности курса рубля, ставшего объектом спекуляции. Только что созданный Государственный банк России вынужден был поддерживать его уровень искусственными мерами, тяжело отзывавшимися на государственных финансах. Вскоре выявились и организационные пороки ОВПК, отмеченные русскими экономистами: “Смешение в этом учреждении принципов централизации, взаимной ответственности заемщиков и самоуправления их, отсутствие прямо заинтересованных в ведении дела лиц с разбросанностью заемщиков на громадной территории России и происходящим отсюда полным отсутствием контроля за действиями центрального управления... не могли способствовать его успеху и процветанию”¹⁰⁷.

Большие надежды самарские помещики связывали с созданием словесного дворянского Саратовско-Симбирского банка. Однако вследствие злоупотреблений его правления (председатель Юханцев), банк оказался несостоятельным. Спасая заемщиков-дворян, правительство взяло на себя ликвидацию банка-банкрота¹⁰⁸. Самарские помещики успели заложить в нем лишь 18 имений площадью в 34 тыс. дес. и получить ссуду в 273 600 руб.¹⁰⁹ В ОВПК было заложено значительно больше. На 1889 г. кредитом здесь воспользовались 210 помещиков, площадь заложенной земли составила 470 624 дес., а сумма полученной ссуды — свыше 5 млн руб.¹¹⁰ В 90-х годах выдача ссуд из ОВПК была заморожена, а затем оно перешло в ведение Дворянского земельного банка на правах его Особого отдела.

В начале 70-х годов открылись первые акционерные ипотечные банки. Их уставы создавались на двойственных началах: определение ипотечных операций было заимствовано из уставов городских кредит-

ных обществ, Херсонского земельного банка и ОВПК, а положения об основном капитале, правах акционеров, принципах управления — из практики коммерческих акционерных банков. Кредит в акционерных земельных банках составлял более 8%¹¹¹. Пик грюндерства приходился на 1871/72 г., когда в полтора года возникло сразу 11 земельных банков. На денежном рынке возникла бумовая ситуация, и сбыт закладных листов затруднился, что грозило окончательным падением их курса. Поэтому в 1873 г. образовалось частное общество по сбыту закладных листов — Центральный банк русского поземельного кредита. Он приобретал закладные листы русских земельных банков на деньги, полученные от продажи собственных закладных на металлическую валюту, а также выполнял коммиссионерские функции с выдачей авансов под залог закладных листов, принимаемых на комиссию. Однако в условиях нестабильности рубля операции этого банка оказались убыточными, и к 1889 г. его потери достигли 5,2 млн руб.¹¹²

Уставы земельных банков утверждались министром финансов, который следил за соблюдением условия: в одной губернии могли одновременно действовать не более двух банков. Самарские помещики пользовались услугами Нижегородско-самарского и отчасти Московского банков. С большим трудом денежный рынок набирал обороты. На его создание ушло около 15 лет. В 70-е годы он еще был в младенческом возрасте и не мог удовлетворить громадный спрос на кредит. К услугам помещиков был еще неистребимый “теневик” — частный кредитор, взимавший баснословные проценты. По дороговизне поземельного кредита его источники можно расположить в следующем порядке: частный кредит — от 10 до 18%, Общество взаимного поземельного кредита — свыше 9%, акционерные банки — 8-9%. Саратовско-сибирский банк — 6%. Для сравнения укажем, что дореформенный кредит давался из 5%, а с 20 июля 1857 г. — из 4%¹¹³. Таким образом, в течение первых десяти пореформенных лет помещики могли получить средства лишь от частных лиц под разорительные проценты или в учреждениях взаимного кредита, процентные ставки которых были намного выше, чем в старых государственных банках. Неудивительно, что частные банки “должны были бороться с недоверием к ним широкой публики и с привычкой населения к казенным банкам, привычкой, воспитанной в течение 130-летнего монопольного существования казенных банков”¹¹⁴.

Трудности с кредитом для помещиков вынудили правительство подключить к этому делу Государственный банк. В 1884 г. он открыл операции по выдаче ссуд землевладельцам под соло-векселя, обеспеченные сельскохозяйственными именными¹¹⁵. Самарские помещики сразу же получили 22,5 тыс.руб. Банк пытался ограничить стремление помещиков придать соло-вексельной операции долгосрочный характер, но избежать этого не удалось. Начались рассрочки, отсрочки и т.п., льготы по прямому указанию императора. Вскоре был открыт словесный государственный земельный банк — Дворянский, специально для помощи дворянству “на началах кредита благотворительного, т.е. более дешевого, нежели тот, которым пользовалось само государство

и следовательно с неизбежными пожертвованиями со стороны государственного казначейства”¹¹⁶.

Сразу же последовала массовая миграция вкладчиков Нижегородско-самарского и других акционерных банков в государственный. Самарские помещики торопили правительство с открытием местного отделения. До официального объявления об открытии и определения нормальных расценок вновь назначенный управляющий отделением начал прием заявлений, приспособив для этого помещение Дома дворянства¹¹⁷. Возможности для получения кредита у дворян резко возросли. Чрезвычайно выгодные с самого начала условия выдачи ссуд вскоре подверглись изменениям в сторону увеличения льгот для заемщиков. Здесь и единовременный выпуск закладных листов с выигрышами, и многочисленные рассрочки платежей, и снижение ссудного процента, дошедшее в 1897 г. до 3,5%. В 1900 г. последовала более радикальная мера — разрешение Дворянскому банку покупать часть имущества заемщика, за счет чего предполагалось снизить задолженность до приемлемых 60% оценочной стоимости той части имущества, которая оставалась в руках заемщика¹¹⁸. Льготы распространялись и на Особый отдел (бывший ОВПК).

Финансовый кризис поставил перед помещиками трудноразрешимые проблемы в организации своего хозяйства. В то же время ограничение крестьянских наделных земель было проведено так, что в руках дворян остались угодья, водопои, скотопрогоны, необходимые в крестьянском общинном хозяйстве, что наряду с недостатком в пахотных землях, явилось вторым (а кое-где и первым) фактором широкого распространения земельной аренды. Это был спасительный для многих помещиков выход: сдавать крестьянам земли, но не за деньги, а за работу. Главное удобство состояло в том, что крестьяне работали со своими орудиями труда и тягловой силой. Так родилась знаменитая отработочная система помещичьего хозяйства. По сути своей она была прежней барщиной, ибо побудительным мотивом для крестьян была нужда.

Прежняя барская запашка в имении стала называться теперь экономической, хотя экономика здесь была предельно простой. Наиболее ранней формой отработочной системы следует признать испольщину. С нее начинался длинный путь помещичьего хозяйства к самостоятельности, так и не завершившийся вплоть до 1917 г. Кое-где помещики начали с так называемой издельной системы. Суть ее сводилась к тому, что за обработку одной барской десятины крестьяне получали одну десятину в свое распоряжение. Однако вскоре помещики осознали, что такая система невыгодна, так как крестьяне обрабатывали барскую запашку значительно хуже, чем свою. Испольная система выражалась обычно в дележе урожая, но здесь была иная сложность: за крестьянином нужен был догляд. Если помещик не заводил своих орудий производства, рабочего скота, не переходил к найму, то испольная система закономерно приводила его к сдаче в аренду всей своей запашки, ибо невыгоды испольной обработки при невозможности действенного контроля год от года увеличивались.

Крепостнические подпорки дольше всего держались в северо-восточном районе губернии, Бугульминском и особенно богатом на помещиков Бугурусланском уездах. Вообще северные уезды были значительно больше пропитаны крепостническим духом. Поместное землевладение сложилось здесь значительно раньше, на самых плодородных, черноземных участках, и отработочная система не ограничивалась издельной повинностью и исполщиной. Она приспособила к своим интересам и систему найма, самый яркий образец которой — “зимняя наемка”.

В 1873 г. завершила свою работу правительственная комиссия, возглавляемая министром государственных имуществ П.А.Валуевым, которая представила обширный доклад и статистические расчеты о состоянии деревни и помещичьего хозяйства, в особенности. Из него следует, что к началу 70-х годов при сохранении издельной повинности в северных уездах уже преобладал вольнонаемный труд, а исполная система “была довольно распространена в Самарской губернии в первое время по освобождении крестьян”¹¹⁹. При ближайшем рассмотрении выясняется, что перед нами простая раздача денег под будущую работу: в конце зимы, когда у крестьян начинала ощущаться нехватка в хлебе и деньгах на уплату повинностей, в деревне появлялись посланцы помещика, и за обязательство крестьянина выполнять все страдные работы на экономической запашке раздавали деньги (иногда семена) вперед. В навалившейся нужде крестьянин соглашался на самые кабальные условия. Такая форма “найма” возможна была лишь в небогатых селениях, у дарственников и вообще у бывших помещичьих крестьян.

В 1863 г. губернская газета отмечала, что “с отменой крепостного права в помещичьих имениях произошла в нашем краю существенная перемена, которую, впрочем, легко было предвидеть... С прекращением барщины господские посевы прекращались и заменялись отдачей пашни под посев желающим. Эти желающие, почти исключительно крестьяне, бывшие крепостные и сторонние”¹²⁰. О сокращении запашек свидетельствовали спустя десять лет помещики, приглашенные в Валуевскую комиссию. Так, помещик Л.Б.Тургенев сообщал: “При введении Положений 19 февраля у меня было по 200 дес. в каждом поле, всего — 600 дес. Крестьяне у меня перешли прямо на выкуп и в первые 2-3 года я поддерживал прежний порядок: но вследствие двух-трех неурожаев, бывших в нашей местности, должен был уменьшить запашку. Точно так же и почти в то же время все земледельцы в нашей местности уменьшили размеры своих посевов. Затем в последние два года я почти возвратился к прежней запашке, то же сделали и мои соседи, но только относительно ржаного поля, большая же часть ярового идет в сдачу крестьянам”¹²¹. Оправившись от первого потрясения, помещики стремились к увеличению своей запашки, т.е. к расширению производства. Наиболее хозяйственные из них смогли восстановить его дореформенные размеры уже к середине 70-х годов.

Активность в хозяйственных вопросах вынуждены были проявить владельцы средних по размерам имений (примерно до 1 тыс. дес.). Земские статистики обнаружили, что удельный вес собственной пашки был

меньше в крупных имениях: “К числу имений с наименьшей экономической запашкой (менее 10%) относятся три из наиболее крупных имений Самарского уезда — г-жи Бедряга, гр. Орлова и г. Самарина. Всех таких имений, владеющих более, чем 10 000 дес. — 5;... из них имение кн. Щербатовой вовсе не имеет собственной запашки...”¹²² В 60-70-х годы XIX в. крупные запашки были в имениях кн. В. М. Урусовой в Самарском, А. Б. Татариновой в Ставропольском, П. А. Рихтера и М. А. Лохтина в Николаевском уездах¹²³.

Особенность Самарской губернии состояла в резких географических контрастах, что отразилось на помещичьем хозяйстве. Дворянское землевладение сформировалось на юге губернии, в ее степной зоне, в основном в XIX столетии. Вокруг имений были обширные пространства, принадлежавшие казне, уделу, башкирам, крестьянам. Здесь помещик не мог использовать традиционные методы барщинного хозяйства. Поэтому издельная повинность почти отсутствовала, а вот испольщина была нередким явлением, причем, в отличие от северных уездов, где особенно была распространена испольная аренда сенокосов, на юге сдавалась пахотная земля. Вся она была под ценными, рыночными сортами пшеницы. Помещики, а чаще купцы, занимались субарендой. Они снимали в казне огромные площади земли, а затем сдавали их нуждающимся мелкими клочками на один-два года за значительно более высокую плату. Субаренда приводила к хищническому выпаживанию плодородного слоя почвы и быстрому превращению ковыльных степей в малопригодные для хлебопашества пространства.

Раннее укоренение духа рыночной конкуренции заставляло степных помещиков быстрее обзаводиться необходимым инвентарем. Особой популярностью пользовались жатвенные и молотильные машины, так как уборка и переработка выращенных злаков требовали максимальной быстроты и своевременности. Посевы яровых иногда либо гибли на корню из-за недостатка рабочих рук, либо приносили одни убытки, даже будучи убранными. К. К. Грот в своей записке отмечал, что 1868 г. был замечательным как по урожаю, так и по плачевным результатам от него. Уродилось по 100-150, а в иных местах по 200 и более пудов на десятину. Жнитво густо выросшего хлеба должно было обойтись дороже обыкновенного. Пришлых рабочих оказалось немного, цены на жнитво и молотьбу поднялись до небывалых размеров: за жнитво платили более 20, даже до 25 руб. (при обычной цене в 5-10 руб.), а за молотьбу — от 15 до 25 коп. Увеличилась плата за провоз хлеба к пристани. Некоторые посевщики в местностях, удаленных на 100-150 верст от пристани, находили выгодным бросать поля с неубранным урожаем. Многих арендаторов, увлекавшихся обогащением через раздачу земель и расширение собственной запашки, 1868 г. разорил совершенно. По мнению Грота, этот год был “началом экономического кризиса в Самарской губернии”¹²⁴.

В первые пореформенные годы помещики пытались устранить трудности с наймом рабочих путем покупки сельскохозяйственных машин. Ввоз их в Россию резко возрос, но ненадолго. Помещики были разочарованы, “многие из машин поступили в сараи и составляют еще до

сих пор довольно богатую коллекцию”, — указывал современник в 1878 г.¹²⁵ “Машинная горячка” носила эфемерный характер. Усовершенствованные орудия обработки почвы (многокорпусные плуги и т.п.) требовали достаточного числа хорошего рабочего скота, а также навыков и сноровки у работников. Ни того, ни другого еще не было. Отзывы современников единодушны: “Орудия обработки почвы ограничиваются исключительно малороссийским плугом (по-здешнему “сабан”) и бороной (деревянной с железными зубьями) ... улучшенных орудий здесь почти нет”¹²⁶.

Жатвенная машина при двух лошадях, даже неперенных, в страдное время не занятых другими работами, при одном рабочем и шести вязальщиках легко могла сработать до 4 дес. в день. При сменных же лошадях и большем числе вязальщиков и того больше, тогда как для этой же работы при ручном способе требовалось от шести до восьми косцов и не менее восьми вязальщиков. Не меньше выгод сулила и паровая молотилка. Первое упоминание о таких машинах появилось в Самарских губернских ведомостях 15 октября 1860 г.: “В Самарском уезде, в имении гр. Орлова-Давыдова работала подвижная паровая молотилка”. В газете сообщалось, что машина обмолачивает 120 телег зерна в день и стоит 4 тыс. руб., указывалось, что такая же машина, только “высшего достоинства” и ценой в 6 тыс. руб., имеется в поместье Семевского из Николаевского уезда, причем отмечалось, что “для передвижения этих машин достаточно трех пар волов” “топятся они соновыми дровами”¹²⁷.

В начале 70-х годов крупные самарские помещики по инициативе землевладельца из Николаевского уезда В.В.Клюпфеля обсуждали вопрос “о введении в России парового пахания”. Были налажены контакты с английским фабрикантом Фаулером. Его компаньон Грэг побывал в России и даже соглашался прислать для опытов один экземпляр “парового плуга”, но вскоре выяснилось, что “паровые плуги, имеющиеся у него в готовности и предназначенные для других стран, были бы недостаточно сильными для успеха обработки наших степных почв”¹²⁸.

Сложные машины вызвали к жизни “починочные мастерские”. Такая мастерская была в Усольской вотчине Орловых-Давыдовых. Менее крупные помещики обычно ограничивались содержанием машиниста и его помощника. Из описания администрации имения А.А.Роде видно, что помещик, кроме приказчика, ключника, смотрителя над полевыми работами, нанимал еще машиниста (он же конструктор полевых орудий и машин) а также столяра, выполнявшего работу помощника машиниста¹²⁹.

К концу 70-х годов XIX в., по мере развития сельскохозяйственного машиностроения, расширилась сеть складов для продажи орудий и машин. В Самаре их было два. С 1876 г. начался последовательный рост местного производства, сельскохозяйственной техники и к концу 80-х годов объем его составил 332 тыс.руб. В Самаре действовали склады и мастерские Бенке и К°, Винике, Кеницера и К°, Лобанова, изготавливавшие разного рода машины. Мастерская Д.И. Бартеля в Покровской слободе делала молотилки, привода, веялки, плуги и сеялки.

Предприятия Лютца, Фишера, Шефера в Екатериненштадте и другие в Новоузенском уезде выпускали, кроме молотилок и веялок, сортировки и плуги. В с. Балаково Николаевского уезда начало действовать чугуно-литейное заведение Блинова¹³⁰.

С 90-х годов важную роль в торговле сельскохозяйственными орудиями и машинами стало играть земство. В 1893 г. был открыт Бузулукский земский склад, в следующем году — Бугурусланский, в 1896 г. приступил к работе губернский склад. Началась ожесточенная конкуренция с частными комиссионерами. Самарские земцы выступили инициаторами совместной выписки сельскохозяйственной техники из-за границы. Были разработаны “общие основания”, на которых должны были объединиться вклады “земских, правительственных, сельскохозяйственных и войсковых казачьих управлений”¹³¹. Однако земства столкнулись с протекционистской политикой С.Ю. Витте, установившего высокие пошлины на ввоз. Помещики протестовали на всех уровнях — от уездных и губернских земских и дворянских собраний до всероссийских съездов сельских хозяев. Самарское чрезвычайное губернское дворянское собрание 3 октября 1899 г. активно поддержало критику деятельности министра финансов, высказанную в записке помещика М.М. Шошина¹³². Губернский предводитель дворянства А.А. Чемодуров 8 октября направил официальное письмо председателю Особого совещания по делам дворянского сословия, в котором сформулировал требования самарских помещиков “сложить пошлины на чугун, железные изделия и сельскохозяйственные орудия и машины до половинного размера; остальную половину сложить в продолжение 5 лет равными частями”¹³³. Еще более решительное требование прозвучало на Всероссийском съезде сельских хозяев: “Могучим и, смеем думать, единственным способом означенного распространения [с/х орудий и машин] был бы абсолютно беспошлинный пропуск в Россию иностранных земледельческих орудий и машин”¹³⁴.

Для ведения собственного хозяйства необходим был рабочий скот. На севере губернии использовались лошади, на юге — волы и верблюды. В имении М.А. Лохтина в Николаевском уезде было 54 верблюда, имении Н.А. Столыпина — 90, из них 20 маток. Это говорит о том, что экономия занималась разведением верблюдов¹³⁵. На распространение верблюдов в хозяйствах помещиков и крестьян Самарской губернии указывали авторы полного географического описания России: “В завожских степях... можно иногда встретить по дорогам крестьянские телеги, запряженные в корень верблюдом, а на пристяжке — лошадь”¹³⁶. В Новоузенском уезде верблюды (44 голов) использовались в имении С.А. Перси-Френч при хуторе Камышевском. Экономия располагала еще 30 лошадьми и 110 быками. Лошади и верблюды были заняты на доставке зерна в Балаково.

Степные помещики, особенно владевшие землями по соседству с башкирами и киргизами Букеевской орды, прибегали к своеобразному сочетанию перепродажи скота с использованием его на сельскохозяйственных работах. По сообщению губернского ветеринара, в конце XIX—начале XX в. самарские помещики ежегодно к началу весенних

полевых работ приобретали рабочий скот в Оренбургской, Астраханской губерниях и Уральской области. По окончании работ скот ставился на выпас и зимой распродался¹³⁷. Это приносило двойную выгоду помещику: покупная цена рабочего скота весной не превышала 53 руб. за голову, а при продаже упитанного быка доходила до 85 руб., к тому же не требовалось заготавливать на зиму много кормов, а выпаса в крупном имении было сверх меры.

В 1882 г. чиновники Главного управления государственного коннозаводства отмечали, что особого типа самарская лошадь не имела¹³⁸. Помещичьи хозяйства не были исключением, ибо в них использовались те же крестьянские лошади, представлявшие собой помесь русской с башкирской. Они отличались неприхотливостью и выносливостью, при крайне плохом содержании могли везти в одной упряжке воз в 20–25 пудов и пахать плугом (по четыре в упряжке) на четыре вершка глубиной. При удовлетворительном уходе лошадь быстро восстанавливала силы после изнурительной работы. Лошади немцев-колонистов обладали теми же качествами, но были менее выносливы и требовали содержания в конюшне¹³⁹.

В южных уездах Самарской губернии поголовье коней пополнялось за счет покупки степных киргизских лошадей на ярмарках и базарах. Помещики занимались разведением улучшенных пород лошадей в собственных заводах. Они приобретали кровных или полукровных производителей в центральных губерниях, преимущественно рабочих пород или рысистых и редко — верховых. Для улучшения рабочей лошади покупались производители арденской породы, рысистый — орловской, верховой — английской. В 70–80-х годах возникли новые конные заводы — гр. В.Л. Толстого в Бугурусланском и Н.А. Кропачева в Николаевском уездах. Оба завода специализировались на чистокровных рысистых лошадях. В 80-х годах были созданы заводы С.В. Бороздина, М.М. Наумова, А.Г. Шулешкина, Г.Н. Костромитинова и др. В них разводились французские тяжеловозы, суффолк-першероны, упряжные, рысаки, рабочие лошади, главным образом, башкирские.

По данным военно-конских переписей 1900—1905 гг., в губернии числилось 53 частных конных завода, из них 32 принадлежали дворянам. Наиболее крупными были заводы: в Бугульминском уезде — Н.П. Ильина на хуторе Кармалинском Сумароковской волости — 100 голов полурысистой породы; в Бугурусланском — И.Г. Курмина в с. Барская Солянка — 90 голов рысистых призовых; в Бузулукском — Е.Н. Стобеуса в с. Могутово — 230 голов разной породы; в Николаевском — купца А.М. Мальцева на хут. Бинарадка Нижне-Покровской волости — 198 голов кровных рысаков киргизской породы; в Ставропольском уезде — А.К. Ушакова в с. Новый Буян — 160 голов рысистых и тяжеловозов¹⁴⁰.

Особое значение для самарских помещиков имел “рабочий вопрос”. В Заволжье со всей Европейской России стекались огромные массы сельскохозяйственных рабочих. Современник указывал: “Более всего здешнее хозяйство нуждается в рабочих руках, и... нужда эта представляет самое больное его место”¹⁴¹. Только два уезда — Ставро-

польский и Бугульминский — не нуждались в пришлых рабочих, остальные не могли обойтись местным населением. Из Бугульминского уезда дважды в году — ранней весной до наступления весенней распутицы и перед жнитвом хлебов — уходило в соседние уезды губернии до 500 человек¹⁴². В Ставропольском уезде, в силу его приволжского положения, часть пришлых рабочих все же оседала. Они скапливались в Ставрополе, Мелекесе, Ст. Майне и нанимались к помещикам. Средняя потребность в пришлых в Бугурусланском уезде определялась в 7–10 тыс. человек. В благоприятные годы сюда стекались главным образом татары из Казанской губернии, из Белебеевского уезда Уфимской губернии, а также из Бугульминского уезда. В южном районе привлекали Николаевский и Новоузенский уезды — здесь нанимались от 75 тыс. до 100 тыс. человек.

В разные годы в губернию приходило от 270 тыс. до 400 тыс. человек¹⁴³. Пунктами стечения рабочих служили города, пристани и базарные села: Алексеевка, Любимовка, Бадейка, Грачевка, Борское — в Бузулукском уезде: слобода Кинель-Черкасская, пригород Сергиевск, с. Пономаревка, Матвеевка, Покровская, Аманак, д. Абдулино — в Бугурусланском: с. Бобровка, Спиридоновка, Кошки, Елховка, Старый Буян, Екатериновка, Кандабулак, Тростянка, Александровка — в Самарском; с. Балаково, Екатериненштадт, Ровное, Дергачи, Перекопное, Орлов-Гай, слобода Покровская, хутор Муравли и др. — в Николаевском и Новоузенском уездах¹⁴⁴. Найм совершался обычно в праздничные или базарные дни. Как правило, нанимались подесятинно или поденно, в основном на неделю. Сами помещики редко занимались наймом, чаще это делали управляющие. Выдавался задаток и отбирались орудия труда, что гарантировало выполнение договора.

Условия жизни рабочих были незавидными. Земский врач Казаринов, обследовавший экономии и хутора выделил три группы хозяйств по условиям питания рабочих. У мелких владельцев, нанимавших до 40 человек, готовили кашу, кашицу, галушки, картофель, пекли черный хлеб, “пирог” — хлеб из размоленной пшеницы, подавали огурцы, арбузы. Крупные посевищики из немцев-колонистов Новоузенского уезда давали кашу, галушки, горох, картофель, черный и разномольный хлеб. В третьей группе хозяйств — у крупных и средних русских помещиков — рабочие получали на завтрак черный хлеб с водой, на обед — кашу, кашицу и черный хлеб, на полдник — черный хлеб с водой, на ужин — кашу, черный хлеб. Масла и сала в первой группе отпускался 1 фунт на 10 человек, во второй — 1 фунт на 10–20 человек, в третьей — 1 фунт на 30–40 человек. Продолжительность рабочего дня обычно составляла 14–17 часов в сутки. В одной из усадеб был следующий распорядок: с 3.30 до 7.30 — работа; с 7.30 до 8.00 — завтрак; с 8.00 до 12.00 — работа; с 12.00 до 14.00 — обед, отдых; с 14.00 до 20.00 — работа. В итоге, по сообщению Казаринова, “бледные, измученные лица, вялые движения — это бросается в глаза при общем взгляде на возвращающиеся группы рабочих и среди них встречаются зачастую настоящие тени рабочих, не то тифозных, не то впавших в меланхолию (у одного мною выяснено помешательство): дома ничего,

везется домой ничего, а впереди суровая зима с ее суровыми жизненными потребностями и платежами”¹⁴⁵. Наконец, следует сказать, что крестьянская молодежь возвращалась из отхода в самарские степи порой совершенно испорченная нравственно: наниматель в стремлении привлечь здоровую рабочую силу в свое имение покупал заодно здесь же на базаре нескольких женщин, в изобилии крутившихся в толпе и готовых на все, ставил прямо в поле палатки... В крупных пунктах сбора рабочих нередко были и дома, в которых по вечерам зажигался красный фонарь или окно завешивалось красным платком. Рынок, ничем не ограниченный, вступал в свои права, посягая на душу, тело и помыслы человека.

Посягнул он и на святая святых дворянства — его землевладение. Пореформенный период стал временем быстрой мобилизации земли, т.е. втягивая ее в торговый оборот. Помещикам мобилизация несла перспективу лишения своих имений. Быстро стало сокращаться количество владений: 1867 г. — 1147 имений (2 368 061 дес.), а 1877 г. — 1082 (2 033 133 дес.), 1885 г. — 976 (1 586 564 дес.), 1905 г. — 810 (926 041 дес.)¹⁴⁶, т.е. было утрачено 337 имений площадью 1 442 020 дес. Если к этой цифре добавить потери за 1862–1867 гг. (156 тыс. дес.)¹⁴⁷, то общая потеря земли дворянством к началу XX в. составит 1 598 020 дес.

Основными покупателями дворянских земель были купцы и крестьяне. Правительство пыталось помочь помещикам. Последовали огромные пожалования земель общей площадью свыше 800 тыс. дес. на юге губернии. Затем правительство попыталось возродить старый закон о майоратах, т.е. о наследуемых, неотчуждаемых за долги имениях. В январе 1863 г. было обращено в майорат крупнейшее имение гр. Орловых-Давыдовых, часть которого (площадью в 14,3 тыс. дес.) располагалось в Самарском, Ставропольском и Сызранском уездах¹⁴⁸. Но наибольшие толки вызвали планы устройства заповедных семейно-неделимых участков. К середине 80-х годов убыль дворянских земель стала настолько зримой, что проект введения заповедности на некоторое время овладел умами большинства помещиков. Специальная комиссия, избранная на Чрезвычайном губернском дворянском собрании 16 октября 1889 г., закон о временно-заповедных имениях 1899 г., подготовленный Особым совещанием по делам дворянского сословия, отразили эту озабоченность, но все осталось на бумаге. Последней попыткой такого рода был проект самарского губернского предводителя дворянства А.А. Чемодурова о неделимых участках, но и она провалилась, из чего можно заключить, что дворяне отнюдь не хотели стеснения в распоряжении земель.

К числу тревожных симптомов положения помещичьих хозяйств относилась и расширявшаяся практика сдачи имения в аренду в полном составе. Доля таких имений росла: в 60—70-х годах из обследованных нами 25 имений было сдано 3 (12%), все — в Николаевском уезде. В них полностью отсутствовал скот и инвентарь. В имении Путилова земля обрабатывалась крестьянами по трехпольному севообороту, в имении Пустошкина было даже двухполье. А вот имение барона К. Корфа, от-

носившееся к числу “Высочайше пожалованных”, находилось в руках крупного арендатора. Из 4303 дес. пахотной земли он обрабатывал ежегодно 600–700 дес. по шестипольному севообороту, а остальное сдавал в субаренду крестьянам, получая около 5 тыс.руб. чистой прибыли¹⁴⁹. В 80–90-х годах такие имения составили уже 29,7%, а в начале XX в. — 59,1% — рост угрожающий, ибо свидетельствовал об устранении (либо о самоустранении) помещика от хозяйства.

Как видим, аграрный менталитет дворянства, ухидивший корнями в далекое прошлое, испытывал сильные потрясения в эпоху падения крепостного права. XIX век заставил дворян не только заниматься своим хозяйством непосредственно, но и втянул их в общий круг понятий новой эпохи — буржуазной. Чем ответило благородное сословие на вызов времени? Наиболее дальновидные из дворян еще накануне реформы призывали: “Не будем тешить своей лени, не будем делать великого зла, последствия которого отзовутся если не вскоре, то на наших детях. Благо нашей отчизны состоит не в застое, а в развитии земледелия!”¹⁵⁰

Последствия отзывались в следующем столетии. Пореформенная реальность убеждает в том, что поколение поместных дворян, вкушившее сладкую отраву крепостнической власти, в большинстве своем так и не смогло отрешиться от привычных стереотипов мышления и поведения. В конце XIX в. мы встречаем стремление основать свое благополучие не на экономическом механизме, а на сословно-привилегированном положении. Благотворительный кредит в таких условиях вел к росту новой задолженности, земельные пожалования плодили субарендаторов, маящихся на клочках земли, вольнонаемный труд вырождался в кабальную “зимнюю наемку”.

Примерно в 80-х годах XIX в. у дворян-помещиков появились серьезные конкуренты, быстро оттеснившие их на хлебном рынке, в промышленности. Это была буйно поднимавшаяся молодая поросль “чумазных лендлордов” из числа купцов, крестьян, мещан, скупавших дворянские земли и переходивших от хищнического выпаживания к планомерному сельскохозяйственному производству. В их растущей силе таилась смертельная угроза старопомещичьей традиции. Новое поколение дворян должно было либо как-то поладить с ними, либо вступить в схватку.

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

Пореформенный период был временем расцвета самарского купечества. Купцы определяли жизнь городов, их самоуправление и даже внешний вид. Облик же самого купечества во многом определялся его традиционным сословным положением. Кодификаторы 30-х годов XIX в. составили специальный “Свод учреждений и уставов торговых”. Он предоставлял право учреждать фабрично-заводские предприятия в России лицам, состоящим в гильдиях и имеющим торговые гильдейские свидетельства дворянам, в их имениях, а также в городах при условии записи в одну из купеческих гильдий; крестьянам “с дозволения

начальства" по установленным торговым свидетельствам; колонистам в местах их поселения на тех же основаниях; евреям на общем основании, но только в местах, определенных для их постоянного жительства и акционерным компаниям на основании существующих для них общих узаконений.

Гильдии делились на три разряда и определялись ценом капитала. Купец I гильдии должен был вносить установленный сбор не менее чем с 15 тыс., II гильдии — с 6 тыс., III гильдии — с капитала от 2 тыс. до 4 тыс. руб. Купеческое звание освобождало от подушной подати, рекрутской повинности, а купцов первых двух гильдий — и от телесного наказания. Потомки купцов I гильдии имели право на государственную службу наравне с личными дворянами. Купцы каждого штатного города создавали корпоративную организацию на манер дворянского собрания — купеческое общество с правами сословного самоуправления во главе со старостой. В 1832 г. было введено звание почетного гражданина. Купцы I гильдии по прошествии 10 лет (с 1863 г. — 20 лет) получали это звание как потомственное. Оно давало указанные льготы их наследникам без уплаты соответствующих сборов.

После доработки Торгового устава в 60-х годах XIX в. гильдий осталось две. Первая давала право на оптовую торговлю русскими и иностранными товарами. Городовое положение 1870 г. предоставило купцам преобладающую роль в делах городского самоуправления: воинская повинность реформой 1874 г. на них тем не менее была распространена. Это резко повысило стремление купеческих сыновей к высшему образованию, дававшему льготы в отношении воинской повинности. В период контрреформ корпоративные права купцов были подвергнуты пересмотру. Привилегии были сохранены, но отделены от права на торгово-промышленную деятельность. Купеческие свидетельства разделились на промысловые и собственно гильдейские¹⁵¹.

В 1862 г. в Самаре объявили свои капиталы 256 купцов, из них к I гильдии относились всего два. После реформы 1863 г. гильдейские списки существенно пополнились: в 1871 г. насчитывалось уже 659 купцов и из них 33 — I гильдии и почетные граждане. В числе купцов I гильдии со званием почетного потомственного гражданина были Шихобаловы: Антон Николаевич, Михей Николаевич, Емельян Николаевич и его сын Иван, Матвей Николаевич, а также Андреян Меркулович Горбунов¹⁵². К I гильдии относился В.Е. Буреев с сыном, Ф.В. Вошаккин с сыновьями, И.Д. Волков, Д.Е. Растрепин и его сын Иван, С.У. Субботин с сыном и внуком, М.И. Назаров с двумя сыновьями, Ф.Е. Богомоллов, Н.Ф. Дунаев, И.А. Бахарев и сын его Петр, С.В. Ободовский, Е.Н. Аннаев с двухлетним сыном Эдуардом, С.Л. Аржанов с двумя сыновьями. Все купцы I гильдии были христианами. Купец Егор Никитич Аннаев был записан как "армянин католического вероисповедания".

II гильдия была более многочисленной. В 1874 г. она включала (с членами семей) 626 человек. Преобладали христиане — 537. Иные конфессии были представлены следующим образом: молокане — 28,

австрийские старообрядцы — 24, поповские старообрядцы — 20, Спасово согласие — 9, поморцы — 8, мусульмане — 3, иудеи — 2¹⁵³.

О численности торгового сословия судить весьма трудно, ибо границы его были размыты. Наиболее достоверные данные — свидетельства на занятия торговлей, полученные на тот или иной год. Они были разного достоинства, и структура их все более усложнилась. Данные говорят о том, что число таких свидетельств колебалось: в начале 70-х годов сократилось, затем вновь начался рост. В 1873 г. свидетельств I гильдии было выдано 24, II — 1436, на мелочный торг — 3597, на развозную и розничную торговлю, а также мещанские промыслы — 758, приказчицких I и 2 класса — 4159. Кроме того, свидетельства получили 15 членов купеческих семейств I гильдии и 1523 — II. Наконец, к свидетельствам I гильдии было выдано 68 билетов на торговые и промышленные заведения, ко II — 2115. Итак, в 1873 г. торговые документы разного достоинства получили 13 595 человек¹⁵⁴.

В начале XX в. (точнее в 1900 г.) торговый класс Самарской губернии был представлен следующим образом. Сословных свидетельств купцов I и II гильдии было выдано — 429, свидетельств на торговые предприятия 1 — 4 разрядов — 13 390, на складские к ним помещения — 370, на развозный и разносный торг 5 разряда — 1533, на промышленные предприятия 1–8 разрядов — 1271, на торговые суда — 22, на личные и промысловые занятия 2, 3, 4 и 6 разрядов — 134, на приказчицкую должность 1 и 2 разрядов — 3869, ярмарочные свидетельства для оптовой и розничной торговли — 31, бесплатные промысловые свидетельства на складские помещения — 3405, на подряды и поставки — 11, отставным нижним чинам и семействам церковнослужителей — 484, всего — 23 949 документов¹⁵⁵.

Из приведенных цифр видно, что сфера деятельности купечества не ограничивалась торговлей. Большинство крупных купцов владели промышленными предприятиями, главным образом по обработке сельскохозяйственной продукции. В 1879 г. в губернии насчитывалось 273 предприятия по обработке животных продуктов (бойни, салотопни, мыловарни, свечно-восковые, кожевенные, клеевые, суконные, кошмо-валяльные, воскобойные, овчинные, шорные), 171 по обработке растительных продуктов (крупчатые, поташные, крахмальные, маслобойные, солодовенные, канатные, пивоваренные, винокуренные, табачные, водочные, кулевые, ваточные, паровые и конные мукомольные мельницы), 130 по обработке полезных ископаемых (медеплавильные, чугунно-литейные, кирпичные, гончарные), 12 предприятий смешанного характера (экипажные, механические, спичечные) — всего 586 заводов и фабрик, 74,3% которых занимались переработкой продукции сельского хозяйства. Общий объем производства достигал 6,2 млн руб., из них 5,8 млн руб. приходилось на переработку животной и растительной продукции¹⁵⁶.

Среди уездных городов наиболее развитыми в промышленном отношении были Бугуруслан (24 предприятия с объемом производства в 37 498 руб.) и Бузулук (18 и 183 812). Около половины купцов и промышленников жили в сельской местности, что было важным показате-

лем проникновения торгового и производительного капитала в аграрный строй. Во всех уездах, кроме Самарского, сельская промышленность превосходила городскую по всем статьям. Наиболее мощной она была в Бугульминском, Ставропольском и Бузулукском уездах — объём производства свыше полумиллиона рублей.

В уездах и губерниях в целом преобладала переработка животных продуктов. Особенно велика была роль салотопенных заводов, опередивших все другие отрасли, 63 завода вырабатывали продукции на 2 312 274 руб.¹⁵⁷ Это обстоятельство четко указывает на то, чем в первую очередь интересовалось купечество. Имелись и зональные различия. В плодородных, богатых черноземом Ставропольском, Бугурусланском, Бузулукском уездах преобладала переработка растительных продуктов (маслобойки, крупорушки, мощные винокуренные предприятия). В безлесных местностях дефицит строительного материала породил большое количество кирпичных заводов. Так, в Новоузенском уезде их было 21, в Николаевском — 13, в Бузулукском — 25.

Преобладание в промышленности переработки животных продуктов объясняется, вероятно, тем, что рынок этой продукции был значительно свободнее. Через губернию пролегали мощные скотопрогонные тракты, что позволяло использовать скотоводство соседних губерний и областей. На базары и ярмарки свозилось большое количество крупнорогатого и мелкого скота в живом и забитом виде.

В начале 80-х годов XIX в. положение изменилось. На первый план выдвинулась мукомольная и крупорушная промышленность. Объём крупчатного производства в 1882 г. достиг 2,8 млн руб.¹⁵⁸ Этот сдвиг отразил перемены, происходившие в сфере местного землевладения и зернового производства, а также в транспортной системе. В дальнейшем процесс принял характер концентрации производства и капитала — число мелких предприятий пошло на убыль (в 1899 г. было уже 112 заводов и фабрик), а объём производства стал неуклонно нарастать (в 1899 г. — 20,1 млн руб.)¹⁵⁹. Характерной приметой самарской промышленности стали крупные паровые и водяные мельницы. На них вырабатывалось муки-крупчатки на сумму до 14 млн руб., что составляло 62% всего промышленного производства в губернии. На этой основе выросли мощные торговые дома Смирновых, Субботиных, Курлиных, Шихобаловых, Башкировых и др.

Особенно стремительный рост парового мукомолья происходил после 1893 г., когда был введен новый хлебный тариф, отчего переработка зерна на месте сделалась весьма выгодной. Самарская крупчатка высоко котировалась на мировом рынке.

Сильное влияние купечества чувствовалось и в иных отраслях промышленности. Купеческие винокуренные заводы успешно конкурировали с казенными, чего нельзя сказать о вотчинных заводах помещиков. Винокурни способствовали, существенно расширению посевов картофеля. Крупными предпринимателями в этой сфере были купцы Марковы, которым принадлежали четыре завода в Ставропольском и Самарском уездах с производством спирта на сумму около 1 млн руб.¹⁶¹ В пивоварении лидерство принадлежало, начиная с 90-х годов, “Това-

риществу Жигулевского пивоваренного завода Вакано и К^о". На заводе применялась баварская технология. В 1897 г. было выработано 708 тыс. ведер пива. Поволжский рынок вскоре оказался под его монополией. В сахарорафинадной промышленности первым был удельный завод в с.Тимашеве, построенный в конце 70-х годов XIX в. В 1893 г. возникло "Товарищество Богатовского сахарного завода" с основным капиталом в 600 тыс. руб., которое составили украинские сахаровары.

На акционерной основе возникали предприятия в индустрии строительных материалов, например, "Акционерное общество Сызрано-печерской асфальтовой и горной промышленности" с правлением в Санкт-Петербурге. Столичный капитал и крупные монополистические объединения в конце XIX—начале XX в. постепенно прибирали к рукам местную промышленность. Этот процесс обстоятельно исследован в книге самарского историка Н.Л. Клейн¹⁶².

Еще более впечатляющим оказался рост влияния купцов в сфере сельскохозяйственного производства. Задолго до реформы они освоили приемы субаренды. По сообщению К.К. Грота, из старых счетов одного из купцов ему стало известно, что с 1830 по 1842 г. в Бузулукском уезде снималось до 50 тыс. дес. казенных земель из расчета 3 коп. за дес. ежегодно, а затем пересдавалось крестьянам за 20—30 коп. за дес. и дороже¹⁶³. Так же поступали купцы и накануне реформы. В 1859 г. купец Вошакин снял в Бузулукском уезде 35 участков оброчных казенных статей и 32 из них тут же сдал крестьянским обществам; другой крупный съемщик того же уезда Красиков имел в содержании 42 таких участка. В Николаевском уезде у купцов было 466 907 дес. казенных земель, в Новоузенском — 369 526 дес. (44 участка)¹⁶⁴.

В 1860 г. повсеместно была введена система торгов на сдачу казенных земель в долгосрочную аренду. Это вызвало настоящую земельную или, точнее, хлебную лихорадку, ибо на торги были выставлены почти нетронутые земли. Значительная часть оброчных статей моментально перекечевала в руки купцов. В одном Николаевском уезде рост таких площадей составил 40 тыс. дес. Самостоятельных посевов у купцов в это время почти не было, ибо все поступало в субаренду крестьянам под пашни, сенокосы и пастбища. Цены подскочили до 46 коп. за дес.

В то время купцы проявили поистине экстраординарную активность в приобретении земли. Скупались крупные имения дворян и башкир-вотчинников, мелкие клочки земли крестьян, мещан. Особенно обогатились купцы во время правительственных пожалований земель дворянам. "Правительственный вестник" сообщал в 1870 г., что за семь лет — с 1854 по 1860 г. — дворянам было роздано в Самарской губернии 142 тыс. дес., а в последующие семь лет еще 749 тыс. Значительная часть этих земель почти тотчас же переходила через продажу к купечеству, в руках которого сосредоточилось до 700 тыс. дес. На 1861 г. крупнейшими арендаторами казенных земель были купцы: Мальцев (116 395 дес.), Полеводин (116 011 дес.), Харитонов (98 468 дес.), Шихобалов (92 844 дес.), Вошакин (79 502 дес.), Емельянов (72 885 дес.), Молгачев (63 658 дес.), Тареев (40 394 дес.), Зиновьев (32 696 дес.), Кузьмина (57 332 дес.), Бороздин (54 237 дес.), Медведев (21 500 дес.),

Корепанов (15 тыс. дес.), Задков (6703 дес.), Кочетков (16 392 дес.) и др.

Засевали все эти земли крестьяне. Они пытались бороться за право аренды, но безуспешно. Спор крестьян с купцами за землю, значительно повысивший цены, привел вскоре к их резкому падению, так как наступил рубеж, за которым субаренда для крестьян стала невыгодной, и они отказывались от земли. Спекулянты, особенно мелкие, разорились. Крупные съемщики понесли убытки, оставшись с неснятыми землями на руках, заводить свои посевы было тем более убыточно. К.К. Грот писал, что мог бы привести более 50 фамилий из самарских жителей, занимавшихся съемами и посевами, из которых 20 оказались через то формально несостоятельными на сумму более 800 тыс.руб., а остальные 30 понесли от своих земельных операций убытки на сумму около 1,3 млн руб., не говоря уже о множестве мелких спекулянтов¹⁶⁵.

Самыми крупными скупщиками земли, в руках которых находилось три четверти купеческого землевладения, были восемь семей — Мальцевы, Шихобаловы, Курлины, Аржановы, Корепановы, Плешановы, Ковригины и Сапожниковы. К 1868 г. у Мальцева с Корепановым было 150 тыс. собственных земель, к ним арендовалось еще более 300 тыс. дес. казенных и около 50 тыс. дворянских. Таким образом, Мальцев “со товарищи” держал в руках население двух южных уездов. На самарском земельном рынке то появлялись, то исчезали фамилии ловцов удачи, которые в случае везения наживали миллионы, но чаще попадали в долговую яму.

В ходе мобилизации земли в губернии в пореформенный период землевладение купцов удвоилось. В 1877 г. им принадлежало 261 имение площадью 658 466 дес., а в 1905 г. — уже 527 площадью 1 212 430 дес. Особенно крупными были владения купцов в Николаевском (398 276 дес.), Новоузенском (290 418 дес.) и Бузулукском (241 741 дес.) уездах¹⁶⁶.

Покупки земель купцами устойчиво росли до начала 80-х годов. Так, в 1863–1872 гг. они приобрели 488 участков в 474 612 дес., а в 1873–1882 гг. — 599 участков в 1 020 136 дес. Затем покупаемые имения измельчали: в 1883–1892 гг. приобретено 867 участков площадью 457 591 дес. Резко упала общая площадь купленных земель. Именно в этот момент купцов обошли по всем статьям крестьяне, приобретшие 2502 имения площадью в 567 945 дес.¹⁶⁷

Быстрый переход помещичьих земель в руки купцов вызывал болезненную реакцию у дворянства, не без повода со стороны новых землевладельцев. На юге купцы занимались спекуляцией землей, а на севере объектом их особого внимания стали лесные участки. Лес вырубался на продажу, были забыты дорогостоящие и малодоходные или вовсе убыточные дворянские затеи с садами, оранжереями, сложной лесохозяйственной вырубкой и т.п. Купец-помещик был лишен всего этого комплекса сентиментальностей, делавшего непрактичных дворян весьма уязвимыми в жестокой конкурентной борьбе. Дворяне на своих собраниях, в земстве винили “чумазных

лендлордов” в хищничестве и во многом были правы, но капиталистический “прогресс” брал свое.

Средний размер купеческого землевладения в 1877 г. составлял 2 522,9 дес., а в 1905 — 2300 дес. На смену дворянской латифундии шла не менее грандиозная латифундия купца. Новые помещики показали себя еще более худшими эксплуататорами, воспринявшими весь арсенал прежних методов. Правда, особенности таких хозяйств никто пока специально не изучал, и оценки в литературе даются самые приблизительные, главным образом на свидетельствах земских статистиков. Представляется бесспорным, что при всем внешнем сходстве эксплуатация крестьян старым помещиком-баринком и новым хозяином земли из купцов была различной. Менялась психологическая подоплека отношений, исчезала патриархальная атмосфера. Уже в этом заключалась колоссальная перемена, которая больно била по крестьянину. Его положение утрачивало устойчивость, рушились привычные стереотипы и ценности, иллюзии завтрашнего дня. Это создавало у него впечатление общего ухудшения положения. Крестьяне-старики, вспоминая прежние времена, говорили, что “при барине было лучше”.

В 70-х годах XIX в. в Новоузенском уезде купцы вели “большие торговые дела, занимаясь посевом пшеницы. Они арендуют на год несколько тысяч десятин нови: около июня они посылают по Волге из Самары, Симбирска, Казани целые артели рабочих для поднятия этой земли плугом: а весной они опять посылают пахарей, чтобы те потом засеяли и заборонили поле. В жнитво туда из разных мест отправляются массы народа для заработков”¹⁶⁸. Перед нами весьма типичная картина хозяйствования крупного арендатора, который мог даже и не посещать свой посев. Его интересовала прибыль от урожая, независимо от того, где и как он был выращен. Это хищническое спекулятивное землепользование постепенно уступало место правильному сельскохозяйственному производству на собственной запашке — экономической. Определенным рубежом был, по-видимому, период конца 70—начала 80-х годов, когда купцы перешли к экономическому хозяйствованию.

Свое сельское хозяйство они строили на более прочных основах, нежели дворяне. Интересно наблюдение английского путешественника, посетившего наш край в конце 70-х годов, об отношении купца к усовершенствованному инвентарю: “Русский купец в редких случаях действует по собственной инициативе: например, если ему понравится какая-нибудь машина, то он сперва обратит внимание на то, как она работает у других и насколько она выгодна и тогда сам ее приобретает. Полнейшую противоположность в этом случае представляют прежние помещики, которые или покупают всякую машину без разбора, или же относятся ко всем хозяйственным нововведениям вполне индифферентно”¹⁶⁹.

Примером крупных хозяйств могут служить имения купчих Ново-крещеновой и Неклютиной. Имение “Черемушка” в Николаевском уезде было заложено У.М. Новокрещеновой в Государственный банк по соло-вексельному кредиту в 1889 г. Из описи видно, что имение бы-

ло крупное — 5141 дес., с валовым доходом в 52 450 руб., причем от полеводства — 33 200 руб. и скотоводства — 14 450 руб. Высеивалась рожь, пшеница, овес по шестипольному севообороту на общей площади в 630 дес. Инвентарь включал косилки “Вуда”, паровую молотилку стоимостью в 6500 руб. и грабли “Тигр” (4 шт.). Инвентарь явно неполный; нет орудий для обработки почвы. Рабочий скот был в достаточном количестве: 60 лошадей, 250 быков. Продуктивного скота также было немало: 30 коров, 90 кобылиц и 20 жеребцов, 70 голов лошадиного молодняка, 30 телят. Госбанк оценил имение в 60 тыс.руб. и выдал ссуду в 17 тыс. руб.¹⁷⁰

Еще более мощным было имение Анастасии Матвеевны Неклютиной в Бузулукском уезде. Она сама вела хозяйство со строгой экономической отчетностью, что встречалось не столь часто. Опись госбанка составлена в 1887 г. Из нее видно, что площадь имения 7711 дес., из них в севообороте находилось 2570 дес. (270 дес. занимала озимая рожь и 2300 дес. — яровая пшеница). В имении был весь необходимый инвентарь: 68 пятипарных плугов, 30 косилок “Вуда”, паровая молотилка “Рансома” в 10 л.с., бороны, сбруа и т.п. Из рабочего скота было: 50 лошадей, 340 быков, 42 верблюда. В имении имелся конный завод на 150 маток, 12 жеребцов и 86 голов молодняка. Продуктивное стадо составляли 190 коров. Запашка обрабатывалась наймом за деньги лишь на четверть (до 600 дес.), основная же часть — за отработки или из доли урожая. В аренду за деньги сдавалось 2,5 тыс. дес. сенокоса. Валовый доход с имения составлял 193 300 руб. (175,8 тыс. — от полеводства). Владелица мотивировала залог имения недостатком оборотного капитала, необходимого для того, чтобы переждать неблагоприятную рыночную конъюнктуру. Банк оценил имение в 192 775 руб. и выдал кредит в 64 тыс. руб.¹⁷¹ В разных уездах Самарской и соседней с ней Оренбургской губерний Неклютина также имела семь крупных имений — по 6–7 тыс. дес. каждое. Наблюдения за столь мощным сельскохозяйственным комплексом в начале XX в. показали, что производство в нем постоянно росло, появились дорогостоящие машины вплоть до тракторов¹⁷².

Если дворяне стремились к господству в местной администрации, занимали важнейшие должности в губернии и уезде, то купцы были настоящими хозяевами экономической жизни края. Они не замыкались в узком мирке своей усадьбы, сословной корпоративной организации, для них не было губернских и даже региональных границ. Их товары на пути к потребителю проделывали подчас далекий путь, пересекая границы экономических регионов и государств. Самарская крупчатка поступала в Европу различными путями. Английская королева свой день начинала с булочки, выпеченной из волжской муки.

Наконец, отметим важное обстоятельство: большинство купцов были выходцами из крестьян, причем многие были купцами в первом-втором поколении. Это накладывало отпечаток на их быт. Вспоминается диалог из романа А.И.Эртеля “Гарденины, их дворня, приверженцы и враги”. Беседуют швейцар Григорий и младший дворник:

— Отчего это, Григорий Евлампич, господа спят долго? — сказал

дворник, опираясь на метлу. — Я вот на Калашниковой у купцов жил: те страсть как рано поднимаются.

— Вот и вышел дурак, — важно проговорил швейцар, — то купцы, а то господа.

— Что ж купцы? Чай, естество-то одно.

— Эва, махнул! Может, и у тебя одно естество с генеральшей?

Дворник не решился ответить утвердительно.

— Об нас что толковать, — сказал он, — коли из мужиков, так уж из мужиков. А я вот насчет купчества. Какие есть несметные богачи, но между прочим встают рано.

— Да купец-то, по-твоему, не мужик? Дедка его ошметком щи хлебал, а он разжился, в каретах ездит¹⁷³.

Еще более характерен монолог состоятельного купца Силы Гордеича Чернова из известного романа Скитальца: “Я... открытый враг дворянского сословия. Они проживали, а мы наживали! Они падали, а мы возвышались... Дом мой в городе — тоже бывший дворянский. Деньги прожить, проесть и пропить — это преступление великое: не жалеть и не любить деньги — это значит людей не уважать! Кто рубля не бережет, тот сам гроша не стоит!... Ненавижу дармоедов, расточителей, разрушителей! — загремел он вдруг разряжающимся голосом. — Уважаю только тех, кто создает, кто накапливает. Идея накопления капитала — это великая идея! Ей посвятил я жизнь мою: самоучка, учился в уездном училище, с пастуха начал. На себя трачу не больше, чем, может быть, самый последний бедняк тратит. Идее служу! Российский капитал воздвигаю, создаю силу, которая в общем своем составе, может быть, впоследствии все судьбы России к лучшему будущему повернет. Ведь вы подумайте, что это за сила! Каждая копейка — работай! Все — кипи! Все — возрастай! Пускай корни, накапливай силу! Капитал — это все! Если одни растратят, другие должны будут опять с самого начала создавать его. Без этого — гибель, без этого — смерть! Все — для создания капитала, в нем — все начал? и все концы!...”¹⁷⁴

Следы бурной деятельности самарского купчества сохранились по сей день: лучшие в городе особняки, водопровод и трамвай, больницы и магазины, жилые доходные дома и пристани и многое другое, но самое главное — оживленный рынок и преображенный к концу XIX в. край.

ПРИВОЛЖСКИЙ “НОВЫЙ ОРЛЕАН”

За первые полвека своего существования в качестве губернского центра Самара преобразилась. Волею истории она была поставлена в центр обширного, динамично развивавшегося экономического региона.

Город уже не уместался в своих старых границах. Огромные обозы с хлебом, караваны судов и суденышек, древние почтовые тракты и новейший стальной путь ежедневно наполняли его пестрой шумной толпой людей, многие из которых не прочь были обосноваться на жительство в столь бойком торговом центре. Поразительно разноречивы впе-

чатления современников, видевших Самару в эту пору ее прорыва в коргору крупнейших торговых речных портов России. В 1857 г. город посетил Т.Г. Шевченко. Вот его оценки: “Издали эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма неживописна”; “чопорная юная купчиха”; “ровный, гладкий, набеленный, нафабранный, до тошноты однообразный город. Живой представитель царствования неудобозабываемого Николая Тормоза”; “огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан!”¹⁷⁵ В конце века свои впечатления о Самаре записал писатель и журналист В.И. Немирович-Данченко: “Этот город будущего, это здоровый, кровь с молоком, юноша, перед которым все розовеет и золотится в лучах восходящего для него солнца. По мере того, как падал Симбирск, аристократический и дворянский, вырастала демократическая Самара, забирая поволжскую торговлю в свои сильные мозолистые руки”; “в самой дали едва рисовался еще песчаный бугор Царева Кургана, а вдалеке уже блеснула, на гребне довольно возвышенного берега, Самара. Солнце ярко бьет в лесной скат, массы судов, барок, расшив золотятся внизу, а над всем, и над этою красивою рекою, и над этими зелеными горами рисуются полувоздушными очерками белые стены молодого города, все вырастающего на горе беднеющему Симбирску”¹⁷⁶.

Деревянная Самара часто покрывалась неожиданно новыми срубам: очередной пожар безжалостно уничтожал строения, почти беззащитные перед стихией огня. После памятного пожара 1850 г., уже в губернском ранге город дважды подряд опустошался — 12 мая 1854 и 10 июня 1856 г. Сотни каменных и деревянных домов, салотопенные заводы, даже церковь стали добычей пламени. Сгорели старый гостинный двор, палата госимущества, строительная и дорожная комиссии, губернская чертежная, городская Дума, магистрат, ремесленная управа, сиротский суд. Нередко огонь перекидывался через р.Самару, где были мельницы и заводы. В пожаре 1856 г. в огне оказались здания уездного казначейства, полиции, земского суда, духовного и уездного училищ. Однако огонь не смог подорвать жизненные силы города (как это иногда случалось с другими городами), напротив, всякий раз он лишь шире разрастался.

По подтвержденному 19 ноября 1853 г. новому плану города (составлен губернским землемером Федоровым при содействии чертежника Фирсова) территория его была разделена на 140 жилых кварталов, очерченных 17 улицами, параллельными Волге, и 17 — перпендикулярными. Под строения отводилось 1 тыс. дес. земли, с точным определением мест для домов губернатора, архиерея, дворянского собрания и других важнейших губернских учреждений¹⁷⁷. В 1869 г. местное начальство добилося правительственного запрета строить деревянные дома в старой части города, где была велика скученность построек. Центр стал быстро застраиваться каменными зданиями, которые, впрочем, не обладали большими архитектурными достоинствами. Старейшие улицы Преображенская и Казанская были заселены преимущественно купцами: им важно было быть поближе к пристаням. Другая купеческая застройка тяготела к Троицкой базарной площади. Чис-

ло каменных зданий росло с каждым годом: в 1840 г. было всего 17 каменных домов, в 1851 г. — 253, в 1861 г. — 353, в 1871 г. — 723, а в следующем — уже 1240¹⁷⁸. П.В. Алабин видел причины такого скачка в 70-е годы “в развитии местной торговли, а также в сооружении железной дороги, с открытием которой естественно ожидать большего развития всякого рода промышленной деятельности в городе и наплыва новых деятелей и капиталистов”¹⁷⁹.

Постепенно, к концу XIX в., центр города переместился с Казанской на Дворянскую улицу. Казанская улица вела к Хлебной площади, где шла основная хлебная торговля. Поэтому здесь выстроились основные присутственные места, резиденция губернатора — в доме купца Субботина, выдержанного в стиле итальянского ренессанса (конкурсный проект петербургского архитектора В.А. Шретера), далее расположился Дом дворянского собрания (проект губернского архитектора А.И. Мейснера). Приметными были дома купцов-миллионеров Аржанова и Шихобалова. Эта улица (теперь А. Толстого) и ныне производит внушительное впечатление, как и ее соседка, ул. Преображенская (Водников).

Динамично развивалась Дворянская улица. Она стала символом новой Самары: не замкнутые купеческие семейные компании, а демократичная магазинно-лавочная торговля, не запертые на крепкие запоры высокие “чанные ворота”, а открытые публике витрины. В 50-60-е годы XIX в. здесь еще преобладали деревянные домишки и обширные пустыри, но к концу 70-х, после запрещения возводить такие строения, сосредоточились магазины и лучшие лавки города с колониальными, красными и галантерейными товарами. П.В. Алабин отмечал: “В последнее время эти лавки стали щеголять друг перед другом зеркальными окнами (широкое толстое стекло) и красивыми в них выставками товаров”¹⁸⁰. Не случайно именно Дворянская улица стала “любимым местом гульбища самарского общества в зимний сезон, как Невский проспект в Петербурге”.

Главенство новой центральной улицы города обеспечила Алексеевская площадь, названная в честь митрополита Московского и всея Руси Алексия — святого покровителя Самары. Это была квадратная площадка, в центре которой стояла трехъярусная башня с часами. Напротив башни в углу имелся большой чан с водой на случай пожара. Площадь обрамляли каменные дома купца Светова, выкупленные городом для административных учреждений. На их основе в 1870 г. было отстроено здание окружного суда — первое двухэтажное здание на этой площади (проект архитектора Теплова).

На Дворянской улице с каждым годом прибавлялись новые каменные здания — городская Дума, Александровская библиотека (дом Ю.Б. Христензена), Коммерческий клуб, дом Дунаева в итальянском стиле (проект петербургского архитектора А.Г. Грюнвальда), любившейся самарским купцам. В 1888 г. в конце улицы вырос красавец-театр, выстроенный в русском стиле (московский архитектор М.Н. Чичагов).

От Дворянской каменные строения появились по улицам Саратов-

ской, Николаевской, Соборной, Предтеченской, Панской. Пожары убедили самарцев строить нескученно, оставлять широкие улицы. Полиция следила за тем, чтобы при застройке соблюдалась красная линия улицы. Особенностью поквартальной планировки было то, что дома имели неширокую парадную часть, выходящую на улицу, остальной комплекс строения развивался вглубь квартала. Так сложились своеобразные дворы-колодцы, которых немало сохранилось в исторической части города.

Важнейшее место в городской застройке принадлежало храмовому зодчеству. Пожалуй, именно здесь в наибольшей степени проявился демократизм Самары с ее конфессиональным многообразием. Вопрос этот тесно связан с проблемой населения. Самара входила в группу российских городов (наряду с Одессой, Ростовом-на-Дону, Николаевом), которые по темпам роста населения далеко превышали средний по России уровень. Численность населения в 1870 г. составляла 14 494 человека, в 1884 г. — 75 478, в 1897 г. — 91 600 человек¹⁸¹. Первая Всеобщая перепись населения России 1897 г. выявила, что 30 469, или 33%, жителей были коренными самарцами, еще 24 553 прибыли из уездов губернии, а 34 699 (37%) были уроженцами других губерний. Больше других было выходцев из Казанской (4293), Симбирской (11 536), Нижегородской (2143) губерний. Значительным было число выходцев из Владимирской, Вятской, Пензенской и Саратовской губерний¹⁸².

По вероисповеданию населения картина была следующей: православных — 80 493, единоверцев, раскольников и старообрядцев — 3478, католиков — 1244, протестантов (лютеран) — 1036, мусульман — 2364, иудеев — 1327¹⁸³. Русский язык называли родным 82 907 самарцев, украинский — 402, белорусский — 81, польский — 958, татарский — 2301, мордовский — 639, чувашский — 87, башкирский — 28, тептярский и киргизский — по одному человеку, иностранцы (немецко-язычные) были уроженцами Австро-Венгрии, Германии и Пруссии.

Преобладание русского населения выразилось в количественном преобладании православных храмов. К концу века здесь было 22 каменные церкви. Относительно принципов расположения культовых зданий в Самаре краеведы-архитекторы высказали различные суждения. Неутомимый исследователь древностей Самары Е.Ф. Гурьянов считал, что “продольные, вдоль Волги, улицы Самары — Преображенская, Казанская, Вознесенская, Дворянская, Саратовская и другие — в ходе развития застройки города “шагали” от Волги и как бы вешались церквями”¹⁸⁴. А.Г. Моргун выделяет три принципа расположения храмов. Он справедливо считает их пространственными ориентирами городской застройки вообще. Первый принцип — на пересечении улиц, когда вертикаль храма “работает” на все четыре направления. По этому принципу была поставлена в 1889 г. Ильинская церковь на перекрестке Алексеевской и Ильинской улиц, так стояла построенная в 40-х годах Троицкая церковь — на перекрестке Панской и Троицкой улиц, Воскресенская церковь на площади того же названия. Второй принцип — замыкание перспективы одной улицы. Именно его, видимо, имел в виду Е.Ф. Гурьянов. Так стояли самые старые храмы: Спасо-

Преображенская церковь XVII в. конце Преображенской улицы, Собор во имя Казанской Божией матери XVIII в. в районе Хлебной площади, нынешний кафедральный храм во имя Покрова Богородицы в конце Предтеченской улицы (постройка 1861 г.), а также построенная почти одновременно с ним церковь во имя св. апостолов Петра и Павла на ул. Соловьинной и др.¹⁸⁵ Третий принцип — “в интервалах периметральной застройки городских кварталов (главным образом на одном из углов перекрестка)” — был положен в основу строительства церкви при Николаевском сиротском доме (1864—1868 гг.) на ул. Преображенской, Вознесенского собора и колокольни на ул. Вознесенской, многокупольной Казанской единовременской церкви¹⁸⁶.

Наиболее значительным фактом храмового зодчества в Самаре стало строительство кафедрального собора на самой просторной площади города, получившей название Соборной, как и ул. Сенная, выходящая на нее. Инициатором строительства был архиепископ Самарский Герасим, который обратился за разрешением к местным властям 4 апреля 1866 г. Совпадение этого события с неудачным покушением Д. Каракозова на императора Александра II ускорило получение разрешения на строительство со стороны правительства. Император пожертвовал на собор 2 тыс. руб.¹⁸⁷ 4 апреля 1869 г. был положен первый камень в основание храма. Проект постройки был разработан под руководством председателя технического комитета Министерства внутренних дел архитектора Жибера. Собор построили и освятили в 1894 г. с двумя приделами — во имя св. князя Александра Невского и во имя всех святых, поименованных на 4-й день апреля.

Относительно внешнего облика нового собора и его места в общей архитектонике города высказывались разные, порой полярные, точки зрения. Е. Ф. Гурьянов безоговорочно поддерживал уничтожающую характеристику архитектурных достоинств собора, данную графом Е. А. де Салиасом: “Что-то в высшей степени уродливое, коричневое, цвета мухомора... образчик той эпохи кнута и вина, в которую его состреляли на ужас эстетического чувства”, и противопоставлял взорванному в 30-е годы храму — “монументальный образ начала социалистической культуры” — нынешний “Дворец”¹⁸⁸. Сегодня местные газеты наперебой публикуют изображение утраченного храма, подчеркивают его художественные достоинства. Очевидцы так же писали о внушительном впечатлении, которое производил новый собор. Географ и путешественник А. П. Нечаев (1904) так писал: “Из... городских сооружений наибольшее внимание привлекает собор, построенный в византийском стиле, и довольно красивое здание театра”; писатель Е. Л. Марков сообщал: “Большой пятиглавый собор византийского стиля во имя св. Александра Невского, с высокою колокольней, еще не вполне отделан: за ним на северной окраине города, такой же пятиглавый Иверский женский монастырь со своими церквями и обильнейшим колодцем ключевой воды, охваченный зубчатою стеною”. “Скученные вместе громадные каменные корпуса многоярусных крупчатов и Жигулевский пивоваренный завод с их дымящимися трубами, роскошный Струковский сад, нависший над берегом Волги, шпиль и шатры театрално-

го замка, и над ними два пятиглавые собора с колокольнями, видные теперь от макушки до пяток, все это составляло очень яркую и живописную картину”¹⁸⁹.

Около 20 лет продолжалось строительство архитектурного ансамбля лютеранской кирхи на углу улиц Дворянской и Предтеченской, недалеко от старого, единоверческого храма. Сначала построили кирху с колокольней (проект самарского архитектора Н.Н. Еремеева), а в 1875 г. возвели два фланкирующих флигеля, соединив их с кирхой специальной металлической оградой, которую потом заменили на одноэтажную постройку.

Адаптация к роли торгово-промышленного центра вызвала к жизни обширное строительство зданий хозяйственного назначения. В 1875 г. Самара стала железнодорожной станцией. Через два года был возведен пассажирский вокзал (проект Н.И. де Рошефора). Восемь пристаней обслуживали частные пароходства “Самолет”, “Кавказ и Меркурий”, “По Волге” и др. В 1876 г. в городе действовали 71 магазин, 697 лавок, около 70 предприятий: 15 кирпичных, 11 салотопенных, 7 кожевенных, 5 горшечных, 3 механических, клееваренные, поташные и т.п. заводы и заводики, 3 паровых и 60 ветряных мельниц — всего около 20 наименований¹⁹⁰. Позднее открылась паровая мукомольная мельница Курлина и Субботина, вскоре вслед за этим — “Товарищество паровой и мукомольной и крупчатой мельницы и заводов в Самаре” (Субботин, Шихобалов, Курлин), Жигулевский пивоваренный завод фон Вакано, макаронная фабрика Кеницер, кондитерская фабрика, лесопильный завод Наймушина, чугунолитейный завод Лебедева, маслособойный завод Вишнякова, спичечная фабрика “Волга” Зелихмана, кирпичный завод Жукова, огромная паровая мельница Башкирова производительностью в 3 млн пуд., кондитерская фабрика Гребжева, мыловаренный завод Уласова, спиртоводочный завод, обувная фабрика Чувашьянц, завод искусственных минеральных вод, кондитерская фабрика Савинова и Каргина, электростанция мощностью в 300 кВт, механический и чугунолитейный завод Платкова и мн. др.¹⁹¹ Неизбежным сопровождением промышленных предприятий, пристаней и железнодорожной станции были различного рода складские помещения, амбары, штабеля дров, строевого леса.

Самым приметным явлением промышленной архитектуры стал Жигулевский пивоваренный завод. На берегу Волги в 1881 г. появились сначала одноэтажные корпуса, затем по проекту германской машиностроительной фирмы И.С. Швальбе развернулась их реконструкция. Территория завода была отгорожена от реки подпорной стеной, сложенной из штучного известняка. Над ней взметнулись красивые корпуса, ставшие выразительной частью городского фасада, обращенного всеми своими парадными строениями и храмами к Волге.

Уже в начале 70-х годов XIX в. строительством новой земской больницы на ул. Полевой были нарушены границы застроенного Николаем I городского плана. Пригороды стали быстро застраиваться без всякого контроля со стороны властей. Самовольные поселки появились в северо-восточной части города и за железной дорогой. Назва-

ния их колоритны и многозначительны: Кавказ, Новый Оренбург, Запанской. В них часто звучит указание на хозяина земли: Афон (на земле мужского монастыря), Молоканский (на земле братьев-молокан Грачевых), Федоровский (на участке землевладельца Федорова), дальше — посёлок Мещанский, Закладбищенский, Заовражный и т.п. Среди их жителей уже не было даже мелкого самарского обывателя, его место обитания — окраины “официального города” (ул. Троицкая, Москательная, Симбирская, Почтовая, Сокольничья, Самарская). В самовольных посёлках массажи селились отходники, крестьяне, рабочие расположенных тут же, вперемежку с жилищами, мельниц, мелких заводиков.

Ещё дальше за городом, вдоль Волги, разместились крупные дачи состоятельных самарцев. Особенно живописной была дача Аннаева с кумысолечебницей. По описанию Е.Л. Маркова, “дача Аннаева, построенная в стиле средневекового французского замка, ярко выделяется среди этого тёмного лесного фона на вершине крутого зелёного холма прямо над пучиною Волги своими белыми круглыми башнями и высокою красною кровлей, между тем как внизу холма весело выглядывают из разных углов того же тёмного леса белые зубцы приворотной башни и разные хозяйственные и увеселительные постройки, разбросанные по береговому обрывам... Дачи идут и дальше и дальше по берегу, но уже совсем не такие красивые”¹⁹².

Железная дорога резко подняла значение Самары как торгового центра и перевалочного пункта, в котором происходило перемещение транзитных грузов с сухопутного на водный путь. Важнейшими товарами для самарского рынка были хлеб, скот и сало. Сало (преимущественно для Санкт-Петербурга) закупалось, как и пшеница, главным образом, на ярмарках. Крупнейшими были три ярмарки: Сборная — на 3 неделе Великого поста в течение 15 дней, Казанская — с 8 по 18 июля и Воздвиженская — с 14 по 25 сентября. На внутренние и граничные рынки отпускалось огромное количество сырых кож — до 1,5 тысяч пудов. В 1896 г. в Самару по рельсам и воде прибыло 9,6 млн пудов хлебных грузов, отправлено 2,4 млн пудов, в том числе: пшеницы и полбы — 4,6 млн пуд., ржи — 1,7 млн, овса — 166 тыс., проса и пшена — 1,7 млн, гречи — 21 тыс., отрубей — 399 тыс. пудов. Пять крупнейших мельниц Самары размалывали 6 млн пудов пшеницы, водяная мельница — 2 млн пудов. С железнодорожной станции “Самара” в 1897 г. было отправлено 8,6 млн пудов товаров, прибыло — 11 млн. Пристань принимала в год до тысячи судов: в 1897 г. прибыло 956 судов с грузом в 14,3 млн пудов, а отправлено 1491 судно (из них 862 паровых) с грузом в 19,2 млн пудов. Важную роль играла торговля лесом, который доставляли на плотках из лесных губерний. В 1897 г. к лесной пристани Самары прибыло 190 плотов. Е.Л. Марков сообщает, что у подножия самарского холма тянулся “целый городок новых бревенчатых срубов с крышами и без крыш, срубленных в дешёвых лесах Костромской и Нижегородской губерний и выставленных здесь на продажу лесными торговцами”¹⁹³.

Крупные торговые обороты Самары привлекли внимание столич-

ных купцов и финансистов, а также купцов из поволжских центров — Рыбинска и Нижнего Новгорода. С 70-х годов начинается утверждение здесь частного и взаимного кредита коммерческого характера. Первым, в 1871 г., открыл отделение в Самаре Волжско-Камский банк (ВКБ). К 1873 г. он распространил свою деятельность на весь хлебный район Волги и Камы, тяготевший к Петербургу¹⁹⁴. В первые пять лет операции ВКБ быстро возросли, наблюдался значительный прилив вкладов, получило широкое развитие учетно-ссудное дело. Однако после неблагоприятного 1876 г. все операции, не имевшие коммерческого, краткосрочного характера, особенно ссуды под имения, были ликвидированы, и правление перешло “к строгому и сдержанному размещению банковских средств”.

Позднее развернул свои операции Азовско-Донской коммерческий банк (АДКБ). Он выдавал ссуды под соло-векселя заемщиков сроком на 12 месяцев, обеспеченные залогом имений, инвентаря, сельхозпродуктов. Наибольший интерес АДКБ вызывал экспортный хлеб, который давало Заволжье. “В последние годы заволжские хлеба занимают выдающееся положение в экспортной торговле Ростова-на-Дону и Новороссийска,— сообщал председатель правления банка, — количество хлеба, поступающего с волжских пристаней по р.Дону, в Ростове определяется в 10 млн пудов. Совет банка признал необходимым открыть отделение в Самаре “как центральном пункте хлебной торговли на Волге”¹⁹⁵. В 1894 г. открылось отделение Русского торгово-промышленного банка. С 1893 г. в Самаре начала действовать биржа. Развивались операции Государственного коммерческого банка, Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков, зарождался мелкий кредит в форме ссудно-сберегательных товариществ, кредитных обществ на взаимной основе и т.п. Таким образом, Самара оказалась в центре формирующегося денежного рынка.

В ГУЩЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Политическая окраска пореформенного периода во многом определялась тем впечатлением в обществе, особенно в среде интеллигентной молодежи, которое производила мучительная адаптация деревни к новым посткрепостническим отношениям. Наибольший резонанс вызвал протест крестьян Казанской и Пензенской губерний против безземельного освобождения, да еще с сохранением ненавистной барщины под видом временнообязанного состояния. К 1864 г. обозначился спад первой, наиболее острой реакции крестьян, но движение и недовольство не прекратились вовсе. Отказ от выполнения издельной повинности, от внесения выкупных платежей, треб. чаяние дарственного надела и т.д. — все это, наряду с циркулировавшими в крестьянской среде самыми невероятными слухами о “черном переделе”, является приметой народных настроений последующих десятилетий.

В пореформенной Самарской губернии известны 210 крестьянских выступлений. Наиболее активными были крестьяне Бугурусланского и Николаевского уездов¹⁹⁶. Яркими проявлениями борьбы за землю бы-

ли открытые захваты сенокосных угодий и распашка помещичьей земли в августе — сентябре 1861 г. в д. Сытовка и Колыбелка Николаевского уезда, нападения крестьян на землевладельцев в д. Байраки Бугульминского уезда в июне 1882 г. и т.п. Сюда же следует отнести порубки помещичьего, удельного и казенного леса, самовольное скашивание лугов и покосов. Крестьяне отказывались выполнять барщинные и оброчные повинности, вносить выкупные платежи, стремились вырваться из временнообязанного состояния. При этом они проявляли редкое единодушие и солидарность. В 1871 г. шесть деревень Смагинской волости Бугурусланского уезда почти полгода не исполняли издельную повинность. Крестьянин, чрезвычайно дороживший землей и каждой минутой труда на ней, отрекался от этой вековой привычки и отказывался обрабатывать свой надел. Так, поступили крестьяне 12 селений Калмаюрской волости Самарского уезда в 1864 г. Протест был упорным и длился четыре с половиной месяца. К формам борьбы против повинностей следует отнести и широко распространенные в Самарской губернии требования о предоставлении дарственного надела. В 1861—1864 гг. в Бугурусланском уезде произошло 29 выступлений, из которых 18 представляли борьбу против повинностей, выражавшуюся главным образом в требовании “царского”, “сиротского”, т.е. дарственного, надела.

Выступления крестьян против административно-судебного гнета — наименее изученная сторона крестьянского движения. В Самарском Заволжье это был, прежде всего, протест крестьян против разорительной для них практики массового убоя в целях борьбы с эпизоотиями, которые были частым явлением: сибирская язва, сап, повальное воспаление легких уносили тысячи голов крестьянского скота. Самыми неблагополучными в этом отношении были Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский уезды¹⁹⁷. Местная администрация часто подвергала убою крестьянский скот по малейшему подозрению в заболевании, а иногда и, невзирая на отсутствие всяких тревожных симптомов, просто из служебного рвения.

В уездах, относительно свободных от эпизоотий, крестьяне решительно отказывались подчиняться властям, распорядившимся о введении в действие в 1885 г. инструкции о мероприятиях против чумы скота. Драматические события разыгрались в Бугульминском уезде, где несколько тысяч татар и башкир решились даже на открытое столкновение с губернатором и полицией¹⁹⁸. Резкий протест самарского крестьянства вызывали действия властей во время нередких эпидемий холеры. В этом отношении особенно выделялись 90-е годы. Главными очагами эпидемий были пункты найма сельскохозяйственных рабочих. Введение карантина приводило к крушению надежд десятков тысяч отходников из Пензенской, Тамбовской, Воронежской и других губерний на заработок. Боль и гнев обездоленных, многократно усиленные безысходной нуждой в самом насущном, выливались в кровавые столкновения с властями, которые, как правило, прибегали к помощи воинских команд.

Особенно напряженным было положение в бывшей помещичьей

деревне, в среде удельных крестьян. В 1864 г. самарский губернатор Н.П. Мансуров доносил министру внутренних дел П.А. Валуеву о волнениях удельных крестьян в Николаевском и Ставропольском уездах. При этом указывалось, что Николаевский уезд — “корень всех беспорядков по удельным селениям”¹⁹⁹. В большинстве случаев движение начиналось отказом крестьян выкупать землю и требованием дарственного надела (на что удельные не имели права). Известны имена активных вождей крестьян: Федор Изосимов (с. Хрящевка Ставропольского уезда), Федор Глазунов, Панкрат и Митрофан Савочкины, Николай Калинин, Иван Карев и бывший староста Морозов (с. Арбузовка Каменской волости Николаевского уезда). Требование, высказанное перед начальством Федором Глазуновым, сводилось к тому, что “нынешнее удельное начальство фальшивое”, “если царь не даст дара, то все крестьяне уйдут с княжеской земли”²⁰⁰.

В ноябре 1865 г. волнения охватили почти все селения бывшего удельного ведомства. Интересно отметить солидарность крестьян одной категории, в данном случае — удельных. Уездный исправник доносил из Ставропольского уезда, что крестьяне с. Крестовые Городищи за неделю до его приезда постоянно совещались с ходоками из Симбирского, Ардатовского уездов Симбирской губернии²⁰¹. Массовая порка крестьян не дала результата. Самарский губернатор Обухов указывал в донесении Валуеву, что “ни один из наказываемых ни во время наказания, ни после этого не испустил ни одного стога”²⁰². Решимость крестьян укрепилась, когда ночью в Крестовые Городищи явились “полными сходами крестьяне из с. Красного Яра, д. Кайбель и других деревень, и ночь проведена во взаимных совещаниях”. Лишь реквизиции скота заставили их уступить.

Наметившийся к 1864 г. спад в крестьянском движении продолжался до 1878 г. Начало 80-х годов отмечено непродолжительным подъемом. Особые опасения правительства вызывало распространение слуха о переделе земли, который обрастал сопутствующими домыслами, вызванными к жизни непонятными для крестьян покушениями на царя.

В конце XIX в. произошли холерные бунты, массовые порубки леса в казенных дачах (д. Каракашлы и Зай-Каратай Бугульминского уезда; Яковлевка, Косошеево, Нетик Бузулукского уезда), у помещиков (с. Раковка Самарского уезда, Максимовка Бузулукского уезда)²⁰³. Слухи о беспорядках в деревне, многократно усиленные тяжелыми впечатлениями от массового голода 1873 и 1891 гг., будоражили общество, вызывали у молодежи стремление прийти на помощь страдающему народу.

Общественно-политическая жизнь Самарской губернии пореформенного периода проходила под знаком нарастающей активности разночинной молодежи. Властителями дум были талантливые публицисты радикального лагеря, звавшие к борьбе за счастье народное — Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Огарев. Общественное настроение симпатизировало демократическим изданиям типа “Современника” и “Колокола”. Число подписчиков “Современника” росло и в Самаре: 1859 г. — 15, 1860 — 22, 1861 — 26²⁰⁴.

В конце 60 – начале 70-х годов усилилось антиправительственное настроение среди воспитанников гимназий, духовной семинарии, которые попытались создать ассоциацию-коммуну, но вскоре охладели к этой идее, ибо: “1) она будет каплей в море народной нищеты; 2) она может подавиться и развалиться от конкуренции кулака-капиталиста; 3) из членов ее есть полнейшая возможность выйти самым отъявленным буржуа, которые потом будут служить большим тормозом для более радикального движения рабочих к своему освобождению”²⁰⁵.

Первые кружки интеллигенции в Самаре не имели ясной антиправительственной направленности. Таким, например, был кружок С.И. Ивановой, попытавшейся также создать ассоциацию. Порой радикально настроенных пропагандистов собирали у себя сторонники модных идей из числа крупных землевладельцев (К.М. Сибиряков, М.А.Тургенева). На открытых М.А.Тургеневой педагогических курсах в Ставрополе в 1872 г. преподавала С.Л.Перовская, впоследствии видный организатор охоты на царя.

В 1871 г. возникли группы самообразования, члены которых — гимназисты — занимались изучением работ Лаврова, Писарева, “Политической экономии” Д. Милля с примечаниями Чернышевского в духе его экономической теории трудящихся. В 1873 г. ряд кружков объединился для совместного “саморазвития” путем чтения и составления рефератов. Был выработан ритуал приема в члены кружка, приобретен литографский камень для издания собственной газеты, но идея эта осталась нереализованной. Осенью лидеры кружка Городецкий и Чернышев уехали в Петербург для поступления в Технологический институт. Вскоре в столице сложился кружок-землячество самарцев (Городецкий, Андреев, Чернышев, Вейнштейн, Бух, Никитин, Трофимов, Курдюмов, Попов, Комов, Жуков, Жукова (сестра), Никольская)²⁰⁶. Это было время, когда студенческая молодежь, движимая идеей долга перед народом, активно готовилась к массовому “хождению в народ”. Самарская губерния стала одним из центров такого движения. К весне 1874 г. здесь сложилась разветвленная сеть очагов пропаганды с опорными пунктами в Самаре и Николаевске.

Члены столичного кружка-землячества в апреле 1874 г. прибыли в Самару. В одном из заброшенных пригородных домов, затопленных половодьем, состоялась сходка приезжих революционеров и местных. В числе последних были воспитанница Самарской женской гимназии В.Боголюбова, писец уездной земской управы, крестьянин с. Каменки И.Беляков, писец губернской земской управы, крестьянин с. Кротовки С. Дегтярев, крестьянин с. М. Толкай Р. Бодяжин, лакей в доме Бородин П.Александров, гимназист, крестьянин с. Грачевка Е. Лазарев. Летом двинулись “в народ” по трем направлениям: Царевщина—Семейкино—Ставрополь—Сергиевские Минеральные Воды: Смышляевка—Черновка—Грачевка и Вязовка—Екатериновка²⁰⁷. Действовали также в Дубовом Умете и Малом Толкае. Пропаганда состояла из призывов к отказу от имущества и уплаты податей, отрицания бытия Бога, “дерзких, оскорбительных слов против государя императора” — все впустую.

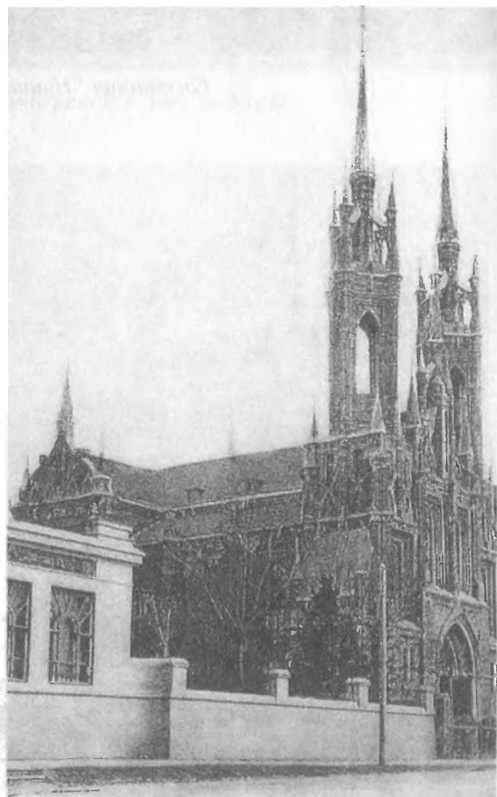
Соборная улица

*Самарский
кафедральный
собор*

Дача Аннаева

*Католический костел
в Самаре*

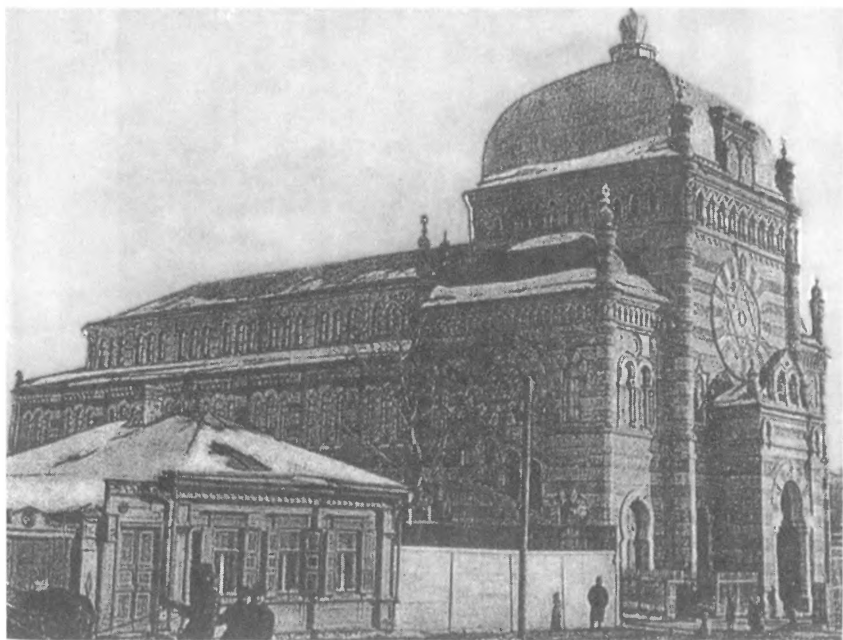
Гостиница "Националь"

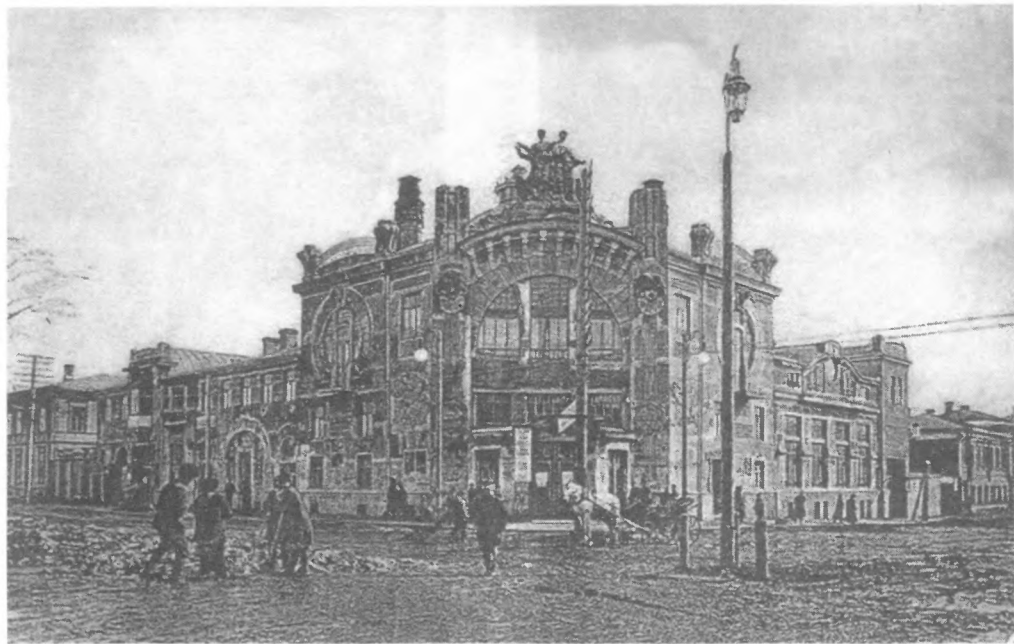
Дворянская улица

Памятник императору Александру II

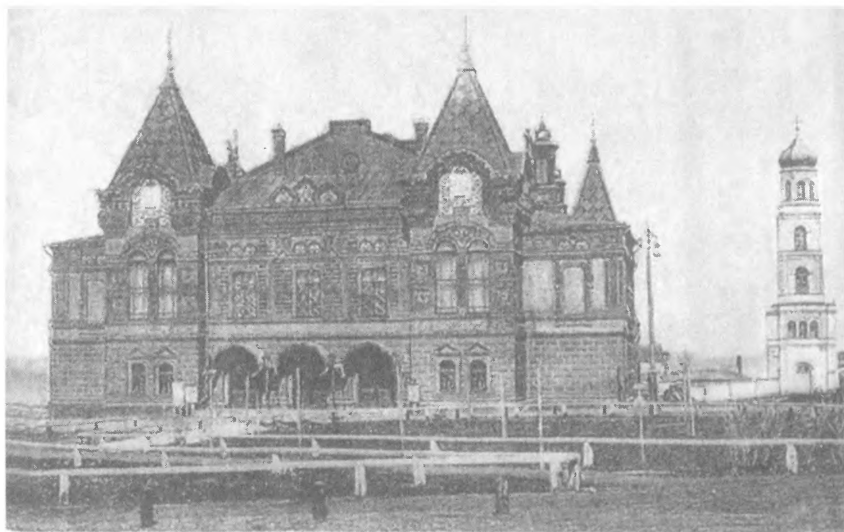
Синагога

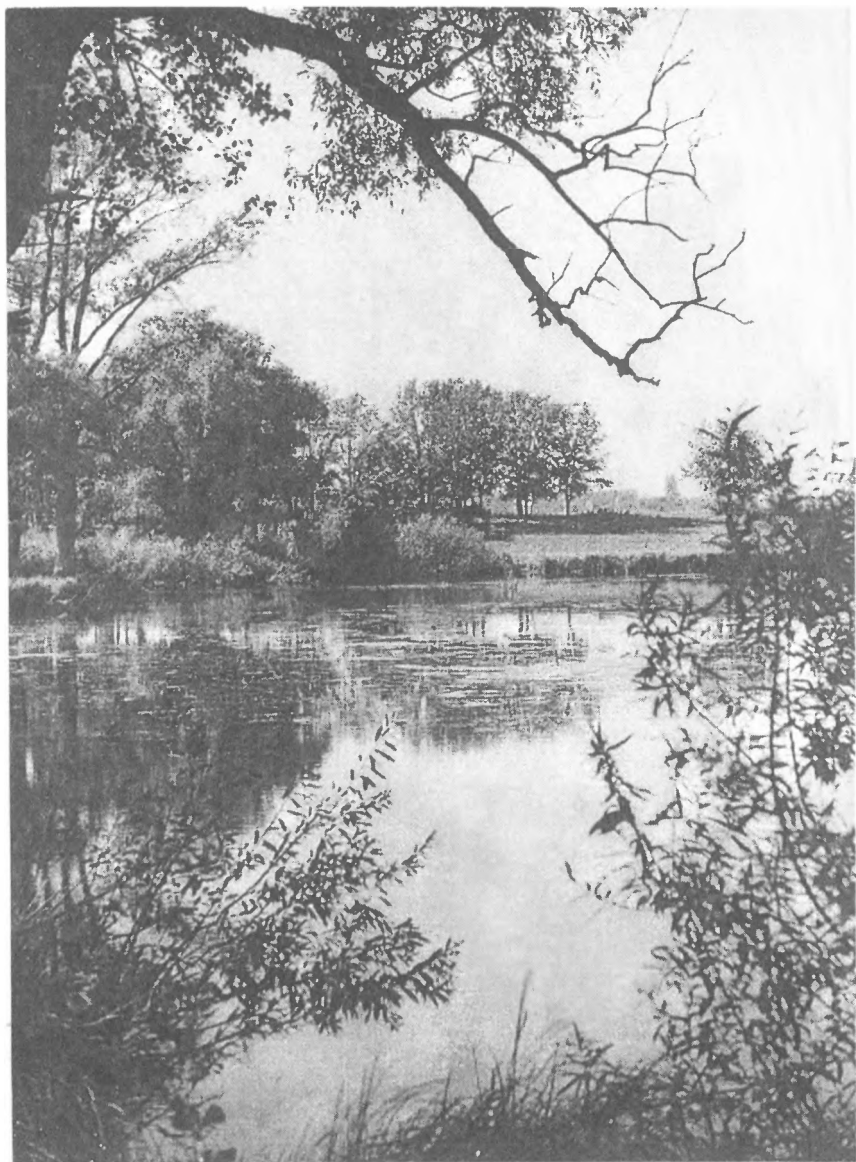
Театр "Олимп"

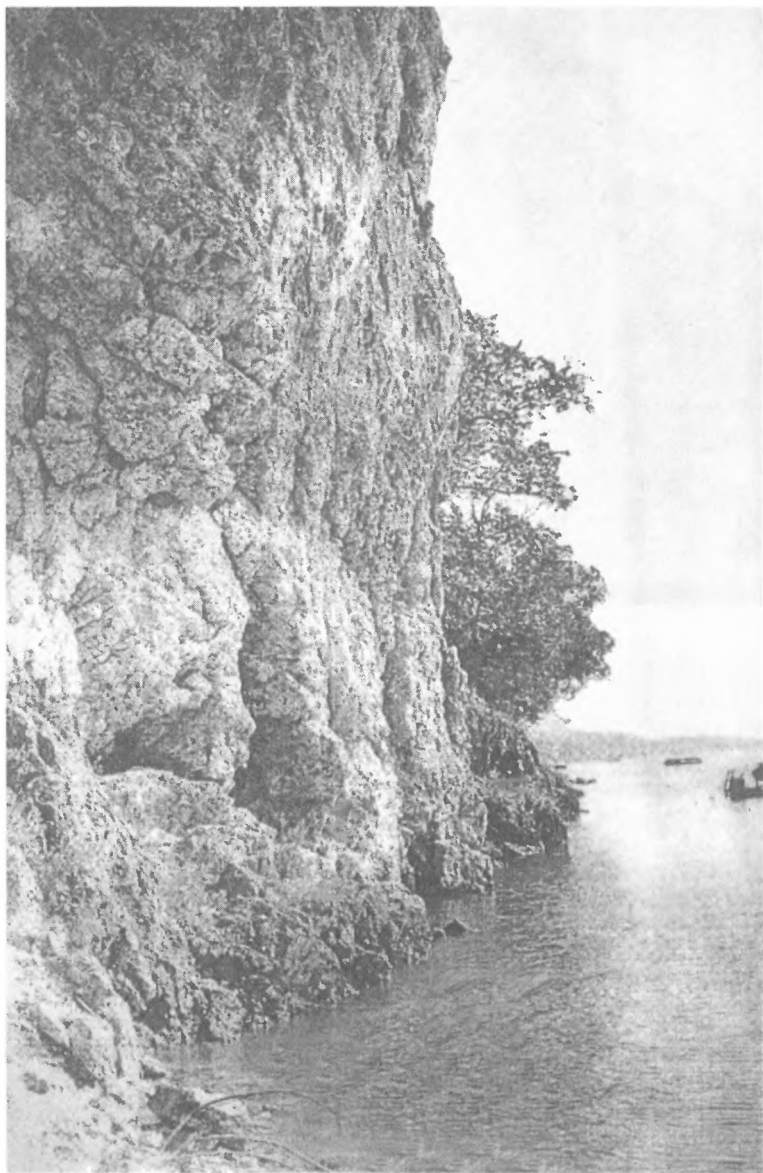
Самара. Железнодорожный вокзал

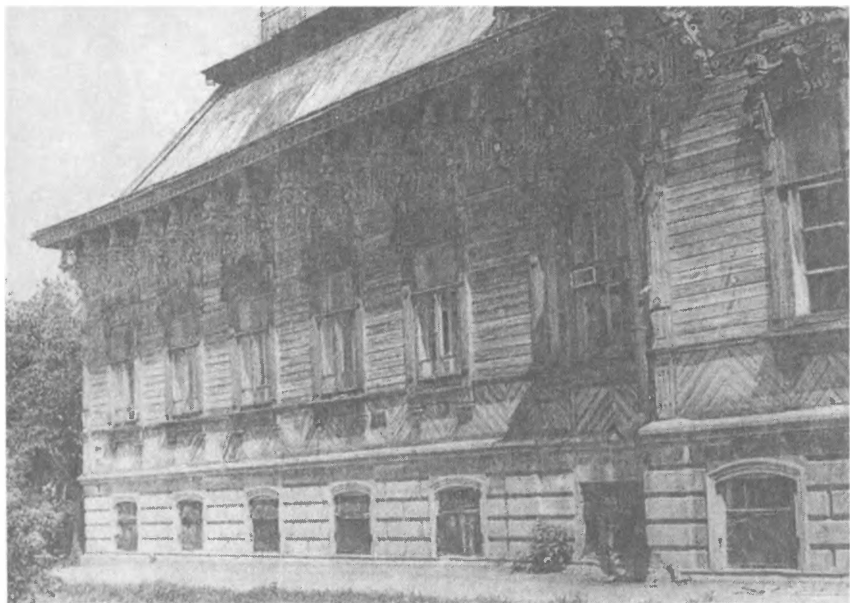
Городской театр

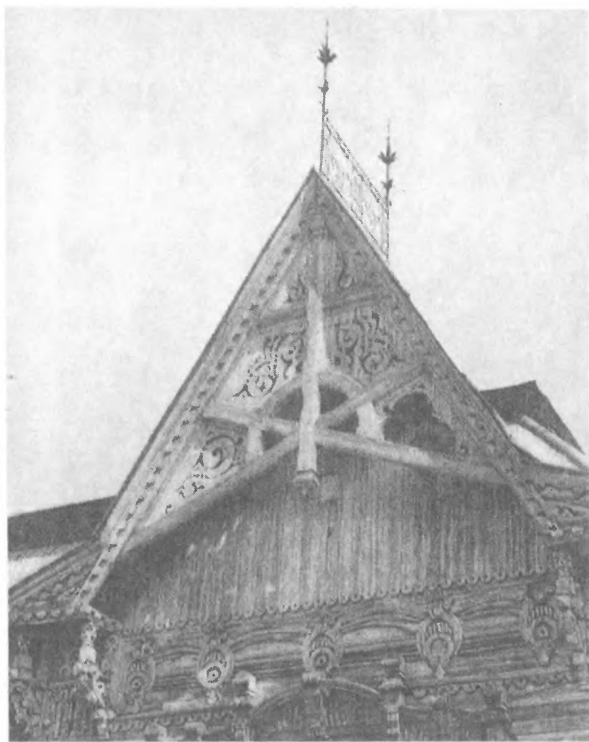
Пойменное озеро летом

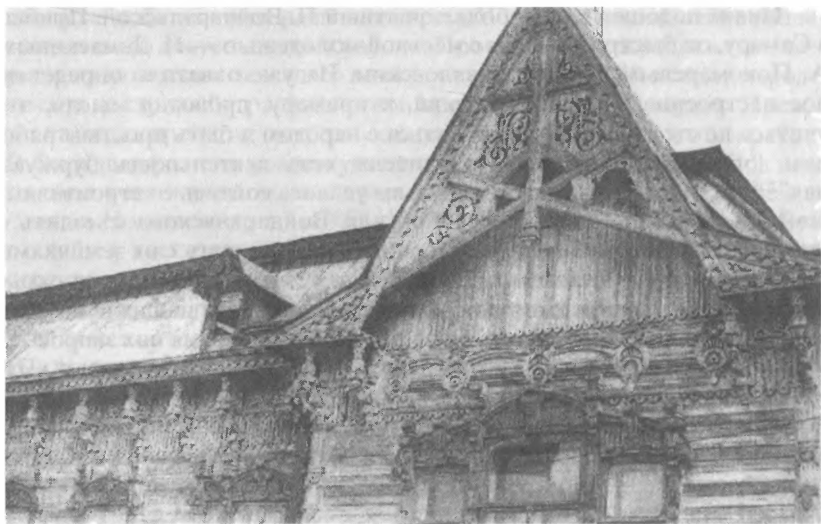
Соколы горы

*Дом в Самаре.
Деревянная резьба*

Детали дома

Детали дома

Иначе подошел к делу более опытный П. Войнаральский. Прибыв в Самару, он быстро сошелся с местной молодежью — И. Дамаскиным, А. Пономаревым, Н. Петропавловским. Их уже охватило определенное настроение: Петропавловский, к примеру, проводил мысль, что учиться не стоит, следует сближаться с народом и быть простым рабочим, “что даже деятельность учителя, есть деятельность буржуазная”²⁰⁸. Войнаральскому и его друзьям удалось сойтись со строителями земской больницы, которые попросили Войнаральского съездить к ним на родину в Симбирскую губернию и потолковать с их земляками. Он побывал в Карсунском и Сызранском уездах и возвратился окрыленным: “Настроение отличное, завел у крестьян два наших пункта... в книгах страшный недостаток, а от крестьян большой на них запрос”²⁰⁹. Пропаганда в Самарской губернии оказалась не столь успешной. Поездка Войнаральского с Надеждой Юргенсон в с. Васильевка Ставропольского уезда, где жил их знакомый учитель Л. Канаев, закончилась арестом. Крестьяне, послушав призывы перевешать господ и лишить царя власти, заявили о пропагандистах старосте, который взял их под стражу.

В Николаевске, удаленном от губернских властей, удобнее было действовать на легальном положении. Легализацию революционеров обеспечивал земский врач А.Кадыян. У них побывали и воспользовались протекцией весьма известные в революционной среде Н.Судзиловский, И.Речицкий-Логоинов, С.Ковалик. Особенно активен был Н.Судзиловский, который прибыл в Николаевск в начале марта 1874 г. с целью получить место участкового фельдшера. Некоторое время он исполнял в виде испытания фельдшерские обязанности при больнице тюремного замка. Вместе с Речицким он делал попытки распропагандировать арестантов, устроить некоторым из них побег. Для вывода из строя конвойных была заготовлена и передана арестантам смесь рвотного камня с ипекакуановым корнем, но побег не удался. 7 июля Кадыян был арестован, Судзиловскому удалось скрыться. Дальнейшая его судьба весьма примечательна: учеба в Бухарестском университете, участие в подготовке Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии; работа в клиниках Франции, Бельгии, Италии, Испании; американский консул на островах Восточной Азии; в 1892 г. — основатель партии гомрулеров на Гавайях; в 1900 г. под именем Каука Лукини (“русский доктор”) — президент Гавайского сената; революционная пропаганда в Японии во время русско-японской войны; жизнь на Филиппинах и в Китае. Н.Судзиловский — автор многих работ по медицине, естествознанию, социологии, член Американского общества генетиков²¹⁰.

“Летучая пропаганда” народников провалилась. Решено было основать постоянные поселения в среде крестьянства. Инициатива принадлежала созданной в 1876 г. организации “Земля и Воля”. В самарской деревне побывали ее эмиссары, видные народники В.Фигнер, А.Иванчин-Писарев, Ю.Богданович, А.Соловьев, М.Лешерн фон Герцфельд, В.Грязнов, А.Квятковский и др. Однако эффективность нового способа пропаганды была далека от желаемой. Вскоре “Земля и Воля” раскололась. Народовольцы увлеклись политической борьбой с прави-

тельством, добились расправы над царем. Чернопеределыцы еще ранее свернули свою деятельность в народе. Провинциальная радикально настроенная молодежь оказалась на перепутье. К концу 80-х годов народническая доктрина “утрачивала свой кредит” в глазах самарцев. Прежние активные пропагандисты в большинстве своем отошли от борьбы. В.В.Филадельфов вел кое-какую пропаганду среди учащихся. Под его влиянием ученики шестого класса реального училища Пономарев и Дудинцев “ходили в народ” в 1884–1885 гг., но без успеха. В 1886 г. в Бузулуке был арестован Е.Лазарев. А.И.Ливанов с женой В.Ю.Виттен возвратился в Самару после каторги и нескольких лет поселения. Здесь он перебивался случайным заработком, который давало ему земское статистическое бюро (заведовал им И.М.Красноперов). В Самаре в это время существовало несколько кружков, в которых занимались систематическим чтением, что свидетельствовало о настойчивых поисках выхода из тупика. В умах молодежи происходила переоценка идеологических ценностей. Все большую власть над умами самарских конспираторов распространял марксизм. На место неудавшегося героизма одиночек доктрина Маркса ставила историческую закономерность. Молодежь ухватилась за идею “научно доказанной” неизбежности социализма как за панацею от окончательного крушения революционных идеалов.

Между тем, общественная жизнь не ограничивалась указанными событиями, которые, впрочем, не имели в губернии большого резонанса. Слухи о смутянах-студентах подогревались больше покушениями, организованными народовольцами. Самарское общество потрясла мученическая гибель государя императора. Многие самарцы помнили его посещение города 29 августа 1871 г. Александр Освободитель собственноручно заложил камень в стену строившегося кафедрального собора и повелел сыновьям Александру и Владимиру последовать примеру.

Оживление общественно-политической атмосферы вызвала национально-освободительная борьба на Балканах в 70-х годах XIX в. Весной 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, охватившее вскоре провинции Османской империи на Балканах. 14 сентября 1875 г. “Самарские губернские ведомости” опубликовали воззвание сербского митрополита Михаила, призвавшего славян оказать помощь своим братьям. Широким потоком шли пожертвования от крестьян, рабочих, мещан, купцов и дворян губернии. Так, 29 декабря 1875 г. Воздвиженское волостное правление Николаевского уезда обратилось к славянофилу И.С.Аксакову, одному из организаторов и фактическому руководителю Московского славянского комитета, с просьбой отправить куда следует деньги (78 руб. 56 коп.), пожертвованные жителями с.Андросовки “в пользу семейств жителей Боснии, Герцеговины и Старой Сербии”²¹¹.

В июле 1876 г. состоялось заседание городской Думы, на котором гласный П.В.Адабин заявил, что “в обществе высказывается сердечная потребность не оставаться равнодушными зрителями происходящей ныне на Балканском полуострове борьбы славян с турками, но оказать

возможную помощь страждущим братьям нашим по кресту и по крови доставкой денег и материалов для вспомоществования их больным и раненым”²¹². Постановлением Думы от 5 июля 1876 г. в Самаре был создан Комитет для организации сбора средств и помощи южным славянам в составе 25 человек. Председателем был избран П.В.Алабин. Всем гласным Думы выдавались подписные листы на сбор пожертвований. В дальнейшем каждое собрание Думы начиналось с отчета Комитета о своей работе. В “Губернских ведомостях” публиковались сведения о деятельности комитета, а также имена жертвователей. С этого времени народная помощь балканским славянам усиливается. Самарские крестьяне передали в Комитет в 1877–1878 гг. 45 886 руб., в их числе крестьяне с.Балаково (1 тыс.руб.), сл.Покровской (3 тыс.), 6 волостей Ставропольского уезда (471 руб.), 10 волостей Самарского уезда (657 руб.), 14 волостей Бузулукского уезда (1507 руб.)²¹³. Городская Дума 17 апреля 1877 г. постановила поднести императрице Марии Александровне 25 тыс.руб. на нужды “Красного Креста”²¹⁴.

Своеобразной демонстрацией поддержки правого дела славянских народов в начавшейся войне были проводы воинских частей, отправлявшихся на театр военных действий. 16 мая 1877 г. из Самары уходил 150-й Гурийский пехотный полк. Городская Дума ассигновала на его проводы 945 руб. (425 руб. на завтрак офицерам, на чай и хлеб нижним чинам — 15 коп. на человека). Через два года полк, действовавший на Кавказском театре войны, был торжественно встречен самарцами. Воздвигли “две триумфальные арки на вокзальной площади и близ Алексеевской площади со стороны Дворянской улицы. Для командира и офицеров был устроен обед, а нижние чины угощались водкой, пивом, булками, пирогами, мясом и папиросами”²¹⁵. При вступлении полка на Алексеевскую площадь Епископ Самарский Преосвященный Серафим благословил воинов богато украшенной иконой св.Алексия и вручил ее командиру полка, а городской голова поднес адрес, в котором говорилось: “В вас, героях разгрома турецких сил на высотах Аладжи, в вас, виновниках падения Карса и открытия перед русскими знаменами ворот Эрзерума, самарские граждане приветствуют представителей той великой северной рати, пришествия которой ряд веков чаяли наши славянские братья в надежде своего спасения от тяжкого ига и воскресения к новой, политической жизни”²¹⁶.

Весной 1876 г. из Самары в числе первых по России ушел отряд добровольцев из 40 человек во главе с офицером, позднее выехали еще три группы, в основном, из отставных солдат.

Яркую страницу в историю русско-болгарского братства вписало Самарское знамя. Вручение знамен русским и болгарским ополченцам имело огромное воодушевляющее значение. Такое знамя москвичи направили русско-болгарской добровольческой бригаде. В период Апрельского восстания на Балканах в Самаре возникла мысль о создании знамени. Дума решила через свою депутацию приветствовать главнокомандующего Южной армией великого князя Николая Николаевича в связи с переходом турецкой границы и поднести ему по этому случаю икону покровителя Самары св. Алексия, Митрополита Московского, а

также соответствующий адрес, выдержанный в патриотических тонах. Большую роль в создании знамени сыграл П.В.Алабин. Рисунки и роспись на знамени выполнил художник Н.Е.Симаков. Знамя представляло собой прямоугольное полотнище из шелка: три горизонтальные полосы — красная, белая, синяя, с такими же лентами. Древко с копьём в византийском стиле (автор — художник Рошфор) было изготовлено на фабрике Овчинникова в Москве. На позолоченной скобе и на одной из лент надпись: “Болгарскому народу г.Самара 1876 г.”. В центре знамени по черному фону золотыми арабскими вышит прямоугольный крест с изображениями просветителей Кирилла и Мефодия и Иверской Богоматери.

В Самаре царило необычайное воодушевление. П.В.Алабин писал о том, “как ликовала Самара, когда в день праздника Преполовления совершилось Преосвященным Герасимом в Соборе освящение и иконы, и знамени, к которому стремились приложиться и стар, и мал, — и как торжественно несли это знамя в крестном ходу на реку и обратно в Собор”²¹⁷. Знамя проделало длинный путь через Москву, центральные губернии, Украину и Молдавию и превратилось фактически в дар всех славянских народов, населявших Россию. Самарский городской голова, действительный студент Е.Т.Кожевников и гласный Думы П.В.Алабин вручили знамя 18 мая 1877 г. главнокомандующему, а тот вновь сформированным болгарским дружинам, еще не имевшим знамен. Здесь, в трех километрах от г.Плоешти, в Румынии, Знамя было прикреплено к древку, а в Самару направлено благодарственное послание: “Событие 6 мая [18 мая по новому стилю] в болгарском лагере в Плоешти останется незабвенным в памяти и истории Болгарии. Болгарский народ благоговеет перед дорогим подарком”²¹⁸.

Самарское знамя побывало в жарких боях за Балканский хребет, в драматическом сражении ополченцев с армией Сулеймана-паши за Стара-Загору в июле 1877 г. Под Самарским знаменем ходила в штыковые атаки 3-я ополченская дружина. В схватке с неприятелем за знамя погибли первый знаменосец Марчин и его ассистент ополченец Булаич, унтер-офицер Цимбалюк и болгарский студент Санищев, подполковник Калитин (командир дружины) и ополченец Минков... Переломилось древко, турецкая пуля погнула серебряное копьё, но знамя было вынесено с поля боя ополченцами. В декабре 1877 г. они победоносно завершили операцию по окружению крупной турецкой группировки в лагере Шипка-Шейново. В 1880 г. самарское знамя украсилось высшим боевым орденом Болгарии “За храбрость”. “Мы расскажем когда-нибудь, в другом месте, историю этого знамени (так как оно имеет уже таковую), признаваемого доселе одною из величайших святынь болгарского народа (если не величайшею!), несмотря на смуты и недоразумения, происшедшие в последнее время в этой, слишком близкой нашему сердцу стране”²¹⁹, — записал П.В.Алабин в 1886 г.

С замиранием сердца внимали самарцы вестям с этой войны. Взятие Плевны отозвалось в самарском обществе великим ликованием. На радостях были отправлены верноподданическое поздравление госу-

дарю – императору и 5 тыс.руб. на поддержание семейств и воспитание детей воинов, героически павших на полях сражений.

В 1886 г. Самара торжественно отметила свое 300-летие. Тогда же был впервые составлен очерк, охвативший всю историю ее существования²²⁰. В момент юбилейного торжества благодарный город отслужил молебен в поминовение усопших основателей и защитников Самары, воздал честь своим почетным гражданам, как живым, так и отошедшим в вечность: И.В.Константинову, основателю большой Самарской богадельни, Ю.Ф.Самарину, государственному канцлеру светлейшему князю А.М.Горчакову, статс-секретарю К.К.Гроту, действительному тайному советнику Н.П.Мансурову и тайному советнику И.С.Аксакову, бывшим самарским губернаторам.

Три века исторического пути позади. Впереди были тяжкие испытания революций и мировых войн, утрата вековых традиций и робкая заря их возрождения.

САМАРСКИЙ КРАЙ В 1905–1907 годах

ИСТОКИ И НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

9 января 1905 г. “распалась связь времен”; силовые линии устойчивости поддались под напором духа переустройства, прорвалось наружу давно копившееся: на два с половиной года страну объяла смута — революция. Вторую половину XIX в. Россия жила заветами реформы 1861 г.: считали от века, а потому разумно то, что есть земля крестьянская, наделная, а есть удельная, дворцовая, помещичья, то, что распорядок на фабриках, заводах, в магазинах, мастерских установлен согласно давнему обычаю, а не законом, то, что власти — от Бога, от царя, и им следует повиноваться.

Интеллигенция (главным образом интеллигентная молодежь) еще в 60-е годы XIX в. подвергала сомнению справедливость устоев российского общественного уклада, билась, чтобы их расшатать, по мере сил — но сколько было тех сил? Ближе к концу века рабочие крупных заводов стали вначале просить, а затем требовать законов о труде: они уверовали в свои права, беззащитность им становилась несносной. Бескрайняя деревенская Русь жила потаенно: если и случались отдельные вспышки, то почти всегда, лишь там, где нарушался обычай и неожиданно (впервые в 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях) заявил о себе крутой поворот крестьянского сознания и психологии. Мысль “земля ничья — божья, пользоваться ею может только тот, кто на ней трудится”, — овладела деревней и воспринималась как вековая. Настроения, о которых идет речь, не возникали неожиданно, ниоткуда, они — порождение российского бытия, но категорическим императивом стали в описываемое время.

Накануне 1905 г. слились в один клубок: безуспешная, непопулярная война на далеком Востоке; тяготы, порожденные ею и угнетенным состоянием крупной промышленности; неуклюжая правительственная политика; раскол среди консерваторов и консолидация либералов и революционеров. Политические партии, хотя сфера их непосредственного влияния была предельно ограниченной, по-прежнему обострили ситуацию, организуя выступления в промышленных и культурных центрах.

Революция началась в северной столице, Петербурге. Рабочих города охватило отчаяние, ощущение своего униженного, нечеловеческого состояния и попранных прав, ими овладела решимость просить о защите у царя: выше его для них на земле никого и ничего не было. Самый заурядный, по российским меркам, случай — увольнение четырех забастовщиков, рабочих-“гапоновцев”, с Путиловского завода — пере-

полнил чашу; на многочасовых митингах рабочие Петербурга обсуждали петицию. Безыскусно жаловались они царю (“Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать”), просили его разрешить самому народу вершить свою судьбу и назначить выборы в Учредительное собрание, немедленно объявить политические свободы, ввести восьмичасовой рабочий день и дать возможность представителям рабочих участвовать в выработке законопроектов о труде¹.

Все в петиции было близко и рабочим, и интеллигентам, и средним слоям — большинству горожан. Городская Россия пристально следила за событиями в Петербурге (деревня газеты видела редко, и интересовало ее свое, крестьянское). 9 января 1905 г. рабочие Петербурга, их жены и дети направились к Зимнему дворцу, к царю. Манифестация была расстреляна; по городам прокатилась волна митингов, демонстраций, стачек солидарности и протеста. Стихия революции охватила страну.

Накануне революции глубинная Самарская губерния в политическом реестре среди особо буйных не значилась. По отзыву видного либерала Д.Д.Протопопова, “в городе Самаре царил глубокий сон”². Сюда власти ссылали поднадзорных, так что среди служащих самарского земства они составляли едва ли не треть, в их числе видные либералы (А.К.Клафтон), социал-демократы (А.Г.Шлехтер), эсеры (М.И.Сумгин)³. Из земских гласных только Г.Н.Костромитинов, В.А.Племянных, Д.Д. Протопопов, А.А.Ушаков и Н.А.Шишков известны как действенные либералы; само же губернское земство “было в руках каких-то земских Батыев, шедших походом против статистики и всякого живого дела”⁴.

Самарские либералы, среди которых выделялись А.Н.Хардин, А.Г.Елшин, А.А.Бостром, до конца 1904 г. ограничивались беседами в узком кругу и участием в семейно-педагогическом кружке, обществе взаимопомощи учителей и т.п.; разрозненные сторонники “Союза освобождения” никак не могли сплотиться.

Активнее были эсеры (социалисты-революционеры) и эсдеки (социал-демократы). Как одни, так и другие исповедывали социализм, т.е. веру в идеальное общество на основе обобществленных орудий и средств производства, плановой и планомерной экономики, централизованного распределения. Различие состояло в том, что социал-демократы ориентировались на индустриально-городской, западноевропейский, а эсеры на земледельческо-индустриальный, самобытно-русский тип развития. Первые проповедовали: будущее только у города, у пролетария, а деревня, крестьянство — “пережиток прошлого”; вторые не менее истово верили: крестьянство имеет все возможности попасть в социализм. И те, и другие не сомневались в целесообразности насильственного ниспровержения существующего строя.

В 1900 г. в Самаре А.А.Преображенский, А.И.Ермасов создали немногочисленную группу содействия “Искре”, вся деятельность которой первоначально ограничивалась сбором средств и распространением га-

зеты, а позднее организацией малочисленных кружков рабочих (на заводах Журавлева, Лебедева, свечном) и изданием прокламаций. С июля 1902 г. ведет свое начало Самарский комитет РСДРП. Основное внимание обращалось на кружковую работу среди рабочих и учащихся, руководили которой, как правило, молодые люди: Р.Н.Дмитриев, П.П.Кузьмин, С.М.Лепский, Б.И.Николаевский и др. В Самаре располагалось созданное осенью 1903 г. Восточное бюро ЦК РСДРП, в котором главную роль играл И.Ф.Дубровинский, а с осени 1904 г. А.А.Квятковский. На Алексеевской улице (ул. Красноармейская, д.52) в нелегальной типографии печатались “Хроника Восточного бюро РСДРП”, прокламации, листовки.

Самарская группа эсеров оформилась в 1902 г., ее наиболее видными членами были М.И.Сумгин, И.И.Девятков, позднее Г.И. и С.И. Акрамовские, М.А. Веденяпин. Первоначально группа вела кружковую пропаганду среди рабочих, учащихся, народных учителей — в ней весьма преуспел С.И.Акрамовский, один из основателей “Союза народных учителей социалистов-революционеров”⁵. Много внимания эсеры уделяли пропаганде среди крестьянства, созданию крестьянских кружков-“братств”. С 1903 г. ведут свое начало эсеровские крестьянские организации в селах Царевщина и Старый Буян. В январе 1904 г. группа преобразовалась в комитет. Теоретические распри, взаимные обвинения не мешали сотрудничать либералам, социал-демократам и эсерам; уже в конце 1904 г. они совещались о согласовании усилий, о совместной работе, однако договориться не сумели.

Русско-японская война волной поднимала общественное настроение: через Самару ежедневно шли эшелоны на восток и с востока. И социал-демократический, и эсеровский комитеты наладили выпуск прокламаций к солдатам. К этому времени относятся и первые попытки агитации среди солдат лестного гарнизона: в частности, в Бугульминском полку и 3-й артиллерийской бригаде. В ноябре-декабре 1904 г. по России прокатилась “банкетная компания”; в связи с 40-летием судебных уставов либералы вместе с радикально настроенной интеллигенцией устраивали в губернских городах банкеты, на которых выносились резолюции о необходимости преобразований. Самарские купцы вначале побаивались: “А что если нас за банкет да в Сибирь сошлют? Нет, лучше уж не ходить”. Но потом решились. 17 ноября 1904 г. на банкете в Самаре была принята резолюция о необходимости созыва Учредительного собрания, прекращения войны, амнистии политическим заключенным.

19 декабря 1904 г. на заседании семейно-педагогического кружка в Земской управе, публика, человек 200—300, шумела: “Долой самодержавие!”, “Да здравствует республика!”, “Труссы, жалкие либералы!”, — при этом с хоров разбрасывались прокламации. Председатель закрыл собрание, присутствующие с пением революционных песен вышли из здания и в начале двенадцатого часа ночи остановились на углу Саратовской и Москательной улиц (ул. Фрунзе и ул. Л.Толстого) и затем с пением “Марсельезы”, “Варшавянки”, возгласами “Долой царя!” прошли по ул. Москательной до ул. Дворянской (Ленинградской), затем по

ул. Панской (Некрасовской). Эта первая демонстрация в Самаре произвела большое впечатление⁶.

В январе 1905 г. напряжение нарастало с каждым днем. В новогоднюю ночь в громадной пивной Вокано сошлось до тысячи человек; с яркой речью выступил М.И.Сумгин — так был сделан почин открытых выступлений. События в Петербурге все более и более захватывали внимание, все ждали перемен.

10 января 1905 г. в Самару пришли известия о невиданной, 140-тысячной манифестации и ее расстреле. Солидарность с питерцами и протест против кровавой расправы охватили и либералов, и революционеров. В тот день, 10 января, рабочие типографии Левинсона послали рабочим Петербурга приветственную телеграмму; телеграммы со словами поддержки и сочувствия отправили и общественные организации; собирали деньги в пользу оставшихся без заработка семей питерских рабочих.

Поскольку газетные сообщения о событиях в Петербурге и других местах были предельно скудными, по Самаре ходили самые невероятные слухи. Комитеты социал-демократов и эсеров издали, естественно, нелегально, во многих тысячах экземпляров письма Г.Гапона к рабочим, прокламации “К рабочим”, “Ко всем рабочим”, “К обществу”, в которых подробно излагалось содержание петиции царю, а рабочих, граждан Самары призывали объявить стачку протеста.

По выражению “Самарского курьера”, после 9 января Самара зажила “чисто вулканической жизнью”, необычайный подъем охватил все слои населения⁷. Готовились и местные власти: втрое против обычной нормы (на 240 человек) были увеличены казацкие патрули, при этом особое внимание обращалось на необходимость содержать оружие в полном порядке; подняли на ноги и полицию. Проводились регулярные аресты “зачинщиков”, обыски, в том числе в редакциях “Самарской газеты” и “Самарского курьера”.

Обстановка накалялась. Первый сигнал — события 13 января. В этот день около 50 рабочих, строителей железнодорожного моста, получив отказ на просьбу о прибавке поденной платы, бросили работу и двинулись по полотну железной дороги к вокзалу, присоединяя к себе других рабочих. К депо подошло около 200 человек. На ликвидацию конфликта был срочно послан усиленный наряд железнодорожной полиции, при приближении которого рабочие разбежались. Главных “зачинщиков”, Баркова и Тындина, позднее арестовали. Второе заметное выступление в Самаре — стачка 17–18 января части рабочих чугунолитейного завода Молчанова.

18 января рабочие типографии “Самарской газеты” заявили, что, сочувствуя питерцам, они бросают работу. Никаких требований владельцу типографии они не предъявили. Вскоре прекратили работу 12 типографий Самары, кроме губернской, где еще до 1905 г. был установлен восьмичасовой рабочий день. К вечеру 18 января объявили стачку некоторые рабочие железнодорожных мастерских. Забастовщики ходили от одного предприятия к другому, призывали прекратить работу. На улицах собирались толпы людей, разъезжали отряды конной по-

лиции; власти, от греха подальше, приказали закрыть пивные. На другой день остановились мельницы (около 400 рабочих); к стачечникам присоединились железнодорожники, несмотря на превентивные исключительные меры: к вокзалу пропускали только по особым пропускам. В 12 часов дня оставили работу на заводе Лебедева и частично Жигулевском — явно проявлялись черты общегородской стачки крупных предприятий.

Избранные инициаторами забастовки 25 человек собрались в помещении биржи и выработали требования, тотчас утвержденные общим собранием типографщиков (примерно 250 человек), тогда же выбрали бюро для ведения переговоров. На всех предприятиях поддерживали требования петиции петербургских рабочих: восьмичасовой рабочий день, увеличение заработной платы, отмена штрафов; политические проблемы отклика не находили, лишь рабочие депо настаивали на освобождении В.Д.Кузнецова и Д.Л.Елфеева, арестованных за распространение прокламаций.

Городская администрация не на шутку встревожилась: Силовые приемы — усиленные патрули, вывод на улицы солдат и казаков, аресты — ожидаемого унеожоения не приносили. 19 января по городу было расклеено обращение вице-губернатора В.Г.Кондоиди. Один из крайних самарских консерваторов черносотенного оттенка серьезно убеждал самарцев, что забастовка началась, “может быть”, происками японцев, и уж точно, служит их интересам; он угрожал репрессиями, вплоть до применения военной силы, призывал “избегать появления на улицах толпами” и расходиться по первому требованию полиции⁸.

Не уповая лишь на силу, городские и губернские власти решительно потребовали от предпринимателей пойти на максимум возможных уступок⁹. 20 января на совместном собрании с печатниками владельцы типографий обязались удовлетворить предъявленные требования — это была первая значительная победа рабочих Самары. Между тем стачка разрасталась, но, достигнув апогея 22 января, резко пошла на убыль; во второй половине дня приступили к работе на заводе Лебедева, мельницах Шихобалова, Бобермана, типографиях. 24 января стачка закончилась. Первое общегородское выступление было естественным, стихийным; революционные организации, несмотря на все старания, были слабы, либералы, сочувствуя движению, сами еще не сплотились¹⁰.

В январе 1905 г. выступали рабочие крупных предприятий губернского города; в уездных городах, промышленных селах, слободах было тихо. Единственное исключение — забастовка 22 января в Покровской слободе. Попытки владельцев мельниц, фабрик, заводов уволить “зачинщиков” январских забастовок и тем, как было встарь, дать острастку другим — пресекались фабричной инспекцией; более того, власти освободили заключенных за участие в стачках: привычные методы воздействия на население должных результатов не давали.

Зимой и весной 1905 г. многочисленные стачки, почти все исключительно экономические, стали обыденным явлением жизни губернского города, спорадическим — уездных городов и промышленных сел.

Их объявляли рабочие мелких предприятий, стекольных, сапожных, портняжных мастерских, грузчики, приказчики, модистки, официанты, служащие, учащиеся. Здесь царили патриархальные нравы: ничто не ограничивало хозяина, и не было никаких формальных прав у наемного. Вот пример: в модных мастерских Мериин белошвей при 13–14-часовом рабочем дне получали 3–4 рубля в месяц, и потому подрабатывали на жизнь проституцией. В феврале они бросили работу, требуя 12-часового рабочего дня, 8-рублевого месячного жалования, введения фабричного устава — всех их немедленно уволили. В феврале 1905 г. 40 подмастерьев в парикмахерских просили губернатора установить в будние дни 12-часовой рабочий день, вместо 16-часового, а в праздники — 4-часовой; приказчики — 11-часовой рабочий день, с закрытием “магазинов на обед, выходных в праздничные и воскресные дни, правового закрепления условий труда”¹¹. Как видно, служивый люд лавочек, где господствовали обычаи старины, просил о таких условиях труда, которые рабочим крупных промышленных предприятий уже давно казались невыносимыми.

С энтузиазмом бросилась в революцию учащаяся молодежь, среди которой особенно интенсивно пропагандировали эсеры. “Организация самарской учащейся молодежи комитета партии социалистов-революционеров” издавала с начала 1905 г. гектографированный журнал “Молодое слово”. Успехи социал-демократов были много скромнее. Большинство учащихся сторонились политических радикалов, ставя во главу угла “академические права”. 4 февраля началась забастовка в Кинельском сельскохозяйственном училище, где имелся влиятельный эсеровский кружок. В петиции, врученной директору школы, говорилось о праве учащихся иметь представителей в педагогическом совете, носить любую, а не только форменную, одежду и пользоваться разрешенными цензурой книгами, а также создавать союзы и организовывать собрания. Послали эмиссаров и в другие учебные заведения города. Обсудив петицию кинельцев, 10 февраля прекратили занятия учащиеся фельдшерской школы и возобновили учебу лишь через 11 дней — после того, как администрация уволила “зачинщиков”. Учащиеся сельскохозяйственного училища стояли на своем до 8 марта. Спокойствие, впрочем, оказалось недолгим. Вскоре, несмотря на уговоры директора сельскохозяйственного училища, а затем и земских гласных во главе с А.А.Чемодуровым, большинство слушателей решили снова бастовать — до 1 сентября. Чтобы радикально покончить с попытками начать занятия, 15 учащихся, преимущественно эсеры, 17 марта вышибли рамы и стекла, выбросили из окон парты и кровати, сожгли спальное белье — в общем, устроили полный разгром. Власти пошли на крайние меры: училище закрыли, из города прислали солдат, “зачинщики” бежали.

Один полюс социального спектра России, Самарской губернии в том числе, составляли революционно настроенные слои, не останавливающиеся перед крайними формами насилия во имя мгновенного переустройства, другой — рутинно-консервативные, “правовернее самого папы римского”, черносотенные, не менее воинственные, но во имя со-

хранения патриархального порядка; между ними находились либерально настроенные круги, сторонники глубокого реформирования, пусть решительными, но ненасильственными методами, и консерваторы, согласные на частные изменения. В каждом социальном слое, в разной пропорции, имелись сторонники всех этих направлений.

Город, в целом, иначе представлял себе будущую Россию, и необходимые для этого изменения, он был динамичнее, более политизирован, решительнее думал о правах; деревня чуждалась начальства, ей хотелось оградить вековые обычаи: ее мир мало нуждался в государственной опеке, ее права удовлетворял сельский сход и регулировала община: чего жаждала деревня — так это земли. Верное представление о России в революции возможно лишь в цельной картине взаимоотношений всех социальных групп, города и деревни. То, что Россия стояла перед необходимостью преобразований, совершенно не означало, что та или иная социальная группа, тем более та или иная партия, предлагали абсолютно верный путь.

После 9 января во много раз увеличилось число тех, кто активно интересовался событиями в стране, губернии, городе, сам пытался влиять на них. Осмелели “Самарская газета” и “Самарский курьер”. Самарские либералы, сочувствуя радикалам, активно включиться в политическую борьбу не спешили. Попытки Д.Д.Протопопова в конце февраля 1905 г. мобилизовать либералов особых результатов не дали. Он собрал освобожденческий кружок, который издал в эсеровской типографии прокламацию, но, как свидетельствовал сам инициатор, “дело не клеилось”¹².

Усиливалась неприязнь между либералами и консерваторами. Показателен “чемодуровский инцидент”. Интерес самарского либерального общества к очередному 40-му губернскому земскому собранию, от которого ожидали чего-то необычайного, был настолько велик, что в день его открытия, 30 января 1905 г., публике даже не хватило мест в зале и многие самовольно пробрались на хоры. Собравшиеся вели себя вольно, шумно поддерживали земцев-либералов. Председательствующий, губернский предводитель дворянства, лидер самарских “зубров” А.А.Чемодуров на этом основании отложил начало заседаний, несмотря на протесты либерально настроенных земцев Г.Н.Костромитинова, Д.Д.Протопопова и др.

Заседания начались со следующего дня. Поддержанный земцами-консерваторами, дворянским собранием, вице-губернатором Кондоиди, Чемодуров держался решительно: приказал не допускать на заседания публику, корреспондентов, для чего у подъездов земской управы были поставлены околоточные надзиратели, энергично пресекал попытки затрагивать политические темы. Следует сказать, что действовал он согласно букве и духу земских положений, но время было необычное. 31 января либеральное большинство земства настояло на том, чтобы принять депутации от “самарских граждан” и адвокатов и заслушать их адреса о “трудных временах, переживаемых Россией” и о необходимости коренных реформ. В знак протеста восемь крайних консерваторов-земцев во главе с Чемодуровым демонстративно поки-

нули зал. В свою очередь, служащие земской управы объявили политическую забастовку, отказываясь работать в обстановке полицейского присмотра при входе и выходе¹³.

Лишенные возможности обсуждать политически злободневные проблемы на собрании земства, либерально настроенные гласные собирались на частные совещания, обсуждая резолюции съезда земцев в Петербурге в ноябре 1904 г. Мнения разделились: одни голосовали за реформы при сохранении самодержавия, другие — без него. После бурных объяснений некоторые земцы в очередной раз покинули зал. 7 февраля земское собрание завершило свою работу, даже не рассмотрев бюджета, что было делом неслыханным. Поскольку о предстоящем завершении заседаний было известно заранее, к двум часам дня 7 февраля возле земской управы собралось немало людей. Усиленный наряд полиции внутри здания никого из публики не пропускал, указывая на вывешенное объявление: “Заседание, по распоряжению предводителя дворянства, не будет публичным”, что вызвало сильное недовольство. Костромитинова, Протопопова, других земцев-либералов собравшиеся встретили аплодисментами, Чемодурова — свистом, оскорбительными выкриками; один из протестующих был даже арестован. События получили всероссийскую огласку: будущий депутат I Государственной Думы В.А.Племянников опубликовал в центральных газетах открытое письмо с протестом против действий Чемодурова.

Ни одно крупное политическое выступление не проходило без участия социал-демократов и эсеров, которые направили в народ своих агитаторов, организаторов, многократно увеличили тираж прокламаций, обращенных к рабочим, жителям Самары, крестьянам, солдатам. В начале 1905 г. из Сибири приехали Г.И.Крамольников, Н.Н.Баранский, авторитетные социал-демократы, значительно усилившие местную организацию. С зимы 1905 г. активизировались социал-демократы уездных городов. Эсеры, в целом и общем, уступая социал-демократам в городе, будучи, правда, влиятельнее среди железнодорожников и учащейся молодежи, уделяли деревне максимум внимания. В январе 1905 г. они выпустили первый номер “Крестьянской газеты”. Зимой в течение двух дней проходил съезд крестьян, представителей деревенских эсеровских организаций: решили всемерно увеличивать число крестьянских организаций и готовиться к вооруженным выступлениям и захвату помещичьих земель¹⁴. Популярности эсерам прибавило убийство в Москве 4 февраля 1905 г. И.П.Каляевым великого князя Сергея Александровича. Комитет эсеров издал по этому поводу воззвания “К самарским гражданам!” и “К самарским рабочим!” Надо сказать, многие сочувственно встретили весть от убийстве известного крайнего консерватора.

Потрясения побуждали к сплочению приверженцев существующего строя, тех, кто ранее лишь исправно исполнял приказания властей предрежащих. Большинство жителей Самары и губернии жило заветами старины, свято веря в их истинность, в Бога, царя, начальство, опасаясь смуты, которая нарушала привычный прочный мир и грозила неисчислимыми бедами — это был тот устой, которым держался россий-

ский порядок. Самарский дворянский, аристократический консерватизм возглавил губернский предводитель дворянства А.А.Чемодуров, человек волевой и деятельный. Во многом его усилиями в дворянском собрании, губернском земстве зародился будущий Совет объединенного дворянства, который призывал к сплочению дворян губернии и страны, к переменам во имя сохранения существующего строя: самодержавия, православия, поместного землевладения, привилегий дворянства.

Наряду с аристократическим, спланивался плебейский консерватизм, опекаемый вице-губернатором В.Г.Кондоиди. Вероучителями черносотенцев, этих “защитников” отечества, престола и православия выступили старорежимные купцы, лавочники: паствой — мелкие торговцы, подмастерья, наемный люд мелких заведений, грузчики (их только в районе пристани постоянно собиралось до 2 тыс.), люмпены: капищем служил район Троицкого рынка. Черносотенцы создавали незарегистрированные организации для борьбы с “бунтовщиками” и “студентами”. Губернское жандармское управление собрало немало листовок, зачастую малограмотных, с излюбленным черносотенным призывом: “Бей жидов и революционеров!” В начале марта 1905 г. на Троицкой площади был избит некий Барыбин, которого приняли за агитатора-бунтовщика. Такое повторялось не раз. Газеты сообщали, как на том же Троицком рынке хозяева лавок угощали водкой “галахов”, “горчишников” и рассуждали о вреде “бунтовщиков”, “студентов”, “жидов”¹⁵. Среди черносотенной публики укреплялось намерение ради порядка расправиться с “бунтовщиками”. По меньшей мере, по городу упорно ходили слухи, что на Пасхальную неделю будут громить евреев и интеллигентов.

Самарская администрация привыкла патриархально руководить вверенной ей губернией. “Голос Самары” 1 февраля 1906 г. поместил хлесткий фельетон “Тайны г.Присядки” — самый непонятливый догадывался, что речь шла о только что смещенном губернаторе Д.И.Засядко. Фельетонист глумился: “Когда же ему доносили, что в губернии погромы, мужики жгут усадьбы, грабят хлеб, режут скотину, Присядко, добродушно похлопывая себя по круглому животу, отвечал: “Ничего, это далеко отсюда, до нас не дойдет... ничего, пошумят, да когда-нибудь и успокоятся. Пусть себе грабят и режут кого хотят, — но по моему личному приказанию не прольется ни капли крови ни у одного горчишника”¹⁶. Бульварный тон октябристского фельетониста вызвал резкую отповедь кадетского “Самарского курьера”, тем не менее нужно признать, что в гротеске переданы некоторые реальные черты чиновного либерала, который всей душой желал избежать кровопролития.

Начальника Самарского губернского жандармского управления губернатор И.Л.Блок характеризовал так: “Генерал-майор Каратаев не удовлетворяет не только повышенным условиям времени, но даже и заурядным требованиям спокойного времени. Человек слабой воли, мало знающий свои обязанности и почти совершенно равнодушный к ним, он не в состоянии вести дело управления надлежащим образом и руководить своих подчиненных, у которых он никоим, ни личным, ни

служебным авторитетом не пользуется. Благодаря этому жандармское управление редко знает, что делается в губернии”¹⁷. Каратаев уволен был при скандальных обстоятельствах. 1 августа 1906 г. ему доложили, что накануне, 29 июля, в жандармское управление брошена бомба с зажженным запалом. На другой день в газете было помещено объявление, что в связи с оставлением должности генерал-майором Каратаевым, продается корова, — тут же указан адрес. Газету с объявлением отослали министру внутренних дел. Через две недели Каратаева отправили в отставку.

Политическое наблюдение и розыск вели губернское жандармское управление и его подразделение — жандармское полицейское управление железных дорог. Поскольку Самарская губерния значилась среди самых спокойных, то по ведомству департамента полиции она причислялась ко второй, низшей категории, с минимальным числом сотрудников. Во главе губернского жандармского управления стоял начальник, при нем адъютант и шесть-семь унтер-офицеров: в подчинении начальника управления находились четыре помощника для розыска в уездах, к каждому из которых было прикреплено пять-десять унтер-офицеров. Губернское жандармское управление в 1905 — начале 1906 г. возглавлял полковник Г.С.Добрянский, его сменил генерал-майор И.И.Каратаев, а с конца 1906 г. управление возглавил подполковник М.П.Бобров. Первые двое — люди пожилые, жили ожиданием скорой пенсии. Иное дело М.П.Бобров, организатор Поволжского районного охранного отделения, инициативный, знающий энтузиаст сыска.

Рядом с жандармерией действовала общая полиция, во главе с полицмейстером: в распоряжении четырех частных приставов находились около 28 околоточных надзирателей и 265 пеших и конных городских. В уездах было семь исправников и столько же их помощников, 39 станowych приставов, 4098 урядников¹⁸. Среди станowych приставов и урядников преобладали служаки, желающие ладить и с населением, среди которого приходилось жить, и с начальством. По крайней мере, в 1905 г. среди них было немало таких, как приставы в селах Шентала Самарского уезда, Перелюб Николаевского уезда, безразлично смотревшие на революционную агитацию¹⁹.

Впрочем, так продолжалось только до середины 1906 г., когда губернатором стал И.Л.Блок, а после его гибели В.В.Якунин, а начальником жандармского управления М.П.Бобров. По мнению администрации, вследствие того что в Самаре отсутствовал адресный стол и, соответственно, подворная регистрация жителей, сюда стекались революционеры без документов, имея полное основание не прописываться: жандармское начальство печалилось также по поводу скудости отпускаемых на агентуру средств (250 руб. коих хватало на содержание всего двух секретных сотрудников)²⁰.

Весной 1905 г. возбуждение охватило и деревню. Если зимой власти сообщали о спокойном настроении крестьян, то 16 марта из Бугурусланского уезда докладывали: “настроение крестьян нехорошее”, они недовольны войной с Японией, называли начальство ворами и изменниками, а земских начальников дармоедами, говорили, что на вой-

ну берут крестьян, у которых земли мало, а помещиков не берут, предсказывали, что “скоро будут бить студентов и вообще всех образованных за то, чтобы они не бунтовали против веры христианской и не шли против царя”²¹. Служащие помещика Самарина в с. Владимирском Самарского уезда пересказывали крестьянские разговоры: “...по справедливости обрабатываемая ими земля должна была бы принадлежать им, крестьянам, так как они уже заработали ее. За землю, которой они не владеют как собственностью, их, крестьян, дети, братья и родственники проливают теперь кровь на войне с Японией, а, между тем, Самариных и вообще людей, обладающих таким огромным количеством земли, как например, Аржановы, Шихобаловы и пр., на войне нет... Настает, наконец, время, когда они, не спрашиваясь разных Самариных, сами запашут землю их и будут ею пользоваться наравне с ними”²².

Новые мысли крестьян, высказывались не только между собой. Они о том, что землею имеют право пользоваться те, кто на ней трудится, наблюдались и новые действия — открытые массовые выпасы общинного скота на помещичьих выгонах. Большой вопрос (наследство 1861 г.) — нехватка у крестьян пастбищ — весной, когда пришла пора пасти скот, стал невыносимым для них. В апреле 1905 г. крестьяне с. Страхово Бузулукского уезда, арендовавшие выгон у помещика Аксакова, поскольку своего не было, попросили понизить арендную плату — им отказали. Тогда они составили обществом “приговор” и 20 апреля самовольно выгнали скот на пастьбу; помещичьих объездчиков, которые попытались прогнать крестьянский скот, избили; попало и самому Аксакову: напоследок в его усадьбе выбили камнями стекла, досталось и квартирам объездчиков. Крестьяне успокоились только тогда, когда увидели стражников. Через несколько дней Аксаков согласился с предложенными условиями²³. На помещичьих лугах пасли скот общины д. Новотулки Николаевского уезда, с. Елшанка Самарского уезда, Жилинка Бузулукского уезда и многих других. По сведениям администрации, в течение весны в губернии произошло 40 случаев самовольных пользований выгонами, покосов трав и порубок леса. Такое, замечал губернатор Д.И.Засядко, бывало и в прежние годы, но крайне редко, теперь же “самоуправства совершаются открыто, число участников в них много больше и держат они себя вызывающе, угрожая в случае противодействия им жечь усадьбы или прибегнуть к другим видам мести”²⁴.

Своеобразно организующим началом явилась община; на сельских сходах обсуждался план будущих действий, выгоняли на пастбища скот всего общества, все вместе косили на помещичьих лугах, предъявляли требования от имени мира. Губернские власти предпочитали улаживать столкновения в деревне: войска, чаще всего казачьи сотни, высылались редко. Так было в острых выступлениях с. Жилинка Бузулукского уезда, Яблоневый Враг, Андросовка и Колдыбан Николаевского уезда. Оружие для умирения не использовалось.

В то время как город с каждым днем все сильнее политизировался, а его социальные группы (рабочие, подмастерья, приказчики, учителя, инженеры, предприниматели) обособлялись, обнаруживая, наряду с об-

щими, и собственные интересы, деревня (речь не идет о немногих партийных кружках) политики чуралась, о гражданских правах, Учредительном собрании разговоров не вела, сосредоточившись полностью на злободневных нуждах: выгоны, лес, арендные цены, но если и поднималась, то сообща. Доминировали надежды на верховную власть. Весной 1905 г. крестьяне России послали царю 60 тыс. прошений и приговоров о земельных нуждах. Немало среди них было и обращений самарских крестьян.

Весной и летом 1905 г. революционная стихия охватила, помимо губернского, уездные города, а также промышленные села, стачки стали привычным явлением: бастовали рабочие крупных заводов, подведомственных фабрично-заводской инспекции, и мелких кустарных заведений, железнодорожники и металлисты, типографские работники и пивовары, приказчики и официанты, грузчики и водители конки — трудно назвать профессии, представители которых не предъявляли претензий. Объединялись рабочие, сплачивались служащие, инженеры и учителя, врачи и фармацевты, предприниматели. Авторитет властей стремительно падал.

Много шума наделала стачка приказчиков. Первого февраля 1905 г. на своем собрании 328 приказчиков разных торговых предприятий решили добиваться 11-часового рабочего дня и избрали комиссию во главе с журналистом А.И.Матовым для выработки резолюции и координации дальнейших действий. На втором собрании, 5 февраля, присутствовали 350 человек. Владельцы торговых заведений 13 февраля предложили ввести 12-часовой рабочий день и ходатайствовать о прекращении праздничной торговли. Приказчики этим не были удовлетворены и в конце февраля передали свои требования губернской администрации. Далее произошел чисто российский казус: чиновники потеряли прошение приказчиков. Те подождали-подождали и 6 марта на очередном собрании решили вновь обратиться к администрации. Поскольку дело шло о самых насущных интересах, на собрание 13 марта явилась примерно половина приказчиков Самары — около 2 тыс. человек. От имени комиссии управляющий отделением торгово-промышленного банка А.С.Медведев сообщил, что губернатор передал хозяевам требования приказчиков, но ответа не получил. Присутствующие, кроме 17 человек, проголосовали за необходимость забастовки, которая и началась утром 14 марта. В тот же день владельцы торговых заведений согласились сократить рабочий день до 11,5 часов, предоставлять прослужившим более трех лет двухнедельный ежегодный отпуск. 15 марта приказчики вышли на работу²⁵.

Едва успокоились приказчики, поднялись металлисты. Знакомство с ходом этой, впрочем, как и других, стачек помогает увидеть не ходульные социальные образы, а живых людей того времени. Утром 14 марта на заводе Лебедева один из слесарей, будучи под хмельком, под одобрение собравшихся говорил о жестокой эксплуатации, о нищенской оплате и звал бросить работу. Его дружно поддерживали, двинулись в цеха звать к забастовке: через полчаса завод встал. Сначала не знали, что делать, потом проголосовали за резолюцию, предложенную

социал-демократами: 15 мая стачку солидарности объявили на механических заводах Крупского, Молчанова, Зуева, Шерстнева и некоторых других. Все собрались на Соборной площади, где избрали депутацию. После длительных переговоров с фабрикантами при содействии фабричного инспектора добились сокращения рабочего дня с 10,5 до 10 часов, отмены обысков и штрафов, учреждения врачебной помощи на заводах, обещания вежливого обращения и т.д. 17 марта приступили к работе²⁶.

Напугали властей и обывателей грузчики. Около 2,5 тыс. грузчиков собралось у здания биржи 12 апреля, требуя поденной оплаты, с чем не были согласны купцы. Грузчиков уговаривали полицмейстер, председатель биржевого комитета Н.Д.Батюшков, затем сам губернатор. Грузчики были известны своим крутым нравом; ждали, что они начнут погромы, и на всякий случай вызвали усиленный наряд полиции и казаков. На следующий день дошло до драк, кидания камнями: в дело вступили две роты казаков. Среди пострадавших оказались Батюшков, купец Марков, подрядчики. Конфликт был улажен 14 апреля уступками биржевого комитета.

Администрации приходилось часто вмешиваться в конфликты, чтобы погасить пожар, хотя возможности ее были не беспредельны. Благодаря ходатайству губернатора были вновь приняты 50 рабочих мельницы Эрлангера, уволенных за участие в мартовской забастовке: много усилий приложили власти, чтобы пришли к согласию приказчики и торговцы, металлисты и заводчики и т.п.

Особенно значимым было движение железнодорожных рабочих и служащих, начавшееся в феврале и продолжавшееся несколько месяцев. На общем собрании 17 февраля избрали депутатов, которые на основании петиции тружеников Юго-Западной железной дороги составили свою. В обширной петиции (49 пунктов) учитывались интересы рабочих и служащих, машинистов и сторожей, кадровых железнодорожников и учеников. Во время периодических многочисленных собраний выделились те, кто в скором времени возглавит железнодорожный стачечный комитет — эсеры юрисконсульт К.Г.Глядков, инженер А.Д.Осеев. Совет управления железной дороги 5 апреля удовлетворил лишь некоторые, второстепенные, пункты петиции. Единение, достигнутое железнодорожниками, превратило их в скором времени в крупную политическую силу.

Из выступлений в городах и селах губернии выделялись забастовки рабочих механических заводов братьев Маминых, Блинова, столярных мастерских, приказчиков крупной пристани с.Балаково в марте 1905 г.: последние добились небольшого повышения заработной платы при сокращении рабочего дня.

Первое мая уже несколько лет было предметом забот администрации — в эти дни приходило в волнение все городское население. Несмотря на то что 1 мая 1905 г. пришлось на воскресенье, тем не менее, к нему приготовились тщательно: по приказу полицмейстера в разные места города направили конные дозоры. 1 мая не вышли на работу сармарские коночники (около 150 человек), и конка стояла. На городской

даче, в Постниковом овраге (овраг Подпольщиков), состоялась маевка, на которой присутствовало от 200 (по мнению полиции) до 350 (“Самарский курьер”) молодых людей. Договорились вечером встретиться в Струковском саду (парк им.Горького). Вечером в Струковском саду собралось несколько тысяч гуляющих. Около десяти часов вечера демонстранты, несколько сот человек, окружили эстраду и потребовали играть “Марсельезу”. Музыканты отказались и от греха подальше покинули эстраду: молодежь была настроена воинственно. Молодые люди запели “Отречемся от старого мира”, некоторые кричали: “Долой полицию!”, “Долой самодержавие!” — и начали стрелять в воздух из револьверов. Публика в ужасе разбегалась, в давке пострадали женщины и дети. О размерах паники можно судить по тому, что на следующий день от ушибов скончался незадачливый чиновник.

Из сада демонстранты с песнями пошли по Алексеевской улице (Красноармейской), навстречу им срочно направили казаков и полицию, у Соборного садика (пл.Куйбышева) манифестанты встретили полицию и казаков градом камней и револьверными выстрелами — казаки прибегли к нагайкам. Пострадавшие оказались как с той, так и с другой стороны. Некоторые демонстранты укрылись в Соборном садике, откуда и вели стрельбу. Позднее их арестовали, многим крепко досталось — таковы реалии революционной стихии: каждая сторона защищает свою правду, страдают и те, и другие. Почти все арестованные — учащаяся молодежь, среди них будущий известный социал-демократический публицист и литератор Б.И.Николаевский.

На другой день прекратили работу печатники, вслед за ними столяры, портные, шляпники, булочники, группами по 15-20 человек они приходили в мастерские, торговые заведения, на фабрики и заводы и призывали поддержать их. Второго мая забастовали железнодорожники, часть металлистов, приказчики, грузчики, позднее мукомолы. То там, то здесь собирался рабочий люд, шествовал, иногда колоннами, чаще толпой. Вечером второго мая 350 грузчиков от пристани двинулись к Струковскому саду, но заметив казаков, разошлись. На следующий день портные и шляпницы прошли от Алексеевской площади (пл. Революции) по Дворянской улице к театру. Между улицами Предтеченской и Москательной их разогнали казаки. То там, то здесь организовывались сходки. Утром 2 мая в Струковском саду собрались печатники: там же утром следующего дня состоялся митинг, а затем сходка у Постникова оврага; 4 мая около мельницы Шадриной произошло вооруженное столкновение с полицией и казаками. 5 мая биржевой комитет телеграфировал министру внутренних дел: “Толпы забастовщиков вместе с хулиганами, ходя по городу, врываются в заводы, пристани, баржи и насилем заставляют прекращать работы. Купцы не покупают привезенный крестьянами хлеб. Крестьяне недовольны”²⁷.

5 мая число забастовщиков достигло 6 тыс. В тот день на митинге присутствовало от 600 до 700 человек. Резолюция, составленная социал-демократами, звала к вооруженному восстанию, свержению самодержавия, созыву Учредительного собрания, немедленному установлению восьмичасового рабочего дня, провозглашения демократической

республики; в ней не было ни одного экономического требования — это был политический манифест насильственного низвержения существующего строя. Принятие его таким значительным числом людей свидетельствовало о серьезном социально-психологическом переломе.

С 5 мая забастовка постепенно пошла на убыль: приступили к работе рабочие депо и конка, столяры, но начали забастовку маляры: по-прежнему регулярно собирались “массовки”. Забастовочная волна окончательно спала через две недели. Вполне определенно выявилось усиление радикальных настроений и вовлечение в движение новых слоев населения. Забастовки прошли по губернии: 1 мая состоялась многочисленная “маевка” железнодорожников станции Абдулино, с 5 по 10 мая бастовали ткачи посад Мелекесс, в июне — рабочие Тимашевского сахарного завода, а также мельниц в с. Никольское и Палимовка Бузулукского уезда²⁸.

ЛЕТО 1905 года. БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

Летом 1905 г. троякого рода обстоятельства характеризовали новое качество политического состояния России; распространение смуты на армию, первые захваты и запашки земель латифундистов крестьянами, сплочение различных сил города на почве бойкота Булыгинской думы.

4 июня восстал броненосец “Князь Потемкин-Таврический”. 11 дней над ним развевалось красное знамя; коррозия революции проникла в основу основ власти — армию. Непокойно было и в Самарском гарнизоне: эшелоны с Дальнего Востока привозили вести о военных неудачах, родные писали о слухах и волнениях, то, что происходило в Самаре и губернии солдаты видели, а еще больше слышали сами: среди офицеров гарнизона было немало ждущих изменений, либерально-мыслящих и первый из них — командир третьей батареи 3-й артиллерийской бригады подполковник М.А. фон Гальбен. Все больше прокламаций попадало в казармы, все чаще там появлялись агитаторы. В июне 1905 г. при самарском комитете эсеров была сформирована военная организация²⁹. Ее возглавил В.П.Троицкий³⁰. Его усилиями организовались солдатская группа самозащиты, общество самообороны солдат артиллерии. Пропаганда вышла за пределы губернского города. Лидер Бугурусланской группы эсеров Л.Бельский летом 1905 г. агитировал среди новобранцев и солдат³¹. Обратили внимание на гарнизон и социал-демократы, хотя на первых порах их успехи были скромнее³².

Уже в 20-х числах июня 1905 г. в Самаре ходили слухи о том, что солдаты вырабатывают петицию и готовят забастовку и даже намерены перебить офицеров и захватить орудия. Поручик Федоровский во время обеда в присутствии начальника гарнизона генерала Сергеева произнес речь в честь потемкинцев.

Летом 1905 г. слухи о скором земельном переделе реализуются во все более частых захватах помещичьих угодий, выгонов, леса. Только в июне полиция зарегистрировала волнения в 25 волостях. Наряду с традиционными, крестьяне часто применяли новые формы борьбы:

бойкот и стачку. Сельские сходы в с. Обшаровка и Царевщина 20 и 26 июня вынесли решение бойкотировать предложенные им арендные цены. В том же месяце бастовали работницы в с. Мыльном и сельскохозяйственные рабочие Студеницкого удельного имения Самарского уезда. В Самарской губернии, с ее огромными латифундиями, летом собирались десятки тысяч сельскохозяйственных рабочих, в основном пришлых крестьян Саратовской, Пензенской, Симбирской, Нижегородской губерний. Отношения между сельскохозяйственными рабочими и латифундистами законом не регулировались. Шли в наем от нужды, оплата была мизерной. К тому же в неурожайные 1905 и 1906 гг. получить работу было крайне трудно: слишком велико число страждущих, на место одного уволенного тотчас находились десятки желающих. Тем не менее и сельскохозяйственные рабочие иногда поднимались на борьбу. 3 июля в д. Муравино Дергачевской волости Новоузенского уезда пришлые батраки, требуя повышения расценок, не пустили на поле хлебоуборочные машины. Батраков поддерживали местные крестьяне. Страсти накалялись — власти срочно направили усиленный отряд стражников. 20 человек арестовали, 800 сезонных рабочих выслали по этапу³³. Наиболее опасливые помещики предпочитали покидать свои имения.

В городе политика выходила на первый план, противостояние властям усилилось, дело доходило до вооруженных столкновений. 30 июня казаки разогнали манифестацию памяти жертв расстрелов в Лодзи и Варшаве. 1 июля она повторилась, и когда казаки попытались ее разогнать, на ул. Москательной (Л. Толстого) завязалась перестрелка: были раненые как с той, так и с другой стороны. Боевые дружины создавали социал-демократы, эсеры и беспартийные: за Постниковым оврагом и на одном из островов Сухой Самарки обучали владеть огнестрельным оружием. Непосредственное моральное и психологическое обоснование формирования боевых дружин, почти всегда из безусой молодежи было одним — отрицание существующей власти, противопоставление ей, самозащита, отпора черносотенцам.

Истинно русские люди усматривали источник неурядиц, бедственного положения в происках инородцев, интеллигентов, студентов. Черносотенные погромы стали ужасом России. Бог миловал Самару и губернию от массовых погромов, но опасность существовала, слухи о близких погромах циркулировали непрестанно, люди жили в страхе. В июле губернатор официально предупредил представителей самарской еврейской общины, что истинно русские люди назначили на 24 число погром в Струковском саду. Состоятельные самарцы летом 1905 г. жертвовали на вооружение боевых дружин сотни рублей. Были и такие, кто уезжал из города³⁴. Согласно прокламации социал-демократов, верховный покровитель самарских черносотенцев В. Кондоиди общее руководство действиями истинно русских людей доверил приставу Сизаско: помощники пристава Фролов и Трипольский действовали в районе Троицкого рынка, околоточные надзиратели Хохлов, Большунов, Днепровский, Мельцер — в других местах; работали известные “активисты” — мелкие торговцы Корнев, Соколов, Щиголев. Сообще-

ния о 750 организованных черносотенцах в Самаре в июле 1905 г. сильно преувеличены³⁵. Сами черносотенцы никогда не насчитывали в своих рядах более 500 человек.

В оппозиции к власти оказались не только губернское, но и уездное земства. В Николаевском уезде довольно энергичным был Д.Д.Протопопов, крупный землевладелец, лидер местных либералов, впоследствии депутат 1-й Государственной Думы: полиция считала его главным бунтовщиком, виновником всех антиправительственных выступлений в уезде. Бугульминское уездное земство 21 мая вынесло постановление о всеобщих и тайных выборах в представительное всероссийское учреждение при условии образовательного и имущественного ценза; 22 мая экстренное собрание Бузулукского земства утвердило резолюцию о немедленном созыве народных представителей; 22 июня подобную резолюцию вотировало и губернское земство. Уездный земский, дворянско-латифундиальный, купеческий либерализм даже в такой глубинной губернии, как Самарская, порой сочетался с антисемитизмом: и Бугульминское, и Бузулукское земства определенно высказались за лишение избирательных прав всех евреев. Подобные речи велись и в других уездных земствах. При этом, речи не было об ограничении гражданских прав других национальностей: татар, чувашей, мордвы и т.д.

6 августа были опубликованы указы об учреждении Государственной Думы (в просторечии “булыгинской Думы”). Компетенция Думы ограничивалась предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов, т.е. совещательными функциями, прерогатива издания законов оставалась за царем. Многоступенчатые выборы устанавливались по крестьянской, землевладельческой и городской куриям; рабочие и часть городской “нецензовой” интеллигенции право голоса не получили.

Еще недавно многие мечтали о всероссийском всеобщем совещательном представительстве — это было существенное реформирование политической системы, но теперь настроения были иными. Умеренные либералы Самары с воодушевлением восприняли указы, и в конце августа 1905 г. образовали Конституционную лигу — комитет предвыборной агитации, при том в программном заявлении говорилось, что Лига выступает за всеобщее, равное, тайное избирательное право, за полновластную законодательную Думу. Большинство же либералов указами о булыгинской Думе не были удовлетворены.

6–7 августа в Самаре проходил первый областной земский съезд. Поскольку власти запрещали подобные собрания, для проведения съезда была нанята небольшая крытая прогулочная баржа, которую возил пароходик. На этой барже, курсировавшей по Волге, собралось около 40 либералов от Самарского, Саратовского, Симбирского, Уфимского земств. Основным был вопрос об отношении к булыгинской Думе: после бурных прений большинство высказалось за бойкот. Предложения о земской забастовке и призыве к неплатежу налогов не прошли: решили обратиться к народу с воззванием не давать рекру-

тов³⁶. Поскольку земства имели собственную многоканальную систему связей с крестьянством, средними слоями города, решения съезда в краткий срок дошли до самых отдаленных деревень и стали одним из весомых факторов антиправительственной агитации.

Более решительно, чем земство, действовал биржевой комитет. В июне он обратился ко всем биржевым комитетам России с циркуляром, в котором отвергал проект министра Булыгина и указывал иной, единственный выход — переход России к другому политическому строю, немедленный созыв народных представителей на основании всеобщей прямой, равной и тайной подачи голосов при условии свободы слова, собраний и т.д. Так как ходатайства, резолюции, депутатии к властям желательного результата не давали, биржевой комитет посчитал нужным “обратиться к изысканию других способов”. Это был язык ультиматума торгово-промышленных кругов: крайне консервативные “Московские ведомости” поняли это мгновенно и обрушились на “с жиру взбесившихся самарских биржевиков”³⁷.

Интеллигенция Самары, в большинстве своем, встретила известие о булыгинской Думе резко отрицательно. Союз учителей, в котором к июню 1905 г. насчитывалось более 150 членов (из них только пять учителей средних школ), единодушно высказался за народовластие и переход средств производства в руки непосредственных производителей. И революционеры, и эсеры, и эсдеки, звали не только к бойкоту проектируемой Думы, но и к насильственному свержению всей политической системы. Стихийно складывался широкий, от либералов до крайних революционеров, антиправительственный блок. Девизом был бойкот булыгинской Думы — то общее, что объединяло всех против власти; в городских выступлениях политические мотивы возобладали над экономическими. В правящих кругах господствовали смятение, противоречивые мнения и борьба направлений, правительство колебалось, терялось, действовало неадекватно обстановке — налицо были симптомы приближающегося паралича властных структур, в больших и малых городах не только все чаще не исполняли распоряжений администрации, но образовывали различные комитеты (стачечные, безопасности и т.д.), союзы, советы, которые издавали постановления, действовали как органы управления. Особенно это относилось к Петербургу и Москве, куда веками обращались взоры всей России. Критическая масса была достигнута — взрыв становился неизбежным.

ОСЕНЬ 1905 года. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

20–21 апреля 1905 г. в Москве было положено начало Всероссийскому железнодорожному союзу. В Центральном бюро союза преобладали эсеры: В.Н.Переверзев (председатель), И.И.Беднов, Печковский. Согласованно с железнодорожным действовал Почтово-телеграфный союз³⁸. 6 октября 1905 г. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза приняло решение о начале всеобщей стачки железнодорожников, о чем в ночь на 7 октября была отправлена телеграмма по всем дорогам России. В телеграмме речь шла только о поли-

тических мотивах. 8 октября прекратилось движение на всех (кроме Николаевской) дорогах Московского узла: 12 октября были парализованы дороги Петербургского узла, а затем и остальные железные дороги страны. Бастовали рабочие, служащие, интеллигенты. С 15 октября стачка стала всероссийской: во многих городах бездействовали телеграф и телефон, водопровод и освещение, не выходили газеты, были закрыты школы, театры, магазины, различные учреждения. Народ вышел на улицы: повсюду собирались митинги, устраивались демонстрации — страну охватила стихия.

В Самарской губернии также началось с железных дорог. 11 октября одновременно прекратили работу телеграфисты станций Самаро-Златоустовской железной дороги, вслед за ними железнодорожные служащие, в ночь с 11 на 12 пришлось остановить поезда; утром 12 октября забастовали рабочие мастерских и депо. В ответ на это последовало недовольство пассажиров. На станции Кинель раненые санитарных поездов поколотили попавшихся под руку забастовщиков: в Кротовке пассажиры побили посуду в станционном буфете и стреляли в стачечников, к счастью, никто не пострадал³⁹. Начав забастовку по сигналу из Москвы, самарские железнодорожники поддержали все требования Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза (Учредительное собрание, демократические свободы и т.д.) и присовокупили к ним собственные — экономические (прибавка жалованья, выдача обмундирования, устройство больничного фонда), петиция вышла объемная, на 37 листах. В Самаре первыми поддержали железнодорожников рабочие типографий и учащиеся.

12 октября за Волгой состоялся многолюдный митинг. По описанию “Самарского курьера”, присутствовало несколько тысяч человек, в большинстве — рабочие и железнодорожники. Ораторы, эсеры и социал-демократы призывали к бойкоту булыгинской Думы, к вооруженному восстанию: постановили вести забастовку исключительно под политическими лозунгами и избрали общегородской стачечный комитет во главе с социал-демократом, склонным к авантюрам студентом-юристом В.Ю.Фридолиным. Вечером этого же дня во время заседания городской думы исполняющий должность городского головы А.Н.Хардин призвал гласных прекратить очередные дела и добиваться созыва Учредительного собрания, после чего заседание закрыли и предоставили помещение городской думы простым самарцам, которые тотчас же устроили митинг.

13 октября волнения охватили весь город: прекратились занятия в учебных заведениях, остановились промышленные предприятия и транспорт, закрывались магазины и лавочки, государственные и общественные учреждения. О настроениях того дня Д.Д.Протопопов писал так: “С 9–10 часов утра сплошные толпы заливали улицы. Все были тут — рабочие, учащиеся, купцы, чиновники, запасные солдаты, приказчики. Удивительно радостное, особое какое-то настроение, как будто каждый хочет сказать: вот что делается! Вот до чего дожили!”⁴⁰ Многотысячная возбужденная демонстрация начала свой путь от Алексеевской площади, затем прошла по ул. Панской и Ильинской, по пу-

ти закрыла государственный банк, окружной суд, городскую управу, канцелярию губернатора, казначейство и т.д. Неистойой энергией отличалась учащаяся молодежь.

Обстановка накалялась: народ хотел установить свои права, администрация охраняла старый порядок. Первое столкновение с солдатами произошло у тюрьмы, где демонстранты намеревались освободить политических заключенных: на первый раз все окончилось благополучно, без жертв, и демонстранты направились к городскому монастырю; там, у ворот церкви (в районе нынешней ул. Осипенко), на митинге (по свидетельству участников, их было 15–20 тыс.) проголосовали за Учредительное собрание, политические свободы, восьмичасовой рабочий день и землю для крестьян, затем вернулись обратно в город, стали понемногу расходиться. Но трагедия, которая назревала весь день, к несчастью, все-таки свершилась. У почты на углу улиц Дворянской и Панской дорогу толпе человек в 200 преградили казаки. Кто начал первый? Свидетельства прямо противоположны, но, по-видимому, первыми открыли огонь из толпы, ранив трех казаков и четырех лошадей. Тогда казаки дали несколько залпов: было ранено до 20 человек, один из них, рабочий И.В.Карасев, через три дня скончался⁴¹.

С утра 14 октября правительственные учреждения были взяты под охрану воинских частей, а командир Березинского полка полковник Баранов обещал, при необходимости, положить “целые горы из этой сволочи”⁴². Однако губернатор Засядко, человек культурный и рассудительный, но безвольный, не желал идти на крайние меры, более того, растерялся, не имея ни указаний из центра, ни собственного плана действий. Утром 14 октября он призвал жителей не выпускать на улицу детей и учащихся, чтобы избежать трагедий, а позднее направил к собравшимся на Луговой стороне Самарки на митинг несколькими тысячами горожан парламентаря, заведующего сыскной частью полковника И.Л.Короткевича, который предложил послать депутацию к губернатору. Над Короткевичем издевались, облепили его прокламациями, но депутацию из трех человек выбрали, наказав ей потребовать от губернатора освобождения политических заключенных, предоставления свободы слова, собраний, неприкосновенности личности и жилища, а также беспрепятственных похорон тех, кто, возможно, скончается от ран. Засядко обещал сделать все, что в его силах, наказать виновных, убрать казаков с улиц. Одновременно к губернатору явилась еще одна депутация — от “самарского общества”, которой Засядко также обещал впредь воздерживаться от применения силы.

Итак, после 14 октября симптомы паралича власти были налицо. Лишенная привычной поддержки, оказавшись как бы в вакууме, администрация время от времени издавала постановления, но не находила, да и не искала механизма их реализации, не решаясь применить силу. Бездействовала даже жандармерия. Последнее усилие воли властей — аресты 13 октября. И губернское жандармское управление, и администрация в целом, считали главным источником опасности эсеров; влияние их на железнодорожников, возможные покушения усиливали опасения: полагали, что после ареста видных, известных эсеров бунтуют

щее население останется без руководителей и тем лишится силы. Не следует забывать, что подобного мнения придерживались и центральные власти: департамент полиции разослал специальный циркуляр и в 10-х числах октября во многих губерниях были проведены аресты эсеров. В Самаре в ночь с 12 на 13 октября арестовали 34 человека, собственно эсеров среди них было около 30, в том числе Г.А.Гирифельд, С.И.Девятков, И.Т.Ивлиев; подлинными руководителями комитета Г.И. и С.И.Акрамовские, М.И.Сумгин сумели скрыться.

Как следствие ослабления администрации — появление многочисленных комитетов, советов, бравших на себя властные функции. 14 октября, на другой день после избрания общегородского стачечного комитета, в котором преобладали социал-демократы, был сформирован железнодорожный стачечный комитет (20–25 человек), главную роль в котором играли эсеры. Большинство постоянно поддерживало их. Председателем комитета избрали эсера, инженера А.Д.Осеева. Железнодорожники, рабочие и служащие, обращались к начальству только через комитет, в свою очередь, административные распоряжения исполнялись только после одобрения комитета. Для распространения своих постановлений стачечный комитет располагал телеграфом и “пролетарским поездом”. По примеру Самары, с помощью “пролетарского поезда”, стачечные комитеты в считанные дни возникли на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги — Абдулино, Кинель, Кротовка, Похвистнево⁴³.

14 октября самоликвидировался избирательный комитет, постановив, “что только созыв Учредительного собрания может гарантировать спокойствие”. Наличные средства, около 2 тыс. руб., были переданы городскому стачечному комитету. Бывшие члены избирательного комитета, 16 земцев-либералов, стали инициаторами создания Комитета общественной безопасности (КОБ). Вначале они созвали совещание общественных деятелей, которое 15 октября решило обсудить в Думе проблемы охраны порядка, прекращения снабжения казаков и вывода их из города. 16 октября общественные деятели определенно высказывались за создание КОБ, 19 октября было избрано его временное правление, в него вошли: Н.Д.Батюшков, Н.А.Гладыш, А.И.Матов и др. В его составе были купцы и промышленники, приказчики и юристы, журналисты и чиновники, октябристы и кадеты, эсеры и социал-демократы, представители стачечных комитетов и разнообразных союзов. Активно поддерживал Комитет командир 3-й батареи 3-й артиллерийской бригады подполковник М.А. фон Гальбен. Столь широкое представительство обеспечивало Комитету большой вес в городских делах⁴⁴.

Подобного рода представительные органы (в таких названиях, как Комитет спасения, Комитет общественной безопасности явственно слышны и отголоски французской революции, и естественное стремление к спасению от анархии, катастрофы, ужасов бунта, бессмысленного и жестокого) возникли по всей России. Объединяя сторонников умеренных реформ и самых крайних революционеров, они являлись не только противовесом легитимного режима, но и влиятельным властным органом.

Итак, с 14 октября самарская администрация уже не могла управлять городом и губернией — наступило время многовластия, т.е. безвластия, ~~стихийно продолжались забастовки~~ на железной дороге, на многих заводах и фабриках, не выходили газеты, не работали аптеки, пекарни, почта и телеграф, мастерские и т.д., повсюду проходили сходки и митинги, принимались резолюции о необходимости политических преобразований.

Во Всероссийской политической забастовке, по ориентировочной оценке, принимало участие более 2 млн человек — самодержавие оказалось на краю пропасти, необходимо было пойти на радикальные реформы, и надо признать, у него хватило на это и воли, и сил. 17 октября 1905 г. царь подписал Манифест “Об усовершенствовании государственного порядка”, в котором даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; объявлялось, что в будущем никакой закон не может иметь действительной силы без одобрения Государственной Думы. Право выборов в нее по мере возможности должны были получить и те слои населения, которые были их лишены по Булыгинскому проекту.

Это был исторический шаг: самодержавие ограничивало себя в области законодательства, создавался парламент, хотя и с ограниченными полномочиями, к политической деятельности приобщались огромные массы населения. По-видимому, это был тот максимум политических уступок, на которые было способно российское самодержавие, и тот объем политических преобразований, который создавал ему достаточную социальную опору. Однако октябрьский напор был настолько ошеломителен, и смута объяла такие массы, что восстановить спокойствие сразу было невозможно, к тому же Манифест не затрагивал экономических проблем, и важнейшую из них — о земле. Наблюдалось относительное равновесие правительственных и антиправительственных сил — время “октябрьских”, политических свобод, установленных явочным порядком.

В Самаре телеграммы о Манифесте были получены утром 18 октября. По свидетельству “Самарской газеты”, “Манифест подействовал на народ ободряюще”, шли оживленные толки и разговоры: только революционеры, эсдеки, эсеры, были им крайне неудовлетворены⁴⁵. Они срочно выпустили прокламации, заклиная не верить лживым и лицемерным обещаниям царя, звали народ вооружаться, бороться за созыв Учредительного собрания, восьмичасовой рабочий день, землю для крестьян⁴⁶. В Самаре некоторые предприятия приступили к работе с 16 октября, дольше всех держались железнодорожники. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза 23 октября приняло решение: “Ввиду удовлетворения большинства требований стачку прекратить”. На общем собрании самарских железнодорожников решили с 7 часов вечера 23 октября выйти на работу. Социал-демократы шумно настаивали на продолжении забастовки, но сумели убедить лишь несколько горячих голов.

В октябре в Самаре повсюду проходили митинги, в Пушкинском

народном доме (клуб им. революции 1905 г.) попеременно выступали социал-демократы и эсеры, там же устраивали собрания их комитеты и собирались боевые дружины. Фактически была ликвидирована цензура. С 25 октября "Самарская газета" стала органом комитета социал-демократов, а "Самарский курьер" — эсеров. По правительственному указу 21 октября были освобождены политические заключенные, получили амнистию высланные в административном порядке, так же, как отданные под гласный и негласный надзор полиции. Революционные организации усилили свою работу, перешли на полулегальное положение, шла практически открытая запись в их ряды. Вышедший 16 октября со станции Самара революционный поезд № 2, до 22 октября не только агитировал на всем расстоянии до Уфы, но и блокировал деятельность железнодорожного начальства⁴⁷.

Большое влияние приобрел Комитет общественной безопасности. 20 октября он потребовал от администрации бесцензурного выхода газет, а 23 октября пригласил артиллеристов для защиты города от погромов, затем организовал несколько отрядов самообороны и приступил, правда без особого успеха, к созданию боевых дружин; регулярно Комитет обращался к властям и они шли ему навстречу⁴⁸. В связи с угрозой черносотенного погрома 29 октября, он потребовал удаления из города вице-губернатора Кондоиди, и тот немедленно получил отпуск. Более того, делегация Комитета ездила в Петербург и получила согласие С.Ю.Витте на то, что Кондоиди больше в Самаре не вернется⁴⁹. Комитет общественной безопасности энергично отмежеввался от устремлений революционеров к насильственному ниспровержению существующей власти, выступал за реформы и тем самым заслужил поддержку средних городских слоев. В помещение Комитета постоянно приходили люди с сообщениями обо всех городских происшествиях. По примеру Самары, комитеты общественной безопасности были созданы в Бугульме и Бугуруслане⁵⁰. На стороне КОБ выступил созданный 26 ноября "Офицерский союз" во главе с фон Гальбеном.

Другая властная структура — Совет рабочих депутатов — имел ярко выраженный революционный характер. В его образовании активную роль сыграли железнодорожники, печатники, металлисты. На первом собрании Совета 30 ноября 1905 г., председателем был избран Н.Е.Вилонов, секретарем Н.И.Перфильев⁵¹. В Совете преобладали социал-демократы. Вместе с тем, на заседании 1 декабря утверждалось, что Совет "является, прежде всего, беспартийной организацией всех рабочих, независимо от их политических убеждений". Свою главную задачу он видел "в руководстве экономической борьбой самарских рабочих". Пользуясь большой популярностью среди рабочих, Совет издавал обращения к трудящимся, предъявлял требования к властям и предпринимателям. Последнее нелегальное его заседание состоялось 15 декабря⁵².

В дни октябрьских свобод общество политизировалось быстрыми темпами, стремление к объединению охватывало широкие слои населения. Были основаны профсоюзы печатников, грузчиков, металлистов, булочников и калачников, строительных рабочих, портных.

30 октября интеллигентские профессионально-политические союзы объединились в Союз союзов, председателем которого был избран один из лидеров организации кадетов А.К.Клафтон. В это же время конституировались организации либеральных политических партий.

Старые представления рушились: в ноябре петицию подали околоточные надзиратели и городовые — стержневая опора администрации. Они просили увеличить жалованье и квартирные, бесплатно выдавать лекарства и установить месячный отпуск, а также учредить товарищеский суд. Городовые писали: “Мы решили не бастовать, так как хорошо сознаем, что наше присутствие городу теперь нужно более, чем когда-либо”. Подчеркнутое высокое сознание — ничто иное, как не слишком завуалированная угроза. Справедливости ради, скажем, что жизнь полицейских была отнюдь не райской: их служба была и опасна, и трудна, а жалованье — мизерное; ранее помогали поборы и подношения, ныне этот ручеек почти иссяк: досаждали регулярные вычеты из жалованья (от 30 коп. — за временную отлучку с поста до одного рубля — за неявку на пост, независимо от причины). Начальство пошло навстречу и удовлетворило некоторые пожелания подопечных, в частности, было увеличено жалованье.

ОСЕНЬ 1905 года В ДЕРЕВНЕ

Осенью 1905 г. жизнь в деревне изменялась как под влиянием городских событий, так и сообразно собственному укладу. Манифест 17 октября стимулировал крестьянское движение. Крестьяне восприняли его как правовую (от царя) основу для активных действий. В с. Кротовка Самарского уезда крестьянин Шаров так разъяснял Манифест: “Теперь свободно, айдате, ребята, валите теперь к помещикам и разграбляйте их добро — за это теперь ничего не будет”⁵³. Среди крестьян укрепилось убеждение, что отныне земля и все имущество землевладельцев по закону принадлежат крестьянам.

Осенью 1905 г. крестьянское движение приобрело необычайный размах. Пик его пришелся на ноябрь: 246 выступлений из 495 за год. Особенно часто поднимались крестьяне Бузулукского уезда, затем Самарского, Бугурусланского, Бутульминского. По-прежнему, значительная часть выступлений была связана с острой нехваткой леса (82 случая зафиксировано только в ноябре), пастбищ и т.д. Новое, что принесла осень 1905 г., — использование самых острых форм борьбы: захват земли, разгромы и поджоги усадеб. В 1905 г. в губернии было разгромлено 75 усадеб — почти все в ноябре. По данным Министерства внутренних дел, убытки самарских латифундистов от погромов и поджогов составили 3 915 015 руб., также большие потери понесли землевладельцы только в Саратовской губернии. Разгромы, “красный пех” — традиционные формы проявления крайнего недовольства крестьянства. Жестокость, вандализм порождались условиями бытия российского крестьянства. Проникшись мыслью, что земля должна быть у тех, кто ее обрабатывает, а частных земельных владельцев быть не должно, поскольку “земля — ничья, земля — божья”, крестьяне не ви-

дели в тот момент иных средств для реализации своего права на землю, кроме как “выкурить” землевладельца, защищаемого всей мощью государства.

Первым было разгромлено имение Докучаевой в Хворостянской волости. 16 ноября в имение явилось несколько крестьян, которые, взломав запоры, похитили немало ценных для крестьянского быта вещей. Это был пролог. 19 ноября прибыли (кто на телегах, кто пешком) 400 крестьян, выгнали охрану, вывезли все, что можно. Все это повторилось 24 ноября. В результате было вывезено 30 тыс. пудов хлеба, сельскохозяйственные орудия, инвентарь, повозки, сбруя, домашние животные, сожжены постройки. Почти все погромы имений в губернии проходили с 19 по 28 ноября, большинство с 22 по 25. Крестьяне с. Герасимовка и Коржевка Бузулукского уезда 24 ноября разгромили хутора помещиков Мжельского, Сапрыкина, Свеницкого и Субботиной: увезли хлеб, инвентарь, другое имущество, часть хуторов сожгли, избили волостного старшину. В тот же день крестьяне с. Ермоловка, Новое и Старое Урметьево, Емелькино, Тимашево Бугульминского уезда разорили имения помещиков Умова и Низе⁵⁴. Особую ненависть крестьян вызывал крупнейший землевладелец Аржанов, владения которого многократно громили и поджигали. Ненависть к “чумазым лендлордам”, латифундистам, купцам, мещанам, крестьянам, порождалась крестьянским мироощущением, психологией. Громили имения в немногих волостях, преимущественно на севере губернии, где концентрировались помещичьи владения. В Самарском уезде – в основном на север – в Липовской, Зубовской, Чистяковской, Шламской волостях, где наряду с дворянскими, были огромные земельные и лесные угодья купцов Аржанова, Марковых, Соколова, Шихобалова. На юге уезда, в Спасской волости, разгромили имения Самариных; в центре, в Богдановской и Старобуянской волостях – имения Докучаевой и Мишиной, хутора купцов Иконникова, Коробова, Масленникова.

Обращает на себя внимание специфически крестьянская организованность. Выступления вынашивались, заранее тщательно обговаривались. Начинались они, обыкновенно, по сигналу (церковного колокола, костра и т.д.), после чего вся деревня одновременно, почти все на телегах, а кто и пешком, направлялись к имению: За малым исключением, движение начиналось в сумерках. Выставлялись пикеты, чтобы предупредить о появлении полиции, молодежь вооружалась. Разобрав хлеб, инвентарь, птицу, имение громили, после чего нагруженные подводы “растворялись” во тьме. Несколько молодых людей поджигали дом, хозяйственные постройки.

Цементирующую роль играла община — важнейший традиционный элемент крестьянского мира. Сельский сход принимал решение о претензиях к землевладельцу, формулировал их; постановлял, когда и как выступать⁵⁵. Община — крестьянский “социум” — руководствовалась обычным правом: решения схода непременно выполнялись всеми, ответственность была общая — в этом воплощались и этика, и психология, и атмосфера невозможности пойти против общины. Когда полковник Г.Г.Бителаж, прибыв 16 ноября 1905 г. в с.Старый Буян, прика-

зал стражникам вызвать к нему свидетелей для допроса, те вернулись ни с чем: сельский сход не разрешил никому являться к начальству⁵⁶. В то время сельская полиция думала, пожалуй, не о том, как противодействовать стихии, а о том, как бы спастись. “Местная полиция совершенно бессильна установить агитаторов, которым крестьяне покровительствуют”, — констатировало жандармское управление и приводило такие факты: “Поездки унтер-офицеров становятся небезопасными”: пристав второго стана вывез из села Алексеевки свое семейство и сам там не показывается. В качестве единственного выхода предлагалось “безотлагательно” в каждом уездном городе разместить по сотне казаков⁵⁷.

Выдающимся явлением крестьянского движения стала “старобуянская республика”, инициаторами которой были крестьяне с. Большая Царевщина⁵⁸. Село это, расположенное в 30 верстах от Самары, было малоземельным; в среднем на двор приходилось 1,4 дес. надельной земли. Ближайшие леса и луга принадлежали уделу. Многие крестьяне работали на погрузке хлеба, в каменоломнях, уходили в Самару, другие города. Село было большое. Летом 1899 г. в нем открыли двухклассную школу, с осени 1901 г. проводились воскресные занятия для взрослых. Революционная пропаганда в селе имела давнюю традицию: в 80-е годы ее вел народник Серафимов. Через народнические кружки прошли будущие руководители “республики”: П.М.Солдатов, А.Т.Князев, Л.Н.Щибраев. В 1902 г. под руководством учителей братьев Петровых и фельдшера В.М.Казакова, членов эсеровской организации, был образован крестьянский кружок, деятельность которого стала особенно активной со второй половины 1904 г., когда высланный в Самару С.И.Акрамовский организовал при комитете Крестьянский союз⁵⁹.

Зимой 1905 г. эсеры были постоянными гостями в Царевщине, приезжали и социал-демократы. Нелегальная литература доставлялась регулярно и в большом количестве. С весны здесь шли регулярные собрания, в которых участвовали крестьяне окрестных сел: Елшанки, Курумоча и др. С лета крестьяне стали организовывать демонстрации: в октябре манифестации были особенно частыми и многочисленными. Тогда же создается боевая дружина. 23 октября на митинге в Царевщине с речами выступили представители революционных партий. Затем, подняв четыре красных знамени, с пением “Вы жертвою пали” крестьяне прошли по улицам. Решили закрыть винную лавку и остальные торговые заведения на селе. Демонстрация закончилась сбором средств в пользу бастующих рабочих. 25 октября лесная удельная стража отказалась от службы, так как не решалась противиться царевщинским крестьянам, которые распоряжались в удельном лесу, как в своем собственном. Их поддерживали крестьяне соседних сел. В октябре—ноябре демонстрации под лозунгом “Долой самодержавие!” прошли и в с. Старый Буян.

25 октября земский начальник прислал Царевщинскому сельскому обществу предписание — направить 13 ноября на волостной сход в с. Старый Буян уполномоченных для выбора волостного старшины.

12 ноября к середине дня около 200 крестьян из Царевщины, вооруженных револьверами, кинжалами, с красными флагами и пением революционных песен вошли в Старый Буян. Вечером колокольным звоном был собран сельский сход. На нем крестьяне решили изгнать местные власти, заменив их своими избранниками. Для охраны казенных, удельных и владельческих лесов была назначена специальная дружина. На следующий день был принят "Временный закон по Старо-Буянскому народному самоуправлению"⁶⁰. Крестьяне сместили старшину и волостного писаря, избрали народное самоуправление во главе с А.Т.Князевым и Е.Д.Пеннером, организовали народную милицию. "Временный закон" отражал вековые чаяния крестьян: все земли и пастища вплоть до созыва Учредительного собрания поступали в распоряжение волостного народного самоуправления и распределялись уравниательно между крестьянами.

Власти сразу решили расправиться с народной республикой. Однако попытки полиции и стражников нанести поражение восставшим были отражены. Тогда был собран отборный карательный отряд из казаков и жандармов во главе с вице-губернатором. 26 ноября 1905 г. республика была разгромлена. Ее руководителей и активных участников арестовали и осудили. Но весть о республике крестьян разнеслась широко по России. В тысячах и тысячах экземпляров разошелся "Временный закон" и "Прощальное письмо царевщинского крестьянина Лаврентия Щибраева".

Неуютно чувствовали себя сельские власти и в других уездах губернии. Так, в Бузулукском уезде крестьяне сместили сельских и волостных должностных лиц в Герасимовской, Ефимской, Пронькинской, Максимовской, Патровской волостях⁶¹. Губернская администрация, которую землевладельцы забрасывали жалобами, видела охватившую их панику и была крайне встревожена и даже обескуражена. Губернатор сообщал 11 ноября: "Среди населения усиливается брожение. 28 ноября констатировал: "Положение губернии крайне угрожающее. Крестьянское движение быстро охватило все уезды". Затем он просил прислать надежные части. Тревожные телеграммы слали граф Орлов-Давыдов, князь Оболенский, другие дворяне⁶². Министр внутренних дел Дурново упрекал самарскую администрацию в "полном упадке власти и отсутствии решительных мер для подавления мятежных усилий"⁶³.

Революционные партии пытались подтолкнуть крестьян к еще более крупным выступлениям. Пропагандистская литература издавалась в огромных количествах и, по свидетельству жандармского управления, уезды были "наводнены" ею. Особенно преуспели эсеры, которые сосредоточили на работе с крестьянством основные силы. Полиция, по собственному признанию, не только не могла помешать их агитации, "но бессильна даже установить агитаторов, пользующихся покровительством крестьян"⁶⁴. Эсеры собрали значительное число крестьянских "братств", некоторые из них имели свои боевые дружины. Под руководством М.И.Сумгина началось создание самарской организации Всероссийского крестьянского союза. 18 декабря 1905 г. "Самарская газета" опубликовала за его подписью "Приглашение на Самарский гу-

бернский крестьянский съезд”, который должен состояться 10 января 1906 г.⁶⁵ Деятельность социал-демократов осложнялась разногласиями внутри организации по аграрному вопросу⁶⁶. Впрочем, споры сводились скорее к схоластическим упражнениям, российскую деревню равно по-книжному представляли “разделисты”, “национализаторы”, “муниципализаторы”, и все остальные⁶⁷. Значительных сил для агитации в деревне не было. Осенью 1905 г. социал-демократы имели прочные связи в 10 селах.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Впервые в истории России в революции 1905–1907 гг. на политической арене открыто выступили все классы и социальные слои. Оформились три блока: консервативный, правительственный, который стремился сохранить или минимально трансформировать существующий строй; либеральный, оппозиционный, добивавшийся ненасильственного реформирования социально-политической системы; революционный, демократический, выступавший за коренную насильственную ломку политических, социальных и экономических структур. Олицетворением этой расстановки политических сил явились партии.

Консерваторы Самарской губернии представляли поместное дворянство и те социальные группы, которые не видели России без самодержавия, православия, сословно разделенного общества. Самарское дворянство не было единым: одна часть находила выход в уравнивании в правах всех землевладельцев, при сохранении за дворянами роли попечительного старшего брата среди равных ему младших; другая искала спасения в радикальных мерах по поддержанию особого социального статуса и землевладения дворянства. Первые еще в 1895 г. основали Общество сельских хозяев Самарской губернии. Хотя Общество ничем особенным себя не проявило, идея всесословного объединения в 1905–1907 гг. имела немало сторонников, но не была реализована, поскольку и крестьяне, и купцы от единения с дворянами уклонялись.

Лидер вторых, сторонников сословной исключительности, крупный землевладелец А.А.Чемодуров активно пропагандировал мысль о консолидации поместного дворянства для защиты сословных привилегий, предлагал создать соответствующую губернскую организацию. А.А.Чемодуров и М.Д.Мордвинов были в числе активистов Всероссийского союза землевладельцев, основные цели которого формулировались так: охрана частного землевладения, водворение порядка, православие, самодержавие, народность. А.А.Чемодуров и его единомышленники одними из первых поддержали идею всероссийского единения дворянства. На Чрезвычайном губернском собрании 26 февраля 1906 г. на Всероссийский съезд дворянских обществ избрали губернского предводителя А.Н.Наумова, а также А.А.Чемодурова, А.Н.Булгакова, А.Н.Толстого, П.М.Наумова, М.Д.Мордвинова и Н.Н. Шишкова. На Первом всероссийском съезде представителей от дворянских обществ (апрель 1906 г.) А.А.Чемодуров вошел в Постоянный совет по подготовке съезда, а впоследствии — в Постоянный совет объединенных

дворянских обществ, организацию, которой в первую очередь внимало правительство⁶⁸.

Губернский отдел Союза русского народа — ведущий черносотенной организации — оформился только к концу революции, в ноябре 1906 г. По официальным данным он насчитывал 500 человек. В начале 1907 г. были зарегистрированы городские организации Союза в Бугуруслане, Бузулуке, Николаеве, а также в Бузулукском и Бугурусланском уездах. В Самарской губернии козырной конек черносотенства — идеи великодержавного шовинизма и антисемитизм — пользовался малым успехом. В ряды черносотенцев входили либо торговцы, либо люмпены города и деревни. В губернии не было кровавых погромов, как в Казани и других городах России; Союз даже не сумел наладить выпуск собственной газеты. Идеи национализма не нашли благодатной почвы в Самарской губернии⁶⁹. Деятельность черносотенцев ограничивалась мелкими стычками с революционерами, избиением отдельных интеллигентов, угрозами и изданием прокламаций. В дни “октябрьских свобод” черносотенцы преуспели немного. Во время панихиды по Александру III 20 октября В.Кондоиди произнес речь; она впоследствии была отпечатана большим тиражом. В ней он нападал на безбожников-революционеров, сеющих смуту, обвинял правительство в трусости, растерянности, непоследовательности, призывал защищать самодержавие. Из “патриотических” шествий самое массовое состоялось 27 октября: около 200 человек с портретом царя и белым знаменем собрались на Алексеевской площади. На их беду рядом оказалась боевая дружина социал-демократов (четыре человека): знамя у патриотов отобрали, манифестантов распугали. Впрочем, знамя дружинники отдали полицеймейстеру.

После издания манифеста 17 октября размежевание в либеральном лагере в основном завершилось. Крупные умеренно-либеральные помещики, политически активные предприниматели, чиновники, часть “цензовой” интеллигенции основали “Союз 17 октября”; либеральные помещики, средние городские слои, “цензовая” интеллигенция — партию кадетов.

В Самаре в ноябре 1905 г. умеренные либералы организовали местные отделения “Партии правового порядка” и “Союза 17 октября”; 3 декабря они объединились на платформе “Союза 17 октября”. В губернский комитет “Партии правового порядка” на платформе “Союза 17 октября” вошли предводитель дворянства А.Н.Наумов, городской голова С.Н.Постников, известные землевладельцы и предприниматели И.Г.Курлин, В.М.Сурошников, Я.Д.Слободчиков, граф А.Н.Толстой, князь П.Д.Урусов, М.Д.Челышев, Т.А.Шишов. С 1 января 1906 г. октябристы стали издавать газету “Голос Самары”. В конце 1906 г. самарская организация насчитывала 735 человек. Кроме того, в январе 1906 г. были созданы группы в уездных городах: Бузулуке (267 членов), Бугульме (точное число членов не известно, издавали газеты “Мирный путь” и “Возрожденное крестьянство”), позднее в Николаевске (250 членов), Новоузенске, посаде Мелекесс, с. Тимашево (35 членов) и Сельское (9 членов)⁷⁰. Среди октябристов были высокооплачиваемые

торгово-промышленные служащие, чиновники, обеспеченная “деловая” интеллигенция.

Октябристы — противники неограниченного самодержавия, их идеал — наследственная конституционная монархия, с двухпалатным народным представительством. Они выступали за равенство всех российских граждан без различия пола, национальности, вероисповедания, за свободу слова, совести, печати, собраний и союзов, отмену паспортной системы. Однако они не считали целесообразным немедленное уничтожение сословий. Аграрный вопрос предлагалось решить посредством уравнивания крестьян в правах с остальными гражданами, отмены архаических общинных порядков, поднятия производительности земледелия и, по возможности, увеличения крестьянского землепользования⁷¹. “На смену полуголодного крестьянина-общинника, — говорил В.Н.Львов — должен явиться крестьянин-собственник, хозяйничающий на своем участке земли, независимый, заботливый и культурный”⁷². Свою программу октябристы предполагали проводить исключительно парламентским путем. Деятельность губернской организации оживилась в период выборной кампании, когда проходили собрания, распространялись предвыборные воззвания. На собраниях рабочих и крестьян октябристы появлялись крайне редко.

Самарская организация партии кадетов окончательно оформилась в декабре 1905 г., когда конституировался временный губернский комитет, в составе которого оказались известные либералы Е.Л.Кавецкий, А.Г.Клафтон, Г.Н.Костромитинов, А.Г.Курлин, В.А.Племянников, Д.Д.Протопопов, А.Н.Хардин и др. 31 декабря кадеты вошли в состав редакции “Самарского курьера”, а по его закрытии — “Волжского слова”. В Самаре, по официальной партийной статистике, насчитывалось 300 членов. Группы были образованы в Бугульме, Бузулуке (60 членов), Ставрополе, Новоузенске, Мелекесе, с. Богатом, Тимашево⁷³.

Кадеты были сторонниками конституционной парламентской республики, свободы слова, собраний, митингов, демонстраций, 8-часового рабочего дня “там, где он возможен”. Для решения аграрного вопроса они предлагали создать государственный земельный фонд путем принудительного отчуждения частновладельческих земель “по справедливой оценке” с последующим наделением крестьян землей. В отличие от октябристов, кадеты были сторонниками сохранения общины, так как считали, что насильственная ломка традиционных крестьянских институтов, лишь ускорит пролетариацию, углубит социальный кризис.

Среди кадетов были землевладельцы, предприниматели, служащие, интеллигенция, приказчики, ремесленники, рабочие, реже крестьяне⁷⁴. Как социальные устремления, так и состав создавали впечатление о надклассовом характере организации, которая выражала интересы всего общества. Кадеты интенсивно агитировали среди средних городских слоев, на фабриках и заводах, в деревне, пользуясь значительным влиянием во всех слоях общества. Они сотрудничали и с октябристами, и с революционерами. В глазах администрации кадеты были од-

ной из самых опасных антиправительственных организаций, и потому подвергались систематическим преследованиям⁷⁵.

Революционный лагерь самоопределился раньше, чем консервативный и либеральный. Организации основных революционных партий, социал-демократов и социалистов-революционеров, конституировались еще до революции. Обе организации выступали за насильственную ликвидацию самодержавия, за вооруженное восстание, за уничтожение сословий, за демократическую республику, Учредительное собрание, свободу слова, совести, собраний, стачек, восьмичасовой рабочий день. Для решения аграрного вопроса социал-демократы вначале предлагали возвращение крестьянам выкупных платежей, земель, отрезанных от их наделов при уничтожении крепостного права. Летом 1905 г. самарский комитет твердо стоял за программу отрезков, и лишь только осенью стал склоняться к возможности конфискации помещичьих земель⁷⁶, а с 1906 г. определенно поддержал программу муниципализации земли, т.е. передачу латифундий органам местного самоуправления с последующей арендой их крестьянами⁷⁷. Эсеры пропагандировали программу социализации земли, т.е. ликвидацию частной собственности на землю, превращение ее в общенародное достояние без выкупа, передачу демократически организованным органам самоуправления и общинам на принципе "поравнительного" распределения между крестьянами по потребительной или трудовой норме.

Видимого деления самарских социал-демократов на большевиков и меньшевиков не было. В одних случаях принимались решения в духе рекомендаций вождей-большевиков, в других — вождей-меньшевиков. Весной 1905 г. социал-демократы Самары насчитывали в своих рядах 560 членов, осенью — более 600, весной 1906 г. — около 600, весной 1907 г. — около 400 членов⁷⁸. Уездные группы были в Бугульме, Бузулуке (10 членов), Бугуруслане, Николаевске (15 членов), Ставрополе (15 членов). Основную массу составляли рабочие, затем интеллигенты, крестьян было мало; в комитете среди агитаторов и пропагандистов абсолютно преобладали интеллигенты, много было молодежи. Главные усилия социал-демократы направляли на работу в городской среде, в первую очередь, среди рабочих, и добились значительных успехов. С.Н.Коллистов, один из лидеров самарских эсеров, позднее писал: "По существу весь пролетариат Самары... находился под совершенно определенным с.-д. влиянием"⁷⁹. Подтверждением тому служат и итоги выборов во II Государственную Думу. Социал-демократы преобладали в рабочих стачечных комитетах, Совете рабочих депутатов, профсоюзах.

Социал-демократы основали также кружки учащихся, пользовались известным влиянием среди тружеников кустарных и полукустарных заведений, ремесленников и грузчиков, с середины 1905 г. развили довольно кипучую деятельность по пропаганде и агитации среди частей гарнизона. Тогда же была сформирована агитаторская аграрная группа, численность которой достигала восьми человек. Однако особых успехов в деревне социал-демократы не имели. Они обладали хорошей типографией, издавали многочисленные прокламации в тыся-

чах, а иногда в десятках тысяч экземпляров, выпускали легальные и нелегальные газеты: “Самарская газета”, “Самарская лука”, “Прибой”, “Борьба”.

Организация эсеров в Самаре в период “октябрьских свобод” состояла из нескольких сот человек: в апреле 1906 г., по данным жандармов, в ней было 239 членов, а в октябре того же года — 500⁸⁰. Группы в Бугульме, Бузулуке. Николаевске, Новоузенске, Ставрополе, в слободе Покровской Новоузенского уезда насчитывали по несколько десятков человек. В городе среди эсеров преобладали рабочие, ремесленники, кустари, железнодорожники, учащаяся молодежь, нецензовая, демократическая интеллигенция. Так, в Самаре осенью 1906 г. было 150 эсеров-рабочих и 100 эсеров-интеллигентов. В 70 эсеровских “крестьянских братствах” насчитывалось 600–700 членов — единственная партийная организация в губернии, в которой больше половины членов составляли крестьяне. В городе эсеры пропагандировали, в основном, среди железнодорожников, рабочих мелких предприятий, ремесленников, приказчиков. На крупных предприятиях их влияние было незначительным. Более успешной была их пропаганда среди учащейся молодежи, а также в гарнизоне. Особое внимание эсеры уделяли пропаганде в деревне, для чего губернский комитет в начале 1906 г. выделил 25 агитаторов. Аграрной агитацией занимались также члены уездных групп и крестьянских братств⁸¹.

Типографская база у эсеров была несколько слабее, чем у социал-демократов, тем не менее и они выпускали прокламации регулярно и большими тиражами (до 5–10 тыс.экз.), издавали легальные и нелегальные газеты. Эсеры — террористическая организация. Боевая дружина губернского комитета организовала ряд покушений на начальника гарнизона генерала Сергеева; летучий отряд Поволжской области — на губернатора Блока, подполковника Боброва.

В конце 1906 г. от эсеров Самары отделилась группа социалистов-революционеров-максималистов во главе со статистиком губернской земской управы В.М.Владимировым. В феврале 1907 г. в ней было несколько более 20 человек, молодых рабочих и интеллигентов⁸². Все свои усилия максималисты направили на экспроприации: 26 января 1907 г. было изъято 435 руб. у владельца мучной лавки купца Романова, 18 февраля — 200 руб. у артельщика Самара-Златоустовской железной дороги Ваганова⁸³. Максималисты поддерживали тесные связи с группой анархистов-индивидуалистов, довольно малочисленной, возникшей в феврале 1907 г.⁸⁴ Осенью 1906 г. в Самаре начал действовать небольшой кружок радикалов-евреев “паоли-цион”⁸⁵.

Корни всех без исключения партий находились в губернском городе; политизированность уездных городов была на порядок ниже; политическое состояние деревни было несколько своеобразным, и к нему трудно приложить городские мерки. Политические партии даже одного лагеря были настроены на жесткую полемику, чем на консолидацию: таковыми являлись взаимоотношения октябристов и кадетов, социал-демократов и эсеров. Отношения между партиями разных лагерей характеризовались настроениями враждебности. Психология не-

терпимости достигала максимума у лидеров, комитетчиков; у членов уездных групп терпимости было больше, рядовые члены зачастую не понимали, из-за чего идет спор, и полагали нужным объединить усилия революционеров против власти, либералов против черносотенцев. Наиболее высоким тоном агрессивности отличались черносотенцы и социал-демократы, наибольшей лояльностью — кадеты.

ДЕКАБРЬ 1905 года В САМАРЕ

В конце ноября правительство перешло в наступление: 26 ноября арестовали председателя Петербургского Совета рабочих депутатов, а 3 декабря его Исполнительный комитет и значительную часть членов. 2 декабря за публикацию так называемого “Финансового манифеста” были закрыты восемь левых газет. На полях доклада о приостановке газет Николай II написал: “Наконец!” В ответ революционеры решились на крайние меры: в Москве конференция 29 железных дорог, Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, Совет рабочих депутатов постановили с полудня 7 декабря начать всеобщую политическую стачку с последующим вооруженным восстанием.

Самарский Совет рабочих депутатов и железнодорожный стачечный комитет назначили выступления на 8 декабря. В первых обращениях обеих организаций говорилось только о политической стачке, однако уже 8 декабря Совет и комитеты социал-демократов и эсеров в совместном воззвании “На улицу!” призывали к вооруженному восстанию, свержению самодержавия, образованию революционного временного правительства и созыву Учредительного собрания⁸⁶. Едва ли даже те, кто призывали к восстанию, верили в его успех. Военная сила революционеров ограничивалась боевыми дружинами. Утверждение Совета рабочих депутатов, что “солдаты горной батареи, железнодорожные батальоны с нами”, — желаемое, выдавало за истину. После ареста 3 декабря фон Гальбена, а затем Петрова, авторитетов, способных повести за собой солдат, не было. Среди рабочих немало было тех, кто противился забастовке, не говоря уже о восстании. А.А.Коростылев, социал-демократ, активный участник событий, рассказывал, что, когда он с товарищами явился на завод Лебедева с призывом к стачке, рабочие их побили, а на Жигулевском заводе “поливали водой”⁸⁷.

Как и в октябре, первыми забастовали железнодорожники. При этом, однако, беспрепятственно пропускались военные составы, за чем следила специально выделенная техническая служба; также не задерживались поезда с хлебом для пострадавших от неурожая губерний. Вскоре прекратили работу некоторые заводы и фабрики, магазины и казенные учреждения. По распоряжению Совета рабочих депутатов продолжали функционировать водопровод, мясные и молочные лавки, аптеки, хлебопекарни. 8 декабря в руках Совета оказался железнодорожный телеграф. По свидетельству очевидца, улицы и площади города, наполненные народом, напоминали потревоженный муравейник; всюду сновали вооруженные патрули дружинников и казаков. Революционеры не знали, что делать⁸⁸. Впоследствии С.Н.Каллистов писал:

“Мы по-настоящему не были готовы к вооруженному восстанию. У нас были дружины... но не было ни плана действий, ни ясного представления о том, как и что мы будем делать во время вооруженного восстания”⁸⁹. В Народном доме шли непрерывные митинги, совещания эсеров и социал-демократов, велись разговоры о необходимости ареста губернатора.

В декабре атмосфера была иной, чем в октябре — людей разных чинов и званийедино желание свобод, охватывал восторг радостных перемен. Декларации “Манифеста 17 октября” устроили очень многих, призывы революционеров восстать пугали, только чрезвычайные обстоятельства могли побудить массы, вопреки вековым традициям, посчитать царя, высшие власти врагами. Многие рабочие, почти все средние городские слои, либеральное общество Самары, не говоря уже о торгово-промышленных кругах, противились новой всеобщей политической стачке. Либеральные организации, КОБ энергично отвергали вооруженное восстание.

С середины ноября в городе упорно распространялись слухи о готовящемся восстании. Администрацию тревожило положение дел в артиллерийской бригаде. 27 ноября на совещании командиров частей и старших штаб-офицеров гарнизона, проходившем под руководством генерала Сергеева, было решено обезвредить бригаду (поскольку начальство не ручалось за верность не только солдат, но и некоторых офицеров), и с этой целью арестовать подполковника фон Гальбена, военную организацию эсеров⁹⁰.

Несмотря на тревожную ситуацию, власти не растерялись, как в октябре 1905 г., а, в целом, контролировали ситуацию, располагали достаточными резервами, чтобы в нужный момент парировать любые неожиданные выпады: в их распоряжении были казаки, 312-й Березенский пехотный полк и другие воинские части. Железнодорожные войска контролировали вокзал, а саперы 9 октября заняли здание железнодорожного телеграфа — чувствовался опыт октябрьских событий. Не дремало и жандармское управление: уже в первые дни декабря оно известило начальство об усиленной подготовке революционеров к восстанию, комплектовании боевых дружин, приобретении оружия (его покупали в магазинах, а также экспроприировали из арсеналов; так например, 12 ноября из оружейного склада 3-й артиллерийской бригады изъяли 50 револьверов), выработке планов нападения на административные учреждения. По полученным сведениям на 10 декабря в Народном доме объявлялся сбор дружинников с тем, чтобы 11 декабря начать восстание.

В половине девятого вечера 10 декабря Народный дом окружили четыре роты солдат, две сотни казаков и наряд полиции. Губернатор Д.И.Засядко желал завершить дело благопристойно; он послал командующему сводным отрядом осаждающих полковнику Баранову записку с просьбой без насилия выпустить публику из Народного дома (клуб им. Революции 1905 г.). Баранова это лишь подстегнуло: “Сдавайтесь, проклятые собаки!”, — так обратился он к осажденным.

К этому времени в Народном доме находились, по одним данным,

полторы, по другим, две, а по третьим, даже три тысячи человек, главным образом, ежедневно митингующей публики; дружинников — несколько десятков, не более 70. Сгоряча они решили держаться: забаррикадировали окна и двери, а на требования сдаться бросили с балкона в сторону осаждавших две самодельные бомбы (по сообщению Д.И.Засядко — четыре), которые, однако, не взорвались, кроме того, прозвучал одинокий оружейный выстрел. Спустя два часа Баранов объявил, что если через пять минут окруженные не сдадутся, он прикажет начать атаку. Положение было безвыходным — собравшиеся в Народном доме согласились сдать оружие и разойтись⁹¹. Во время переговоров известные революционеры бежали через прилегающий сад. В здание вошла караульная рота; обыски шли до часу ночи, обнаружили несколько разрывных снарядов, ружей, холодное оружие; всех отпустили, многих избили: двое получили тяжелые телесные повреждения, один подросток скончался. Поздние рассказы о попытке председателя Совета рабочих депутатов оказать помощь осажденным извне, по-видимому, являются легендарными; в донесениях официальных лиц, зафиксировавших мельчайшие подробности событий 10–11 декабря, об этом не упоминается.

Отчаянная попытка революционеров потерпела поражение. Власти имели полное превосходство в силе и уже в ночь на 11 декабря начали наводить порядок: арестовали известных революционеров, в первую очередь эсеров В.Девятова, И.Петрова, И.Лукасинского, которых опасались, председателя В.П.Цветкова и членов железнодорожного стачечного комитета К. Глядкова, К. Дубцова и др. Порядок на улицах обеспечивали патрули. Были прекращены несанкционированные митинги, демонстрации, собрания, в том числе и в Народном доме. Социал-демократы 12 декабря в помещении общества приказчиков намеревались провести митинг. К девяти часам вечера, как только собралась публика, прибыл пристав с нарядом казаков и предложил разойтись. Организаторам, сославшимся на “Манифест 17 октября”, он пояснил: “То было 17 октября, а теперь 12 декабря”⁹².

Губернатор предложил открыть магазины, обещая защищать их с помощью военной силы, если кто будет мешать торговле. На следующий день порядок в городе, в основном, был восстановлен: работали магазины, административные учреждения, почти все промышленные предприятия. Частичная забастовка до 21 декабря продолжалась лишь на железной дороге. 15 декабря в последний раз нелегально собрался Совет рабочих депутатов и подтвердил целесообразность прекращения политической забастовки. Городская Дума 13 декабря энергично отмежевывалась от Комитета общественной безопасности и обратилась с просьбой к губернатору привлечь комитет “к законной ответственности за неправильно присвоенные им функции”⁹³. Купечество выделило для поощрения нижних чинов Березинского полка — “усмирителей крамолы” — 500 руб. Коммерческое собрание чествовало полковника Березина — “освободителя” Самары от “революционного террора”. КОБ на своем последнем заседании 13 декабря констатировал сильное как моральное, так и материальное “ослабление”; к этому времени его

покинули 15 “отцов основателей”. Принятое постановление о продолжении деятельности было чисто символическим: КОБ незаметно сошел со сцены.

Революционеры растерялись. Вначале среди них шли разговоры о партизанской войне, затем о терроре. Самарский комитет социал-демократов на заседании 11 декабря официально от применений индивидуальных покушений отказался; эсеры, напротив, еще больше усилий направили на то, чтобы “революционно” наказать карателей. Главным объектом был выбран начальник самарского гарнизона генерал Сергеев. 15 декабря в него (генерал ехал в пролетке) трижды стрелял солдат, член военной организации эсеров С.Власов. Все это произошло на площади за губернской земской больницей. Все три выстрела не достигли цели. Власова впоследствии осудили на 15 лет каторги. 27 декабря 1905 г. член летучего отряда Поволжской области, рабочий-кровельщик Жуков бросил с перрона вокзала под вагон, в котором Сергеев отправлялся к новому месту назначения, разрывной снаряд. Был поврежден вагон, Сергеева ранило в лицо и руку.

В ПЕРВОДУМСКИЕ ДНИ

Отчаянный порыв революционеров в декабре 1905 г. подчеркнул силу правительства: эпоха “явочных свобод”, безвластия окончилась.

1906–1907 годы не знали таких беспрерывных, многочисленных, грозных, совместных выступлений в городе и в деревне, против основ существующего порядка, как в 1905 г. Движение приобрело иное качество, дробилось, локализовалось.

В Самарской губернии, по данным фабричной инспекции Министерства торговли и промышленности (она не охватывала предприятия с числом рабочих менее 10–15, а также казенные и железнодорожные), в 1905–1907 гг. имелось от 156 до 159 предприятий, с числом рабочих от 9624 до 9923. На них зафиксировано в 1905 г. 168 стачек (12 752 участников), в 1906 г. – 48 стачек (3093 участников), в 1907 г. 29 стачек (2514 участников)⁹⁴. Примечательно, что более половины стачечников Самарской губернии в 1907 г. — металлисты (1543 человек), т.е. наиболее квалифицированные и высокооплачиваемые рабочие. В губернии за 1905 г. выявлено 495 крестьянских выступлений, за 1906 г. — 130, за 1907 г. — 51. Существенно изменился характер движения: в 1905 г. крестьяне в известной мере согласованно, силой стремились взять землю, выжить помещиков; в 1906–1907 гг. они больше надеялись на Государственную Думу, выступали разрозненно.

Вторая половина декабря–февраль – трудное время для революционных партий. Только за один месяц, с 15 декабря 1905 по 15 января 1906 г., в Самаре было арестовано около 200 социал-демократов, многие уцелевшие лидеры комитета вынуждены были бежать в другие города, некоторые уездные группы были ликвидированы полицией почти полностью. Потери эсеров были еще значительнее – на них жандармы обращали внимание в первую очередь. Те из лидеров комитета, кто уцелел до 15 декабря, попали под арест чуть позднее. 18 декабря –

Э.Павчинский, 19 — М.А.Веденяпин, М.И.Сумгин, 24 — С.И.Акрамовский. Эсеры потеряли не только многие уездные организации, но и крестьянские. “Братства” — ядро крестьянских восстаний осени—начала зимы 1905 г. Их членов, как “зачинщиков”, арестовывали в первую очередь. В эпоху “октябрьских свобод” и социал-демократы, и эсеры действовали полулегально или даже легально; полиция лишь фиксировала, кто есть кто. Тем легче ей было, когда отдали приказ провождать революционеров в тюрьму. Обе организации лишились легальных газет: “Самарский курьер” с 31 декабря 1905 г. стал органом комитета кадетской партии, а “Самарская газета” с конца 1905 г. влачила бесцветное существование. Непривычное обилие арестов ставило в тупик даже октябристский “Голос Самары”: “Арестовываются, а затем ввергаются в тюрьму адвокаты, учителя, железнодорожники (они преимущественно), почтово-телеграфные чиновники, рабочие и крестьяне. В настоящее время число всех политических заключенных достигает около 200 человек. Когда будет конец начальственному гневу и когда начальство устанет таскать своих недругов?”^{95, 96} В свою очередь департамент полиции запрашивал Самарское жандармское управление о причинах “столь значительного числа содержащихся под стражей в порядке положения о государственной охране”⁹⁷.

Удар был тяжел, но революционеры оправились довольно быстро. Продолжались выступления в городе, деревне, армии, ждали новых сильных волнений в деревне. И не одни только революционеры, полиция также предполагала, что с наступлением весны аграрное движение весьма вероятно⁹⁸. С января 1906 г. нелегально стала выходить социал-демократическая газета “Борьба”. Уже весной восстановились комитеты, городские и сельские группы обеих революционных организаций. Либералам-кадетам на первых порах также приходилось нелегко. Немало напуганных обывателей в январские дни 1906 г. вышли из организации.

Политическая борьба в первые месяцы 1906 г. разворачивалась вокруг выборов в Государственную Думу. Закон о выборах, изданный 11 декабря 1905 г., несколько расширил круг избирателей, однако более половины взрослого населения было лишено права голоса. Преимущество получали землевладельцы и предприниматели. В Самарской губернии землевладельцы имели почти 31,5% голосов, крестьяне — 41,4%, рабочие — несколько более 3%, предприниматели и другие горожане — чуть менее 24%. В период подготовки закона о выборах правительство верило, что крестьяне его поддержат — этим объясняется предоставленная им столь значительная квота. Ограничения касались и нехристиан. Съезд мусульманских духовных лиц и представителей мусульманских крестьянских обществ Ставропольского уезда (около 500 человек), проходивший 4 февраля 1906 г. в Народном доме посада Мелекесс, просил предоставить мусульманам пропорциональные права на выборах в Думу⁹⁹.

Революционные партии называли Думу “обманом”, “фальшью”, “подделкой народного правительства”. Социал-демократы выпустили прокламацию с характерным заголовком: “Участники Думы — предате-

ли народа". Они звали к активному бойкоту выборов. Действительно, будущая Дума не соответствовала их представлениям о парламенте западноевропейского образца: прерогативы ограниченные, выборы не прямые, не равные, не всеобщие. К бойкоту их толкала горечь поражения в 1905 г., опасения, что Дума удовлетворив некоторые желания народа, поставит труднопреодолимые препятствия на пути революционного переворота. Они надеялись, что народ можно убедить бойкотировать выборы, и верили, что он готов взяться за оружие. Впоследствии революционеры признали неправильной свою оценку степени "революционной готовности" народа, но остались верны точке зрения, что эта Дума ничего не может сделать для масс и, в лучшем случае, годна для пропаганды революционных программ.

Самарский комитет РСДРП с января по июль 1906 г. выпустил 22 листовки (тиражом от 3 до 10 тыс. экз.) с призывом к бойкоту. Несмотря на уступая социал-демократам в выпуске печатной литературы, эсеры значительно превосходили их в устной бойкотистской агитации в деревне, благодаря содействию земских учителей, агрономов, фельдшеров. Многократно и эсеры, и социал-демократы дискутировали на предвыборных собраниях с кадетами и октябристами, призывая отказаться от выборов "в черносотенную думу"¹⁰⁰. Иногда на заводах, например, 1 марта 1906 г. на собрании 150 рабочих завода Журавлева, им удавалось провести резолюцию о бойкоте выборов, реже это происходило в деревне¹⁰¹.

Консерваторы Самары отнеслись к выборам прохладно. Основную борьбу вели октябристы и кадеты, а также плохо организованные демократы, которые выступали под лозунгом "левее кадетов" (позднее их называли трудовиками). Активно включились в предвыборную кампанию октябристы. Парламентская организация "Союз 17 октября" в Самарской губернии, как и кадеты, именно с начала выборов привлекла новых сторонников. Свою избирательную программу октябристы опубликовали в "Голосе Самары" 19 февраля 1906 г. Основные ее моменты: поддержка монархии на почве Манифеста 17 октября, охрана "священной частной собственности", избрание "истинно русских людей"¹⁰². Свои прокламации, воззвания и брошюры они распространяли как в городах, так и в деревнях.

Активизировались и кадеты. В Самаре весной 1906 г. их насчитывалось около 300 человек, существовали также организации в Бугульме, Бузулуке, Мелекессе, Новоузенске, Ставрополе, с. Богатом, Тимашеве. Свою программу кадеты популяризировали в газетах и в прокламациях. В городе кадеты развернули активную устную агитацию, в деревне же появлялись редко.

По мере приближения выборов полемика между кадетами и октябристами становилась все острее. "Голос Самары" иронизировал над "молодцами" из "Самарского курьера", называя кадетов очернителями, лжецами, клеветниками, брызжащими "ядовитой и грязной слюной". В свою очередь, кадеты призывали не верить октябристам, "партии богатых", антинародной и т.д.¹⁰³

Бойкотистская кампания революционеров не увенчалась успехом:

в городе их поддерживали только рабочие нескольких заводов (Журавлева, Лебедева, Вайнберга) и типографий, в деревне выборы прошли почти повсюду вовремя. 24 марта 177 выборщиков, в том числе 95 от волостей, собрались в Самаре. Борьбу за крестьян-выборщиков октябристы проиграли начисто; 25 марта те отказались от общего собрания с октябристами и устроили свое, отдельное — с кадетами, к октябристам пришли только крестьяне-землевладельцы. Сокрушительное поражение “Союза 17 октября” было предопределено. 26 марта в Государственную Думу было избрано 8 кадетов и 5 беспартийных, “левее кадетов”, будущих трудовиков.

27 апреля состоялось торжественное открытие Думы — “Думы народных надежд”. “Газеты местные и столичные разбираются самарской публикой нарасхват, — сообщал корреспондент “Голоса Самары”. — Все интересуются деятельностью Думы, все ждут от нее того или иного разрешения назревших вопросов”. Надеялись на Думу крестьяне, безработные, которые весной и летом 1906 г. собирались на рабочей бирже, Ильинском и Троицком базарах. Вместе с тем, не прекращались и волнения. На основании мартовского указа об общественных объединениях в Самаре легализовались профессиональные союзы рабочих механических депо (в сентябре 1906 г. они насчитывали 215 членов), печатников (190), столяров (58), служащих и рабочих городского самоуправления, а также общественные организации интеллигенции¹⁰⁴.

Подъем рабочего движения начался первомайскими выступлениями. Утром 1 мая из 750 рабочих главных железнодорожных мастерских на работу вышли только 200, да и те, за исключением 29, разошлись по домам. В депо из 800 человек работали только 60. Об изменении социальной психологии свидетельствует то, что администрация дороги и не настаивала на том, чтобы это был обычный рабочий день, и не предполагала налагать взыскания, поскольку, как отмечалось в донесении начальника Самарского жандармского полицейского управления железных дорог А.И.Грицевича, “невыход на работу объясняется давно введенным порядком праздновать этот день”¹⁰⁵.

1 мая праздновали также рабочие всех типографий, большинства фабрик и заводов. Администрация города, со своей стороны, тоже заранее готовилась к 1 мая. Но — примета нового времени — речь шла не о недопущении незаконного праздника, а о превентивных мерах на случай возможных беспорядков. На улицах дефилировали казачьи патрули, в общественных местах была выставлена военная охрана. Обыватель в этот день предпочитал сидеть дома. Вечером несколько тысяч рабочих собрались в Струковском саду. В общем, 1 мая прошло почти спокойно. Лишь семинаристы, сорвавшие занятия в мужской гимназии, были рассеяны с помощью патруля¹⁰⁶.

Крестьяне верили в Думу, мечтали о разрешении вековых надежд, о которых писали в приговорах. В 1906 г. была опубликована часть наказов крестьянских обществ (78). Крестьяне ждали от Думы ликвидации частной собственности на землю, уравнительного землепользования, передачи земли в пользование тех, кто ее обрабатывает; о “воле”

говорилось менее определенно¹⁰⁷. Связывали свои надежды с Думой и горожане — рабочие и служащие, чиновники и купцы, интеллигенты и прислуга. Сообщения о думских прениях в центральных и местных газетах, внимательно прочитывались и горячо обсуждались. Пик увлечения Думой пришелся на конец апреля — май 1906 г., с июня началось охлаждение. Система оказалась неработоспособной, Дума не могла принять ни одного закона, назревал политический кризис. Народ меньше верил в Думу, усиливалось волнение.

Используя “перводумские свободы”, восстановились и значительно усилили свое влияние как либеральные организации (октябристы и кадеты), так и революционные (социал-демократы и эсеры)¹⁰⁸. При комитетах революционных партий активно действовали рабочие, военные, крестьянские группы пропагандистов; боевые дружины были созданы не только в губернском и уездных городах (эсеровская боевая дружина в Кинель-Черкассах летом 1906 г. насчитывала до 200 человек — случай, конечно, исключительный), но и в деревнях. Прокламации издавались регулярно и многотысячными тиражами; эсеры на короткое время наладили выпуск легального “Народного листка”. Социал-демократы закрепили свое превосходство в городе, эсеры в деревне. 21 мая 1906 г. по инициативе вторых в Самаре прошел съезд представителей крестьян четырех уездов и народных учителей из большинства уездов; всего на съезде присутствовало более 100 человек. Решили восстановить беспартийный крестьянский союз и избрали его губернский комитет¹⁰⁹.

Неспокойно было и в частях гарнизона. Губернатор И.Л.Блок летом 1906 г. говорил, что опора порядка — эстляндский полк да казаки, остальные части лишь осложняют положение¹¹⁰. Недовольство вылилось в открытые выступления. 14 июня офицер 215 пехотного Бугульминского полка арестовал двух солдат. Тотчас же собрался митинг, на который солдаты пришли с оружием. Они потребовали освобождения арестованных накануне, удаления ненавистных офицеров, “полной амнистии и отмены смертной казни”, “земли и воли нашим отцам”. Во время митинга раздавались выстрелы в воздух. Положение создавалось крайне тревожное: солдаты, вернувшиеся с Дальнего Востока, долго не получали денежного и вещевого довольствия, нуждались в пище; в случае, если их требования не будут удовлетворены до 27 июня, они намеревались устроить вооруженную демонстрацию. Командир полка приказал немедленно освободить арестованных и обещал удовлетворить остальные претензии. Среди солдат постоянно находилось немало штатских агитаторов. По агентурным данным, один из них, переодетый солдатом, присутствовал во время вручения требований командованию полка¹¹¹.

О неординарности ситуации свидетельствует такой факт: 16 июня в “Самарском курьере” была помещена корреспонденция о волнениях в Бузулукском полку. В 10 часов вечера этого дня толпа человек в 100, среди которых было несколько солдат-артиллеристов, с пением революционных песен подошла к лагерю Бузулукского полка и стала призывать солдат собираться и идти освобождать заключенных. По приказу капитана Баркляя караульная рота рассеяла толпу¹¹².

Спустя пять дней начались волнения в 244-м Борисовском резервном батальоне. Поводом послужило то, что им 21 июня выдали по 45 коп. “амуничных”, в то время как в Бузулукском полку — по 2,5 рубля. Солдаты самовольно разобрали винтовки из цейхгауза, подняли стрельбу. Ближе к ночи командир 61-й бригады уговорил солдат успокоиться, обещая передать их требования начальнику гарнизона, что и было сделано на следующий день¹¹³. Ненадежен, с точки зрения властей, был 244-й Мокшанский резервный полк и 3-я артиллерийская бригада, солдаты которых регулярно участвовали в митингах, собраниях рабочих, устраивали сходки.

Крайне остро развивались события в Кинель-Черкассах. Камнем преткновения оказался отряд пеших и конной полицейских страж. 4 июня, во время пожара, тысячная толпа, как писал начальник Самарского губернского управления М.П.Бобров, потребовала удаления стражи. На сходке жителей слободы 18 июня, на которой председательствовал ученик сельскохозяйственного училища эсер Г.С.Татаринцев, было решено отказать стражникам в квартирах, а у отступников отбирать наделы. По набату церковного колокола 29 июня на базарной площади собралось несколько сот человек, и Татаринцев стал читать “Речь депутата Аладьина к крестьянам”. Конные стражники разогнали митинг, но вскоре собралось около 5 тыс. местных крестьян, торговцев, мастеровых людей, стали бросать камни, началась и стрельба: стражников загнали во двор и держали в осаде три часа: исправника и двух стражников сильно избили. Только после того, как срочно прибыли две роты пехоты, осада была снята, страсти улеглись¹¹⁴.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1906 года

I Дума не оправдала ожиданий правительства: за 72 дня своего существования она не приняла ни одного закона — налицо был кризис власти. 9 июля 1906 г. она была распущена. В царском манифесте ей вменялось в вину то, что депутаты “уклонились в не принадлежавшую им область” и вместо законодательной деятельности стали разжигать смуту¹¹⁵. Развеяны были надежды крестьян, солдат и многих горожан. Несмотря на то, что правительство тщательно приготовилось, оно не смогло предупредить болезненной развязки кризиса: волна протестов прокатилась по всей стране. Почти 200 перводумцев, в основном кадеты и трудовики, собравшиеся в Выборге, призвали народ к пассивному сопротивлению: отказываться от уплаты податей и исполнения воинской повинности (“Выборгский манифест”). Революционные организации (ЦК эсеров и социал-демократов, союзы железнодорожников, учителей, крестьян, часть трудовиков) подписали воззвания “К армии и флоту”, “К крестьянству”, основным лозунгом которых было повсеместное восстание, смещение властей, захват помещичьих земель¹¹⁶.

Патриархальная крестьянская Самарская губерния болезненно реагировала на крушение думских надежд. Вице-губернатор И.Ф.Кошко вспоминал, что летом 1906 г. он физически ощущал “повсюду разлитую враждебность” к властям Самары¹¹⁷. Выборгское воззвание разо-

шлось по губернии более чем в 100 тыс. экз., жандармы обнаруживали его едва ли не во всех селах и деревнях¹¹⁸. Циркуляры о пресечении его распространения оказались неэффективными, власти были обескуражены: подрывался их престиж. Беспокоили и манифестации самарских либералов, ведомых кадетами, хотя дальше словесного протеста, призывов к пассивному неповиновению они не шли. Революционеры — вот кто ринулся в бой. Сами по себе революционные партии не являлись причиной социальных потрясений, не могли нанести смертельный удар режиму; их сила заключалась в способности объединить широкие массы недовольных: их программы давали идею, лозунги, их организации, привычные к единству действий, цементировали массовое движение, политически оформляли созданное бытием массовое настроение.

Назначенный в начале 1906 г. губернатором волевой, целеустремленный, деятельный И.Л.Блок пессимистически оценивал перспективы: гарнизон был ненадежен. Опорой порядка были только Эстляндский полк и казаки, остальные же части лишь осложняли положение. Его опасения разделял недавно прибывший вице-губернатор Кошко¹¹⁹. Со всех сторон стекались донесения о вооружении народа, создании боевых дружин, нападениях на казаков, стражников — ждали взрыва и готовились к нему. 23 июня 1906 г. И.Л.Блок телеграфировал министру внутренних дел П.А.Столыпину “о безусловной необходимости реформирования или освежения войск частями незапятнанной репутации в скорейшем времени” и выводе пораженных “мятежным духом” Бузулукского полка и Борисовского батальона¹²⁰.

На заседании Самарского комитета эсеров 17 июня Г.А.Гиршфельд утверждал, что половина гарнизона уже распропагандирована и нужно форсировать вооружение крестьян и подготовку восстания. Е.М.Губанов, И.Т.Ивлев, В.В.Меркулов, хотя и не полностью разделяли оптимизм Гиршфельда, но полагали, как и он, все силы бросить на подготовку восстания¹²¹. В конце июня IV съезд эсеров Поволжской области принял решение готовиться к восстанию в момент разгона Думы и разработал программу действий, включая партизанскую войну, покушения на губернаторов, взрывы правительственных учреждений. “Мирную работу решено было упразднить, все силы сосредоточить на обучении военному делу дружинников и крестьян, в которых видели главную силу, долженствующую выступить”¹²². Под руководством областного комитета в Самарской губернии началось создание двух объединенных крестьянских боевых дружин, основной целью которых было движение на Ставрополь и Бугуруслан¹²³. Для вооружения Самарский комитет предоставил 800 винтовок и револьверов; 100 винтовок и 3000 патронов были отправлены в Кинель-Черкассы, остальные в Ставрополь, Бузулук и ряд сел¹²⁴. В изданных большим тиражом прокламациях самарские эсеры призывали к восстанию, изгнанию властей и помещиков, захвату земли¹²⁵. В гектографированной прокламации бузулукского “Братства” крестьян звали отнимать оружие у стражников, казаков, урядников, громить винные лавки¹²⁶.

Самарские социал-демократы не строили столь сверхоптимистических, в основе своей авантюристичных, планов, полагая необходимым

готовить выступления протеста в городе. Во многих прокламациях, изданных после 9 июля, они призывали готовиться к восстанию, организовываться; в июле—августе провели несколько митингов, стачек.

10 июля революционеры предприняли попытку поднять восстание в частях гарнизона. Вечером этого дня поручик Яхонтов вместе с гражданскими лицами собрал сходку солдат Бузулукского полка. Около 10 часов вечера солдаты захватили ружья и патроны. Полковнику Святицкому, уговаривавшему их разойтись, они возбужденно ответили: “Думу разогнали, значит правительство ничего не хочет нам дать”. Попытка заручиться поддержкой 3-й артиллерийской бригады не удалась. Ночью поручик Яхонтов, прапорщик Былинский, другие руководители были арестованы, волнения подавлены¹²⁷.

Начал реализовываться и разработанный эсерами план террористических покушений. 21 июля 1906 г. на углу ул. Воскресенской и Вознесенской бомбой, брошенной членом летучего отряда Поволжской области, рабочим-столяром Г.Н.Фроловым, был убит губернатор И.Л.Блок¹²⁸. Террор — опасное оружие, революционный самосуд, готовность во имя поставленной цели не останавливаться ни перед чем, использовать любые средства. Большая часть ответственности за распространение террористических настроений лежала и на правительстве, которое создало такую ситуацию, когда общество не осуждало, а скорее приветствовало действия террористов. Исторический опыт свидетельствует, что революционеры ошибались, надеясь посредством покушений, взрывов уничтожить существующий политический режимы, поднять боевой дух масс. Естественно, представители администрации крайне болезненно реагировали на покушения. Убийство Блока произвело, как сообщалось в телеграмме в Министерство внутренних дел, удручающее впечатление на местных жандармов и городские власти¹²⁹. По воспоминаниям И.Ф.Кошко, командующий Казанским военным округом генерал Карас, услышав о гибели Блока “ужасно взволновался, даже нижняя челюсть у него затряслась”. Опасаясь за свою жизнь, он не утверждал ни одного смертного приговора военно-полевых судов¹³⁰. 29 июля была брошена (но не взорвалась) бомба в губернское жандармское управление, в ночь на 31 раздались взрывы бомб за Волгой — нервы генерала И.И.Каратаева не выдержали, и он опубликовал на шумевшее объявление о карасе, о котором шла речь выше; директор департамента полиции М.И.Трусович вынужден был послать срочную телеграмму Кошко с просьбой успокоить генерала и поспешить с назначением на пост начальника губернского жандармского управления М.П.Боброва¹³¹.

Самарское крестьянство, так уверовавшее в Думу, болезненно восприняло ее разгон: на июль—август приходилось 73 крестьянских выступления — большая часть за 1906 г.¹³² Крестьянские боевые дружины с. Царевщина, Хорошенькое и других нападали на представителей власти, угрожали землевладельцам. Серьезные события произошли в Кинель-Черкассах, где эсеры замыслили крупное восстание. Предполагалось, что по сигналу из Кинель-Черкасс одновременно выступят боевые дружины в Бузулуке и Ново-Сергиевске и соединившись, зай-

мут Бугуруслан, где захватят арсенал с винтовками (4 тыс.). 1 августа Самарский комитет направил Л.И.Шадрину для руководства восстанием в Кинель-Черкассах. На другой день в три часа дня боевая дружина Кинель-Черкасс начала сражение с 60 стражниками и отрядом пехоты. Бой продолжался около часа. Дружинники сумели прорвать окружение и скрыться. Один дружинник был убит, один ранен; ранен был также один солдат, “поход на Бугуруслан” не удался¹³³. Члены комитета обвинили Шадрину в трусости: по замыслу он должен был бросить несколько бомб в стражников, но не решился¹³⁴. Не удался и “поход на Ставрополь”. В начале июля 1906 г. в Старо-Буянской волости имелось около 200 дружинников (150 — в с.Царевщина, 50 — в с.Старый Буян). 21 июля дружинники прибыли в Ставрополь. Однако властям было известно об их намерениях — в город срочно были направлены дополнительные отряды конной и пешей стражи. Обнаружив, что власти предупреждены об их планах, дружинники отказались от идеи захвата города. Вместо этого ночью они устроили демонстративную атаку на “Красный хутор” Орловых-Давыдовых, выбили оттуда казаков, а затем, спрятав оружие в лесу, разошлись¹³⁵.

Чтобы выйти из опасного положения, властям понадобились чрезвычайные меры. 20 августа был издан указ о военно-полевых судах, которые обычно проводили дознание, следствие и суд в течение 24—48 часов: их решения немедленно приводились в исполнение. В Самаре военно-полевой суд был введен 16 сентября 1906 г., а 28 октября губерния была объявлена на положении усиленной охраны, в связи с чем администрация получила чрезвычайные полномочия, а обычные нормы юрисдикции были ограничены. Одним из первых самарский военно-полевой суд рассмотрел дело о покушении эсера Жукова на генерала Сергеева. Как пояснял подполковник Г.Г.Битепаж, улики против Жукова недостаточны и обычное судопроизводство “грозит ему сравнительно небольшим наказанием”¹³⁶. Военно-полевой суд приговорил Жукова к смертной казни. Для более успешной борьбы с революционерами в декабре 1906 г. были увеличены штаты жандармского управления и организовано охранное отделение.

Правительство, осознавая необходимость продолжения реформ, не ограничивалось репрессиями. В первую очередь нуждался в решении аграрный вопрос. Царь 12 августа 1906 г. подписал указ о продаже через Крестьянский банк крестьянам удельных земель, 27 августа — удобных государственных земель, 14 октября был издан указ об уравнении процентов, взимаемых Дворянским и Крестьянским банками и, наконец, 9 ноября был опубликован указ о праве выхода из общины и об укреплении крестьянами своей наделной земли в собственность, ставший краеугольным камнем так называемой столыпинской аграрной политики. Кроме того, 15 октября был отменен ряд сословных ограничений для крестьян. Правительство обеспечивало деятельность общественных организаций и свободу слова, если это не противоречило действующему законодательству. Благодаря этому самарские социал-демократы могли с августа по ноябрь 1906 г. легально издавать газету “Самарская лука”, а с марта по 3 мая 1907 г. — “Прибой”.

События июля–августа 1906 г. показали изменение общественного настроения: народ уже не помышлял о насильственном удовлетворении своих нужд, но еще верил в коренные преобразования сверху. Выборы в Думу, ее деятельность, взаимоотношения Думы и правительства – таковы главные политические мотивы осени 1906–весны 1907 г. В выборах во II Государственную Думу принимали участие все основные партии, в том числе и революционные. Революционеры понимали, что мечту о восстании, ниспровержении существующего строя приходится пока оставить. Но они шли в Думу не для законодательной работы, не для переустройства России в пределах “Основных законов”, а для того, чтобы использовать выборы и Думу как пропагандистскую трибуну.

На крайне правом фланге выступал “Союз русского народа”. Его позиции, несмотря на откровенную поддержку полиции и администрации, в Самарской губернии оказались довольно слабыми. Активно включились в избирательную кампанию октябристы и кадеты. Октябристы, наученные горьким опытом выборов в I Думу, с конца 1906 г. развернули широкую печатную и устную агитацию. Общее собрание под председательством С.Н.Постникова 4 января 1907 г. обратилось ко всем членам “Союза 17 октября” Самарской губернии с призывом “быть как можно более энергичными и деятельными в стремлении создать такую Государственную Думу, которая вместе с царем и согласно его призыву успокоила бы страну”¹³⁷. На предвыборных собраниях октябристы стремились всячески дискредитировать деятельность I Думы. В.Н.Львов заявлял: “Если большинство лиц в Думе будет такое же, как в первой Думе, то горе России, несчастье целой стране: волнения и мятежи, утихшие было, снова вспыхнут страшным пожаром, грозя всем и каждому”¹³⁸. Октябристы держали твердый курс на блок с монархическими организациями и пользовались поддержкой администрации. 12 января 1907 г. губернатор В.В.Якунин призывал самарцев “бояться бога и чтить царя” и выбирать “честных людей, жаждущих мира и тишины, благомыслящих домохозяев”¹³⁹.

Положение самарских кадетов осенью 1906 г. было тяжелым. В отчете центральному комитету сообщалось: организация “в плачевном состоянии, она фактически не проявляет себя ничем”¹⁴⁰. Администрация причисляла кадетов к основным противникам: служащие-кадеты подвергались гонениям, 5 ноября 1906 г. был закрыт “Самарский курьер”. Кадеты раньше других начали избирательную кампанию. Их основной лозунг — сплочение против “черносотенной опасности”. Вместе с тем, особенно вначале, они настойчиво пропагандировали против революционеров, избрание которых, говорили они, снова приведет к смуте, усилению грабежей, “сельским иллюминациям”¹⁴¹. Впоследствии они внесли коррективы в свою тактику, приложив массу усилий для создания блока с левыми против консерваторов.

Революционеры по-настоящему вступили в предвыборную борьбу в начале 1907 г. Социал-демократы сосредоточили силы в городе. В

Самаре за каждым из предприятий был закреплен член комитета либо активист. По сообщению жандармского управления видную роль сыграли рабочие профсоюзы, которые в большинстве своем находились под влиянием социал-демократов. В помещениях профсоюзов почти ежедневно проходили предвыборные собрания. Не забыта была и деревня: разъездная группа агитировала в деревнях и селах. Однако шансы социал-демократов среди крестьян были невелики, здесь большей популярностью пользовались трудовики и эсеры. Эсеры не были в состоянии конкурировать с социал-демократами в городе и перенесли центр тяжести своей деятельности в губернию, заключив соглашения с трудовиками¹⁴². Блок с социал-демократами в Самаре не состоялся, поскольку те выдвинули неприемлемые условия, и комитет эсеров, “не желая дробления голосов оппозиционных партий”, решил не выступать на городских выборах самостоятельно и представил членам партии свободу действий¹⁴³.

Власти предприняли энергичные меры, чтобы не допустить избрания левых. Департамент полиции обязал организовать планомерное наблюдение за кандидатами левых и сбор материала для их ареста¹⁴⁴. На квартире А.Н.Хардина 9 февраля 1907 г. были задержаны и подверглись обыску 29 выборщиков-кадетов¹⁴⁵. Офицоз администрации, газета “Губернские ведомости” призывали не верить “людям, которые заблуждаются, будто только смутой и насилием можно добиться лучшей жизни”¹⁴⁶. Во Владимирской волости Бузулукского уезда во время выборов начальник Медведев указывал сходу, кого следует выбирать. Крестьяне не послушались и выбрали тех, кому доверяли. Тогда уездная комиссия по выборам признала выборы недействительными, крестьяне же держались стойко и добились своего. И таких случаев было немало.

От Самарской губернии во II Думу было избрано три социал-демократа, три эсера, четыре трудовика, два кадета, один октябрист. Итоги были неожиданными для крайне правых, которые потерпели полное поражение, и для кадетов, потерявших шесть мест. Октябристы, хотя их успех был минимален, могли испытывать определенное удовлетворение, получив мандат в городе с отдельным представительством (по стране октябристы имели четыре таких мандата). Революционеры, социал-демократы в городе, эсеры и трудовики в деревне добились впечатляющих результатов.

С конца 1906 г. политическая обстановка стабилизировалась, выступления становились все менее массовыми, но более локальными. 9 января 1907 г. в связи с двухлетней годовщиной расстрела петербургских рабочих бастовали рабочие завода Журавлева, несколько мелких мастерских, четыре типографии. В феврале в знак протеста против увольнения шести рабочих вновь бастовали на заводе Журавлева; в марте объявили стачку рабочие завода Лебедева: 1 мая праздновали рабочие нескольких механических заводов, типографий, конфетных фабрик, булочных. Иногда проводились демонстрации, как например, 20 февраля в Балаково около 300 человек, главным образом рабочих, устроили шествие с красным флагом и пением “Марсельезы”; 9 мая —

около 30 молодых людей в д. Арефьевке Бузулукского уезда. Волнений крестьян в 1907 г. было сравнительно немного, и власти быстро наводили порядок. Вновь широко развернулось движение по составлению наказов в Думу.

Выборы во II Думу придали дополнительный импульс революционным партиям. Социал-демократы с 15 марта 1907 г. наладили выпуск легальной газеты “Прибой”. Несколько раз намеревались выпускать свою легальную газету эсеры, но администрация решительно пресекала эти попытки. Социал-демократы вербовали своих сторонников среди рабочих, эсеры больше преуспевали в создании крестьянских братств и боевых дружин; те и другие вели пропаганду в частях гарнизона. Однако их идеи все менее и менее находили отклик.

Народ в начале 1907 г. уповал на Думу. Открывшаяся 20 февраля 1907 г. II Государственную Думу современники называли “Думой крайностей”: в ней было значительное консервативное крыло и довольно сильное революционное, она не более, чем ее предшественница, была способна к продуктивной законотворческой деятельности.

3 июня царь распустил Думу, вменив ей в вину стремление посеять смуту и неспособность к плодотворному законотворчеству, а также имевший место так называемый военный заговор 55 депутатов-социал-демократов. В нарушение “Основных законов” он внес изменения в положения о выборах.

Народ спокойно отнесся к роспуску Думы. Россия получила законодательные установления — “Основные законы”, представительное учреждение — Государственную Думу — правовое обеспечение общественной деятельности. Взаимоотношения между предпринимателями и рабочими приводились в относительное соответствие с психологией масс — создавалось трудовое законодательство. Аграрные преобразования сгладили противоречия в деревне. Революция закончилась.

Однако причины взрыва были лишь временно сняты, но, как вскоре выяснилось, не ликвидированы, и менее чем через 10 лет это вылилось в новую, еще более сокрушительную смуту.

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

ОБЩИНА И ХУТОРЯНЕ

После подавления первой революции в России в аграрной политике самодержавия произошел резкий поворот. В пореформенный период царизм всеми способами старался сохранить сельскую патриархальную общину, пытаясь тем самым законсервировать сложившиеся в деревне социальные отношения. Крестьяне не могли ни купить близлежащую от надела землю, ни продать свой надел, ни заложить его в банке. Сохранение помещичьего землевладения, существовавшие сословные перегородки тормозили развитие буржуазных отношений в деревне, что способствовало возникновению социальных конфликтов в начале XX в. В этой обстановке многие местные комитеты высказались за предоставление крестьянам общегражданских прав по владению и распоряжению землей¹. Саратовский губернатор П.А.Столыпин, сообщая в 1904 г. в отчете Николаю II о многочисленных фактах классовой борьбы крестьян против помещиков, подчеркнул целесообразность перехода от общинной к единоличной собственности². Мысль об отрицательном влиянии на крестьян общины, замене ее подворным участковым землевладением содержалась также в отчетах херсонского и петербургского губернаторов³.

Развернувшаяся в 1905 г. классовая борьба в деревне ускорила разработку нового аграрного законодательства. Поиски путей выхода из кризиса велись и на съездах дворянских обществ. Постоянный совет объединенного дворянства, учитывая интересы привилегированного сословия, высказался за уничтожение сельской общины.

Проведение в жизнь новой аграрной политики выпало на долю последнего российского реформатора П.А.Столыпина. П.А.Столыпин пытался найти ту силу, которая могла бы вывести Россию из кризиса. “Жизнь нужно не ломать, а реформировать”⁴, — писал он в “Записках о волостном земстве”. В этой связи он придавал большое значение разработке и реализации либеральных реформ местного самоуправления — введению волостного земства, местного суда, социального страхования и др., но основное внимание уделял земельной реформе.

На разработку нового земельного законодательства большое воздействие оказали дебаты по аграрному вопросу в I и II Государственных Думах. Надежды правящих кругов на крестьянских депутатов как на опору самодержавия не оправдались. Развеелись иллюзии и либеральной буржуазии, которая рассчитывала перетащить их в лагерь оппозиции. Трудовая группа в думах оказалась левее кадетов.

Новый поворот в правительственной политике состоял в том, что самодержавие, пытаясь спасти экономические привилегии дворянства,

вынуждено было распроститься со “всеми романтическими иллюзиями на патриархального мужика, ища себе союзников из новых буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности”⁵. Правительство П.А.Столыпина от охраны старых общинных порядков перешло к решительной ломке общины, с тем, чтобы за ее счет увеличить удельный вес земельных собственников в деревне.

Эти идеи П.А.Столыпина вполне отвечали устремлениям консервативной части поместного дворянства. «Мы, провинциалы, — писал В.В.Шульгин, — твердо встали вокруг Столыпина и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы, что “через волю” они не получат земли, что грабить землю нельзя — глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли — в “отрубках”, как тогда говорили, наконец, что “волю” народ получит только через “землю”»⁶.

В основу столыпинского земельного законодательства был положен Указ 9 ноября 1906 г. (принятый в порядке 87 статьи Основных законов Российской империи), а затем Закон 14 июня 1910 г. По Указу 9 ноября крестьяне могли выйти из общины и закрепить за собой земельные наделы в личную собственность, при этом они могли переселиться на хутор или остаться в деревне — вести отрубное хозяйство. Одновременно создавались хуторские хозяйства на землях казны и Крестьянского земельного банка, значительно расширялось переселение крестьян из центральных уездов в Сибирь, Алтай, Казахстан и другие районы, где имелся фонд свободных, неосвоенных земель.

В социально-экономическом плане столыпинская земельная реформа имела прогрессивное значение, ибо при хуторском или участковом землевладении у крестьян-собственников появлялась возможность вводить новые системы земледелия, использовать усовершенствованный инвентарь и машины; иными словами, они были заинтересованы в развитии хозяйства, производстве большего количества сельскохозяйственной продукции.

Как же отнеслось самарское крестьянство к столыпинской аграрной реформе? Разброс мнений и оценок крестьян по поводу попыток российского премьера вывести деревню из кризисного состояния был довольно большой. В конечном счете, эти оценки зависели от социально-экономического состояния крестьян, от степени их готовности порвать с традиционными нормами, господствовавшими в сельской общине и семье, перейти к новому укладу жизни. К тому же темпы развития аграрного капитализма в самарской деревне (как и в саратовской) были различны. На северо-востоке, в лесостепных уездах — Бугульминском, Ставропольском, северных частях Самарского, Бузулукского и Бугурусланского — в связи с сохранением крупного дворянского землевладения и владений казны и удела преобладал “прусский” тип аграрной капиталистической эволюции, сохранялись кабальные формы эксплуатации крестьян за отработки. Помещик-дворянин, выступая в качестве ростовщика, чаще всего использовал зимнюю наемку крестьян. Здесь с наибольшей силой проявлялось мало-

земелье, около 70% крестьян едва-едва сводили концы с концами и постоянно испытывали дефицит денежных средств, вынуждены были отрывать деньги от семьи для уплаты выкупных платежей, налогов, земских и мирских сборов.

Несмотря на кризисные явления, сельская поземельная община в этой части губернии по-прежнему выступала в качестве верховного собственника наделов крестьян, отдавая им землю во временное пользование. С одной стороны, община, регламентируя ведение хозяйственной деятельности крестьян (практикуя, например, принудительные севообороты), сковывала хозяйственную инициативу зажиточной части деревни, что вызывало иногда острые конфликты. С другой стороны, основная масса пауперизированных крестьян не приняла, да и не могла принять идей реформы, так как продолжала лелеять мечты о том, что или царь отдаст им земли помещиков, казны и удела, или произойдет “черный передел”, который не сумели произвести в революцию 1905–1907 гг. В основе этих крестьянских воззрений лежало стремление привести всех к одному знаменателю, уравнять.

Более высокий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве наблюдался в Степном Заволжье. Сюда входили южные части Самарского, Бузулукского, Бугурусланского уездов, а также Николаевский и Новоузенский. Уже в 70-е годы XIX в. здесь стали возникать фермерские хозяйства, специализировавшиеся на производстве товарной пшеницы, преимущественно твердых сортов. Пережиточные явления (свойственные феодальной формации) проявлялись здесь в малой степени, а сельская поземельная община лишь формально выполняла свои функции. Иной была и социально-классовая структура крестьянства: в зоне “прусского” типа аграрной эволюции зажиточные крестьяне составляли от 6 до 10%, а в Степном Заволжье — до 30%.

Самарская губерния относилась к числу тех районов, в которых столыпинская земельная реформа проходила успешно. Но этот успех был достигнут за счет Степного Заволжья, где к новым формам хозяйствования переходили иногда целыми общинами. На темпы выхода крестьян из общины оказывали влияние многие факторы, в том числе уровень развития капитализма в земледелии, близость сел и деревень к рынкам, железнодорожным станциям, речным пристаням или городам. Идея перехода на хутора была более распространенной среди русского крестьянства, негативно отнеслись к ней коренные народы Поволжья — татары, чуваша, мордва и башкиры.

Выходили из сельской общины крестьяне двумя способами. Они должны были подать заявление на имя сельского схода и получить согласие общины на выход и укрепление в их личную собственность земельных наделов. Выделенцы имели право потребовать свести в один участок все земельные полосы. Причем, по Указу 9 ноября 1906 г., а затем и Закону 14 июня 1910 г., им отводились участки в лучших по качеству полях. Они могли окончательно порвать все связи с общиной, переселиться на отведенный участок и на нем построить дом, хозяйственные постройки, выкопать колодец и т.д. Такой тип хозяйства получил название *хуторского*. Но была и другая форма выхода из общины

— на отруб. Крестьяне укрепляли землю в личную собственность, сводили все земли в один участок, но продолжали жить в деревне.

Если же сельский сход отказывался утверждать заявление о выходе из общины, то крестьяне могли обратиться к земским начальникам и укрепить за собой земли без согласия деревенского мира. В Самарской губернии лишь 12,9% всех заявлений были утверждены на сельских сходах, а 87,1% — земскими начальниками. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев выход из сельской общины шел вопреки ее воле.

Мотивы выхода из общины были различны. Укрепляли землю в личную собственность две полярные группы хозяев — беднота и зажиточные. Беднота выделяла наделы с целью продать их и переселиться на земли Крестьянского поземельного банка, или в Сибирь, Алтай, Казахстан, или окончательно уйти в промышленные центры. В конечном счете, готовность выхода из общины определенной части бедноты, независимо от целей, которые преследовал Столыпин, создавая для этого правовую основу, свидетельствует об углублении процесса разрушения патриархальных связей индивида и социума (общины) и появлении некоторых новых явлений в духовной жизни деревни.

Когда мы говорим о ходе и итогах той или иной реформы, особенно проводившихся в дореволюционное время, то чаще всего упускаем из виду одно важное обстоятельство. Каждая реформа, а тем более земельная, должна проводиться в течение нескольких десятилетий, и только тогда она даст желаемый результат. Сам Столыпин рассчитывал, что его реформа может осуществиться в течение 6–7 трехлетий, т. е. 20 лет. Мы же многие десятилетия не уставали повторять, что Столыпинская земельная реформа потерпела крах. В качестве главных показателей берутся данные о масштабах противодействия общины правительственной аграрной политике. Во многих книгах и статьях приводится численность вышедших из общины крестьян и количество укрепленной в собственность земли, анализируются данные о переселении, о хуторах, возникших на землях Крестьянского банка и казны. В меньшей степени говорится об экономических итогах реформы, о том, что она способствовала ускоренному переходу от трехпольной системы земледелия к плодопеременной (плодосменной), введению в ротацию севооборота технических культур, увеличению количества показательных хозяйств и опытных полей, активизации агрономической и ветеринарной помощи населению. Возникла участковая агрономия, расширилась сеть прокатных станций и сельскохозяйственных складов. Но самое существенное, что произошло в деревне в период проведения столыпинской земельной реформы, это бурный рост кооперативов. Видный исследователь крестьянского хозяйства А.В.Чаянов положительно оценивал мероприятия правительства и земства по оказанию помощи выделенцам. “Крестьянское хозяйство 1917 года, — писал он, — не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 года. Изменилось само крестьянское хозяйство: иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот, крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собой нашу деревню и переродила ее; стал

развитее и культурнее наш крестьянин”⁷. Конечно, этот процесс затронул главным образом хозяйства хуторян и отрубников, у основной массы крестьян-общинников прогресс хозяйства был, по определению В.И.Ленина, “совершенно ничтожен”⁸.

Несмотря на всю поспешность проведения земельной реформы, мощное противодействие общины, тяга к новым формам хозяйства была сильна. Крестьянин, становясь владельцем хутора или отруба, получал широкий простор для инициативы в хозяйственной деятельности. Только владея землей, он ощущал подлинную экономическую свободу.

Остановимся на итогах столыпинской земельной реформы в Самарской губернии. Условно в ее реализации можно выделить *четыре этапа*. *Первый этап* охватывает период с момента издания Указа 9 ноября 1906 г. до принятия III Государственной Думой Закона 14 июня 1910 г. За это время из общины вышло более 110 тыс. домохозяев. Укрепление земли в личную собственность началось в 1907 г., но количество дворов, заявивших о выходе, было невелико — всего 1948. В 1908 г. заявления о выходе подали более 36 тыс. крестьян, в 1909 г. — свыше 46 тыс., правда, в 1910 г. число желающих стать собственниками земли сократилось до 25,8 тыс.

Успехи в реализации аграрной политики самодержавия в немалой степени были связаны с тем неустанным вниманием, которое уделял землеустройству ее инициатор П.А.Столыпин. В пропагандистских целях была предпринята поездка российского премьера П.А.Столыпина и А.В.Кривошеина в Поволжье и Сибирь. Как сообщал журнал “Самарский земледелец”, они “12 сентября 1910 г. посетили северную часть Самарского уезда, наблюдали работы по внутринадельному землеустройству, осмотрели выставку Самарского уездного земства около с. Грачевки, которая давала представление о типе агрономической помощи населению. Столыпин рекомендовал ее сделать постоянной и придать ей передвижной характер”⁹.

На втором этапе (середина 1910 – 1 августа 1914 г.) произошло резкое снижение числа выделенцев. Всего за этот период из общины вышло более 42 тыс. крестьян. На темпы выхода мощное воздействие оказало сопротивление сельской поземельной общины, подъем революционного движения в городах, гибель П.А.Столыпина, разочарование помещного дворянства в аграрной политике самодержавия.

Третий период приходится на время первой мировой войны. В условиях военного времени противодействие крестьян землеустройству резко возросло. Приостановить землеустроительные работы требовали солдаты действующей армии. Учитывая их многочисленные жалобы и заявления, министр земледелия был вынужден 4 апреля 1916 г. подписать циркуляр, прекращающий производство землеустроительных работ до окончания войны.

Наконец, *на четвертом этапе* (февраль–октябрь 1917 г.) началось массовое аграрное движение за уничтожение не только помещичьего землевладения, но и последствий столыпинского землеустройства — за ликвидацию хуторов, отрубов и возвращение земель выделенцев в распоряжение сельской общины.

Повсеместно землеустроительные работы проходили в присутствии земских начальников, уездных исправников и полицейской стражи. С июня 1907 по 1 января 1916 г. из общины вышло 167 199 домохозяев, укрепивших в личную собственность 2 075 863 дес. земли, что составляло 30,9% всего общинного землевладения. По данным К.Я.Найкшина, наиболее деформированными оказались сельские общины в Новоузенском (из общины вышло 86,4% крестьян) и Николаевском (32,1%) уездах. Меньше было выделенцев в Бугульминском (4,7%), Ставропольском (7,5%), Самарском (10,2%), Бугурусланском (11,8%) и Бузулукском (13,8%) уездах¹⁰. Таким образом, инициаторам реформы не удалось разрушить общину: 69,1% наделной земли продолжало находиться в ее распоряжении.

Не завершился и процесс создания хуторских хозяйств. По подсчетам С.М.Сидельникова, к концу 1915 г. в Самарской губернии хутора и отруба составляли 88,5% землеустроенных хозяйств¹¹. Всего в губернии было 91 044 хутора на площади 2 011 515 дес.¹² На хутора и отруба переходили, как правило, многоземельные крестьяне, имевшие, помимо наделной, купленную землю. Но из общины шла и большая группа крестьян, не обеспеченных землей, так называемых малоземельных, в надежде с помощью ссуды Крестьянского поземельного банка поправить свое хозяйство. Это были однолошадные крестьяне, обрабатывавшие землю примитивным сельскохозяйственным инвентарем. Земские статистики Самарской губернии отмечали, что “рядом с процветанием значительного процента хуторских хозяйств обследователи констатируют распространение продажи участков”¹³.

Реформа усилила процесс мобилизации наделных земель в руках зажиточных верхов деревни. В 1907–1914 гг. на земельный рынок в Самарской губернии поступил 511 961 дес. наделной земли. Как отмечал дореволюционный публицист В.Оболенский, “значительное количество наделных земель перешло за бесценку от крестьянских полупролетариев к зажиточным крестьянам и скупщикам-спекулянтам”¹⁴. Более 926 тыс. дес. земли Крестьянский поземельный банк продал зажиточным крестьянам и представителям сельской буржуазии.

Но аграрно-капиталистический переворот в Самарской губернии, так же, как и во всей стране, к 1917 г. не завершился. Негативное воздействие на ход столыпинской земельной реформы оказало сохранение в аграрном секторе экономики страны позиций таких монополистов, как помещики-дворяне, казна и удел. И хотя к 1917 г. крестьянское частное землевладение увеличилось на 1,4 млн дес. земли, дворяне продолжали сохранять за собой более 540 тыс. дес., или 14,5% всех частновладельческих земель. Свыше 1,8 млн дес. земли находилось в распоряжении казны и удела. Политика аграрного бонапартизма не смогла обеспечить победу “прусского” пути развития капитализма в земледелии и способствовала еще большему обострению социальных противоречий в деревне.

Проведение столыпинской аграрной реформы сразу же натолкнулось на противодействие со стороны сельской общины; 33% волостей отказались от участия в выборах членов землеустроительных комис-

сий. Крестьяне расценивали Указ 9 ноября 1906 г. как “барский закон”. Он вызвал у них сложную гамму чувств и переживаний. Противодействие реформе приняло массовый характер, оно развернулось на сельских сходах, где утверждались заявления крестьян о выходе из общины и укреплении земли в личную собственность. Настороженное, а чаще всего резко отрицательное отношение к реформе в какой-то степени было запрограммировано в крестьянском сознании. Крестьяне считали, что каждый закон или указ, исходящий от правительства, несет им только новые страдания, а Указ 9 ноября 1906 г. тем более, так как принуждал отказаться от старого, привычного уклада жизни, что явно противоречило их патриархальной психологии. На настроения крестьян определенное влияние оказывала агитация социалистов-революционеров, социал-демократов, крестьян-отходников, призывавших не повиноваться властям, не подчиняться указу 9 ноября 1906 г. о выходе из общины. К тому же, столыпинское земельное законодательство затрагивало коренные интересы общины, так как выделенцы могли свести свои полосы в один участок в лучшем поле. Поэтому крестьяне отказывались утверждать на сельском сходе приговоры об укреплении земли в личную собственность, нередко подавали апелляции в судебные инстанции, что замедляло проведение землеустроительных работ. Царское правительство неожиданно для себя получило нежелательный побочный результат — обсуждение на сходах приговоров о выходе из общины привело к оживлению ее деятельности, она стала решать более широкий круг вопросов, чем до революции 1905–1907 гг.

Противодействие крестьян было основано на том, что они объективно стремились к ликвидации частной собственности на землю, а их субъективные чаяния сводились к уравнительному землепользованию. В сельской общине крестьяне видели единственное спасение от разорения и нищеты. Это мнение было особенно распространено среди многонационального крестьянства Поволжья.

По нашим подсчетам, в 1907–1914 гг. в самарской деревне произошло 32 выступления против хуторян и отрубников и в связи с землеустроительными работами. В 1906–1907 гг. действенной формой борьбы стал бойкот крестьянами выборов в землеустроительные комиссии, продолжались митинги и демонстрации, недозволенные сходы, их состоялось 9. Нередко на них выступали агитаторы. Самарский губернатор В.В.Якунин сообщал в Департамент полиции, что 2 февраля 1908 г. в с. Костычи на сходе выступил крестьянин А.А.Поляков. Он призывал крестьян “собраться дружнее”, “идти против правительства войной”, “свергнуть его с престола”, “отнять землю”, “учредить республику”¹⁵.

В 1908–1909 гг. сопротивление крестьян резко возросло. Одной из основных форм классовой борьбы стали отказы сельских сходов утвердить заявление о выходе из общины и укреплении земли в личную собственность. Например, крестьяне с. Кондаковка Ставропольского уезда отказались выделить землю на отруба, избili на сходе выделенцев. В село срочно выехал губернатор В.В.Якунин, который отстранил от должности волостного старшину и сельского старосту за то, что они

“еще до схода сговаривались сорвать сход” и “не допустить выдела укрепленной земли”. В октябре 1908 г. крестьяне с. Ягодное на сельском сходе подняли «шум, заявляя, что укреплять землю выделяющимся не согласны... Иван Пьянов стал впереди схода и задорно обратился к земскому начальнику: “Имеется право отводить землю — отводи, а мы не желаем и не отведем”»¹⁶.

Сохранялись и традиционные формы борьбы: захват земли, потравы лугов и полей, самовольный укос сена, порубка леса. Отказ помещика сдать в аренду землю на более выгодных для крестьян условиях часто являлся поводом для решительного наступления на помещичью экономию. Крестьяне д.Павловка Микулинской волости Бугульминского уезда 26 июля 1907 г. самовольно запахали помещичью землю в имении с.Елачич¹⁷. В июле — сентябре 1908 г. крестьяне с. Софьино и Федоровка Самарского уезда пасли скот на землях помещика Косовича, а затем сожгли шесть ометов сена и кладь хлеба.

Борьба крестьян против помещиков, как правило, носила стихийный характер и выражала крайнюю озлобленность и ненависть по отношению к дворянам-землевладельцам. Нередко выступления начинались по инициативе сельских сходов, принимавших приговоры об отчуждении или запашке частновладельческих земель.

В 1910–1914 гг. более отчетливо оформились различные методы борьбы с “новыми помещиками” — землеустроенными хозяевами. Община запрещала выделенцам использовать свои луга, выпасы, леса и водоемы, лишала хуторян и отрубников права принимать участие в сельских сходах, они не могли быть избранными в органы местного самоуправления. Крупнейшее выступление крестьян против столыпинского землеустройства произошло в с. Домашка Бузулукского уезда в августе 1911 г.¹⁸ Накануне крестьяне, не согласные с выделом на отруба, подали жалобу в губернскую землеустроительную комиссию и в Правительствующий сенат. Но жалоба осталась без последствий. 18 августа землемер приступил к выполнению землеустроительных работ, но ему помешала большая толпа крестьян-общинников. Вместе с выделенцами он бежал в волостное правление, пытаясь укрыться. Волостному старшине удалось в этот день уговорить крестьян разойтись по домам. 19 августа приехал земский начальник. Собравшаяся вновь толпа была разогнана полицией. Рассчитывая, что крестьяне успокоились, земский начальник приказал землемеру продолжать работы. Но как только 21 августа он приступил к их производству, раздался церковный набат. Быстро собралась толпа — мужчины, женщины, дети (около 3 тыс. человек), вооруженные кольями, топорами и лопатами. Стражники открыли стрельбу. Крестьяне отступили, оставив на месте столкновения много раненых.

Это выступление крестьян было типичным для данного периода. Во многих случаях царские власти беспощадно подавляли беспорядки. Такие факты убеждали общинников в том, что демократическому большинству деревни противостоят единым фронтом чиновники, землемеры, полиция и выделенцы — нечто враждебное их интересам и что против этой враждебной силы нужно решительно бороться.

Для 1912–1914 гг. характерен был взрывной характер конфликтов. Крестьяне надеялись, что в связи со 100-летием Отечественной войны 1812 г. и приближающимся 300-летием династии Романовых их наделят землей за счет помещиков и казны. Но распространявшиеся слухи не имели под собой никакой реальной почвы: самодержавное правительство и не думало об облегчении тяжелой участи крестьян, оно пыталось продолжать землеустроительные работы. Таким образом, в условиях проведения в жизнь столыпинской земельной реформы община, как любой социальный организм, пыталась выработать эффективную систему самозащиты, самосохранения. Безусловно, важное значение имели приверженность крестьян к старине, апелляция к тому героическому времени деревенского мира, когда “мир стоял единым фронтом против власти бар и чиновников”¹⁹. Большую роль продолжали играть патриархальные общинные устремления крестьян, так как ареал патриархальной психологии оставался еще довольно широким. Как видим, столыпинская реформа создавала условия для оживления традиций, сплоченности крестьян в защите своего общинного строя.

“ССУДА, КОТОРУЮ Я ПОЛУЧИЛ ИЗ БАНКА...”

В специальной литературе достаточно полно освещены вопросы землевладения и землепользования дворян-помещиков Самарской губернии. В последнее время внимание историков-аграрников было сосредоточено на изучении социально-экономического строя помещичьих хозяйств как традиционными, так и математическими методами²⁰, что избавляет нас от необходимости анализа этих вопросов. Приведем лишь общие данные о движении дворянского землевладения, свидетельствующие об устойчивой динамике процесса. Это необходимо для того, чтобы получить рельефную картину эволюции помещичьих хозяйств и особенностей их взаимоотношений с кредитными учреждениями.

Для второй половины XIX—начала XX в. характерным явлением экономической жизни страны явился земельный рынок. Появление и активное его функционирование стали возможны в связи с проведением буржуазных реформ 60-х годов XIX в., которые как бы “перевернули” жизнь дворянской России. Одно из последствий Великой реформы 1861 г. состояло в том, что в стране начался процесс формирования бессословной капиталистической земельной собственности — дворянская земля стала переходить к представителям других сословий: купцам, мещанам и крестьянам. Купля-продажа земли, или мобилизация земельных имуществ, разрушала саму цитадель сословных привилегий дворян — феодальное землевладение, а наличие земельного рынка являлось ярким свидетельством поступательного развития капитализма.

Самарская губерния не входила в число районов с преобладанием дворянского землевладения. В ходе колонизации края дворянские имения возникали в Бугульминском, Ставропольском, лесостепных полосах Самарского, Бузулукского и Бугурусланского уездов. Дворяне получали владения, как правило, там, где имелись сильные плодородные

земли. Так, в Самарском уезде в излучине р. Волги было сосредоточено 65,4% всего помещичьего землевладения. Особо выделялись Спаская, Томыловская, Воскресенская и Владимирская волости, в которых были расположены все крупнейшие латифундии уезда. Подобная картина наблюдалась и в Бугурусланском уезде. В южных волостях, граничащих с Бузулукским уездом (Натальинской, Троицкой, Пилюгинской), дворяне имели 43,1% всей площади помещичьей земли уезда, остальная часть владений была расположена на границе Самарского (Смолевская, Боровинская, Богородская, Ключевская волости) и Бугульминского уездов (Знаменская, Байтугановская, Старо-Соснинская, Степно-Дурасовская волости)²¹.

Дворяне теряли землю, главным образом, потому, что не сумели перестроить свою хозяйственную деятельность. Они цепко держались за традиционные формы ведения хозяйства, и в этом в полной мере проявлялась рутинность их сознания — привычка жить и хозяйствовать, как отцы и деды; сказывались и хозяйственная конъюнктура, как на внутреннем, так и на внешнем рынке, а также те аномалии (русско-японская война, революция 1905–1907 гг., первая мировая война), которыми так богато было начало XX в.

Общая картина развития земельного рынка и участия в нем продавцов земли — дворян и покупателей — купцов, мещан и крестьян может быть представлена несколькими графиками. Сам процесс продажи земли шел в виде подъемов и спадов, что позволяет выделить этапы в развитии земельного рынка. Что касается цен, то это был устойчивый динамичный ряд, свидетельствующий о постоянном их повышении. Динамика личного (дворянского) землевладения определялась нами по таким заслуживающим доверия источникам, как материалы земельных переписей 1877–1905 гг., а также “Материалы по статистике движения землевладения”, получившим позитивную оценку многих исследователей аграрного строя России XIX–начала XX в. Особо следует отметить гигантскую работу по сводке данных неопубликованных материалов движения земледелия с 1911 по 1916 г., сделанную А.М.Анфимовым и И.Ф.Макаровым²². Эта публикация показывает, кто же реально являлся собственником земли к февралю 1917 г.

Самарские дворяне в 1877 г. имели 1082 владения общей площадью 2033,1 тыс. дес. земли. К 1905 г. число владений сократилось до 810, а занимаемая ими площадь — до 926 тыс. дес.²³ В целом мобилизационный процесс был подвержен колебаниям, носил волнообразный характер. Период 1898–1902 гг. характеризуется резким подъемом числа продаж и количества земли, поступившей на рынок, и вполне соответствует выводу И.Д.Ковальченко и Л.В.Милова о значительном проникновении товарно-капиталистических отношений в поземельные отношения²⁴. Но подъем мобилизационной волны был скорее связан с ухудшившейся хозяйственной конъюнктурой, резким падением цен на российский хлеб на внешнем рынке, иными словами, с мировым аграрным кризисом конца XIX в. и неурожаями первых лет XX столетия. Общие итоги дворянских потерь были весьма внушительны. В 1867–1902 гг. дворяне продали 1 204 002 дес. земли.

Убыль коснулась, прежде всего, крупных земельных владений размером свыше 3 тыс. дес.: было продано 801 007 дес., или 66,53%. Существенные потери понесли владельцы имений размером от 500 до 3 тыс. дес. (388 515 дес., или 32,27%)²⁵. В 1903–1905 гг. количество проданной земли в губернии сократилось, а затем, вследствие революционных событий 1905–1907 гг., резко возросло. Подъем мобилизационной волны продолжался и в 1908 г. (продано 575,5 тыс. дес.); затем произошла стабилизация. В целом площадь помещичьего землевладения сократилась с 926 041 дес. в 1905 г. до 540 796 дес. в 1914 г.²⁶ В годы первой мировой войны земельный рынок активно не функционировал и число земельных продаж было невелико.

На первом месте по размерам проданной дворянами земли стоял Николаевский уезд — 464 110 дес., далее Бузулукский (226 023 дес.), Новоузенский (226 183 дес.), в них помещичьи хозяйства были неконкурентоспособны с быстро прогрессирующими фермерскими²⁷. В лесостепной полосе число проданных имений было не столь велико, так как помещичье землевладение здесь стало складываться со второй половины XVI в., а крестьяне, получившие нищенские наделы земли худшего качества, не могли выступать конкурентами помещикам-дворянам. В условиях становления аграрного капитализма “прусского” типа в лесостепной полосе шло дробление крупных имений, безвозмездная их передача наследникам, или же совершалась покупка земель дворянами из других губерний, т.е. купля-продажа имений шла внутри дворянского сословия.

До 1905 г. причины продажи дворянами земли, главным образом, коренились в том, что те не смогли отказаться от старых методов хозяйствования и перевести имения на капиталистические рельсы. К тому же многие экономии были заложены и перезаложены в государственных и частных банках. Об этом, в частности, говорилось на встрече губернских предводителей дворянства в феврале 1901 г.: “...имения, продававшиеся с публичного торга, кроме долгов ипотечным кредитным учреждениям, обременены почти все без исключения, дополнительными закладными и частными долгами, оплачиваемыми высокими процентами, так что в совокупности все лежащие на имениях платежи почти равняются, а иногда и превосходят доходы имений”²⁸.

Революция 1905–1907 гг. вызвала панику среди дворян-помещиков и они стали продавать имения, в основном, размером от 1 тыс. до 10 тыс. дес. В них преобладала отработочная система, хозяйство велось управляющими и приказчиками. В экономиях размером до 500 дес. преобладала капиталистическая система ведения хозяйства, управление находилось в руках владельцев и они сумели лучше управляющих и приказчиков приспособиться к новым условиям²⁹. Рост продаж стимулировался также увеличением цен на землю.

Покупателями земли выступали представители всех сословий: дворяне, купцы, мещане, крестьяне, а в период революции 1905–1907 гг. дворянские имения скупал преимущественно Крестьянский поземельный банк. Так, купцы в 1877 г. имели в губернии 261 владение площадью 658,4 тыс. дес., а в 1905 г. — 527 (1212,4 тыс. дес.)³⁰ Самарская губерния

по масштабам купеческого землевладения занимала первое место в Европейской России. Удельный вес купцов среди землевладельцев имел тенденции к росту (30,5% в 1905 г. и 41,7% в 1915 г.). Крупнейшие земельные собственники купцы Шихобаловы в 1905 г. владели 161 959 дес. земли, а через десять лет 169 200 дес.³¹ Об А.Н.Шихобалове упоминает в автобиографии А.Н.Толстой: “Вся Самарская губерния отходила к земельному магнату Шихобалову, скупившему все дворянские земли и бравшему с крестьян цены за годовую аренду, какие ему заблагорассуживалось”³². Крупными земельными собственниками были купцы Л.С.Аржанов, отец и сын Соколовы, которые к началу XX в. купили все земли А.Н.Толстого в Бузулукском уезде Самарской губернии, в 1914 г. они были владельцами 16 075 дес. земли³³. Высокой была доля крестьян в частном землевладении. В 1905 г. в губернии насчитывалось 3049 таких владельцев, имевших в своем распоряжении 803 тыс. дес. земли. По сравнению с 1877 г. крестьяне увеличили свои владения более чем в 2 раза. Крестьянское личное землевладение (как и владения купцов) сосредотачивалось в южных уездах. Так, в Николаевском уезде выделялось хозяйство крестьян Дохловых, имевших 12 768 дес. земли и Е.И.Пшеничного (20 467 дес.)³⁴. С 1907 по 1915 г. площадь земель, находившихся в владении крестьян, увеличилась на 1 948 542 дес. На долю единоличных хозяйств приходилось 1 292 594 дес., на долю обществ и товариществ — 655 948 дес.³⁵

Значительное количество земель приобрел Крестьянский поземельный банк (пик приобретений приходится на 1906–1907 гг.). Банк покупал дворянские и купеческие имения крупных размеров на льготных условиях, так что они при этом не терпели убытков, а банк, в свою очередь, мог “влиять на состав покупателей и форму землевладения в губернии, иными словами защищать экономические привилегии господствующего сословия”³⁶. Всего в Крестьянский поземельный банк в 1906–1908 гг. поступило 910 тыс. дес. земли, остались непроданными к 1 января 1916 г. 5269 тыс. дес. земли³⁷. Таким образом, банк выполнял посреднические операции, продавая затем земли купцов и дворян крестьянам.

Важнейшим показателем складывания капиталистического рынка на землю является цена. Как отмечает Н.А.Проскурякова, помещик в условиях капиталистического окружения “посредством своей монополии на землю” захватывал все возрастающую часть прибавочной стоимости и тем самым повышал стоимость своей ренты и цену земли³⁸. Именно в этом в полной мере проявлялась одна из экономических привилегий дворянства — владение землей в условиях роста цен всегда давало доход.

С 1877 по 1905 г. цена одной десятины земли в Самарской губернии возросла в 4,9 раза. В 1906–1909 гг. Крестьянский банк перекупал у самарских дворян десятину земли за 77 руб., а продавал за 86 руб.³⁹ Дворяне, естественно, увидели в этом ущемление своих интересов и направили в Министерство финансов следующие требования:

“1. Чтобы иносословные лица и крестьянские общества, приобретающие дворянские земли, уплачивали на этих землях повинности все

вообще или, по крайней мере, часть, падающие на благотворительные дворянские учреждения за период времени, пока имение состоит заложенным в дворянском банке.

2. Чтобы собственные земли Крестьянского банка, поступившие в его владение по безуспешности торгов, по закону продавались не только крестьянам, но и дворянам на одинаковых с крестьянами льготных условиях.

3. Чтобы было предоставлено Дворянскому банку право производить за собственный капитал покупку дворянских земель с перепродажей их в собственность дворянам же, подобно праву, предоставленному Крестьянскому банку, приобретающему земли исключительно для крестьянского населения”⁴⁰.

Своекорыстные интересы дворян сводились к тому, чтобы сократить свои платежи по заложенным в Дворянский банк имениям за счет покупателей из других сословий; явственно прослеживается стремление сохранить в своих руках земельную собственность как основу политического господства в стране. При любом варианте помещик оказывался в выигрыше.

Самодержавие стремилось сохранить и упрочить позиции помещичьего дворянства в Европейской России. В ходе реализации реформы 1861 г. помещики Поволжья получили значительные денежные поступления от своих бывших крепостных. Но не только выкупные платежи стали основой обогащения дворян. Протекционизм претворялся на практике через Государственный дворянский земельный, Крестьянский поземельный банки, предоставлявшие дворянам-землеладельцам кредиты на льготных условиях. Возросшая потребность помещиков в кредитах и то, что отделениями банков на местах управляли дворяне, свидетельствуют о втягивании их в систему капиталистических отношений. Патриархальные методы хозяйствования изживали себя, а потому возникла потребность в цивилизованных формах кредита. А.П.Корелин отмечает, что проникновение банковского капитала в сельскохозяйственное производство началось с крупных имений-латифундий, так как ипотечные учреждения были заинтересованы в их поддержке и сохранении⁴¹. Существовали два вида кредита: ипотечный (долгосрочный), когда полученная ссуда шла на личные нужды помещика, и краткосрочный, капиталистический, который использовался в хозяйстве. Но эффективность этих ссуд для развития помещичьих хозяйств была ничтожна. Паразитические склонности помещиков (“Отец понять его не мог, — писал А.С.Пушкин в поэме “Евгений Онегин”, — и земли отдавал в залог”) проявлялись все в большей степени. Особенно это было характерно для конца XIX в., когда разразился мировой аграрный кризис, а доходы от земли резко сократились. Дворяне, оказавшись в трудных условиях, чаще прибегали к ипотеке и брали ссуды как из государственных, так и частных банков. Вероятно, под их давлением правительство изменило правила оценки земли: увеличило до 60 % выдаваемые ссуды; срок ее погашения возрос до 66,5 лет.

В начале XX в. хозяйственная конъюнктура стала более благопри-

ятной для развития сельского хозяйства, что привело к росту посевных площадей, увеличению спроса на сельскохозяйственные орудия и машины и, в конечном счете, — к углублению специализации. Эти и другие причины обуславливали все большую потребность помещиков в кредитах и объективно вели к слиянию банковского и помещичьего капиталов.

Обратимся непосредственно к анализу задолженности дворянского землевладения в начале XX в. По данным официальной статистики в 1904 г. в Дворянском земельном банке было заложено 842,9 тыс. дес. земли, а в 1916 г. — 539,5 тыс. дес. Это сокращение было вызвано падением удельного веса дворянской земли в частном землевладении. Но в этой связи резко возросло количество земель, находящихся в залоге у Крестьянского поземельного банка: в 1904 г. — 208,1 тыс. дес. (а также в частных кредитных учреждениях — 458,2 тыс. дес.), в 1916 г. — 652,8 тыс. дес. земли⁴². Эти данные говорят о многом. С одной стороны, сохранились хозяйства, обремененные залогами и перезалогами, с другой — Дворянский земельный банк перестал обладать монопольным правом на кредитование помещичьих имений. Дворяне и другие земельные собственники: купцы, мещане и крестьяне все чаще пользовались услугами коммерческих банков, что подрывало сословные устои и в землевладении, и в кредите. Сказывалось и мощное воздействие земельного рынка, который объективно способствовал концентрации земли в руках энергичных хозяев использующих банковский капитал для развития земледельческого производства.

Чаще всего с заявлением в банки о залоге имений обращались владельцы латифундий. По данным Дворянского земельного банка в Бузулукском уезде из 76 486 дес. заложенной земли 63,7% приходилось на латифундии, в Николаевском из 106 023 дес. — 90,6%, в Бугурусланском из 128 678 дес. — 77,8%⁴³. Итак, крупное помещичье хозяйство было наиболее тесно связано с банковским капиталом.

В последнее время историки-аграрники проявляют все больший интерес к анализу перезалоговых операций. Н.А.Проскуракова отмечает сложность и неоднозначность этого процесса, так как перезалоги вызывались не только стремлением отдельных помещиков, ведущих хозяйство на основе отработочной системы, получить капитал на личное потребление, но и тем, что в ряде имений шла сложная структурная перестройка — расширялась экономическая запашка, вводились многопольные севообороты, покупался рабочий и продуктивный скот, т.е. здесь ипотека эволюционировала в капиталистический сельскохозяйственный кредит. К тому же часть ссуд шла на расширение промышленного производства — предприятий дворян по переработке сельскохозяйственного сырья. Например, Петр, Сергей и Софья Самарины владели в Спасской волости Самарского уезда 22 265 дес. удобной земли, кроме того, водяной мельницей, которая давала доход 5400 руб., кирпичным заводом, пристанью и рыбными промыслами⁴⁴. Землевладельце А.Г.Шелашниковой в Самарском уезде принадлежало 4099 дес. земли, винокуренный завод с доходом 7500 руб., базарная площадь (450 руб.), паровая мельница (1500 руб.)⁴⁵. Богатейший материал

о мотивах перезалогов имений можно найти в фонде Самарского отделения Дворянского земельного банка в государственном областном архиве. Князя А.Г. и А.А.Щербатовы подали в 1913 г. заявление в банк о перезалоге имений в Самарском и Николаевском уездах площадью 4553 дес. земли. В имениях введены 8- и 15-польный севооборот с пропашными культурами (подсолнух, корнеплоды, трава), приобретен рабочий и продуктивный скот на 59 050 руб., сельскохозяйственный инвентарь на 61 690 руб., в том числе сеялки, сноповязки, 3 локобиля с молотилками и т.д. Валовый доход составлял 188 939 руб. Управляющий П.П.Смирнов мотивировал перезалог тем, что лишь Сакулинский участок был заложен по специальной оценке 113 руб. 16 коп., а остальные по нормальной оценке, и просил выдать дополнительную ссуду в 100 тыс. руб. в связи с расширением экономической запашки и покупкой сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота. В заявлении также указывалось, что цены на землю при продаже возросли, и что имение находилось в 12 верстах от Самары⁴⁶.

Приведем характерный прием использования кредитов на личное потребление. 1 июня 1912 г. Самарский губернатор сообщил губернскому предводителю дворянства, что дворянин Д. В.Обухов ведет расточительный образ жизни и в течение двух последних лет промотал 120 тыс. руб.⁴⁷ Бузулукский предводитель дворянства сообщил дворянскому депутатскому собранию, что имение Д.В.Обухова расположено при с. Карамзине, оценено в 160 267 руб., в том числе постройки — в 15 330 руб.; полевое хозяйство ведется без всякой системы. Имение досталось Д.В.Обухову от его отца свободным от задолженности, кроме того, им был получен наличный капитал 80 тыс. руб. “Имение переобремененно долгами. Они возросли до 250 тыс. руб. В 1911 и 1912 гг. Д. В. Обухов получил крупные деньги от Купеческого банка и г. С.А.Ященко”. Но эти заемные деньги шли не на поддержание имения, а на удовлетворение потребностей Д.В.Обухова⁴⁸. Экономия, приносившая высокий чистый доход, стала давать только убытки, так как владелец сокращал экономический посев: в 1911 г. из 942 дес. засевалось 216, а в 1912 г. — 125 дес. Собрание предводителей и депутатов дворянства Самарской губернии 17 августа постановило “наложить опеку на имущество Д.В.Обухова по расточительности”.

Чаще всего помещики обращались в банки с просьбой о перезалоге своих владений из-за неурожаев, неудовлетворительной хозяйственной конъюнктуры, низких цен на хлеб, для того, чтобы выплатить долги кредиторам и т.д. Но перезалоги не всегда спасали дворян, и после получения второй ссуды помещик обычно продавал имение, причем покупатель обязывался выплатить долги. Д.Е.Жуковский, имевший в Николаевском уезде 3346,7 дес., получил ссуду в 41 400 руб., через три года банк выдал ему еще 82 262 руб. по перезалогу. Вскоре имение было продано купчихе О.В.Шадриной⁴⁹.

Представляет интерес заявление о перезалоге, которое подал в банк писатель Н.Г.Гарин-Михайловский, организовавший в Бугурусланском уезде капиталистическое хозяйство на 2251 дес. земли. Свои занятия сельским хозяйством и возникающие трудности он ярко описал

в записках “Несколько лет в деревне”. В заявлении писатель так мотивировал необходимость перезалога:

В предыдущую оценку наше имение было оценено банком значительно выше окружающих нас имений. С того времени изменилось очень многое. Моеими усилиями проведена Кротовско-Сергиевская железнодорожная ветвь, благодаря которой центральный хутор имения находится теперь в 12 верстах от железнодорожной станции. Только при такой близости железнодорожного пути явилась возможность завести непосредственные сношения и сбыт продуктов на заграничные рынки. С проведением этой дороги явилась и возможность, и необходимость приспособить культуру хозяйства к этому заграничному сбыту, к работе на транзит, потому что тогда тарифная разница между нашей станцией Сергиевск и Самарой составит всего 1 1/2 к, чем разница тарифа с Самарой в 3 1/2 к, тогда как до проведения ж/дороги за провоз платилось 12-13 коп. Таким образом, на одном провозе против прежнего получается увеличение доходности в среднем до 5 тыс. руб. в год. Большинство хлебов так и отправляется на транзит: чечевица, горчица, лен, мак, часто клевер и люцерна, овес, рожь, пшеница (последние три — внутренний транзит).

В самом имении произошли громадные перемены. Для организации существующей многопольной системы потребовалось затратить очень большие средства (до 150 тыс. руб.) после переоценки имения. Неблагоприятным условием при этом явилось то обстоятельство, что как всякий пионер в этом новом деле я должен был делать много лишних расходов на опыты, которых не придется делать потом и которые будут работать, когда уже весь край будет в культурных условиях.

В заключение я смею обратить внимание Банка на то обстоятельство, что работа в моем имении имеет и большое общественное значение, как в смысле введения в широких размерах новых культур (прошлогодняя первая уездная Шаклинская выставка присудила за это имение первую награду), так и в выработке наиболее рациональной системы хозяйства. Смею думать, что эта система путем двадцатилетнего опыта выработана в имении. А именно 12-польная система с посевом люцерны: по этой системе в имении с будущего года будет 375 сот. дес. (625 каз.). Значение этого растения двумя сухими годами вполне выяснилось (98 и 1901). В это время, как все горело, поля люцерны зеленели как в самый урожайный год, дав два укуса травы и 20 пудов зерна от сотенной дес. Это и понятно: в то время как корни основных растений в своем 5-6 вершковом слое переживают все невзгоды засухи, корни люцерны на глубине несколько аршин имели всегда нужную влагу независимо от почвенной. Повторю: достигнуть организации правильной многопольной системы требовало больших затрат, знаний и усилий.

Вся ссуда, которую я получил из Банка, и которую прошу вновь, не покроет и половины этих затрат, тем не менее оправдывающих себя⁵⁰.

Как видим, запрашиваемая ссуда в 150 тыс. руб. должна быть полностью вложена в развитие хозяйства. К сожалению, в архиве нет постановления банка о выдаче ссуды, по всей видимости, она так и не была получена. Известно одно: в 1903 г. имение Н.Г.Гарина-Михайловского поступило на торги, и было куплено самарским купцом А.Н.Шихобаловым⁵¹.

В фонде Дворянского земельного банка имеются списки имений землевладельцев, находящихся в залоге на 1914 г. По этим данным, в Бугурусланском уезде из 82 ссуд погашено 29, 40 имений вновь переза-

ложены, в Бузулукском уезде из 99 ссуд погашено 19; в Николаевском из 45–13⁵². О степени задолженности Дворянскому земельному банку можно судить и по его годовым отчетам. Общая тенденция залоговых операций была такова — из-за резкого сокращения дворянского землевладения в начале XX в. удельный вес залогов господствующего сословия падал. Особенно это было характерно для лесостепной полосы. Доля землевладельцев степных уездов возросла до 57,3%. В условиях конкуренции с фермерами помещики чаще обращались в банк за кредитом.

Тенденция сокращения задолженности дворян Дворянскому земельному банку была отмечена земскими статистиками. Они объясняли этот факт не отсутствием нужды в кредите, а причинами социально-политического характера: 1. Изменением количественного состава землевладения: большая часть залогов отошла от банка в 1906–1908 гг., непосредственно следовавших за аграрными волнениями. 2. Переходами земли к новым землевладельцам, в том числе к Крестьянскому поземельному банку, которые сопровождались досрочным погашением ссуд⁵³.

Кстати, новые владельцы имений — купцы, мещане и крестьяне должны были за 10 лет погасить долги, числившиеся за купленной ими землей. Тем самым они ставились в неравноправное положение с дворянами, которым ссуда выдавалась на 66,5 лет. В этом также проявлялся протекционизм дворянам со стороны самодержавного государства. Вероятно, именно по этому так незначительны были продажи дворянских земель другим лицам. За 16 лет в Самарской губернии было продано всего 11 имений: в качестве покупателей выступали Дворянский и Крестьянский земельные банки, а также частные лица. Если с банками можно было вести переговоры о продаже имений за долги в течение 5–10 лет, то иначе обстояло дело с частными долгами. Как правило, кредиторы требовали в счет долга передать им право собственности на имение. Так, дворянка В.М.Шулешкина вынуждена была продать 505 дес. земли своим кредиторам — бугульминскому крестьянину А.Я.Пузанову и мещанину А.А.Боброву, которые тут же выплатили задолженность банку⁵⁴. Но в целом задолженность частных владельцев и, прежде всего хуторян и отрубников, Крестьянскому поземельному банку резко возросла. В 1904 г. остаток их долга составлял 8975 тыс. руб., а в 1916 — 53 384 тыс. руб. С 10,3 млн до 30,5 млн руб. возрос этот показатель в частных кредитных учреждениях⁵⁵. Это свидетельствовало о стирании сословных различий в землевладении и более глубоком проникновении банковского капитала в частновладельческие хозяйства.

Землевладельцы — недворяне обращались за кредитом в коммерческие банки, которые давали ссуду на жестких условиях на несколько месяцев или на год. Заемщик должен был платить 10% годовых (дворяне платили 4–5), рискуя потерять все имение в случае несвоевременной уплаты ссуды и процентов. Самарские земские статистики отмечали, что частные ипотечные банки обслуживали преимущественно купцов и почетных граждан. “Залоги земли в этих банках составляли в 1904 г. около 38% купеческого землевладения, а в 1912 г. — уже 50%, но веро-

ятнее предполагать, что за этот период [1912–1914 гг.] земельный фонд этих собственников возрос и, следовательно, процентные задолженности их будут не ниже 50%”⁵⁶.

Довольно часто землевладельцы брали кредиты сразу в нескольких банках. Например, в 1906 г. 11 помещиков Самарской губернии, имевших 16556,6 дес. земли взяли ссуды в Государственном, Дворянском и Нижегородско-Самарском банках; 49 помещиков — в Дворянском и Государственном банках⁵⁷.

Дворяне, как никто из землевладельцев, умели выпрашивать ссуды в банках и правительственных учреждениях. На собрания дворянских обществ лейтмотивом всех выступлений были жалобы на деятельность Дворянского и Крестьянского банков и просьбы к правительству о предоставлении им льготных условий кредитования. Такая же картина наблюдалась и во время заседаний губернского и уездных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Дворяне добились выделения кредитов от Министерства земледелия на улучшение сельскохозяйственного производства. С 1900 по 1917 г. дворяне Самарской губернии получили: на проведение мелиоративных работ 62 ссуды на сумму 265 254 руб.; на укрепление почв четыре ссуды (9830 руб.); на устройство заведений для переработки сельскохозяйственной продукции четыре ссуды (15 тыс. руб.)⁵⁸.

Учитывая неоднократные жалобы в адрес императора Николая II, Государственный совет 15 марта 1906 г. издал Указ “О выдаче кредита землевладельцам в видах восстановления сельского хозяйства в имениях, пострадавших от аграрных беспорядков” в период революции 1905–1907 гг. Такую ссуду в размере 60 тыс. руб. получили К. и А. Марковы, имевшие 3100 дес. земли и винокуренный завод в с. Зубовка Самарского уезда. В 1913 г. по случаю 300-летия династии был издан указ о монарших милостях, и с Марковых были сложены “имеющиеся непополненные ссуды, выданные из кредита”⁵⁹.

Помимо долгосрочного кредита существовали краткосрочные ссуды, которые выдавались, кроме коммерческих кредитных учреждений, Государственным банком Российской империи помещикам разных условий сроком на 1 год (соло-вексельный кредит). Анализ деятельности частных коммерческих банков затруднен из-за отсутствия массовых источников, есть лишь общие данные, дающие, впрочем, возможность проследить основные тенденции развития их кредитной политики.

Главный банк страны — Государственный — выдавал ссуды под залог земли, зерна или другой сельскохозяйственной продукции на приобретение сельскохозяйственных орудий и машин. Краткосрочный кредит, несмотря на высокие проценты, был прогрессивным явлением в русской экономической жизни, так как способствовал пробуждению инициативы и предприимчивости в ведении хозяйства. Экономическая жизнь наполнялась новым содержанием.

Государственный банк выдавал ссуды сельским хозяевам по соло-векселям под залог хлебных продуктов. Эта операция была рассчитана на крупных землевладельцев, занимающихся хлебной торговлей. Ссуды выдавались непосредственно учредителями банка и через посредни-

ков (земские учреждения, частные кредитные установления, общества и товарищества на началах взаимности отдельных благонадежных частных лиц)⁶⁰.

Если проанализировать деятельность Самарского и Саратовского отделений Государственного банка, то можно заметить, что доля краткосрочных кредитов напрямую зависела как от конъюнктуры (в 1907 г. не было выдано ни одной ссуды), так и от социально-политической обстановки в стране (первая революция, мировая война). Об этом красноречиво свидетельствует динамика выдачи ссуд землевладельцам. В Самарском крае соло-вексельный кредит был распространен шире, чем в Саратовской и соседних поволжских губерниях. В 1903–1905 гг. в Самарской губернии соло-вексельным кредитом пользовались 150 землевладельцев и торговцев⁶¹. Это были владельцы имений, в которых преобладала капиталистическая система, и ссуды им были нужны “как оборотный капитал на случай неурожая или невозможности безубыточно продать хлеб и необходимости поддержать его некоторое время, как это всегда бывает в урожайные годы⁶², — так мотивировал свое обращение в Государственный банк бугурусланский помещик М.Д.Пополутов, тонко учитывающий хозяйственную конъюнктуру. Дворянка Р.Д.Грюбладт брала кредит “для поддержания и развития тонкорунного овцеводства”⁶³.

Таким образом, в Самарском крае – крупнейшей житнице Европейской России – в конце XIX–начале XX в. были представлены все формы кредитования, что являлось показателем сращивания банковского капитала с частновладельческим, в том числе дворянским.

Кредиты, получаемые в государственных и частных коммерческих банках, объективно способствовали перестройке помещичьего хозяйства, но ипотека все еще преобладала над краткосрочным кредитом. Особенно ярко это проявлялось у дворян-землевладельцев. Приведенные данные говорят о высокой степени задолженности дворян, которые охотно брали ссуды, где только можно. К.Маркс писал, что “никакой другой класс не влезает с таким легким сердцем в долги”, не живет так расточительно, как класс землевладельцев, так как именно земля гарантировала им получение прибылей⁶⁴.

Купцы, мещане, крестьяне использовали полученные ссуды более эффективно, капиталы шли, главным образом, на расширение сельскохозяйственного производства; более активно обращались они и в Госбанк, где получали деньги под залог хлеба.

Если говорить в обобщенном виде о влиянии кредитных учреждений на частновладельческое хозяйство, то следует отметить две тенденции: сохранение ипотечного кредита, который выдавали Дворянский и Крестьянский земельные банки, проводившие политику протекционизма по отношению к дворянам, что сдерживало процесс перехода сословной земельной собственности к бессословной. В то же время наблюдался рост числа краткосрочных ссуд, которые предоставлялись, как правило, крестьянам-собственникам, купцам и мещанам, что несомненно способствовало укреплению их хозяйств с внутренним и внешним рынком.

Втягивание крестьян в сферу капиталистических отношений влекло за собой перестройку значительной массы хозяйств, ориентировавшихся теперь, прежде всего, на рынок. Не менее важно было также и то, что объективно крестьяне-собственники должны были постепенно отказаться от услуг ростовщиков, в качестве которых выступали помещики и сельские богатеи, и перейти к цивилизованным формам кредита, характерным для капиталистического общества.

Как уже отмечалось, в лесостепной полосе губернии преобладал “прусский” путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Сохранение поместного землевладения, угодий удела и казны сдерживали здесь темпы развития аграрного капитализма. Но эти поистине “черепашьи” шаги обуславливались не только присутствием соседа-помещика. Социальные последствия Великой реформы 1861 г. были таковы, что от ее проведения выигрывали дворяне, а значительные потери понесли бывшие помещичьи крестьяне. Реформа проводилась так, чтобы создать более благоприятные условия для хозяйственной деятельности помещиков. Все исследователи отмечают стремление помещиков вклинить свои земли во владения сельской поземельной общины, создавая тем самым неудобства для крестьян в пользовании лугами, водопоями, дорогами, мостами и т.д., с тем, чтобы взимать с них дополнительную плату и сдавать угодья на кабальных условиях, в основном, за отработки.

В земельном обеспечении крестьян наблюдалась большая пестрота. Размер надела зависел от места нахождения села (лесостепь или степь), качества земли и т.д. Из-за роста сельского населения размеры наделов постоянно сокращались. Процесс измельчения наделов был прямо связан с увеличением числа крестьянских дворов, т.е. с семейными разделениями. По данным официальной статистики, к 1905 г. по сравнению с 1877 г. число крестьянских дворов бывших помещичьих крестьян Самарской губернии увеличилось на 14%. Правда, этот рост был не таким стремительным, как в Пензенской (23,6%), Казанской и Симбирской (24,9%), Саратовской (29,4%)⁶⁵. Тем не менее он оказывал определенное воздействие на темпы аграрной эволюции. В еще более жестких условиях вели хозяйство крестьяне-дарственники, у которых в Самарской губернии на душу мужского пола приходилось в среднем в 1861 г. 1,2 дес. земли⁶⁶. Об измельчании наделов у бывших помещичьих крестьян на совещании комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности говорил Д.Я.Слободчиков: “В Самарском, Ставропольском, Бугурусланском уездах ныне приходится на одну наличную душу м.п. не менее 3 дес.; а в Бузулукском и Николаевском уездах менее 4 дес.”⁶⁷

Выкупные платежи тяжким бременем легли на плечи бывших помещичьих крестьян. Они вынуждены были выкупать землю не по дореформенным (дешевым) ценам, а по более высоким. В Самарской губернии по ценам 1863–1872 гг. земля для выкупа стоила не более 2,1 млн руб., но крестьяне выплатили за нее 5,7 млн руб., т.е. почти в три раза больше ее дореформенной стоимости⁶⁸.

Выступая на заседании губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, бузулукский помещик Г.Н.Костромитинов отмечал, что сумма недоимок по выкупным платежам составляла 14 405 425 руб. 19 коп.⁶⁹ Видный исследователь аграрных отношений в России А.Лосицкий писал, что “сумма платежей, действительно внесенных помещичьими крестьянами к 1 января 1906 года, превысила полтора миллиарда рублей”⁷⁰. Но правительство продолжало собирать в 1906 г. выкупные платежи, правда, в половинном размере, а с 1907 по 1913 г. крестьяне должны были погашать недоимки по выкупной операции. С 1904 по 1911 г. было взыскано недоимок по выкупной операции с крестьян Самарской губернии 1 102 091 руб. Бывшие помещичьи крестьяне были поставлены в худшие условия по сравнению с другими категориями крестьян. У них платежи составляли 4 руб. 80 коп. с дес., в то время, как у бывших удельных — 1 руб. 50 коп., у бывших государственных — 1 руб. 30 коп.

Острое малоземелье, бремя выкупной операции, другие налоги и сборы обуславливали дефицит крестьянского бюджета. Крестьяне вынуждены были по-прежнему часть своих производственных доходов отдавать в качестве абсолютной ренты землевладельцу-помещику. Так, крестьяне Самарской губернии арендовали в начале XX в. более 630 тыс. дес. земли⁷¹.

Самарские земские статистики зафиксировали, что хозяйства на наделе находились в менее благоприятных условиях по сравнению с хозяйствами, живущими на купчей и арендованной земле. По размерам посевов, по количеству рабочих лошадей на одно хозяйство они оказались обеспечены слабее. В малопосевных группах хозяйств преобладала продовольственная аренда, “в многопосевных она носит предпринимательский характер. На это указывают высокие размеры арендуемого участка и преимущественное арендование земель на продолжительные сроки”⁷².

Малоземельные крестьяне чаще всего арендовали землю на кабальных для них условиях. О такой аренде журнал “Вестник сельского хозяйства” в 1902 г. писал: “Крестьяне села Усолье Сызранского уезда, имея надел лишь в полторы десятины на душу, вынуждены нанимать у соседнего помещика землю под посев (по 8 руб. дес.). Аренда обставлена следующими условиями: если плата за озимый посев не внесена в марте, и за яровой в мае, то половина всего урожая вместо арендных денег поступает экономии. Часто за невозможность занять денег крестьянину даже при хорошем урожае приходится отдавать половину жатвы, а если удастся взять деньги в долг, большая часть прибыли поступает ростовщику”⁷³. Здесь едва была заметна хозяйственная инициатива, среди же помещичьих крестьян преобладали пауперы.

Несколько лучше были обеспечены землей бывшие удельные и государственные крестьяне.

В последнее время все чаще внимание историков-аграрников акцентируется на такой сложной проблеме, как пути и темпы развития аграрного капитализма. Основываясь на работах В.И.Ленина, историки обычно констатируют, что основой “прусского” пути было дворян-

ское хозяйство и хозяйства “гроссбуэзерского” типа. Что касается “американского” пути, то здесь в качестве первоосновы выступали крестьянские хозяйства. Но хозяйства какого типа могли быстрее эволюционировать в фермерские? Степная полоса Самарского края, с ее малой заселенностью и наличием громадного числа свободных земель как нельзя лучше подходила для развития капитализма не изнутри, а на иной, свободной основе, не зажатой тисками старых докапиталистических отношений. И в этом плане именно государственные крестьяне, как более предприимчивые, и имевшие большое количество земли, и могли стать реальной основой становления фермерских хозяйств.

И все же основная масса крестьянских хозяйств испытывала тормозящее влияние остатков крепостничества. Сказывались и периодически повторяющиеся неурожаи хлебов. Бузулукский помещик Г.Н.Костромитинов отмечал, что сумма продовольственных долгов по ссудам 1891, 1897 и 1901 гг. возросла до 9 956 045 руб. 80 коп.⁷⁴ Сложная ситуация с продовольствием и семенами возникла в крае в неурожайном 1906 г. Населению Самарской губернии в 1906–1907 гг. было выдано ссуд на 18 930 490 руб. 52 коп. с условием возврата их в течение трех лет⁷⁵. Сильно пострадали крестьяне от неурожая хлебов и трав в 1911 г. Число нуждающихся в продовольственной помощи достигло 1 707 428 человек⁷⁶. “Лишняя скотина, — писал отец Щербаков — священник с. Августовка Николаевского уезда, — вся распродана еще с осени за бескормицей хлеба. От комитета Красного Креста выдается помощь только некоторым. Некоторые распродают наделы”⁷⁷.

Удручающая картина голода содержится в отчетах врачей. Вот что сообщил Н.В.Голубев в губернскую земскую управу о положении отрубников Сколовского имения Тростянской волости Самарского уезда: “...наличность необходимой домашней скотины не превышает у самых состоятельных 2 лошади, 1 коровы, у бедных — 1 лошадь и несколько кур. Хлеб же просяной, добываемый ими или милостыней, или же покупкою на деньги, выручаемые от продажи скота”⁷⁸. О масштабах голода 1911 г. можно судить по таким фактам. Всего в Самарской губернии занималось земледелием 431 001 двор, “из них нуждалось в яровой семенной ссуде 332 355 домохозяев”⁷⁹.

Костлявая рука голода душила не только самарских крестьян. В отличие от других частных владельцев, они должны были выплачивать налоги, земские сборы, выполнять различные повинности. К началу XX в. недоимки по земским сборам составили 885 092 руб., долг кредитным учреждениям — 2 791 923 руб., а общая сумма долгов — 28 038 485 руб. 99 коп.⁸⁰ Понятно, что при такой задолженности вести рациональное хозяйство было невозможно. И тем не менее самарское крестьянство в этих тяжелейших условиях сумело не только сохранить свою хозяйственную самостоятельность, но и приспособиться к условиям рынка.

В лесостепной полосе, где особенно остро ощущалось малоземелье, крестьяне вынуждены были арендовать земли у помещиков или покупать их. Самарские земские статистики установили, что в Ставропольском уезде в малопосевной группе хозяйств преобладала продовольственная аренда, причем крестьяне переплачивали два рубля

за каждую десятину. Как правило, крестьяне арендовали землю за отработки. Помещик выступал в качестве ростовщика, используя “зимнюю наемку”. При сдаче земли в аренду он обговаривал условия отработок крестьян в экономии. В договоре Усольской конторы вотчины графов Орловых-Давыдовых с крестьянами при аренде земли под яровой посев читаем: “1905 г. март 27. Крестьяне с.Актуш И.Н.Федосеев, А.В.Захаров с прочими. 1) Мы обязуемся летом 1905 г. по первому требованию сжать хлеб, перевезти на собственных лошадях с Левадского поля на хутор 36 3/4 дес. ржаных снопов и 29 1/2 дес. яровых, нажатых как серпом, так и жнейками; 2) за перевозку получаем от конторы за ржаные снопы по 2 руб. и за яровые по 1 руб. 50 коп. с десятины. Снопы возить на токи и падины, которые предварительно нами должны быть вычищены и покрыты соломой, складывать снопы мы должны в клады аккуратно, по указанию надсмотрщиков клады ежедневно вывершивать и покрывать господской соломой. Высота кладей должна быть не менее 12 аршин. Если конторе потребуется подвозка прямо к молотильной машине, то такое требование должно быть исполнено безоговорочно. Во время перевозки снопов мы крестьяне обязаны иметь не менее 14 лошадей, причем должны соблюсти следующее: иметь на каждом рыдване возильный полог, который во время накладки снопов в рыдван расстилать около рыдвана. Иметь при подводах подавальщиков и кладчиков, которые ни в коем случае не должны становиться на скирды, дорогию снопы не терять и не травить лошадьми, для чего иметь на каждой лошади намордники. В сырую погоду снопы не возить”⁸¹.

Как видим, элементы ростовщичества сочетаются здесь с мелочной регламентацией всех видов отработки в экономии. Подобные явления были отмечены земскими статистиками при проведении подворных переписей крестьянских хозяйств. Был выявлен даже некоторый рост отработок при сдаче земли в аренду. В Самарской губернии в 1911 г. об аренде за деньги сообщали 68,8% корреспондентов, в 1913 г. — 61,5%; об аренде из доли и за отработки — соответственно 31,2 и 37,5% корреспондентов. Эти данные, с одной стороны, свидетельствуют о живучести отработок, а с другой — о противоречивом развитии аграрного капитализма по “прусскому” пути.

Бывшие помещичьи крестьяне арендовали землю всей общиной или объединялись в товарищества. Особенно это было характерно для Ставропольского и Самарского (лесостепной части) уездов. В то же время здесь, кроме мелких арендаторов, используемых помещиками на отработках, имелась группа хозяйств предпринимательского типа, применявших труд постоянных наемных рабочих; кроме земледелия их владельцы занимались торговлей, имели промышленные предприятия. В Ставропольском уезде удельный вес таких хозяйств составлял 2,3%⁸².

Малопосевные группы хозяйств (а в зоне “прусского” типа аграрной эволюции их доля доходила до 70%) постоянно испытывали нужду в продовольствии, фураже и семенах. “Возвращаясь к вопросу об условиях частных займов хлеба на продовольственные нужды, — писали

земские статистики, — мы не можем не признать их тяжелыми для нуждавшегося в подсобных продовольственных средствах населения. Население большей частью при возвращении заемного хлеба приплачивает своим кредиторам за каждый занятый пуд или непосредственно хлебом, или деньгами”⁸³.

При договоре с крестьянами кредиторы выговаривали себе “наибольшие цены за хлеб и наименьшие поденные и сдельные платы во время производства работ заемщиками в их хозяйствах”⁸⁴. В качестве ростовщиков выступали чаще всего помещики-дворяне и зажиточная верхушка деревни, получавшие высокие проценты не в денежной оплате, а в виде отработок. Но бывали случаи, например, в Самарском уезде Алексеевской волости, когда ростовщичеством занимался служащий железной дороги, бывший унтер-офицер, дававший в ссуду деньги под 30%⁸⁵.

Банковская система преимущество в обслуживании по-прежнему отдавала представителям привилегированных сословий. Если дворяне могли получать ссуды под залог имений в Дворянском банке или взять соло-вексельный кредит в Государственном банке и других коммерческих учреждениях, то крестьяне-общинники, не являясь юридическими собственниками, не имели права ни продавать свои наделы, ни закладывать. В банках они могли получать ссуды лишь под залог зерна. Такое положение существовало до 1907 г., т.е. до реализации Указа Николая II от 9 ноября 1906 г., по которому хуторяне и отрубники могли продавать и закладывать свои наделы. Вот почему крестьяне лесостепной полосы вынуждены были пользоваться ростовщическим капиталом.

Иная ситуация складывалась в зоне преобладания эволюции “американского типа”, т.е. в районе торгового зернового земледелия. В качестве арендатора земли здесь выступал не мелкий, из среды малоземельных крестьян, а скорее крупный посевищик и предприниматель. “В Новоузенском уезде, — читаем в одном из докладов, — землю арендуют преимущественно участками на 1 год до 1200 дес. в среднем на арендатора”⁸⁶. Аренда земли большими участками преобладала в Николаевском и на юге Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уездов. В частности, в Самарском уезде удельный вес капиталистической аренды достиг 37%⁸⁷. Значительная ее доля приходилась на степную полосу, где размещались посевы товарной пшеницы. В степных уездах доля богатых крестьян-фермеров колебалась от 23,8 до 30%. Вне зависимости от численности, зажиточные верхи деревни концентрировали в своих руках наиболее плодородные земли и расширяли посевы торговых зерновых культур. “Например, в хозяйстве крестьянина с. Еремеевка В.Д.Рождественского насчитывалось 2 рабочих лошади, 2 жеребенка, 5 верблюдов, 2 коровы, 2 теленка, большое количество сельскохозяйственного инвентаря, в том числе сенокосилка, веялка. Имея 20 дес. наделной земли, В.Д.Рождественский арендовал еще 15,3 дес.”⁸⁸

Испытывая острую нужду в земле, крестьяне, помимо аренды, стали покупать земельные угодья. В зоне преобладания “прусской” аграр-

ной эволюции крестьяне обычно покупали те земли, которые им принадлежали до проведения буржуазных реформ. Наибольшая часть купленных земель приходилась на степные уезды — Николаевский (93 979 дес.), Новоузенский (67 337 дес.) и Бузулукский (46 705 дес.), т.е. на район торгового зернового земледелия, где крестьяне, получая доход от продажи зерна, пытались расширить посевы за счет купленных земель. Здесь преобладали единоличные покупатели — как из числа купцов, так и из крестьян. Менее значительными были приобретения товариществ и общин в Ставропольском (36 323 дес.), Бугульминском (33 604 дес.), Бугурусланском (21 483 дес.) и Самарском (9163 дес.) уездах⁸⁹. Такая ситуация была вызвана высокой задолженностью крестьянских хозяйств, острым дефицитом бюджетов многих бывших помещичьих крестьян, хозяйственной конъюнктурой и другими факторами. Кстати, крестьянское частное землевладение оказалось самым устойчивым: как правило, крестьяне покупали и почти не продавали свои владения.

С 1886 г. в качестве посредника между ними и дворянами выступал Крестьянский поземельный банк, который скупал имения у Дворянского банка и по более высоким ценам продавал их общинам и товариществам. С 1906 г. направление деятельности Крестьянского банка меняется: главное внимание было сосредоточено не на коллективных покупателях земли, а на создании на бывших дворянских, удельных и казенных землях хуторских хозяйств. Кроме того, отделения банка на местах занимались эксплуатацией имений, находившихся в его земельном фонде. Далее Крестьянский банк стал выдавать ссуды под залог надельных земель. Таким образом, Крестьянский поземельный банк выступал в качестве одного из рычагов в проведении столыпинской земельной реформы. Об изменении направленности его деятельности говорят данные о количестве ссуд, выданных на покупку земли в 1883–1910 гг. В 1883–1903 гг. банк выдал 70 ссуд сельским обществам, 208 — товариществам и 4 — отдельным хозяевам; в 1904–1906. гг. ссуды выдавались только общинам или товариществам; в 1907 г. было выдано 4 ссуды отдельным домохозяевам; с 1908 г. банк отдавал предпочтение хуторянам, выдал 496 ссуд, в 1909 г. — 1313, в 1910 г. — 4463. Обычно единоличный покупатель получал от банка ссуду в размере 90%, при покупке земли отрубным участком — 95%, хутором — 100%. Коллективные покупатели — товарищества и сельские общества — получали 80–85% стоимости приобретаемых ими угодий. И все же за указанный период из 560 727 дес. купленной земли на долю хуторян приходилось лишь 133 785 дес.

Рассмотрим динамику перехода имений из Крестьянского банка в собственность крестьян в 1905–1915 гг. (табл. 1)⁹⁰. Наибольшее количество поступлений земли в фонд банка приходится на 1906–1907 гг., что вызвано масштабами массового аграрного движения в крае в период революции 1905–1907 гг. По количеству купленной у помещиков земли Самарская губерния занимала второе место в России, уступая лишь Саратовской.

Наибольшее количество земли было продано в 1910 г. Как писал

Таблица 1

**Движение земельного фонда Крестьянского поземельного банка
в Самарской губернии в 1905–1915 гг.**

Год	Количество земли, поступившей в банк, дес.	Количество проданной земли, дес.	Средняя цена за дес. земли
<i>На 3 ноября</i>			
1905	16 692		84
1906	155 488		85
1907	176 734	11 370	93
1908	75 124	72 262	79
1909	12 257	33 297	83
1910	325	102 970	93
1911	6932	73 461	91
1912	9101	33 284	100
1913	4898	36 087	96
1914	3512	39 212	75
1915	4010	24 954	198
<i>Осталось на 1 января</i>			
1916	526 962		

в отчете Николаю II самарский губернатор, деятельность банка в 1907–1910 гг. была направлена на образование единоличных владений⁹¹. Что касается динамики цен, то отмечается тенденция к повышению стоимости земли. Более того, банк, отстаивая и защищая интересы помещиков, искусственно взвинчивал цены на землю в губернии, покупал у дворян землю по 73 руб. за дес., а продавал крестьянам по 108 руб. 70 коп. С 1900 по 1913 г. цена одной десятины поднялась с 46 до 100 руб.⁹²

Кто же воспользовался услугами Крестьянского поземельного банка? Анализ материалов земской статистики, архивных документов показывает неоднородность социального состава покупателей земли. Помимо крестьян, занимавшихся земледелием, землю покупали мещане, иногда служащие, у которых земли не было совсем или имелась в небольшом количестве. Банковскую землю покупали переселенцы из других губерний. В группе уездов Самарской губернии (Николаевском, Бугурусланском и Ставропольском) землю покупали в основном крайние группы — безземельные и группа дворов, имевшая их свыше 9 дес. В Николаевском уезде безземельных было 775 человек, в высшей группе — 530; в Ставропольском — соответственно 203 и 1552⁹³. В Самарском уезде высшая группа купила 87,6% всей проданной банком земли. Характерно, что после приобретения банковской земли увеличилось до 58% число хозяйств с посевом свыше 15 дес. В то же время многие хуторяне не имели скота, не были обеспечены инвентарем. Земские статистики Самарской губернии при обследовании хуторских хо-

зайств “рядом с процветанием незначительного процента хуторских хозяйств констатируют распространение продажи участков”⁹⁴. Многие крестьяне не могли вернуть в срок ссуду банку. Страницы газет пестрели сообщениями о выселении и отбирании земли у хуторян из-за неуплаты взносов в банк. «Самарское отделение выселило сначала 24 семьи, а затем еще 44 хуторянина села Степановки Бугурусланского уезда. Та же участь ждет еще 34 семейства крестьян с. Кротково”. “История со степановцами гораздо красноречивее, — писал корреспондент, — она говорит не только о необычайной “твердости” банковских заправил, но и попутно ставит убийственные вопросы о том, почему клиенты Крестьянского банка в таком громадном количестве оказываются неисправными плательщиками. Почему мобилизованная с помощью банка частновладельческая земля в последнее время начинает подвергаться своеобразной демобилизации»⁹⁵.

Как видим, крестьяне не столько выиграли от деятельности банка, сколько проиграли. Крестьянский банк фактически выступал конкурентом тем крестьянам, которые хотели купить землю непосредственно у помещиков. Протекционизм по отношению к помещикам и желание “нагреть” руки на посредничестве — таковы главные направления его финансовой политики. Кроме того, банк получал доходы и от эксплуатации имений. В 1908 г. банк сдавал в аренду за деньги 679 144 дес., издольно 12 723 дес. земли; на 26 689 дес. хозяйство велось за счет банка; 53 717 дес. земли оставлено в заведывании прежних владельцев⁹⁶. Самарское отделение Крестьянского банка имело высокий чистый доход 1 760 255 руб. Сдачей земли (495 024 дес.) в аренду за деньги банк занимался и в период первой мировой войны, наживая на этом большие доходы⁹⁷.

Крестьяне получали ссуды также в сельских банках, число которых возросло с одного в 1904 г. до трех в 1910, а сумма ссуд увеличилась соответственно с 36 390 до 65 210 руб. Ссуды выдавали также удельные банки.

Отсутствие дешевых источников кредита подталкивало крестьян к поиску новых его форм. Попытки учредить ссудо-сберегательные товарищества, и даже банки были предприняты во многих селах Самарского уезда еще в 50-х годах XIX в., причем возникали они как по “указке” сверху, так и по инициативе самих крестьян. Например, при Каменском волостном правлении в 50-х годах удельная контора организовала волостную кассу, которая при выдаче ссуд брала с вкладчиков 4,5%, с остальных — 5%. В 80-х годах в с. Екатериновка появился сельский банк, выдававший ссуду под 10% годовых. Но нередко крестьяне не могли получить кредиты из-за отсутствия денег в таких банках. В 1875 г. возник Дубово-Уметский сельский банк с первоначальным капиталом в 10 тыс. руб. Вкладчики брали ссуду с уплатой 10%, остальные — 15%. Банк существовал в интересах состоятельных хозяйств. Были организованы также Ново-Костычевское, Чекалинское, Петропавловское ссудо-сберегательные товарищества, Краснодарская, Старо-Дворянская волостные кассы⁹⁸. Но, как отмечали земские статисти-ки, из 10 кредитных учреждений только 2 вполне отвечали поставлен-

Таблица 2

**Динамика развития общественных учреждений мелкого кредита
в Самарской губернии**

Год	Кредитные товарищества				Ссудо-сберегательные товарищества			
	число	число	осталось к 1 января	число	число	осталось к 1 января		
			ссуд	вкладов		членов	ссуд	вкладов
1901	1	21	1025	—	5	564	34 864	5354
1902	2	225	2662	421	3	196	18 858	1912
1903	20	3024	32 589	2912	5	763	32 300	7771
1904	46	14 145	214 349	41 472	4	801	36 110	8503
1905	71	25 031	351 263	63 350	4	811	38 419	12 716
1906	81	36 228	718 029	143 090	3	737	24 222	6691
1907	105	54 525	1 416 640	70 167	2	236	21 648	12 885
1908	138	77 292	1 652 127	539 915	2	147	11 910	1274
1909	157	91 019	1 974 865	876 306	3	984	47 195	24 792
1910	178	113 405	2 095 584	1 259 127	3	1036	51 397	24 872
1911	196	127 520	4 274 920	1 851 301	3	1117	55 200	55 172
1912	192	147 762	5 569 905	2 702 451	4	1546	92 453	16 754
1913	307	186 895	6 736 069	4 080 959	7	3090	151 154	42 615

ной цели. Из-за недостатка кредитных учреждений крестьяне ежегодно вынуждены были занимать деньги у ростовщиков, выплачивая 40%, или отработывая в их хозяйствах.

Новый этап в развитии ссудо-сберегательных и кредитных товариществ начался в первые годы XX в.⁹⁹ Особенно быстро росло число кредитных товариществ (табл. 2). К 1913 г. в 307 товариществах насчитывалось 186 895 крестьянских хозяйств; в 1916 г. в губернии было уже 320 кредитных товариществ¹⁰⁰.

В меньшей степени развивались ссудо-сберегательные товарищества: в 1901 г. их было 5; в 1913 г. — 7, в 1916 г. — 10. Не велико было и число членов этих общественных организаций. Судя по всему, крестьяне губернии отдавали предпочтение кредитным товариществам, которые уже в 1906 г. внесли вкладов на сумму свыше 1,4 млн руб., а в 1913 г. — на 6 736 069 руб. На 1 января 1917 г. в этих учреждениях состояло до 54% всех крестьянских хозяйств (263 246 дворов). “Наибольший процент участников, — писал корреспондент журнала “Земская жизнь”, — составляют хозяйства экономически более крепкие”¹⁰¹. Кредитные товарищества довольно быстро росли в Николаевском уезде. Так, в 1910 г. здесь насчитывалось 46 товариществ, в Бузулукском — 43, в Самарском — 18, в Бугурусланском — 17, Ставропольском — 15, Новоузенском — 7¹⁰².

Итак, кредитная кооперация получила широкий размах в Самар-

ском крае. Кредитные товарищества занимались выдачей ссуд сначала под залог хлеба, а затем и земли. Ссуды шли на аренду земли, покупку скота, сельскохозяйственного инвентаря и семян.

Кроме них существовали еще и сельскохозяйственные общества, становление которых шло очень сложно. О трудностях в деятельности этих учреждений много писал журнал “Вестник кооперации”: “Знаменитое Алексеевское сельскохозяйственное общество Самарской губернии, известное всем своим первым в России кооперативным элеватором, влачит жалкое существование. Элеватор, стоявший 35 тысяч, уже 2 года стоит пустой. Ново-Майновское сельскохозяйственной обществу — одно из старых и деятельных — уже подумывает о передаче своих экономических мероприятий (с/х склад) местному кредитному товариществу. Владимирское, Обшаровское, Никольское и другие бездействуют. Некоторые существуют лишь на бумаге”¹⁰³.

Об эффективной деятельности кредитной кооперации “Торгово-промышленная газета” писала в 1913 г.: “К настоящему времени в ней [Самарской губернии] имеется 230 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ с общим балансом (на 1 октября 1912 г.) свыше 6700 тыс. руб., причем 3,1 млн рублей составляет вклады сбережений местного населения, с общим числом членов 155 тыс. человек. Кредитные кооперативы вынесли благополучно и тяжелый неурожай 1911 г., и частичный неурожай текущего и оказали огромные услуги в годину бедствия. В настоящее время прочное положение дел в кооперативных — в отношении простейших операций — ссудной и вкладной мало озабочивает их руководителей; интерес привлекается более сложными операциями, выдачей ссуд под обеспечение арендной надела и организации сбыта хлеба с помощью зернохранилищ”¹⁰⁴.

В 1914 г. хлебозалоговыми операциями и устройством зернохранилища губернии занимались 174 кредитных товарищества¹⁰⁵. В хлебозалоговых операциях участвовала чаще всего деревенская верхушка, иногда середняки. “В Самарской и Уфимской губерниях ссудами под залог хлеба в большинстве пользуется состоятельный элемент деревни. Бедняку, продающему 20–30 пудов хлеба, залоговая операция особой пользы принести не может... Выдавая ему вместо полной стоимости хлеба только две трети, или три четверти ее, его лишают тех рублей, которые ему крайне необходимы сейчас для расплаты с податью и срочными долгами”¹⁰⁶. В этой связи Бугурусланское земство ходатайствовало в 1910 г. перед правительством о том, чтобы размер ссуд под залог был увеличен до 100%, вместо существовавшего по правилам Государственного банка в 2/3 рыночной оценки. Эта мера способствовала бы как развитию ссудных операций, так и выгодной реализации урожая.

Мобилизацией крестьянских свободных средств и использованием их для интенсификации сельского хозяйства занимались также вспомогательные сберегательные кассы. В 1904 г. насчитывалось 177 касс с оборотным капиталом 2 229 171 руб., к 1910 г. их число возросло до 215, а сумма оборотного капитала до 2 481 418 руб.¹⁰⁷

Росту низовой сети кооперативных учреждений в немалой степени

способствовала столыпинская земельная реформа, в ходе которой были сделаны первые шаги по интенсификации земледельческого производства: организация опытных хозяйств и полей, введение многопольной системы севооборота, более широкое применение удобрений и улучшенных сортов семян, пород скота. Видимо, в этой связи предпринимаются шаги по созданию межгубернских кооперативных союзов. Так возникло Волжско-Камское сельскохозяйственное товарищество, членами которого могли быть крестьянские общества и сельскохозяйственные кооперативы Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Пензенской и Уфимской губерний. Это объединение полагало заняться организацией экспорта хлеба за границу, поставкой сельскохозяйственной продукции в казну, земства и другие учреждения, а также хранением хлеба и выдачей ссуд под него¹⁰⁸.

Тяга к созданию союзов особенно возросла в период первой мировой войны, когда в их деятельности на первый план выступили посреднические операции. В 1916 г. в Самарской губернии возникли кооперативные союзы: Кинель-Черкасский (17 товариществ), Мелекесский (32), Березовский (10), Новоузенский (27): в 1917 г. — Бугульминский союз (32 товарищества), затем Бузулукский (54). Более значительными оборотами, доходящими до 3 млн руб. отличался Мелекесский союз, — сообщал в докладе о союзе кооперативов В.Д.Бойко¹⁰⁹. О масштабах деятельности кредитных товариществ в период войны можно судить по таким данным.

“За время войны с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1915 г. кредитными товариществами было выдано ссуд 183 872 на 19 263 684 руб., в том числе непосредственно под залог сельскохозяйственных продуктов 13 584 ссуды на 2 495 630 руб.”¹¹⁰ Следует также отметить участие земств в хлебозаготовительных операциях. Бугульминское, Бугурусланское, Бузулукское, Сызранское, Самарское, Новоузенское земства через кредитные товарищества занимались выдачей ссуд под залог хлеба. Кредитные товарищества и другие кооперативные учреждения органично включились в финансовую систему страны. И все-таки кредитная кооперация делала в губернии лишь первые шаги. В товарищества, как правило, объединялись экономически крепкие хозяйства. Учитывая тот факт, что в зоне преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции превалировал крестьянин-бедняк, задавленный долгами и отработками, следует признать, что значительная часть крестьянских дворов была вне сферы деятельности кооперативов и по-прежнему пользовалась услугами ростовщиков. Как видим, “живые” остатки крепостничества сохраняли свое значение и в этой важнейшей сфере экономической жизни страны. И тем не менее, прав был виднейший экономист А.В.Чаянов, когда весьма высоко оценивал роль крестьянской кооперации в развитии земледельческого производства и мелкой промышленности. Кооперация как бы перерождала деревню, внося в нее новые формы и приемы ведения хозяйства¹¹¹. Прогресс в эволюции крестьянских хозяйств, несомненно, был, но он затронул наиболее состоятельную часть деревни и в меньшей степени основную массу беднейших хозяйств.

Земледельческое производство являлось главной отраслью крестьянского и помещичьего хозяйства в крае. Конечно, на специализацию сельского хозяйства наложили яркий отпечаток климатические и почвенные условия, особенности колонизации Самарского Заволжья. Приходя из разных районов страны, крестьяне приспосабливались к местным условиям, использовали не только многовековой опыт предков, но и искали новые приемы и способы ведения хозяйства. Многие давали общение с коренным населением Поволжья: татарами, чувашами и мордвой, не мало ценного русское крестьянство почерпнуло из опыта немцев-колонистов. Все это не могло не влиять на темпы освоения края, и уже в 70–80-е годы XIX столетия в заволжских степях возник новый район торгового зернового земледелия, ставший крупнейшей житницей Европейской России.

Влияние рынка на эволюцию крестьянских и помещичьих хозяйств было весьма существенным. Рынок определял структуру посевов, количество земли, занятой той культурой, которая пользовалась повышенным спросом. В конечном счете, под воздействием рынка крестьяне и помещики вынуждены были использовать усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь и машины, вносить удобрения, применять новые агротехнические приемы, иными словами, земледельцы порывали с традиционной технологией и вводили новую агрокультуру, переходили от экстенсивных методов земледелия к интенсивным.

Для развития торговли хлебом важное значение имело наличие крупных торговых центров, соединенных между собой транспортными артериями. Помимо сухопутных дорог, важное значение имела Волга и ее многочисленные притоки. Благодаря удобному волжскому транспорту для производителей зерна создавались благоприятные условия для сбыта продукции. До первой мировой войны по Волге и ее притокам проходило до 54% всех грузов, перевозившихся водным путем. Основная масса волжских грузов – хлеб, нефть и лес¹¹². Кроме того, Самарский край был охвачен сетью железных дорог, Самара была крупнейшим железнодорожным узлом, связанным с центральной Россией, Уралом, Средней Азией. Строилась Волго-Бугульминская железная дорога, проходившая через такие земледельческие уезды, как Самарский и Бугульминский.

Как внутренняя, так и внешняя (за пределами губернии) торговля зерном зависела от многих факторов, и в первую очередь, от хозяйственной конъюнктуры, урожая хлебов, высоты цен, близости или удаленности производителей от рынков сбыта, состояния дорог и т.д. Внутренний хлебный рынок начал формироваться еще в дореформенный период. В географическом плане он представлял собой как бы несколько концентрических кругов, которые чаще всего налагались друг на друга. Иногда эти круги выходили за пределы края, на территорию соседних Саратовской, Казанской, Симбирской и Оренбургской губерний.

Самара была крупнейшим центром транзитной торговли хлебом и

переработки зерна. Здесь находилась самая большая в России хлебная биржа, 10 паровых мельниц. Основателями самарского мукомолья были купцы I-й гильдии, возглавлявшие крупные торговые дома: Смирнов, Субботин, Курлин, Шихобалов, Башкиров с сыновьями, Ромашовы, Соколовы. Многие из них были крупными помещиками, экономии которых приносили высокий чистый доход. Своеобразным чемпионом среди самарских мукомолов был А.Н.Шихобалов, который ранее (в 60-70-е годы) выгодно торговал салом.

Самарская мука получила высокую оценку на первой всероссийской выставке. Эксперты считали, что русская мука не уступает по своим качествам американской, английской и голландской¹¹³. Особо высоко ценилась мука, получаемая из самарской пшеницы белотурки, и Самару многие называли столицей крупчатки¹¹⁴.

Жители сел и деревень, расположенных в радиусе 70–80 км от Самары, везли хлеб на продажу в губернский центр. Северные волости Самарского уезда: Липовская, Чистовская, Теневская, Константиновская, частично Александровская, Степно-Шенталинская, Зубовская и Петропавловская пшеницу продавали в Самаре, а рожь и гречиху везли в Мелекесс или в Чистополь Казанской губернии. Крестьяне южных волостей Самарского уезда отправляли хлеб в Сызрань, на Васильевскую пристань и в торговые села — Екатериновку и Обшаровку. Лишь часть пшеницы из этого района поступала на самарский рынок. Торговля хлебом велась также в с. Красный Яр, Дубовый Умет, Зубовка. Крупные партии зерна, преимущественно пшеницы, поступали из южных районов края в слободу Покровскую, где также функционировала хлебная биржа. Этот крупный хлебный рынок находился на перекрестке волжского пути с железнодорожными линиями на Новоузенск и Николаевск. “Сюда стекался хлеб из-за Заволжья, съезжались саратовские, нижегородские, костромские, ярославские, самарские и другие мукомолы. В 1910 г. Покровская хлебная биржа имела оборот в 20,6 млн пудов”¹¹⁵. Важное значение играл Балаковский хлебный рынок — здешняя биржа имела оборот до 7 млн пудов зерна¹¹⁶. В Николаевском уезде хлеб продавался также в с. Марьевка. Более 7 млн пудов поступало на рынок в с. Ровное, около 4 млн пудов — в Баронск¹¹⁷.

В неурожайные годы хлеб скупался в районах, прилегающих к Оренбургско-Ташкентской, Самаро-Златоустовской и Симбирской железным дорогам. Влияние железнодорожной сети на развитие торгового зернового земледелия было огромно. Видный земский статистик Г.И.Баскин отмечал: “Железнодорожный участок Мелекесс–Бугульма был открыт в 1911 г., но не прошло и пяти лет, как проведение новой железнодорожной линии успело сказаться на переоценке прежде существовавших пунктов экономического тяготения: появились новые рынки, такие как Кошки (Погрузная), Шентала и Клявлино. С их возникновением ослабело прежнее значение таких центров, как Мелекесс, Чистополь и Бугульма. Под влиянием тех же причин сфера влияния Бугульмы расширилась, отодвинувшись далее на север, отвоевав некоторую территорию от Челнов. Вся эта перегруппировка приблизила целый ряд населенных пунктов к рынкам сбыта, повысила цены

на продукты сельского хозяйства в местах их производства и, следовательно, повлияла и не могла не повлиять на рост интенсификации разных отраслей крестьянского хозяйства в этих районах”¹¹⁸.

В Бузулукском уезде крестьяне возили хлеб на продажу в Бузулук, Борское, Новотроицкое, Утевку, Тоцкое, крепость Сорочинскую; в Бугурусланском — в уездный центр, в слободу Кинель-Черкасскую и пригород Сергиевск. В Ставропольском уезде крупное значение в торговле имел Ставрополь (до 2 млн пудов зерна). С Самарским хлебным рынком (кроме Казанского, Саратовского, Сызранского и Оренбургского), был тесно связан Уральский. В качестве продавцов хлеба на нем выступали казаки и крестьяне Николаевского и Новоузенского уездов.

За пределы губернии хлеб вывозился водным путем и по железным дорогам. Самарская пристань могла обслуживать около 50 паровозов. В районе Хлебной площади находилось большое количество амбаров, вмещавших свыше 12 млн пудов. На железнодорожной станции также были построены зернохранилища. Накануне первой мировой войны на правом берегу Самары был сооружен элеватор емкостью 3,4 млн пудов¹¹⁹. “Самара является одним из важнейших в империи рынков по торговле хлебом, преимущественно пшеницей, скотом, салом; важное значение имеет также торговля шерстью, кожами и сырьем, получаемым из киргизских степей”¹²⁰. Зерно и мука шли водным путем в Казань, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль и Рыбинск, и затем по Мариинской системе в Петербург или по Николаевской и Виндаво-Рыбинской железным дорогам в Петербург и Ригу. Пользовались также Казанской и Рязанско-Уральской железными дорогами. Часть хлеба и муки поступала с волжских пристаней в Ростов-на-Дону и Новороссийск. Потребителями хлеба, кроме Верхнего и Нижнего Поволжья, были Средняя Азия и Сибирь. Через порты Черного моря самарская мука шла в Италию, а через балтийские — в Англию.

По данным официальной статистики, с 1900 по 1913 г. наблюдался рост вывоза по железным дорогам хлебных грузов из губернии на 222%, или в абсолютном выражении, с 36 796 тыс. пудов до 81 683 тыс.; в том числе пшеницы с 21 813 тыс. пудов до 49 657 тыс. пудов (на 228%)¹²¹. Эти данные говорят о снижении доли серых хлебов в товарообороте и резком возрастании значения пшеницы. Эту тенденцию, но на основе анализа структуры посевных площадей, отмечал Г.И.Баскин: “С 1895 по 1909 год на надельных землях наблюдается неуклонное падение ржи и овса и относительное возрастание посевов пшеницы”. В Николаевском уезде под пшеницей находилось 72% посевной площади, рожью — 9%, овсом — 7%, ячменем — 5%, просом — 5%. В Бузулукском уезде удельный вес посевов пшеницы составлял 70%¹²².

В целом на юге Самарского, Бугурусланского, в Бузулукском, Николаевском и Новоузенском уездах было сосредоточено до 93% посевов пшеницы¹²³. Рост посевов пшеницы был вызван тем, что при продаже она давала доход больше, чем рожь. Высевались, главным образом, такие сорта пшеницы, как белотурка, кубанка, египетка, полтавка, русская, сандомирка. Довольно высокой была товарность пшеницы. В Самарской губернии товарная масса яровой пшеницы в 1903-

1913 г. составляла 84 млн пудов, ржи — 11,5 млн пудов, ячменя — 150 тыс. пудов, овса — 707 тыс. пудов¹²⁴. Г.И.Баскин считал, что общая величина товарообмена Самарской губернии в среднем в год достигала 184 977 910 пудов, причем, на вывоз за пределы губернии приходилось 108 844 480 пудов, на ввоз — 80 733 430 пудов (соответственно 56,3 и 43,7% всего грузооборота). По железным дорогам привозилось 87 454 660 пудов (47,3%), водным путем — 97 523 350 пудов (52,7%). Основу вывоза их губернии составляли хлебные грузы — 70 443 250 пудов (67,7%, или более 2/3 от общего количества вывозимых товаров), в их числе на зерновые хлеба приходилось свыше 56 млн пудов (80%), на муку — 11,2 млн пудов (16%), крупу — 1,9 млн пудов (37%)¹²⁵. В урожайные годы из Самары вывозилось от 70 млн до 90 млн пудов зерна и муки. Часть зерна шла на переработку — спирт и пиво.

Такова в общих чертах товарность зернового производства края в дореволюционный период. Добавим, что она, безусловно, зависела от урожая хлебов. Тот же Г.И.Баскин писал, что в 1911 г. из-за неурожая губерния не собрала 57,1 млн пудов зерна. Но размеры погодных чистых излишков в 1912 г. составили 58,2 млн пудов, в 1913 г. — 110,8 млн, в 1914 г. — 21,5 млн, а в 1915 г. — 101,7 млн пудов¹²⁶.

При расчетах товарности сельскохозяйственного производства нельзя пройти мимо проблем товарности крестьянских хозяйств. В этой связи особый интерес представляют расчеты крестьянских бюджетов, которые производились земскими статистиками и агрономами. Так, А.Бажутин считал, что для потребления в собственном хозяйстве крестьянин должен оставлять около 200 пудов зерна. Так как 1 дес. дает урожай 30 пудов, а 8,4 — 255 пудов, то он может вывести на рынок только 55 пудов, за которые при продаже получит доход 45 руб. 65 коп., и из этих денег надо было уплатить налоги, повинности, купить предметы первой необходимости. “Семья из пяти человек не может прожить в год на 45 рублей 65 копеек”¹²⁷. Для большинства крестьянских семей продажа хлеба была вынужденной.

Во внутренней торговле хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами участвовали все слои самарской деревни. Некоторые современники отмечали наличие большого числа черт патриархальности в психологии, внешнем виде и быте крестьян. Но, соблюдая традиции и почитая старину, крестьяне все более ориентировались на рынок. Образно говоря, их “телега была повернута оглоблями” на ближайшее торговое село, пристань, железнодорожную станцию или город. Большой знаток деревенской жизни Г.Н.Костромитинов отмечал: “Нужда у населения всегда так велика, что гонит на рынок крестьянина с такой настойчивостью, при которой рассуждать о выгодности условий сбыта в громадном большинстве случаев не приходится”¹²⁸. Обычно основная масса крестьян продавала хлеб осенью, сразу же по окончании сельскохозяйственных работ, когда на рынке были самые низкие цены. Именно осенью крестьяне должны были уплачивать налоги и другие сборы, долги за аренду земли и т.д. Ожидать поднятия цен они не могли, так как других источников дохода не было, а потому, в силу необходимости, на продажу шел весь урожай.

“В известный период времени, — писали земские статистики, — после уборки хлебов, всякий крестьянин делается торговцем: и осень, и зиму положительно почти все надельные домохозяева каждой деревни везут на продажу в разные торговые пункты пшеницу, рожь, полбу, просо и гречу. Артельное начало и здесь при перевозке хлеба из дальних волостей применяется в полной силе”¹²⁹.

Интересны взаимоотношения крестьян и купцов на рынке. Чистопольские купцы вели себя с продавцами иначе, чем самарские: они не брали с крестьян платы за ночлег, за каждый проданный воз давали по 5 копеек на водку: В Самаре крестьяне с овсом останавливались на Троицком рынке, с рожью — на так называемом вшивом базаре, около Александровского сада, с пшеницей — вблизи старого собора. К хлебным возам нередко наведывались “мартышки” — ссыпщики хлеба в амбары, затем они нагло растаскивали хлеб по карманам горстями. У самарских купцов часто не хватало гирь, в ходу были только пудовые и двухпудовые, а потому крестьяне продавали хлеб “с походом”. Н.Г.Гарин-Михайловский так описывал тактику купцов на хлебном рынке: «Вся хлебная торговля сосредоточена в руках 5–6 купцов, которые и покупают его по очереди на базаре, делая так называемую “одну руку”. Смотря по надобности, купцы повышают или понижают цены. Мало хлеба на базаре — цена повышена, слух быстро разносится по деревням, и хлеб в изобилии появляется на рынке. Тогда купцы сбавляют цену, зная, что назад хлеб не повезут»¹³⁰.

На осенней продаже крестьяне-бедняки теряли от трети до половины прибыли. В отличие от них, состоятельные крестьяне и помещики продавали хлеб весной, когда цены были высокими. Тот же Н.Г.Гарин-Михайловский весной продал в Рыбинске большую партию хлеба (на 17 коп. дороже против цены в Самаре) и получил прибыли на 25% выше. “Купец, приобретший мой хлеб покупал конечно не для себя, и тоже вероятно, постарается заработать процентов 25. Что было бы, если бы из этих 50% попало 30% в карман производителя, читатель? А то, что можно было бы хозяйством заниматься, хлеб сеять, а не разоряться”¹³¹.

Монопольное положение на хлебном рынке занимали купцы, выполнявшие роль посредников между производителем сельскохозяйственной продукции и потребителем. “Обыкновенные клиенты Госбанка — крупные скупщики хлеба, их векселя составляли примерно четверть всех учтенных”¹³², — докладывал управляющий симбирским отделением Государственного банка. Тактика хлеботорговцев состояла в том, чтобы, скупив как можно больше зерна, дожидаться высоких цен на рынках сбыта, а потому они не нуждались в кредите.

Начало XX столетия характеризуется активной деятельностью финансовых учреждений, в том числе Государственного банка России, на хлебном рынке. Эта активность проявлялась как во внутренней торговле, так и в экспорте зерна. По данным Министерства торговли и промышленности о хлебной торговле в России за 1910 г., Самарская губерния стояла на втором месте в стране по запасам пшеницы и ржи. Именно в это время из края было вывезено зерна на сумму около

Таблица 3

**Сеть отделений и агентств иногородних коммерческих банков
в Самарской губернии**

Банк	1911 г.		1913 г.	
	отделе- ния	агент- ства	отделе- ния	агент- ства
Русский торгово-промышленный	6	3	10	3
Русский для внешней торговли	5	3	5	4
Русско-Азиатский	3	3	4	7
Волжско-Камский	4	—	4	2
Санкт-Петербургский международный	1	1	2	1
Северный	2	1	—	1
Азовско-Донской	1	—	1	—
Башкирская контора товарищества Босс и К°	1	—	—	—
<i>Всего</i>	23	11	26	18

50 млн рублей, причем половина его пошла на экспорт. В отчетах Самарского отделения Государственного банка постоянно подчеркивалось, что наиболее перспективная отрасль — зерновое производство, особенно выращивание твердых сортов пшеницы. “Сельскому хозяйству здесь предстоит большая будущность”¹³³, — писал управляющий отделением в 1910 г.

Экспортная торговля требовала огромных капиталов. Их можно было составить путем акционирования. Поэтому в мукомольном производстве и торговле хлебом развернулось создание акционерных обществ, укреплялись позиции крупнейших хлебопромышленников. В результате в предвоенные годы важнейшие позиции в хлебной торговле захватили несколько торгово-промышленных товариществ: Стахеева, Башкировых, Соколовых, Мамошкина, Чернонебова и Рукина.

Примерно с 1910 г. многие коммерческие банки занялись комиссионными операциями с хлебом и торговлей от себя¹³⁴. Банки стали главными посредниками между производителями хлеба и зарубежными покупателями. Осенью 1910 г. они отправляли из Самары до 50 вагонов в день¹³⁵.

Хлебная торговля в губернии все более попадала под контроль частных коммерческих банков (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что перед империалистической войной они создали здесь довольно густую сеть представительств, большинство которых приходилось на долю крупнейших банковских монополий России — Русского торгово-промышленного, Русского для внешней торговли и Русско-Азиатского банков, поддерживавших иностранный капитал и получавших огромные прибыли от экспортной торговли хлебом. Связанный с французским капиталом Русско-Азиатский банк продвинулся по количеству представительств в губернии с третьего места в 1911 г. на второе в 1913 г. Таково усиление его позиций в русской экономике.

В губернском центре имели свои отделения пять иногородних ком-

мерческих банков (Волжско-Камский, Русский торгово-промышленный, Русский для внешней торговли, Русско-Азиатский и Азово-Донской), всего насчитывалось 13 банковских учреждений. Наибольшее количество представительств имелось в особо богатых хлебом уездах.

Основными средствами обогащения банков были дорогой кредит и комиссионная торговля. Банки и крупные хлебопромышленники диктовали до войны низкие закупочные цены на хлеб на местных рынках и удерживали высокие экспортные монопольные цены. На поволжских рынках были самые низкие в мире цены на пшеницу. Каждый пуд самарской пшеницы, вывезенный в Англию, давал в 1910 г. до 30 коп. чистой прибыли (примерно 23% продажной цены).

Возрастающую роль коммерческих банков в хлеботорговых операциях в Поволжье можно проследить на примере некоторых уездов Самарской губернии. Так, общий оборот всех банков в Николаевском уезде составлял в 1912 г. более 40 млн руб., причем, на долю местных банковских учреждений приходилось свыше 8 млн руб., а на отделения коммерческих банков — около 32 млн. Таким образом, кассовый оборот последних превосходил примерно в 4 раза обороты местных банков¹³⁶. В Бузулукском уезде Самарской губернии кредитные операции торгово-промышленного банка составили в том же году более 5 млн руб., почти в 2 раза превышая сумму кредитных операций местных банковских учреждений.

Обычно коммерческие банки взимали высокий процент — до 10–11. Как указывает экономист П.А.Хромов, учетная ставка в России, как и норма прибыли, была в 2–2,5 раза выше, чем в наиболее развитых капиталистических странах. Это относится как к коммерческим банкам, так и другим кредитным учреждениям. При этом частные акционерные банки, общества взаимного кредита и городские банки взимали больший процент, чем Государственный банк, и внедрялись в такие глубинные районы Поволжья, где не было отделений Государственного банка.

Местная буржуазия перекладывала тяжесть кредита коммерческих банков на плечи трудящихся. Об этом косвенно говорят данные о среднем уровне заработной платы в средневожских губерниях. В 1913 г. Симбирская губерния по этому показателю занимала 58 место, Самарская — 50, Казанская — 39. Несколько выше был уровень заработной платы в Саратовской губернии, но и здесь он был значительно ниже, чем во многих других районах страны. Подобная же картина наблюдалась и в 1914 г. (при общем росте дороговизны после начала войны). Низкий уровень заработной платы в сочетании с дешевизной хлеба и сырья за счет эксплуатации крестьян обеспечивал особенно высокие прибыли, поэтому российский и иностранный капиталы через коммерческие банки активно внедрялись в хлебные районы губернии.

Накануне империалистической войны коммерческие банки развернули в крае широкую коммерческую деятельность, особенно в области торговли хлебом и другими сельхозпродуктами, которая давала высокий доход. Банки содержали штат приказчиков, имели свои склады на многих пристанях и станциях. Государственный банк России пытался

оттеснить на второй план коммерческие банки. Особенно это стало заметно в 1909 г. в связи с высоким урожаем зерновых почти во всех губерниях России. Государственный банк провел несколько совещаний в столице, основных хлебопроизводящих районах, на которых обсуждался вопрос о строительстве элеваторной системы в стране. Этот вопрос ставился еще в 1888 г. Министерством внутренних дел, которое создало для его изучения комиссию. Последняя сочла необходимым введение “системы хлебных элеваторов по образцу американской”. Аналогичная мысль прозвучала на совещании сельских хозяев и хлеботорговцев в 1892 г., а затем на Всероссийском торгово-промышленном съезде в 1896 г. Вопрос о сооружении элеваторов обсуждался и в 1903 г. — на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое приняло постановление об оборудовании элеваторами ряда торговых пунктов. Но, как всегда в России, дело закончилось говорильней, и практических шагов по строительству предпринято не было.

Более эффективными были действия земств. В 1888 г. был построен элеватор Елецкого земства: Бугурусланское земство соорудило 9 простейших зернохранилищ емкостью до 2 млн. пудов, которые, как правило, сдавались в аренду крупным торговым фирмам¹³⁷. На совещаниях в Самаре и Саратове в 1911 г. были определены наиболее оптимальные населенные пункты для строительства элеваторов. В 1912-1913 гг. элеваторы были сооружены на железнодорожных станциях Неприк, Бугуруслан, Богатое — объемом по 300 тыс. пудов; Сорочинская и Абдулино — по 700 тыс. пудов. Элеваторная система, по замыслу чиновников Государственного банка, должна была стать надежным источником прибылей от хлебозалоговых операций.

Конечно, при изучении хлебной торговли нельзя пройти мимо деятельности Самарской биржи, которая была ведущей в России. К сожалению, отсутствие в госархиве достаточного количества источников затрудняет процесс изучения операций биржи. Ясно одно: она имела связи как с местными хлебными биржами (Покровская, Балаковская, Уральский хлебный рынок), так и с хлебными рынками, поставляющими российское зерно на экспорт (Санкт-Петербург, Ревель, Рига). Самарская биржа, выполняя посреднические операции, занимала ведущее место во внутренней и внешней торговле хлебом.

ВЛИЯНИЕ БАНКОВ И МОНОПОЛИЙ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ САМАРСКОГО КРАЯ

К началу XX в. в экономической жизни Самарской губернии стали явственно просматриваться новые тенденции. Возникают очаги крупного промышленного производства — металлургической, химической, текстильной, строительных материалов. Развитие капитализма вглубь объективно вынуждало предпринимателей заниматься перестройкой и расширением традиционных отраслей экономики, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья¹³⁸. Самарские предприниматели в начале столетия должны были все чаще обращаться за кредитами в банки. Мощное воздействие на экономику в целом оказывали (прямо

или косвенно) монополистические объединения. Возникновение новых производств сдерживалось кризисными явлениями в экономике и революционными потрясениями в обществе. Вплоть до 1909 г. сказывалось влияние экономической депрессии. Тем не менее составители “Списка населенных мест Самарской губернии” за 1910 г. зафиксировали в Самаре 136 фабрик и заводов, 63 ремесленных заведения, 10 банков, 6 типографий; в Ставрополе — 1 завод, 2 банка, 1 типографию; в Бугульме — 30 фабрик и заводов, 29 ремесленных заведений, 1 банк; 1 типографию; в Бузулуке — 18 фабрик и заводов, 150 ремесленных заведений, 2 банка, 2 типографии; в Николаевске — 4 завода, 20 ремесленных заведений, 1 банк, 2 типографии; в Новоузенске — 20 ремесленных заведений, 1 банк; в Мелекессе — 22 фабрики и завода, 2 банка, 1 типографию.

В целом численность фабрик и заводов росла медленно. В 1899 г. насчитывалось 112 предприятий, в 1907 — 159, в 1909 — 308¹³⁹. Среди них преобладали все же средние и мелкие заведения, в том числе небольшие производства по изготовлению сыра, широко распространенные в немецких колониях. В категорию заводов нередко включали крупорушки, мельницы-ветрянки, шерстобойни и т.д. Крупные по тому времени предприятия, такие, как чугунолитейный завод Молчанова, механический завод Лебедева, заводы Зуева, Шерстнева, пивоваренный завод фон-Вокано, Тимашевский и Богатовский сахарорафинадные заводы как бы растворялись в общей массе небольших.

Новый этап в развитии промышленности края начался в 1909 г. Он был вызван структурными изменениями в экономике страны в связи с проведением столыпинской земельной реформы и подготовкой к первой мировой войне. Попытки правительства П.А.Столыпина создать в российской деревне слой земельных собственников из числа хуторян и отрубников привели к усилению спроса на сельскохозяйственные машины и инвентарь. В Самарской губернии увеличилось число предприятий, производящих сельскохозяйственный инвентарь: в 1905 г. — 1, а в 1914 — уже 6. Крупнейшим среди предприятий был завод Ф.Ф.Шефера в Николаевском уезде (350 человек)¹⁴⁰. Наблюдался рост механических и чугунолитейных заводов — с 15 в 1908 г. до 26 — в 1914 г.

Крупным событием стало строительство в 1909 г. казенных заводов — Самарского трубчатого и Самаро-Сергиевского завода взрывчатых веществ на станции Иващенко, положивших начало развитию химической отрасли в регионе.

Исследователь экономики Поволжья кануна Февральской революции Е.Д.Румянцев считает, что Самарская губерния “первенствовала в Поволжье по машиностроительному производству за счет крупного государственного трубчатого завода и некоторых других предприятий, прежде всего по выпуску сельскохозяйственных машин”, которые составляли 17,8 % от общего числа предприятий данной отрасли в Поволжье. “Несомненно, велика роль губернии в производстве пищевых продуктов: 28,4 % всех предприятий отрасли... На третьем месте в губернии стала химическая промышленность”¹⁴¹.

Эти структурные сдвиги, хотя и были значительными, тем не менее

не изменили общей направленности промышленности губернии. Ведущее место в экономике по-прежнему занимали предприятия пищевой отрасли, в которой на первом месте находилось мукомольное производство, за ним следовало пивоваренное, сахарорафинадное и винокуренное¹⁴².

Мощное воздействие на экономику края оказывали монополистические объединения и банки. Усиление влияния монополий связано с развертыванием деятельности акционерных обществ. В годы промышленного подъема в крае, как и в других губерниях Поволжья, широко развернулось акционирование в промышленности и торговле, ускорившее процесс централизации капиталов, что стало важной предпосылкой монополизации экономики. Говоря о процессе монополизации экономики России, следует иметь ввиду специфические черты российской буржуазии начала XX в., отмеченные одним из виднейших представителей нового направления в советской историографии П.В.Волобуевым: “Более консервативна, более политически отсталая, часто далекая от понимания общеклассовых интересов, не знавшая в прошлом парламентарных форм политического и экономического господства капитала”, — таков далеко не полный их перечень. В этот период буржуазия стремилась установить полное господство во всех сферах экономической жизни, и монополии, как нельзя лучше, подходили для реализации этой цели. В какой-то степени российские предприниматели использовали не только зарубежный опыт, но и копировали государство, которое монополизировало эмиссию денег, железнодорожный транспорт, почту, телеграф, продажу водочных изделий, сахара, табака, безраздельно владело военной промышленностью и т.д.

В 1909–1910 гг. процесс образования крупных акционерных компаний шел, как правило, путем слияния и преобразования ранее существовавших предприятий. Затронул он и волжское пароходство, так как именно здесь нужны были особенно большие капиталы. Крупнейшими компаниями стали “Кавказ и Меркурий”, “Восточное общество товарных складов”¹⁴⁴, которые образовались еще в пореформенный период и пережили затем стадию монополизации. Активную роль в конкурентной борьбе за монопольное влияние в волжском пароходстве играли купцы Меркульевы из Царицына и Астрахани, по инициативе которых в 1907 г. было создано акционерное общество “Океан”, быстро переросшее в концерн. Используя дочерние предприятия, “Океан” небезуспешно пытался захватить не только добычу соли, но и торговлю ею, активно участвовал в торговле нефтью, керосином и мазутом, имел тесные связи с Русским торгово-промышленным банком. О масштабах его деятельности свидетельствует тот факт, что концерн только в Самарской губернии продал в 1913 г. более 300 тыс. пудов молотой соли. В 1910 г. Меркульевы вместе с киевским купцом Кениным создали Волжско-Черноморское торгово-промышленное общество. В Поволжье появились также товарищество “Медиков и братья Каменские”, торгово-промышленное и пароходное общество “Волга”.

Банки и монополии пытались взять под свой контроль пищевую промышленность, прежде всего мукомольное, масложирное

производство, пивоварение и сахароварение. Ведущую роль в этом процессе сыграл торговый дом И. Стахеева, который в годы первой мировой войны вместе с Путиловым и Батолиным создал военно-инфляционный концерн¹⁴⁵, связанный с Русско-Азиатским банком¹⁴⁶. В банке видную роль играли французские капиталы. В 1914 г. банк открыл Стахееву кредит 2 млн руб. под хлебные операции.

Стахеев начал с хлеботорговли в Прикамье, в г. Елабуге Вятской губернии. В прикамских и поволжских губерниях (в том числе в Самарской и Казанской) торговали хлебом миллионеры Батолины. Младший Батолин вошел в товарищество Стахеева, а затем вместе с ним стал одним из крупнейших финансовых воротил России. Прикамье и Поволжье были районами не только хлеботорговой деятельности Стахеева и Батолина. Волжские капиталы сыграли большую роль в формировании и росте будущего концерна Стахеева, развитие которого шло по линии комбинирования предприятий различных отраслей.

Компания Стахеева имела свои пароходы на Волге, а позднее — частные акционерные железные дороги, перевозила хлеб, нефть и хлопок, от перевозок сырья перешла к созданию хлопкоочистительных заводов, хлопчатобумажных мануфактур, нефтепромыслов на Эмбе. Для разработки нефтяных месторождений требовался лес, его заготовкой и занялся Стахеев. В погоне за прибыльным делом Стахеев создал рыболовецкую флотилию на Охотском море и лесоразработки на побережье Белого моря. Его концерн внедрился в металлургию Урала, угледобычу в Кузбассе и на Сахалине. Он имел два собственных банка. Несмотря на эти успехи, Стахеев не свернул хлебную торговлю в Поволжье, которая давала огромные прибыли.

В годы первой мировой войны Стахеев получил выгоднейший контракт на поставки хлеба в армию и перекачал из казны огромные суммы. В этот период группе Путилова-Стахеева-Батолина удалось распространить контроль на акционерное общество Волго-Бугульминской железной дороги, к которому Стахеев испытывал особый интерес, и подчинить которое пытался не один раз. Еще в 1914 г. товарищество “Стахеев и К^о”, Камско-Вятское торговое товарищество и ряд других елабужских фирм обратились к правительству с ходатайством о строительстве железной дороги от Бугульмы к богатому хлебному с. Челны, где в течение сезона закупалось до 8 млн пудов хлеба. Однако истинная цель прошения вскоре стала ясна из хлынувшего в Министерство торговли и промышленности потока писем представителей местных деловых и официальных кругов, разоблачавших намерения просителей. 27 мая 1914 г. в адрес Совета Министров было направлено представление от министров путей сообщения С.В. Рухлова и финансов П.Л. Барка. В нем указывалось, что елабужские и челнинские хлеботорговцы-монополисты стремятся удержать население в кабальной зависимости и требуют проведения трассы, для того, чтобы скупать зерно у местного населения по низкой цене¹⁴⁷. После создания в 1916-1917 гг. акционерного общества казанских мельниц, Стахеев стал полностью контролировать хлеботорговлю в Поволжье, центре и на юге России.

В начале XX в. в экономику края проникают крупнейшие монополии, в том числе Вогау, которая занимала монопольное положение в торговле медью (через синдикат “Медь”), чаем (товарищество “Кара-ван”), содой (товарищество “Любимов, Сольвэ и К^о”). С 1908 г. монополия Вогау контролировала товарищество Богатовского сахарного завода; затем контрольный пакет акций перешел к Азово-Донскому банку, а управляющий Самарским отделением банка стал директором-распорядителем товарищества. В 1916 г. банк продал пакет акций товариществу “Зерно-сахар”, связанному с группой Стахеева. Надо иметь в виду, что Богатовский сахарный завод имел синдикатское соглашение с Всероссийским обществом сахарозаводчиков. В этот же синдикат входил Тимашевский сахарный завод — собственность удельного ведомства¹⁴⁸. Это еще одно свидетельство того, что экономика удельных заводов переплеталась с интересами монополий.

Господство монополий не устраняло конкуренцию, а порождало ряд острых противоречий. Формой их проявления стала борьба за квоты внутри монополий. Например, в синдикате сахарозаводчиков в результате установления заниженных квот сдерживался рост производства, вздувались цены, шла острая конкурентная борьба крупнейших предприятий с более мелкими, не вошедшими непосредственно в состав монополии, но попавшими в фактическую зависимость от нее.

Процесс централизации капитала (путем акционирования) охватывал одну отрасль экономики Поволжья за другой. В маслобойно-жировой промышленности крупнейшими акционерными компаниями стали общество Волжско-Камского маслобойного и химического заводов (утверждено в 1913 г.) и компания “Салолин” (существовала с 1910 г.). Владельцы последней получали большие прибыли от производства и продажи салолена — заменителя натурального животного жира, использовавшегося для мыловарения. Деятельность этой компании особенно характерна для экономических отношений периода империализма. Компания создала “дочернее” общество при помощи кредитов Русско-Азиатского банка¹⁴⁹, получившего под залог пакет акций “Салолина” и передавшего его концерну Стахеева, под контролем которого уже было конкурировавшее с “Салолиным” общество “Саломас”, действовавшее на юге. В 1917 г. “Салолин” и “Саломас” стали собственностью Стахеева.

В пивоваренной промышленности выделились крупнейшие акционерные компании: в Самаре — фон-Вакано, в Казани — товарищества Александровых и “Восточная Бавария”¹⁵⁰. В ходе конкурентной борьбы основные рынки сбыта пива в Поволжье и соседних районах оказались фактически поделенными между самарскими и казанскими пивоварами.

Акционирование развевталось также в производстве химических изделий и строительных материалов. В производстве химических продуктов в Поволжье преобладали товарищества Ушкова и Понизовкина.

Монопольное положение заняли сызранские асфальтовые заводы, использовавшие единственное тогда в стране крупное месторождение

высококачественных бутаминозных известняков. Кроме сызранских заводов, имелись небольшие заводы в Киеве и Варшаве, производившие асфальт в сравнительно малом количестве и более низкого качества; завод в Керчи, не выдержав конкуренции, вынужден был закрыться.

Так одна за другой основные отрасли промышленности и торговли Поволжья попали под контроль крупнейших акционеров и банков.

По сословному положению крупные акционеры края происходили в основном из богатых волжских купцов. Участниками ряда акционерных обществ были также помещики, например, графы Орловы-Давыдовы, Ростовцевы и др.

Для действовавших в этом районе акционерных обществ характерен большой размер первоначального капитала (до 1–3 млн руб. в пищевой промышленности, 5–6 млн руб. в пароходстве и железнодорожных акционерных товариществах). Ежегодные дивиденды многих акционерных компаний составляли 10–12%, а в годы первой мировой войны волжские миллионеры нажили на казенных поставках и других спекулятивных операциях колоссальные состояния. Так, у товарищества Соколовых в 1915 г. дивиденд составил 35 %; основной капитал компании “Салолин” вырос с 2 млн 200 тыс. руб. в 1910 г. до 10 млн в 1916 г. и 40 млн в 1917 г.; баланс концерна Стахеева в 1917 г. превысил 300 млн руб., а оборот связанных с ним предприятий составил более 1 млрд руб. (при этом надо иметь в виду, что в балансах акционерных обществ всячески преуменьшались прибыли). Колоссальные спруты опутывали экономику Поволжья и высасывали из трудящихся все соки, наживая за счет их тяжелого труда несметные богатства.

Ряд акционерных компаний имел архаичные особенности – семейно-паевый характер, высокий размер пая. Так, в товариществе Башкировых один пай составлял 5 тыс. руб., в товариществе Крестовниковых – 2 тыс. руб., в товариществе Соколовых были установлены именные пай — по 1 тыс. руб. каждый. В дальнейшем некоторые акционерные общества сократили размер пая. “Салолин” через несколько месяцев после своего создания уменьшил размер пая (стоимость акции) с 250 до 100 руб., товарищество Сызранского асфальтового завода – с 1 тыс. до 200 руб. В обоих случаях это привело к ускорению перепродажи акций на столичных фондовых биржах и усилению зависимости от банков.

Процесс дальнейшей централизации капиталов шел путем поглощения одних компаний другими, их слияния и установления финансового контроля банков. Так, из двух сызранских акционерных обществ, производящих асфальт, в ходе конкурентной борьбы победило более сильное – Сызранско-Печерское, купившее в 1914 г. предприятие своего конкурента¹⁵¹. В 1913 г. произошло слияние двух волжско-каспийских компаний – пароходного общества “Кавказ и Меркурий” и Восточного общества, тесно связанных с финансовой группой Гессена-Демкина. Укрупненное общество стало основой быстрорастущей пароходной монополии.

Таковы основные черты процесса централизации капитала в Са-

марском крае, который привел здесь, как и в других районах, к росту влияния промышленных и банковских монополий, к обогащению крупнейших финансовых дельцов. Настоящими хозяевами в промышленности и торговле становились крупные акционеры, финансовый капитал, при этом господство монополий и банков переплеталось с государственной монополией.

Накануне первой мировой войны и в военные годы наблюдался рост государственно-монополистических тенденций. Это сказалось, прежде всего, в том, что экономика крупных казенных заводов переплелась теснейшим образом с интересами капиталистических монополий. Сущность этого явления состояла в получении частными компаниями растущих прибылей за счет государства. Хотя продукция казенных заводов военного ведомства была внеконкурентной, но по разным каналам (поставки сырья, строительство) капиталистические монополии извлекали из этого источника огромные прибыли.

Они выкачивали огромные средства из казны, получая выгодные контракты на строительство и расширение заводов, на поставки строительных материалов, оборудования, сырья и топлива. Это достигалось путем установления высоких монопольных цен на металл, нефтепродукты и уголь, спекулятивного повышения расценок на оборудование и строительные работы.

В Самарской губернии велись большие работы по строительству и расширению казенных заводов. Для частных акционерных компаний это стало настоящим золотым дном. В сентябре 1911 г. был открыт Самарский трубочный завод, который затем непрерывно расширялся и стал крупнейшим предприятием. В годы войны на его расширение было ассигновано более 4 млн руб. В 1915 г. цены на станки и оборудование, поставленные для завода, возросли в два раза. В поставках участвовали и иностранные компании. На таких операциях наживались русские и иностранные банки.

В городском хозяйстве также сказывалось влияние монополий. В 1915 г. "Бельгийская акционерная компания" электрических трамваев и освещения занималась строительством, оборудованием и введением в строй трамваев в Самаре. С бельгийским капиталом было связано товарищество Жигулевского пивоваренного завода Вакано.

Формы внедрения иностранного капитала в экономику края были различными: технические конторы, представительства при русских торгово-промышленных фирмах, а также собственные склады и магазины иностранных фирм. Из восьми технических контор в Самаре, пять были связаны с иностранным капиталом (Сименс и Гальске, Клодт и др.). В Самаре была открыта американская контора по продаже тракторов "Интернационал" и другой сельскохозяйственной техники. Сборка тракторов велась в Самаре. Москве, они отпускались на льготных условиях, с рассрочкой платежа на два года — в три срока¹⁵². В 1913 г. было продано шесть тракторов¹⁵³. Иностраным электротехническим оборудованием торговали самарские магазины Торопова, Полякова, Кеницера. Торговый дом бр.Клодт имел техническую контору и склады в Самаре и Сызрани. В Самаре существовало отделение

товарищества по устройству мукомольных мельниц “Эрлангер и К^о”, на складе которого имелось мельничное оборудование иностранных заводов. С иностранным капиталом были тесно связаны действовавшие в губернии российские монополии Вогау, Стахеева, “Продамет”, “Продуголь”, бр.Нобель и др.

В поволжской деревне дорогостоящая иностранная техника появилась в те годы в незначительном количестве, лишь в некоторых зажиточных хозяйствах и у отдельных обуржуазившихся помещиков. Большинство помещиков и сельских хозяев предпочитало использовать дешевые крестьянские руки и примитивную сельскохозяйственную технику. Низкий технический уровень сохранялся и в промышленности.

С общим процессом развития государственно-монополистического капитализма было связано и положение на рынке металла в годы войны. В августе 1914 г. царское правительство созвало ряд так называемых особых совещаний во главе с “Особым совещанием для обсуждения и объединения мероприятий по обороне”. На периферии возникли местные органы Особого совещания по обороне — так называемые заводские районные совещания. Поволжские губернии оказались в ведении Нижегородского и Ростовского-на-Дону заводских совещаний. Эти меры стали важным звеном в процессе развития государственно-монополистического капитализма в России. В руках капиталистических монополий оказался аппарат государственного регулирования производства и распределения.

Важную роль в системе аппарата военно-бюрократического регулирования стал играть Главный комитет по делам металлургической промышленности. Он был теснейшим образом связан с синдикатом “Продамет”, который поставлял металл по удостоверениям-заказам комитета. В октябре – ноябре 1916 г. Самарский трубочный завод получил по таким заказам через Саратовскую контору “Продамета” большую партию металла с заводов Русско-Бельгийского общества в Енакиево, Донецко-Юрьевского металлургического общества (Дюмо) и др. Поставки цветных металлов шли через синдикат “Медь”, который в 1907–1916 гг. был в руках группы Вогау. Уральский синдикат “Кровля” был вытеснен обществом “Продамет” с поволжского рынка сортового железа, но сохранил за собой поставки кровельного железа.

Некоторые казенные заводы были крупными потребителями кислот. Большие партии кислот поставлялись Самаро-Сергиевскому казенному заводу. Документы свидетельствуют о спекулятивном повышении цен на кислоты в ходе выполнения контрактов. К тому же сроки доставки часто срывались. Так, в 1915 г. Самаро-Сергиевский завод получил лишь половину заказанного количества кислот, из-за чего создалась угроза его остановки. По повышенной цене производились большие поставки кислот Казанскому казенному заводу товариществами Понизовкина и Ушкова. В 1916 г. завод получил на эти цели дополнительные ассигнования.

На топливном рынке торговля каменным углем была в руках синдиката “Продуголь”. В годы войны предприятия получали уголь от синдиката по нарядам Нижегородского районного совещания по топ-

ливу, при этом цены на уголь не нормировались, что давало возможность синдикату диктовать свои цены. Большую роль в спекулятивных операциях с углем играл Азово-Донской банк, занимавшийся комиссионной торговлей антрацитом (продажа антрацита не была синдицирована обществом “Продуголь”). В стране остро ощущался топливный кризис, и уже с осени 1915 г. некоторые предприятия вынуждены были переходить на дрова.

На нефтяном рынке преобладали бакинские нефтяные монополии, в частности, товарищество бр.Нобель, имевшее свои конторы в Саратове и Самаре. В начале 1905 г. товарищество бр.Нобель и нефтеторговое предприятие, контролируемое Ротшильдом, вступили в картельное соглашение о совместной торговой политике на внутренних рынках. Предприниматели волжских судоходных компаний внимательно следили за положением в бакинской нефтяной промышленности и правильно оценили факт соглашения как объединение крупнейших фирм в одну. И действительно, нефтяной картель захватил главные рынки сбыта нефтепродуктов в Поволжье и Центрально-Промышленном районе, последовательно повышая цены на нефтепродукты. В 1911 г. в Самаре цена мазута за пуд была 28 коп., а к концу 1912 г. достигла 65 коп.¹⁵⁴ Осенью 1913 г. Нобелю удалось арендовать у Шамси Абдуллаева, одного из самых упорных конкурентов картеля, два крупных резервуара в Самаре. Картель создал в Поволжье предприятия “Кама” и “Ока” для перевозки нефтепродуктов. В тех случаях, когда картель сдавал перевозку нефти другим пароходным компаниям, он прилагал все усилия для того, чтобы связать их по рукам и ногам, помешать транспортировке посторонних грузов. Так, в конце 1910 г. Нобель заключил соглашение сроком на 5 лет с торговым домом И.Стахеева о перевозке 28 млн пудов нефтяных остатков. Стахеев обязался не принимать ни от кого нефть на перевозку по водным путям России, а также не торговать ею самостоятельно¹⁵⁵. В предвоенные годы в конкурентной борьбе за русскую нефть усиливается активность англо-голландского треста Ройял Дейтч, а также “Русской генеральной корпорации”. Но главная роль на нефтяном рынке Поволжья сохранялась за нобелевской монополией.

Нефтяные монополии проводили политику вздувания цен на нефтепродукты. За десятилетие (с 1902 по 1912 г.) цены на нефтяные остатки, шедшие на топливо для пароходов, примерно удвоились. Еще большее спекулятивное повышение цен на нефтепродукты наблюдалось во время войны. Управляющий Казанским отделением Государственного банка в июне 1915 г. доносил в Петроград: “За последнее время цена на нефть в Казани назначена в 85 коп. за пуд (в 1902 г. – 15 коп.), что по заявлению компетентных лиц... объясняется исключительно недобросовестной спекуляцией нефтепромышленников-монополистов...”

Экономическая политика монополий в годы войны не учитывала напряженность социальных отношений, преследуя собственную выгоду. В Поволжье Русско-Азиатский, Азовско-Донской и другие коммерческие банки прятали на складах в спекулятивных целях большое ко-

личество продуктов и сырья. Металлургические монополии и пароходные компании годами держали большие партии металла на волжских пристанях, создавая дефицит металла.

Волжские миллионеры захватили важные посты в военно-промышленных комитетах и в аппарате государственного регулирования. Усиление своих позиций буржуазия использовала для расхищения народного богатства и обогащения. Это касалось, в частности, поставок хлеба для армии. В Поволжье действовали уполномоченные Министерства земледелия по закупкам хлеба для армии. В этой роли выступали крупные хлеботорговцы, например, уполномоченным по Самарской губернии был Башкиров.

Господство монополий и банков тормозило развитие производительных сил края, было одной из причин его экономической отсталости. Это сказалось на состоянии промышленности. Масштабы ее были малы, слаба была тяжелая промышленность и энергетическая база, не было сколько-нибудь развитого машиностроения. Единичные крупные предприятия, главным образом военного ведомства, тонули в большом количестве мелких производств с примитивной техникой. Под спудом оставались колоссальные богатства поволжских недр.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начавшаяся 19 июля (1 августа) 1914 г. первая мировая война оказала мощное воздействие на развитие экономики губернии. Уже в первые дни войны наметился процесс сокращения тех отраслей промышленности, на продукцию которых резко сократился спрос. Сокращение производства было связано с перебоями в доставке сырья и топлива, с трудностями в сбыте продукции, в получении кредитов в банках. На многие изделия механических заводов, конфетных фабрик, мебельных и экипажных мастерских не было спроса. С введением сухого закона была закрыта часть винокуренных и пивоваренных заводов. Одновременно происходило расширение производства на промышленных предприятиях, связанных с выпуском вооружений и боеприпасов. К их числу в губернии относились Самарский трубочный завод, Самаро-Сергиевский завод взрывчатых веществ, фабрика Зимина и др. Успешно развивалась главная отрасль самарской промышленности — мукомольная, так как для армии требовался хлеб. За годы войны в Самаре открылись кожевенный завод, консервная фабрика, мастерские по изготовлению армейских повозок, завод “Муравей”. Сюда были эвакуированы некоторые предприятия из западных губерний России, в их числе завод “Саламандра” из Риги. В годы войны численность рабочих на предприятиях, подлежащих надзору фабричной инспекции, возросла до 43 980 человек. Увеличилась и средняя численность рабочих на одном предприятии — с 50 человек в 1913 г. до 140 в 1917 г.

Вопрос об общей численности фабрично-заводских рабочих в Самарской губернии и Самаре является спорным. Некоторые исследователи учитывали рабочих, занятых на предприятиях, подлежащих надзору фабрично-заводской инспекции, без учета рабочих государствен-

ных предприятий. Как известно, именно эти заводы были самыми крупными в крае. Например, на Самарском трубочном к 1 мая 1917 г. работало 20 119 человек, а на Самаро-Сергиевском заводе взрывчатых веществ — 13 776, Томыловском артскладе — 3700 человек¹⁵⁶; кроме того, в губернии насчитывалось 19 905 ремесленников и кустарей, 5 тыс. строительных рабочих, 22 тыс. рабочих железнодорожного и водного транспорта, более 25 тыс. поденщиков и чернорабочих¹⁵⁷.

Первая мировая война способствовала тому, что в состав пролетариата вливались представители мелкой и средней буржуазии, которые получали отсрочки от призыва в действующую армию, а затем устраивались на военизированные предприятия. Некоторые даже фактически не работали на них, прикрываясь книжкой военнообязанного рабочего¹⁵⁸. В периодической печати появились фельетоны, указывающие на такие факты. После фельетона “Патриот”, опубликованного в газете “Волжский день”, администрация Трубочного завода была вынуждена обследовать материальное положение рабочих. В донесении начальнику завода сообщалось, что “Овчинников А.Г. на Троицком базаре имеет две лавки с железоскобяными товарами и с годовым оборотом в 7 тыс.руб., Романов И.С. получает на заводе 45–65 руб., а до поступления был подрядчиком штукатурных работ и имел 20 человек своих рабочих”¹⁵⁹.

Значительная часть рабочих Самаро-Сергиевского завода взрывчатых веществ, Томыловского артиллерийского склада, завода Ушко-ва состояла из крестьян окрестных деревень¹⁶⁰. Падение квалификации рабочей силы наблюдалось во всей промышленности России, но в неодинаковой мере в различных отраслях. Степень сохранности кадрового состава рабочих зависела от связи той или иной отрасли с нуждами военного времени. Средняя квалификация рабочих за годы войны понизилась в металлообрабатывающей промышленности на 17%, в текстильной — на 27%¹⁶¹. Пополнение самарского пролетариата за счет кадровых рабочих эвакуированных предприятий из Прибалтики и Польши было незначительным.

На смену мобилизованным в армию на фабрики и заводы пришли женщины и дети. По данным фабрично-заводской инспекции, на 1 января 1917 г. среди рабочих губернии удельный вес женщин составлял 30,5 %; на казенных предприятиях — Самаро-Сергиевском заводе взрывчатых веществ — 9,1 %, Самарском трубочном — 40,5%¹⁶². Губернский статистический комитет в отчете за 1915 г. сообщал: “В последнее время в связи с частыми мобилизациями начинает ощущаться недостаток в рабочих руках, чем и объясняется значительное повышение на фабриках числа рабочих малолетних и подростков обоего пола”. На некоторых предприятиях Самары дети и подростки составляли от 30 до 40% рабочих¹⁶³.

Увеличению неоднородности рабочего класса способствовало его пополнение беженцами. По данным земского и городского союзов, в феврале 1916 г. число беженцев достигло 3 млн, из них более 152 тыс. находились в Самарской губернии. Среди беженцев преобладали женщины, дети, старики. Газета “Волжский день” сообщала, что в губер-

нии “нетрудоспособных беженцев оказалось более 50 %”¹⁶⁴. Беженцы, как правило, использовались в качестве чернорабочих или на сельскохозяйственных работах.

В годы войны усилилась эксплуатация. С каждым месяцем ухудшалось социально-экономическое положение рабочих. Продолжительность рабочего дня достигла 12 часов, на ряде предприятий — 13-14 часов, широко практиковались сверхурочные работы, узаконенные правительством в 1915 г. Вопросы продолжительности рабочего дня, величины заработной платы, порядка найма и увольнения решали владельцы предприятий, практически бесконтрольно. “Были случаи, — сообщал фабричный инспектор, — обращения рабочих в суд, и суд ни разу не удовлетворил иски рабочих за необязательную сверхурочную работу”¹⁶⁵. Снижалась работоспособность, рос травматизм. За 1916 г. в мастерских железнодорожных станций Самара, Безенчук, Иващенково произошло 398 несчастных случаев¹⁶⁶. Администрация заводов принимала репрессивные меры против рабочих, которые отказывались от сверхурочных работ. Особое давление оказывалось на военнообязанных, получивших отсрочки от призыва в армию. Нередко участников стачек, требовавших увеличения заработной платы, увольняли с предприятий. В 1916 г. начальник Самаро-Златоустовской железной дороги, уволив стачечников, обратился к местным предпринимателям с просьбой не принимать их на работу. Администрация Самарского трубного завода увольняла за отказ от работы, дурное поведение и т.д. Только в декабре 1916 г. по таким мотивам в пяти мастерских было уволено 43 человека.

В годы войны заметно ухудшились условия труда на предприятиях губернии. Из-за старого, изношенного оборудования, отсутствия вентиляции, несоблюдения техники безопасности, усилился рост профессиональных заболеваний. На предприятиях практически отсутствовала медицинская помощь рабочим. Нередко вспыхивали тиф, дифтерия, холера. Виновниками возникновения эпидемий являлись богатые домовладельцы. Газета “Волжский край” в статье “Наши отравители” писала: “Самара заражена. Хитроумные домовладельцы, чтобы избавиться от расходов по вывозке нечистот, устраивают у себя на дворах мертвые колодцы... В Самаре заражена вся почва, вся подпочвенная вода. Желудочно-кишечные заболевания (холера, дизентерия, брюшной тиф) в значительной части обязаны мертвым колодцам”¹⁶⁷.

Из-за притока беженцев ухудшились жилищные условия рабочих в Самаре и уездных городах. Перед войной квартира (одна комната с кухней) сдавалась за 9 руб. в месяц, в сентябре 1915 г.—за 16 руб., в 1917 г.—за 20 руб.¹⁶⁸ На Самаро-Сергиевском заводе взрывчатых веществ рабочие размещались в бараках по 30 человек. Не только землянки, но и стены бараков засыпались землей, а затем они обшивались внутри досками. В таких примитивных жилищах царили грязь, насекомые. Булочки и калачники Самары жили в грязных и сырых спальнях: “Кровати в них встречаются лишь как редкое исключение. Кое-где есть нары, но они без всяких матрацев, простыней и т.п.”¹⁶⁹

Реальная заработная плата падала в связи с быстрым ростом цен

на продукты питания, товары первой необходимости и жилье. К 1916 г. уровень заработной платы по сравнению с довоенным временем возрос на 10–15%, а цены на многие товары и продукты питания увеличились на 100–300%¹⁷⁰. Дороговизна вызывала недовольство как в городе, так и в деревне, оно нередко выливалось в стихийные выступления масс. Такие выступления произошли в Самаре 19 февраля и 19 сентября 1915 г., в Мелекессе – 27 октября, в Ставрополе — 26 декабря 1915 г.¹⁷¹ В Сызрани толпа женщин-солдаток 22 июля 1916 г. пыталась разгромить лавки¹⁷². Особенно острый характер приняли события 5 ноября 1916 г. в Самаре. Все началось в лавке Теленкова на Троицком рынке, где приказчик отпускал протухшее мясо за высший сорт. Толпа солдаток, возмущенная поведением торговца, который отказался заменить недоброкачественный товар и оскорбил покупательницу, стала громить лавки. Всего в этот день было разгромлено 56 магазинов и лавок¹⁷³.

Кризисные явления стали явно прослеживаться и в сельском хозяйстве губернии. Мобилизация запасных в армию лишила десятки тысяч крестьянских хозяйств единственных кормильцев. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., в самарской деревне отсутствовала почти половина трудоспособных работников, Вся тяжесть ведения хозяйства легла на плечи женщин, стариков и детей. Если крестьяне испытывали недостаток рабочих рук, то в помещичьих и зажиточных крестьянских хозяйствах широко использовался труд военнопленных и беженцев. Летом 1915 г. на сельскохозяйственных работах в Самарской губернии было занято 24 134 беженца и 31 627 военнопленных¹⁷⁴. Большие трудности крестьянские хозяйства испытывали в связи с сокращением поголовья рабочего скота, который реквизировался для нужд армии. 78 103 крестьянских хозяйств не имели скота вообще, а 107 483 двора были без рабочего скота¹⁷⁵. В 1917 г. в губернии насчитывалось 93 480 безземельных и 44 476 беспосевных хозяйств. О кризисных явлениях в сельском хозяйстве свидетельствует сокращение посевных площадей, главным образом за счет ярового клина. К лету 1916 г. посевная площадь в губернии сократилась по сравнению с 1913 г. на 766,3 тыс. дес. Совокупность указанных факторов оказывала непосредственное влияние на социально-классовую структуру крестьянства. К 1917 г. беднота в самарской деревне составляла 54%, середняки 25,4%, зажиточные — 20,6%.

Как видим, первая мировая война ускорила процесс созревания материальных предпосылок для второй российской революции.

1917 ГОД

РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В РОССИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР

Февральская революция 1917 г. явилась весьма своеобразным явлением, превратившим Россию в самую демократическую страну из всех воевавших стран мира в политическом плане, но не решившим ни одной насущной социально-экономической проблемы. Это объяснялось тем, что русская революция одержала победу тогда, когда апогей оппозиционности царизму достиг почти всех социальных слоев общества, объединенных в различные политические партии, действовавшие в соответствии с задачами своих программ, существенно различавшихся по целям. В ходе революции в борьбу включились вновь создававшиеся общественные организации и властные структуры. Развитие революционного процесса происходило следующим образом: сначала политический переворот, затем — широкое социальное движение, сомкнувшееся к осени 1917 г. с наиболее радикальными политическими силами. Эта общая схема событий была характерна как для центра, так и для провинции, но местные условия формировали своеобразные методы революционной борьбы.

Февральско-мартовские события в Самаре не были “телеграфно-телефонной” революцией, т. е. сменой власти по приказу из центра, а явились цепью закономерных политических процессов, выявивших обострение социального недовольства. Накануне Февральской революции в Самаре функционировали все основные оппозиционные царизму партии. Наиболее влиятельной в буржуазной среде была партия **конституционных демократов**: В Самаре организация партии кадетов была немногочисленна, в марте 1917 г. в ней насчитывалось 300 человек, представителей средних городских слоев¹. Однако перед революцией они были достаточно организованны, опирались на сеть предпринимательских общественных организаций, особенно разросшихся в годы войны (военно-промышленные комитеты, союзы фабрикантов и заводчиков) и имели значительное влияние в органах местного самоуправления. Основные программные установки **конституционных демократов** сводились к требованию демократических свобод и равенства всех граждан перед законом, что давало бы простор в экономической деятельности. В тактическом плане они были реформаторами.

Самарская социал-демократия была представлена в начале 1917 г. самостоятельными организациями большевиков и меньшевиков.

Большевики, призывавшие к насильственному свержению государственного строя, подвергались преследованию за свою деятельность. После арестов в июле–августе 1915 и осенью 1916 гг. многие из

них были высланы из Самары, и в начале 1917 г. центр большевистской работы был перенесен с Трубочного завода в латышскую группу большевиков, прибывшую сюда в результате эвакуации из Риги рабочих военных заводов. Накануне революции число самарских большевиков колебалось от 500 до 550. Находясь на нелегальном положении, большевики пытались использовать возможности рабочих касс, кооперативных столовых, рабочих библиотек. Они выступали за революционно-радикальный путь решения назревших социально-экономических проблем, были интернационалистами, желали поражения политическому режиму в войне с целью ускорения его падения. В марте 1917 г. только в районной организации Трубочного завода насчитывалось до 2500 большевиков, в латышской — 60, в городской — не менее 100².

Основное разногласие меньшевиков с большевиками заключалось в тактическом плане. Меньшевики считали социалистическую революцию в России делом отдаленной перспективы и сосредоточили свою работу среди пролетарских и мелкобуржуазных слоев города с целью их организации для борьбы против буржуазии за свои социально-экономические права. Они имели влияние в рабочих группах военно-промышленных комитетов, заводских больничных кассах и других легальных общественных организациях. По отношению к войне меньшевики были оборонцами. Точных данных об их численности в губернии накануне революции нет, но в апреле 1917 г. их было не менее тысячи человек³.

Самой многочисленной политической силой в Самаре была организация партии социалистов-революционеров. Здесь постепенно формировалась благодатная среда для распространения народнических и неонароднических идей. В годы войны многие зажиточные крестьяне, спасаясь от призыва в армию, подались в города, поступили на работу на военные заводы, что привело к изменению качественного состава рабочих и усилению среди них влияния эсеров. Эсеровская программа, провозглашавшая установление демократической республики, введение "широкого рабочего законодательства", переход всех частновладельческих земель в общественное пользование на уравнительных началах, находила сторонников не только в деревне, но и на промышленных предприятиях, в воинском гарнизоне, где большинство солдат было из крестьян. Общую численность самарской эсеровской организации установить невозможно, так как в партии не было строгого учета. В эсеровскую партию записывались целыми сельскими обществами, цехами, ротами после митингов и сходов. Только на Трубочном заводе в мае 1917 г. числилось 12 тыс. эсеров. Самарские эсеры предлагали накануне Февральской революции собрать съезд рабочих и крестьян для сплочения всего населения и создания общественной организации для контроля за распределением промтоваров и продовольствия⁴. Такие заявления притягивали к эсерам широкие слои городского населения, но не представляли какой-либо угрозы для властей, так как были практически нереализуемы.

Политическая борьба оппозиционных царизму партий сомкнулась в начале 1917 г. с широким социальным движением, направленным против существовавших в России общественных отношений. После

временного затишья в конце 1916 г., которое объяснялось репрессиями полицейских властей, социальная обстановка в Самаре в начале 1917 г. вновь обострилась. 15 февраля началась забастовка рабочих главных железнодорожных мастерских, выступивших сначала против растущей дороговизны, а затем против войны. 22 февраля была организована забастовка на Трубочном заводе, где рабочие пятой мастерской, выступили против увольнения двух товарищей. Их поддержали рабочие шестой и седьмой мастерских, был образован стачечный комитет, от имени которого переговоры с дирекцией вел большевик Н.М.Шверник. Дирекция завода не пошла на уступки и применила силу против бастующих. В результате около 150 рабочих были арестованы, часть из них в срочном порядке была отправлена на фронт, выслана из города⁵.

Последние дни февраля в Самаре были довольно спокойны. По воспоминаниям современников, атмосфере тех дней можно сравнить с предгрозовым затишьем. С утра 28 февраля в Самару не поступало никаких сообщений ни из Москвы, ни из Петрограда, не было даже обычных сводок из Штаба Верховного Главнокомандующего о положении на фронтах. Лишь к вечеру дошло известие о роспуске Государственной Думы. Самарская городская дума выработала сочувственное послание Родзянке и прервала свое заседание в знак протеста против такого произвола⁶. Однако это событие у самарцев не вызвало “ни единого намека на подъем народного настроения, ни единой искры надежды”⁷. Совсем других вестей ждали народные массы России.

Известие о победе революции в Петрограде пришло в Самару 1 марта 1917 г. Для обсуждения событий было созвано совещание гласных городской Думы. На нем исполнявший обязанности городского головы В.П.Ушаков огласил телеграмму председателя Государственной Думы М.В.Родзянко о “взятии восстановления государственного и общественного порядка в руки Временного комитета Государственной Думы”, был избран особый Временный городской комитет безопасности для выработки экстренных мер к поддержанию порядка и спокойствия в городе, который должен пополняться представителями различных общественных организаций. В комитет вошли кадеты К.И.Иньков, В.П.Ушаков, П.П.Подбельский, кн. В.А.Кугушев, М.С.Афанасьев, В.Н.Башкиров, П.Ф.Шишкин, М.А. Щадрин, Н.В.Осоргин, и было принято решение просить общественные организации делегировать во Временный комитет своих представителей⁸.

После этого думские лидеры послали делегацию к самарскому губернатору, князю Голицыну, чтобы выяснить его отношение к событиям, и весьма обрадовались тому, что князь признал комитет и обещал свое содействие. Комитет надеялся на трогательное единение с деятелями старой власти и в дальнейшем. 2 марта он пополнился делегатами от 28 общественных организаций: кооперативов, военно-промышленного комитета, технического общества, союза городов, общества книгопечатников и др. В комитет были делегированы кадеты С.В.Смирнов, П.А.Преображенский, Н.Д.Усов, К.В.Богоявленский, М.И.Лунин, меньшевики Ф.В.Косариков, Г.П.Борисов, И.И.Перельман, эсеры А.В.Бородин, К.Г.Глядко, а также от рабочих Трубочного завода

М.В.Храповицкий, А.В.Колышкин и А.П.Еремеев (разоблаченный позднее как провокатор). Председателем комитета был избран С.В.Смирнов⁹.

Самарские большевики, имевшие большой опыт революционных боев, также немедленно приступили к организации своих сил, с тем чтобы возглавить борьбу пролетариата. Уже вечером 1 марта в конторе потребительского общества "Самопомощь" по инициативе большевиков состоялось собрание представителей социалистических партий, где обсуждались вопросы о необходимости образования Совета рабочих депутатов, выпуска воззвания к населению, организации митингов и демонстраций.

На следующий день на городских митингах, проходивших в театре-цирке "Олимп", городском театре и Общественном собрании, был избран первый состав Самарского совета рабочих депутатов. В него вошли 6 большевиков (А.Я.Бакаев, Ф.И.Венцек, С.И.Дерябина, А.П.Еремеев, Л.Л.Клейман, М.Н.Яшанов), 7 меньшевиков (Н.П.Богданов, Г.П.Борисов, Б.Т.Зайцев, Н.М.Левинтов, А.И.Логинов, И.И.Рамишвили, П.У.Шаманин), бундовец Л.И.Гинзбург и эсер Н.А.Смирнов. Возглавил Совет меньшевик И.И.Рамишвили¹⁰. Наличие в Самарском совете рабочих депутатов представителей всего блока социалистических партий объясняется теми же причинами, что и в центре.

Опьяненные незнакомым чувством свободы, рабочие, как и другие слои населения, выдвигали и поддерживали все политические силы, выступавшие с демократическими лозунгами и обещаниями народоправства. Пропаганда "беспартийной революционности" и "единения всех революционных сил" была развернута в прессе с самых первых дней революции.

Сразу после образования Совет рабочих депутатов уделил много внимания организации и руководству профессиональными союзами, которые зарождались и вели отчаянную экономическую борьбу с предпринимателями. В этой области плодотворно трудились большевики А.Х.Митрофанов, М.И.Груздев, Е.С.Коган, С.И.Дерябина, возглавившая работу среди солдаток. Только 2 марта ее агитаторская группа провела 8 митингов с участием 9 тыс. солдаток¹¹. Самарские большевики, несмотря на численное меньшинство в Совете рабочих депутатов, оказывали значительное влияние на характер проводимых им мероприятий. Совет рабочих депутатов имел обширную социальную базу. Все революционно-демократические силы поверили в этот новый орган власти, считали его своим, так как он ставил и пытался решить актуальные вопросы текущего времени.

В целях единения демократических сил Совет рабочих депутатов откликнулся на призыв Комитета общественной безопасности и послал 3 марта 10 своих представителей, после чего последний переименовал себя в Комитет народной власти. В последующие дни в него вошли представители политических партий, воинских частей, и постепенно его состав был доведен до 200 человек.

Под давлением рабочих депутатов Комитет народной власти 3 марта принял ряд постановлений общедемократического характера: об ос-

вобождении политзаключенных, аресте представителей царской администрации, разоружении полиции и жандармерии, организации народной милиции. В тот же день были отключены телефоны губернатора и жандармерии, а 4 марта арестованы и препровождены в местную тюрьму губернатор Л.Л.Голицын, полицмейстер А.К.Крокосевич, жандармский полковник М.И.Познанский с двумя его помощниками и др. Совет рабочих депутатов проводил и самостоятельную работу, содействуя созданию на предприятиях города комиссии для разработки вопросов о введении восьмичасового рабочего дня и повышении заработной платы. Тем не менее классического двоевластия в Самаре не было: вскоре Совет рабочих депутатов в полном составе вошел в Комитет народной власти. В связи с расширением состава Комитета народной власти 4 марта был избран исполнительный комитет, в который вошли семь кадетов, по пять большевиков и меньшевиков, три эсера, в президиум исполкома — пять кадетов (Кузьмин, Емелин, Смирнов, Щеголев, Кавецкий) и два меньшевика (Логинов, Преображенский), председателем — кадет П.П.Подбельский. В тот же день, не дожидаясь назначения Временным правительством губернского комиссара, Комитет народной власти выдвинул и утвердил в этой должности председателя губернской земской управы, кадета К.Н.Инькова, а его помощником — члена губернской земской управы, кадета Н.В.Осоргина. Циркулярная телеграмма министра-председателя Временного правительства князя Г.В.Львова с распоряжением о повсеместной замене губернаторов губернскими комиссарами, обязанности которых временно возлагались на председателей губернских земских управ, была послана лишь 5 марта. С этого момента в конкурентную борьбу за власть на местах включилась новая структура в лице института комиссаров Временного правительства.

Между тем исполком Комитета народной власти избрал комиссию по выработке инструкции об организации власти в губернии и 7 марта заслушал проект наказа по этому вопросу. В соответствии с ним “Временный комитет является в пределах Самарской губернии представителем и помощником Временного правительства, с целью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя”¹². Скоротечность буржуазно-демократических преобразований в Самаре, отсутствие сопротивления со стороны местных органов власти во многом объясняются полной поддержкой революционных преобразований со стороны Самарского гарнизона. Известие о свержении самодержавия быстро распространилось в казармах, солдаты стали присоединяться к митингам рабочих, служащих, учащихся города. Кое-где арестовывали офицеров, а после получения приказа № 1 Петроградского Совета в войсковых частях Самарского гарнизона стали образовываться солдатские комитеты. Совет рабочих депутатов содействовал организации Совета солдатских депутатов, и 7 марта 1917 г. состоялось их первое совместное заседание¹³.

Подавляющее большинство в Самарском совете солдатских депутатов на первых порах также принадлежало эсерам и меньшевикам. Однако небольшая большевистская фракция во главе с М.И.Герасимо-

вым стала вести активную пропаганду большевистских лозунгов среди солдат гарнизона. Эсеро-меньшевистское руководство солдатского Совета под влиянием офицеров пыталось предотвратить широкое участие солдатских масс в развитии революции, но это ему не удалось. Солдаты часто самовольно уходили домой, требовали отправки целых частей на полевые работы в деревню, предоставления специальных отпусков на период весенне-полевых работ. Эти действия солдатских масс направлялись большевистскими агитаторами, стремившимися превратить их в проводников революционных идей в деревне. Солдаты во время отпусков рассказывали крестьянам о событиях в городе, о борьбе рабочих за свои права, призывали к немедленной ликвидации помещичьего землевладения. Крестьяне, в свою очередь, выбирали их в создаваемые волостные и сельские комитеты, посылая в Советы и Комитеты народной власти как органы Временного правительства ходатайства об отсрочке службы для солдат-депутатов крестьянских организаций.

Пока массы формулировали свои требования в революции, новые властные структуры стремились побыстрее конституироваться. На общем собрании Комитета народной власти 10 марта был принят наказ о его функциях, с 11 марта Комитет возглавил эсер К.Г.Глядков. На заседании 15 марта было принято решение о реорганизации городского самоуправления следующего содержания:

1. Комитет народной власти выбирает из своей среды комиссариат из 9 человек, который руководит деятельностью городского самоуправления по всем вопросам городского хозяйства.
2. Решение всех важнейших вопросов городского хозяйства подлежит санкции исполнительного комитета народной власти.
3. Комитет народной власти приступает к выработке мер, которые должны обеспечить скорейшую подготовку реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права.

16 марта был утвержден проект наказа Самарского комитета народной власти, а 24 марта состоялось переизбрание его президиума. Председателем президиума был избран К.Г.Глядков, товарищами председателя — П.П.Митрофанов, В.Л.Преображенский, В.С.Кайрович¹⁴.

19 марта Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников, затем возникла необходимость преобразования органов местного управления и суда. В связи с этим правительство телеграммой в Самарский комитет народной власти подтвердило, что “назначения новых лиц на должности уездных комиссаров, которым переходят обязанности земских начальников, производятся правительством исключительно по представлению губернского комиссара Инькова”¹⁵. Губернский комиссар послал в Министерство внутренних дел представление на следующих лиц, выдвигавшихся на должности уездных комиссаров: Ставропольский уездный комиссар — Н.В.Тресвятский; Николаевский — Ф.С.Медведев (оба бывшие председатели уездных земских управ); Бугурусланский —

В.Р.Еселев, бывший член уездной земской управы; Бузулукский — Е.А.Жданов; Новоузенский — А.Л. Трипольский; Бугульминский — М.П.Благодатный, избранный комитетом народной власти; Самарский — А.М.Верховский¹⁶. Затем министерство вместо Е.А.Жданова утвердило Н.Н.Бушева, бывшего секретаря Бузулукской земской управы; вместо Трипольского — бывшего председателя Новоузенской земской управы И.Я.Иванова; А.М.Верховский не был утвержден в должности, так как бывший председатель Самарский земской управы остался ее членом¹⁷.

Известия о свержении самодержавия, о демократических свободах и преобразованиях, происшедших в результате победы Февральской буржуазно-демократической революции в центре, дошли до самарской деревни в марте 1917 г. и пробудили к активной политической деятельности крестьянство. В деревне стали создаваться новые органы власти: волостные и сельские исполнительные комитеты, называвшиеся в Самарской губернии Комитетами народной власти. В марте–апреле 1917 г. они образовались во всех уездах и волостях; за влияние в них боролись все политические силы.

Сельские и волостные комитеты избирались на крестьянских сходах и съездах, как по старым правилам общинных собраний, так и по новой форме — на основе всеобщих, равных, прямых выборов, чаще всего открытым голосованием. Выработку правил и инструкций по организации новой власти на местах считал своей главной задачей I Самарский губернский крестьянский съезд. Он стал своеобразной формой организации крестьянства в период уничтожения старых органов царской администрации и утверждения новых демократических порядков.

С начала марта 1917 г. в Самару стали поступать сообщения о том, что “в уездных городах старые власти уже устранены, на их местах организованы временные комитеты общественной безопасности...”¹⁸. В некоторых уездах прошли съезды крестьянских делегатов, состав которых был весьма пестрым и разнородным: выборные от волостных комитетов, представители старого чиновничества (делегаты от крестьянского поземельного банка, казны, удела и т.д.). Такой состав первых уездных съездов сказался и на их решениях. По большинству обсуждавшихся вопросов съезды приняли умеренные резолюции. 25–29 марта 1917 г. эсеры созвали I Губернский крестьянский съезд. Большевиетские агитаторы, которых в деревне почти не было, не смогли оказать влияние на съезд. Он был созван при участии “самарской группы народников”, “съехалось около 22 представителей от всех уездов”, которых, как правило, крестьяне не выбирали, а посылали уездные комитеты народной власти. Всего на съезде было 158 человек¹⁹. Руководство на нем принадлежало эсерам. Учитывая популярность идеи организации Советов в массах, съезд призвал к организации Совета крестьянских депутатов, в исполнительный комитет которого вошли преимущественно представители партии эсеров.

В соответствии с духом времени на съезде были выработаны нормы представительства на губернские съезды, делегаты которых долж-

ны избираться “прямым, равным, тайным, всеобщим голосованием по одному делегату на 10 тыс. человек населения”²⁰. На практике выборы делегатов на крестьянские съезды редко были всеобщими, а голосование чаще всего было открытым, а не тайным. Здесь же было принято постановление о вхождении исполнительного комитета крестьянского Совета в состав Временного самарского губернского комитета народной власти.

Организация на съездах Советов крестьянских депутатов, а также их призыв к созданию Советов на местах были крестьянством поддержаны, так как эта идея импонировала народным массам. Эсеры рассматривали Советы крестьянских депутатов как органы поддержки Временного правительства; через них лидеры этой партии стремились получить власть.

ДЕМОКРАТЫ ПРЕДПОЛАГАЮТ, А НАРОД РАСПОЛАГАЕТ

Новый этап в развитии революционных событий в Самаре характеризовался соперничеством между губернским Комитетом народной власти и губернским комиссаром Временного правительства с одной стороны и Советом рабочих депутатов — с другой. Вскоре в это соперничество включились Совет военных депутатов, объединившийся в мае с рабочим Советом, и Совет крестьянских депутатов.

Решительная борьба Совета рабочих депутатов против предпринимателей, активное участие в создании фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, деятельность по организации рабочей милиции способствовали расширению сфер его влияния в городе. 20 марта 1917 г. произошло переизбрание исполкома Совета, в результате которого в нем упрочили свои позиции большевики. На следующий день на заседании исполкома Совета был выбран его президиум из пяти человек, куда вошли два большевика, два меньшевика и один бундовец. Председателем Совета избрали В.В.Куйбышева²¹, выступавшего за объединение всех революционных сил через массовые организации трудящихся, деятельностью которых руководили Советы. Были образованы комиссии исполкома Совета рабочих депутатов, призванные направлять и координировать революционную инициативу масс: митинговая, продовольственная, профессиональная, редакционно-издательская, следственно-юридическая, хозяйственная, районная, милиционная²².

Самое пристальное внимание Совет рабочих депутатов продолжал уделять профессиональным организациям рабочих и служащих. 23 марта на совещании делегатов от 11 профсоюзов Самары было образовано Центральное бюро профсоюзов, которое возглавили большевики. Укрепление и объединение профсоюзов способствовало упрочению их экономических и политических позиций. Профсоюзные активисты Самары поставили перед Центральным бюро следующие задачи: руководство деятельностью профсоюзов, организация новых союзов, политическое воспитание членов союзов, издание профсоюзного органа, открытие библиотеки, образование групп профсоюзных ра-

ботников, организация рабочего секретариата и курсов грамоты для членов союзов²³.

Несмотря на усилия большевистской организации, большинство профессиональных союзов весной 1917 г. находились под влиянием меньшевиков и эсеров. Им принадлежало в то время руководство почти во всех союзах служащих, железнодорожников, печатников и др. Меньшевики и эсеры не придерживались принципа классового подхода к организации профсоюзов, пытались растворить рабочих в мелкобуржуазной массе служащих. В союзы железнодорожников, почтово-телеграфных служащих, рабочих и служащих городского самоуправления ходили чиновники, часто захватывавшие руководство в свои руки. Они выступали против участия профсоюзов в политической борьбе, стремились свести их роль лишь к борьбе за чисто экономические требования.

Самарские большевики разъясняли рабочим, что профсоюзы добьются улучшения экономического и правового положения рабочего класса лишь путем активной политической борьбы против капитала, что “основной задачей профессиональных рабочих организаций, как и в первую революцию, является сплочение революционных сил пролетариата для дальнейшего углубления революции”²⁴. Профсоюзные комитеты, создававшиеся по профессиям, часто объединяли лишь часть рабочих, а фабрично-заводские комитеты охватывали всех рабочих данного предприятия. Они избирались на общезаводских собраниях. Производственный принцип способствовал большей сплоченности рабочих в их борьбе с предпринимателями.

Раньше других, в марте–мае 1917 г., были созданы фабзавкомы на крупных предприятиях; на мелких предприятиях этот процесс шел медленнее. Инициаторами создания фабрично-заводских комитетов были металлисты Самары, прежде всего, рабочие Трубочного завода. Вслед за ними фабрично-заводские комитеты стали выбирать на общих собраниях рабочие фабрик Зимина, Игнатьева, заводов военно-промышленного комитета, электрической станции, спичечной фабрики Зелихмана, типографий, мельниц, хлебопекарен. Одновременно шел процесс создания фабзавкомов на предприятиях губернии: на заводе взрывчатых веществ в Иващенкове, на Мулловской суконной фабрике, на Мелекесской льнопрядильной ткацкой мануфактуре, на заводах Мамина и “Муравей” в Балакове. Многие фабзавкомы с первых дней своего существования возглавлялись большевиками.

Для российских пролетариев оставался актуальным вопрос о восьмичасовом рабочем дне. Уже к началу апреля в Самаре на совместных совещаниях владельцев фабричных и заводских предприятий, с одной стороны, и представителей Советов рабочих и военных депутатов — с другой, были выработаны общие положения об учреждении заводских комитетов, с 10 апреля было постановлено ввести восьмичасовой рабочий день. В связи с этим городская управа, подготовила доклад городской Думе, в котором подчеркивала, “что с вопросом о введении восьмичасового дня приходится считаться, как с фактом решенным и остается только взвесить: выдержат ли городские предприятия предстоящее уве-

личение расходов". Управа предложила Думе: 1) установить восьмичасовой рабочий день для всех служащих, рабочих городских электрических предприятий (т. е. практически всех заводов и фабрик), а в праздничные дни — семичасовой рабочий день; 2) разрешить в связи с этим расход средств за счет уменьшения чистой прибыли от эксплуатации этих предприятий²⁵. После недолгого обсуждения в Думе постановления были приняты. На этом же заседании трамвайной комиссии было поручено разработать вопрос о введении для служащих трамвая третьей смены, чтобы соблюдать закон о восьмичасовом рабочем дне.

В соглашении о введении восьмичасового рабочего дня, о создании фабрично-заводских комитетов и примирительных камер, заключенном в апреле 1917 г. Самарским советом рабочих депутатов и обществом фабрикантов и заводчиков, цели и задачи фабзавкомов определялись следующим образом: "а) представительство рабочих данного предприятия в их отношениях с правительством и общественными учреждениями; б) формулировка мнений по вопросам общественно-экономической жизни рабочих данного предприятия; в) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими данного предприятия; г) представительство от рабочих перед администрацией заводов и фабрик и владельцами предприятий по вопросам, касающимся взаимоотношений между ними и рабочими"²⁶. Этим соглашением предприниматели пытались ограничить функции фабзавкомов, лишить их права осуществлять контроль над производством. Но активная деятельность фабрично-заводских комитетов выходила за рамки данного соглашения. Часто вопросы о порядке выборов, функциях и структуре фабзавкомов определялись революционной инициативой масс.

Меньшевики и эсеры соперничали с большевиками за влияние в профсоюзах. Так, в мае на Самарском трубочном заводе эсерам, опиравшимся на крестьянско-мещанские слои новых рабочих, удалось захватить руководство общезаводским комитетом.

Единение всех демократических сил, провозглашенное в первые дни революции, вскоре сменилось конкурентной борьбой за власть. Самарский Комитет народной власти, претендовавший на представительство высшей революционной власти в стране и назначивший губернского комиссара, рассчитывал быть главной властью в губернии. Председатель комитета К.Г.Глядкин был крайне разочарован тем, что не он, а губернский комиссар вступает в непосредственное отношение с правительством, являясь проводником государственной власти, и снабжен всеми атрибутами политической власти"²⁷. В свою очередь К.П.Иньков вовсе не стремился к сотрудничеству с комитетом по всем без исключения вопросам. П.Д.Климушкин, характеризуя его, так писал: "Губернский комиссар Иньков — человек, безусловно старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал комитет"²⁸. Следует заметить также, что комитет, как орган представительный, находился под большим давлением радикальных сил, и его тактика больше соответствовала требованиям "текущего момента".

На комиссара, им избранного, комитет смотрел, как на своего подотчетного адепта, комиссар же относил комитет к числу “прочих” общественных организаций, не обладавших политической властью.

Между тем, Комитет народной власти, укрепив свое положение после вхождения в его состав представителей от Советов, приступил к формированию реальных структур исполнительной власти. 13 марта на должность начальника милиции он утвердил выбранного Советом военных депутатов прапорщика А.С. Шилева. Заслушав его доклад об организации временной милиции, комитет постановил: “Начальник милиции подчиняется исключительно губернскому Комитету народной власти, от него и получает инструкции для своей деятельности через председателя исполнительного комитета; комиссар комитета заведует организацией судебно-следственной комиссии при милиции и состоит ее председателем”²⁹. Здесь же был представлен процесс организации самарской милиции: “Весь старый состав милиции, за исключением полицмейстера, оставался на своих местах. В основу организации милиции положен прежний план организации полиции, произошли лишь некоторые изменения чисто технического характера: разделение города на участки осталось прежним, посты остались на прежних местах, но вместо прежних помощников, приставов и околоточных надзирателей назначены солдаты — помощники начальников участков. В управлении милиции сохранялся примерно прежний порядок. При управлении милицией была учреждена судебно-следственная комиссия, состоящая из представителей местной адвокатуры, городских судей. Сыскное отделение осталось при прежнем составе, но переименовано в разведочное бюро”³⁰.

11–12 апреля на совещании уездных комиссаров Самарской губернии единогласно пришли к всеобщему заключению, что в уездах дело охраны общественной безопасности поставлено слабо. Милиция имела только в городах, в уездах же, за малым исключением, она совершенно отсутствовала. Совещание признало необходимым обратить серьезное внимание на столь существенный пробел в деле формирования уездной власти³¹.

К 17 апреля, когда появилось “Временное положение о милиции”, на местах уже существовал определенный милицейский аппарат из рабочих, солдат и крестьян, стремившийся использовать их движение в своих целях.

Народная милиция, образованная Самарской городской думой и исполкомом Комитета народной власти, по существу ничем не отличалась от старой полиции. Многие из уволенных полицейских были впоследствии обратно приняты на службу. Для этого требовалось, чтобы бывший полицейский чин или жандарм дал письменное обещание следующего содержания: “Даю сию подписку в том, что я признаю новое правительство, обязуюсь повиноваться ему и беспрекословно исполнять все его распоряжения”³². Социальный состав милиции был, в основном, мелкобуржуазный, но проникали и деклассированные элементы.

Рабочие народной милиции противопоставили свою, фабрично-за-

водскую, создававшуюся непосредственно на предприятиях по инициативе и под руководством фабрично-заводских комитетов. Выдвижение рабочих в состав фабрично-заводской милиции проводилось на самой широкой демократической основе с обязательным обсуждением кандидатур на общих собраниях коллектива предприятий, путем открытого или тайного голосования. Она должна была функционировать на основе периодичности переизбрания, подотчетности своих действий фабрично-заводским комитетам, оплачиваемости предпринимателями. Основной задачей фабрично-заводской милиции являлось поддержание порядка на предприятиях, в пролетарских рабочих поселках и районах, т. е. выполнение охранных функций. В то же время круг вопросов, которые приходилось решать ей в ходе революции, был значительно шире и глубже. Она была вооруженной опорой фабрично-заводских комитетов и представляла большую силу при решении вопросов контроля над производством и распределением, в борьбе со спекуляцией и хищением, бандитизмом и погромами, чинимыми черносотенными элементами. Нередко она участвовала в охране рабочих собраний, митингов, демонстраций.

Фабрично-заводской милиции, рабочим дружинам приходилось вести борьбу за свое существование, постоянно отражая попытки правительственных властей ликвидировать боевые отряды рабочих. Меньшевистско-эсеровские лидеры в Советах проводили политику растворения уже созданной рабочей милиции в буржуазной. Они внушали народу, что “пролетариат совершенно не нуждается в создании своей особой “пролетарской силы”, так как завоевание революции достаточно обеспечивается перешедшей на сторону народа армией”. Большевики, напротив, не связывали инициативу революционных масс по созданию своих боевых организаций. Рабочие вооруженные отряды появлялись под различными названиями: рабочая милиция, боевые рабочие дружины и т.д.

В Самарской губернии заводская милиция имела довольно широкое распространение. В марте–апреле четко прослеживается ее организационное оформление на предприятиях, расположенных в уездах. В отчете инспектора МВД по делам милиции, проводившего инспекцию летом 1917 г., совершенно определенно указано на то, что в Самарском уезде на Снарядном и Мелинитовом заводе имелась заводская милиция, “которая начальнику уездной милиции не подчинена”. Большой отряд рабочей милиции был сформирован 2 марта 1917 г. на Сергиевско-Самарском заводе взрывчатых веществ в пос. Иващенкове “для охраны завода и склада и поддержания порядка в районе”³³.

В организации власти на местах Временное правительство первоначально исходило из принципа преемственности. Предполагалось, что правительственный комиссар должен обладать значительной частью прав прежнего губернатора, а местное общественное управление по-прежнему будет ведать городским хозяйством через реформированные думы. Комитеты общественных организаций планировалось распустить после избрания новых дум. В действительности, реформированные городские думы играли значительную роль не только в хозяйст-

венной, но и социально-политической жизни, так как все политические силы стремились укрепить свои позиции. Первое заседание реформированной Думы в Самаре состоялось 27 апреля 1917 г. На нем были заявлены декларации всех ее новых групп. В общей декларации нецензовиков указывалось на необходимость в целях улучшения финансового положения города провести усиленное обложение недвижимости; конфисковать у монастырей и других лиц захваченную у города землю; осуществить полный контроль над городским хозяйством.

Кроме того, с декларациями выступили представители всех партийных фракций: социал-демократической, эсеровской, народно-социалистической и кадетской. Социал-демократы и эсеры выдвинули единую декларацию, в которой обосновывалась необходимость муниципализации предприятий, обслуживающих потребности широких масс населения: создания единой бесплатной, демократической школы; коренного решения жилищного вопроса; улучшения условий труда: прямого обложения имущих классов посредством прогрессивного подоходного поимущественного налога и отмены всех косвенных налогов. Эти требования были самые радикальные. Несмотря на всю прогрессивность требований, в декларации отсутствовало самое важное — указание на пути ее реализации. Состав обновленной самарской Думы по-прежнему отличался засильем цензовых элементов. “По численности в городе группа цензовиков является очень маленькой, но в Думе она сохраняет за собой половину мест”³⁴, — отмечалось в демократической печати. Несмотря на это, на Думу возлагали большие надежды достаточно широкие слои населения. Об этом свидетельствовало приветствие обновленной Думе группы железнодорожников-социалистов, которые считали, что “только такой состав в состоянии провести меры, ведущие к благоустройству г. Самары”, и предлагали “увековечить память о вашем первом заседании, как начале новой эры в развитии нашего города...” Рассмотрев заявление солдаток о желании устроить демонстрацию в день открытия Думы, исполнительный комитет Совета рабочих депутатов постановил: считать демонстрацию допустимой. Во время заседания к зданию прибыла громадная процессия солдаток с красными флагами, знаменами и лозунгами: “Да здравствует международный мир!”, “Увеличение пайка!”, “Пенсия инвалидам!” Делегаты от митингующих огласили 11 пунктов их требований: увеличение пайка без различия возраста, увеличение нормы сахара и т.д. Дума тут же избрала комиссию для разработки вопроса об удовлетворении требований солдаток. В то же время самарская Дума ориентировалась в своей деятельности, главным образом, на указания Временного правительства, правительство в свою очередь, постоянно лавировало между местными властными и общественными организациями. Так, в постановлении Временного правительства от 20 апреля 1917 г. указывалось, что “милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в ведении земских и городских общественных управлений”³⁵, т. е. общественных комитетов, но городские и земские самоуправления должны были избирать и увольнять начальников милиции, чины милиции обязаны были исполнять все законные требования пра-

вительственных властей. Такие постановления в конечном итоге и привели к параличу официальные властные органы накануне Октябрьского переворота.

Одним из важных революционных потоков явилось движение солдатских масс. За влияние на войска Самарского гарнизона шла ожесточенная борьба различных политических организаций города. В условиях аморфности властных структур политические силы делали ставки на конкретные вооруженные силы. Лидировали здесь большевики, поддержавшие бунт солдатских комитетов. Комитет народной власти пытался смягчить антагонизм в частях гарнизона, призвав в своем воззвании к единению солдат и офицеров. На первых порах его примиренческая тактика удалась: в Самарский совет военных депутатов были избраны 44 солдата и 19 офицеров, возглавил его кадет В. Хрунин, заместителем выбрали меньшевика П.П.Митрофанова. Вначале Совет военных депутатов поддерживал внешнюю политику Временного правительства, считая своей главной задачей “доведение войны с германским милитаризмом в согласии с союзниками до победного конца”. Тогда самарские большевики начали планомерную работу по привлечению войск на свою сторону. При губкоме РСДРП(б) была создана военная партийная комиссия, в которую вошли: А.А.Масленников, А.П.Галактионов, Н.Ф.Панов, Ф.И.Венцек, С.И.Дерябина, А.В.Гавриленко, Ю.К.Милонов, С.О.Виксин, П.А.Стяжкина, В.М.Кармашев, П.М.Голубев, М.С.Бешенковская. Комиссия поставила задачу объединения военнотружущих-большевиков города и расширения агитационно-пропагандистской работы в гарнизоне. Губком РСДРП(б) требовал от членов комиссии выступать на всех собраниях и митингах, пропагандируя программу своей партии и разоблачая политику Временного правительства.

Опорой Самарского комитета большевистской партии были солдаты-большевики, работавшие непосредственно в частях гарнизона. Так, большую агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу в 133-м запасном полку проводили прапорщики С.Я.Тиунов, С.И.Мельников, в саперном батальоне — В.К.Блюхер. Самарские большевики в армии использовали все доступные средства и формы агитации: от проведения многотысячных митингов и демонстраций до групповых и индивидуальных бесед с солдатами, а также городской партийный клуб. Здесь состоялись дискуссии на политические темы, устраивались лекции, распространялись большевистские центральные и местные газеты, брошюры, листовки.

Для упрочения позиций в массах самарские большевики упорно добивались объединения Совета рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов. Большевистские агитаторы убеждали солдат переизбрать Совет военных депутатов, который поддерживал политику продолжения войны. В результате проведенных 24–27 марта выборов в Совет военных депутатов вошли 220 солдат и 54 офицера, но руководство в нем снова оказалось в руках эсеров и меньшевиков. 31 марта 1917 г. на заседании Совета военных депутатов В.В.Куйбышев предложил объединить Совет рабочих депутатов с Советом военных депута-

тов в интересах “более планомерного направления организованных сил армии и пролетариата”. Объединение Советов произошло позднее.

Самарская партийная организация большевиков приветствовала братание солдат с рабочими. Для усиления пролетарского влияния в солдатских массах большевики широко использовали такие формы агитации, как совместные митинги и собрания рабочих с солдатами. И.С.Бородин писал, что их полк часто навещали рабочие Трубочного завода (по 25 человек и более). Они проводили беседы с солдатами, разъясняли сложившуюся обстановку, призывали к единым действиям с пролетариатом. Рабочие приносили в казармы большевистские газеты и листовки.

Еще большей популярностью в войсках Самарского гарнизона пользовались эсеры. Армия в подавляющем большинстве состояла из вчерашних крестьян, причем не только молодых, но и умудренных жизненным опытом. “Земля и воля”, “Социализация земли”, “В борьбе обрешь ты право свое” — эти броские лозунги очаровывали доверчивые сердца мужиков, призывая их к борьбе за реализацию вековой мечты. Поэтому в исполкоме Совета военных депутатов и после объединения Советов, произошедшего 23 апреля, подавляющее большинство оставалось за эсерами и меньшевиками. Эти две партии объединяла прежде всего оборонческая позиция. В Самаре функционировал также гарнизонный Совет крестьянских депутатов, исполком которого состоял исключительно из представителей партии эсеров.

Толчком к политической переориентации солдатских масс послужило наступление на фронте, начатое по приказу коалиционного Временного правительства 18 июня 1917 г. Оно вызвало гнев и возмущение. Измученные затянувшейся войной солдаты не желали идти в бой. “Солдаты, хотя и считали себя эсерами, но воевать не хотели”³⁶ — вспоминал один из участников событий в Самаре С. Полшков. Провал июньского наступления на фронте, сопровождавшийся людскими потерями, был воспринят солдатами как измена революции со стороны Временного правительства. Самарский комитет большевиков, учтя обстановку, дал директиву военным членам партии использовать недовольство в войсках для укрепления своих позиций. Выступая “за немедленный демократический мир без аннексий и контрибуций”, они не указывали пути его достижения, но массы и не спрашивали.

После определения позиций в городе, все политические партии обратили свои взоры к деревне, так как в условиях продолжающейся революции любая власть зависела от поддержки большинством населения страны. Большинство в России 1917 г. составляло крестьянство, в аграрной Самарской губернии — довольно значительное, причем имевшее бунтарское прошлое. Уже в марте стали поступать первые сведения из деревни о крестьянских выступлениях, направленных против высоких арендных цен, потравах в помещичьих хозяйствах и самовольной рубке леса. Крестьяне-общинники, пользуясь революционной обстановкой, выдвинули требование возврата в общину земель столыпинских выделенцев. Крестьянское движение стремительно нарастало, и местные политические деятели все ост-

рее чувствовали необходимость “принимать меры” к недопущению аграрных беспорядков.

Ожесточенная борьба за крестьянство происходила на губернских и уездных крестьянских съездах. Их организация в мае—июне существенно изменилась. Крестьянских делегатов выбирали теперь непосредственно на сельских сходах и волостных собраниях, давая им наказы о желательном для крестьян решении земельного вопроса, а также по другим злободневным вопросам революционного времени. Нельзя сказать о принципиальном, качественном изменении составов крестьянских съездов данного периода — беднейшие слои крестьянства на них были по-прежнему представлены незначительным числом делегатов, но именно они выражали интересы всего крестьянства, и лидерам эсеров становилось все труднее удерживать их в русле своей выжидательной тактики. Более того, под давлением крестьянских делегатов, выбранных непосредственно от деревень, а не кооптированных различными политическими партиями, союзами, группами, на съездах принимались решения, шедшие вразрез с указаниями центральных органов власти Временного правительства и ЦИК Советов.

Состав крестьянских съездов, создававшихся или переизбиравшихся на них Советов крестьянских депутатов и их исполнительных комитетов, был общекрестьянским, а кое-где и общесословным. Крестьянские съезды в своих решениях, принятых под давлением делегатов-крестьян, были более радикальны, чем выбиравшиеся на них исполнительные комитеты Советов крестьянских депутатов. Часто большевики и сочувствующие им принимали деятельное участие в подготовке и проведении крестьянских съездов (например, А.А.Масленников, В.В.Куйбышев в Самаре), но в исполнительные органы Советов проходили только эсеры. Это объясняется недостаточной политической зрелостью крестьянства, которое, добиваясь удовлетворения своих земельных интересов, не проявляло подобной же настойчивости при выборах в Советы и их исполнительные комитеты.

Особенностью подготовки крестьянских съездов, состоявшихся в мае—июне 1917 г., явилось то, что выборы на них осуществлялись одновременно с выборами на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, проходивший с 4 по 28 мая 1917 г., социальный и партийный состав которого во многом зависел от подготовительной работы на местах. В этой ситуации самарские эсеры приложили все силы к тому, чтобы завладеть монопольным правом на влияние среди крестьянства. Большевикам удалось разъяснить свою аграрную программу перед представителями крестьян губернии только в ходе работы съездов.

Во время подготовки крестьянских съездов в деревне внимательно прислушивались к советам солдат-отпускников, а также посланцев землячеств и крестьянских советов в армии и на флоте. Солдаты и матросы, даже если они не были большевиками, часто пропагандировали лозунги и программу большевистской партии в деревне. Особенно успешно организаторская работа солдат среди крестьянства проходила там, где ее направляли большевики. Сызранский комитет РСДРП(б), например, развернул планомерную работу в деревне и обязал каждый

взвод гарнизона выделить по два человека для агитации среди крестьян в ходе подготовки сначала I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, а затем Учредительного собрания³⁷. Самарский совет рабочих депутатов в конце апреля — начале мая 1917 г. направил в деревню большую группу солдат-большевиков для проведения агитационной работы в период подготовки I Всероссийского съезда крестьянских депутатов и II Губернского крестьянского съезда.

Среди делегатов губернских и уездных крестьянских съездов было довольно мало рабочих и солдатских делегатов. Это объяснялось стремлением крестьян выдвинуть на съезды как можно больше представителей из своей среды. Кроме того, ситуация в городе была очень сложной и запутанной. Вот как оценивал ее член самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер М.И.Игаев. “Настало время, когда каждый человек, достойный высокого звания гражданина, должен внимательно, оглядевшись вокруг, сказать себе и другим, что нельзя жить дальше так, как мы живем теперь. Мы тонем в бесправии и разнузданности; хаос в жизни, буйство и темное смятение в умах. Спасение страны в разумном творчестве, в сознании порядка, организованности и права: в этом основа гражданской жизни”³⁸. Поэтому эсеры стремились оградить крестьянство от дурного влияния города и хотели сделать его мощной социальной опорой партии.

II Губернский крестьянский съезд, открывшийся в Самаре 20 мая, 28 мая объединился со Всесословным и продолжал работу до 6 июня 1917 г. Он наглядно продемонстрировал пробуждение крестьянских масс, их активное стремление сознательно влиять на ход политических событий в стране. Организаторы съезда всячески пытались удержать делегатов в узких рамках заранее обсужденной повестки дня, сведя ее к постановке организационных вопросов. Таким образом, взрывоопасный аграрный вопрос откладывался бы до открытия Всесословного съезда, где крестьяне заседали с представителями других сословий.

Противостояние между делегатами и организаторами съезда началось в первый же день его работы, после того, как отзвучали взволнованные приветствия собравшимся от различных политических партий, союзов, организаций. При выборах рабочих органов съезда крестьяне насторожились. Эсеровское руководство попыталось обеспечить себе неременное единовластие. Председателем съезда большинством голосов был избран эсер С.А. Волков, а выборы постоянных товарищей (заместителей) председателя секретарь съезда эсер М.И.Игаев предложил отложить до проверки полномочий делегатов. Начались бурные прения. Крестьяне решительно потребовали утвердить товарищами председателя Хлопотина и Лукьянова, выбранных на утреннем заседании 20 мая, а делегат Мошков (Самарский) заявил, что “это предложение Игаева клонится к умалению прав крестьян... относительно С.А.Волкова, он этой меры не предлагал... потому что Волков интеллигент и сам Игаев интеллигент и надо избрать без проверки их полномочий, а нас крестьян выбирать только после проверки наших полномочий. А между тем сами они, Игаев и Волков, никаких полномочий не имеют и никем не избирались”. Председатель Совета крестьянских де-

путатов Г.М.Соколов выступил в защиту эсеровского руководства, заявляя, что “им не нужно особых полномочий с мест, так как они являются участниками съезда, как члены Совета крестьянских депутатов”³⁹. Волков и Игаев принялись яростно доказывать свой неоценимый вклад в дело организации крестьян, а Мошкова представили “темным и малосознательным”, но не имевшим “зlostных расчетов и планов” и призвали отнестись к нему снисходительно: “Мошков ошибся и не надо эти ошибки ставить ему в вину”. Мошков хотел объяснить свою позицию, “но сильным шумом и криками с мест собрание не дает возможности сделать это”.

Подавляющим большинством голосов было решено перейти к выборам постоянного президиума. Однако “В.И.Гурчев, получивший слово по вопросу о выборах в президиум, вновь касается полномочий Волкова и Игаева, находит их недостаточными и приветствует слова, сказанные Мошковым. Собрание криками прерывает его и не дает ему говорить”⁴⁰. Получив отпор от делегатов-крестьян, руководители съезда сманеврировали, объявив о выборах постоянного президиума без всяких проверок полномочий делегатов, включив в его состав Хлопотина с Лукьяновым, из-за которых разгорелись споры. Одно место в президиуме было предоставлено мусульманской группе, выдвинувшей в товарищи секретаря Бурхаметдина Шамсулова — “для записывания на татарском языке”.

На другой день работы съезда председательствующий предложил послать приветственную телеграмму Временному коалиционному правительству с выражением ему полного доверия. Но и по этому вопросу на съезде не было единого мнения, даже среди эсеров. И.М.Брушвит выразил доверие лишь министрам-социалистам, на что С.А.Волков резонно заметил, “что нельзя поддерживать правительство, если части министров мы наперед отказываем в поддержке”⁴¹. Телеграмму передали в редакционную комиссию, да так и не возвращались больше к ее обсуждению. Крестьяне требовали разрешения земельного вопроса и организации своей власти на местах: им было все равно, будет или не будет послана верноподданическая телеграмма, тем более, что “первый съезд также постановил поддержать Временное правительство, но эта поддержка оказалась только на словах”⁴².

Все попытки крестьян отклониться от повестки дня, вынести на обсуждение свои насущные проблемы руководством съезда решительно пресекались. Например, на крик души делегата Свиридова о том, “что у них в селе нет священника”, председательствующий заметил, “что вопрос об этом не подлежит рассмотрению съезда”⁴³. Особое внимание организаторы съезда уделили формированию представительного органа — Совету и его исполкому.

Доклад председателя губернского Совета крестьянских депутатов Г.М.Соколова был посвящен анализу процесса возникновения, организации и деятельности Совета и его взаимоотношений с Комитетом народной власти. Он признал, что в исполнительном комитете Совета мало представителей от крестьян, и они избраны временно, без соблюдения пропорциональности, а Совет не может в таком составе “быть вы-

разителем и защитником интересов всего крестьянства губернии". Опасаясь, что их обошли при формировании не только исполкома Совета, но и органов губернской администрации, делегаты стали выяснять состав исполкома губернского Комитета народной власти, и получив информацию о его социальном составе (21 человек от крестьян, по 10 — от рабочих, военных и городов), нашли такое представительство недостаточным для крестьян. Причем, расширение своего представительства крестьяне считали неременным условием и предпосылкой экономической стабилизации в губернии. Делегат Г.К.Булохов заявил: "Крестьян в исполнительном комитете народной власти нужно иметь 80 человек, а других 20. Только тогда бы не могло быть того хлебного кризиса, в котором находится город и только тогда крестьянство завалило бы Самару хлебом"⁴⁴. Такое простое решение сложнейших экономических вопросов имело поддержку у крестьян.

Когда на съезде 22 мая предметом обсуждения стало выяснение функций, роли и значения Советов, эсеры выступили за их образование "на местах до сел включительно"⁴⁵, стремясь установить там такое же влияние, какое они имели в губернском и уездных Советах. Деятельность таких Советов они полагали ограничить "контролем за правительственными органами" и наделяли их весьма расплывчатой функцией "охранять интересы народа"⁴⁶. Сами крестьяне склонны были наделять Советы всех уровней властными функциями и заявили, что "надо солдатские и рабочие организации связать с крестьянскими воедино"⁴⁷. В ходе обсуждения на съезде вопроса о Советах и других крестьянских организациях явно выявилось стремление крестьянских депутатов к классовому представительству в Советах, в то время как эсеры, выступая за всесословный их характер (с этой целью они и объединяли в Самаре крестьянские съезды со всесословными), настаивали "на представительстве в губернском Совете крестьянских депутатов... с правом совещательного голоса представителей политических партий, сведущих лиц от земств, городов, правительственных учреждений и пр."⁴⁸

Лишь на четвертый день работы съезда делегаты приступили к главному для крестьян вопросу — о земле, да и то не сразу. Сначала с "запоздалыми приветам", кстати, сильно затянувшимися, выступили представители самарского студенческого общества и самарского мещанства. Затем С.А.Волков сделал два доклада: "О Всероссийском крестьянском союзе", оставленный без обсуждения и переданный в комиссию, и довольно куций — о земле, представлявший собой общие мнения "социалистов-революционеров и министра Чернова о невозможности решить до Учредительного собрания вопрос об уничтожении частной собственности"⁴⁹. После него выступил П.Д.Климушкин, который страстно обличал вековую несправедливость в пользовании земель, сложившуюся в России (не обойдя при этом вниманием, как и вся эсеровская пропаганда того времени, фривольные нравы двора Екатерины II). Но и он предложил "землю отдать в руки трудового народа во временное пользование, так как сейчас нельзя переделывать землю, солдаты кинутся, фронт немцы прорвут"⁵⁰.

"В острой борьбе между крестьянскими делегатами, поддержанны-

ми представителями самарских большевиков, присутствовавших в качестве приглашенных от политических партий, и эсеровским руководством съезда, на съезде были выработаны “Временные правила пользования землей”.

Первоначальные планы местных лидеров эсеров по земельному вопросу не расходились с политикой Временного правительства. Рассуждениями о том, что “прямой и самый короткий путь часто бывает и самым трудным... и неудобным, иногда самым опасным”⁵¹, они пытались оттянуть не только решение, но и само обсуждение аграрного вопроса. Когда это не удалось, эсеры всеми силами старались убедить подождать с земельным вопросом до Учредительного собрания, и завуалировано проводили мысль о передаче крестьянам помещичьих земель за выкуп.

В противовес взвешенному, осторожному подходу к решению земельного вопроса, характерному для организаторов съезда, большие симпатии собравшихся вызывали предложения немедленного и радикального изменения всех земельных отношений — и старых, и новых. Показательно в этом плане выступление делегата Иванова, заявившего, что в докладе Волкова по земельному вопросу не предлагаются конкретные меры по его решению, а “льются крокодиловы слезы о культуре помещичьих полей”. И далее оратор с возмущением продолжал: “Кто же это плачет? Плачут это те же буржуа и кадеты, которые разъезжают по деревням и селам со своей агитацией. Если же говорить о культуре, как о таковой, то чьими же руками производилась культура помещичьих полей. Теми же мозолистыми руками. Будут у крестьянина средства, будет и культура, он создаст ее”. Еще более непримирим он был к владениям хуторян и отрубников: “Введение отрубного хозяйства — это ставка на сильных. Ее поставил Столыпин. Столыпин убит как злодей народа, будет убито Учредительным собранием и его детище, то есть отрубное хозяйство”⁵².

После таких “зажигательных”, по радостному утверждению делегата Лукьянова, речей руководители президиума съезда вынуждены были оправдываться в своих намерениях, заявлять, что и они против “юридического права собственников на землю”. Лавирование эсеров было использовано большинством крестьянских делегатов для дальнейшего на них давления, с целью образования новой комиссии для решения земельного вопроса в радикально-конфискационном плане. Выступая с решительной критикой выдвинутых эсерами предложений по временной стабилизации земельных отношений до Учредительного собрания, делегат Егоров заявил: «Плата за землю частным владельцам недопустима... если мы будем откладывать решение земельного вопроса до Учредительного собрания, как предлагают гг.Климушкин, Брушвит и др., то будет ли от этого лучше... Нам всегда говорят “потом, потом, потом”, а теперь до Учредительного собрания ... С землей нужно покончить теперь же. Слепо доверяться и партиям нельзя»⁵³.

Это был явный намек на разглагольствующих эсеров. Требования крестьянских депутатов о немедленном решении земельного вопроса поддержали на съезде и представители гарнизонного Совета крестьян-

ских депутатов, заявив, что передача земли в руки трудового народа должна быть немедленной". В своих выступлениях крестьянские депутаты опирались непосредственно на указы о земле, выработанные на сельских сходах, волостных съездах, ротных и полковых собраниях в гарнизонах. Эти указы вручались делегатам как II Губернского, так и I Всероссийского крестьянских съездов. В своем наказе делегату от Брядинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии крестьяне записали: "Вся земля, как-то казенная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная и частновладельческая должна принадлежать трудящемуся народу, то есть тем, которые обрабатывают ее своими руками". Крестьяне требовали также "помощи для обзаведения земледельческими орудиями, рабочим скотом". Крестьянские делегаты Самарского уездного съезда были не столь решительны в своих постановлениях по аграрному вопросу, принятых 17 мая 1917 г. Однако и они считали необходимым "довести до сведения Временного правительства о прекращении всяких сделок по купле-продаже, об отмене всех старых арендных контрактов и принятии необходимых мер "для временного разрешения крестьянского вопроса, особенно в тех районах, где тяжелое земельное положение".

Выборы на II Губернский крестьянский съезд проводились на основе "прямого и тайного голосования всего населения Самарской губернии, за исключением Самары и уездных городов в возрасте от 18 лет, без различия пола, национальности, вероисповедания". Облеченные доверием крестьянства губернии, делегаты съезда чувствовали себя законодателями, заявляя, что "явились сюда не ждать, чтобы преподнесли закон, а сами должны создавать закон, а Учредительное собрание его лишь утвердит". Они же заявили: "Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не постановим, чтобы вся земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает". В результате категорического требования немедленной передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает, эсеры вынуждены были на съезде изменить свою тактику по аграрному вопросу, чтобы не потерять доверия крестьян. Они предложили избрать до Учредительного собрания земельную комиссию по выработке правил пользования землей, в которую вошли по пять делегатов от каждого уезда, по одному представителю от социалистических партий, по одному человеку от городов губернии и все докладчики по основным вопросам повестки съезда.

Губернский комиссар С.А.Волков вынужден был оправдываться перед съездом. Интересен в этом отношении следующий факт. 25 мая на съезде был зачитан циркуляр Временного правительства от 3 мая 1917 г., в котором предлагалось вести борьбу с земельными захватами на местах самыми решительными мерами, вплоть до вмешательства прокурора. Учитывая настроение съезда, губернский комиссар, умевший ловко лавировать, заявил, что "жалобы, которые поступали с мест, всегда отсылал для разбора на места, сам же не принимал мер, ибо считал, что на месте виднее, кто прав, кто виноват... к прокурору не обращался ни разу, ибо... это не его дело". Крестьянские же делегаты в связи с обсуждением данного циркуляра прямо заявили, что "спорные вопросы о земле должен решать не один человек, а Совет крестьян

янских депутатов”. Эсеры тоже выступили с критикой данного циркуляра, отметив, что “местные комитеты не считаются с распоряжением правительства, которое считает их постановления незаконными”, и это вполне оправдано. И все же они надеялись, что новое коалиционное правительство с участием “министров-социалистов” будет лучше, а потому в поддержке ему не отказывали, на места же послали телеграмму о том, “чтобы там не руководствовались циркулярами старого правительства, а руководствовались постановлениями мартовского губернского крестьянского съезда и постановлениями настоящего съезда”.

“Временные правила пользования землей”, разработанные земельной комиссией под председательством эсера П.Д.Климушкина, были приняты на съезде после ожесточенных споров. Эти правила в корне подрывали основы частной собственности, так как передавали “все земли — частновладельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетские, церковные и вообще все земли, необрабатываемые собственным трудом... в ведение и под контроль земельных комитетов, а где таких нет, то Комитетов народной власти, которые и становятся от сего времени фактическими их распорядителями...” Приняв эти правила, эсеры вынуждены были защищать их основные положения, пойдя на обострение отношений со своим центральным руководством и министерствами земледелия и внутренних дел Временного правительства. Уже на съезде П.Д.Климушкин, зачитав постановление Всероссийского совета крестьянских депутатов по аграрному вопросу, заявил: “Хотя мы и приняли в основу своих работ эти пожелания, но не целиком. В некоторых местах мы с ними расходимся коренным образом. Например, там арендная плата вносится помещикам. Своими постановлениями Всероссийский совет крестьянских депутатов ведет нас в яму...”

При обсуждении земельного вопроса на съезде выявилось столкновение двух точек зрения на его решение: умеренно-реформаторской, выдвинутой и поддержанной эсерами, занимавшими руководящие посты в Советах крестьянских депутатов, и радикально-конфискационной, отстаиваемой большинством крестьянских депутатов, поддержанных большевиками. Такое противостояние длилось недолго и закончилось победой радикалов, утвержденной во “Временных правилах”. Эсеры на это пошли, боясь потерять социальную опору партии; голоса частных владельцев из крестьян были немногочисленны, так как в сельском мире они составляли меньшинство. Победу одержал утопически-крестьянский социализм, не принесший деревне социального мира и экономического процветания.

ЭСЕРЫ МАССЫ ЗАГОВОРИЛИ И УГОВОРИЛИ, НО... НЕНАДОЛГО

Коалиционный характер самарского Комитета народной власти не предотвратил противоречий между политическими силами, входившими в него. Он не смог превратиться в координирующий орган, в связующее звено между властью и народом.

28 мая 1917 г. на губернском Всесословном съезде был заслушан доклад К.Г.Глядкова о работе Комитета, после чего открылись прения по его реорганизации. Съезд постановил изменить социальный состав Комитета и предоставить крестьянам 60 мест, рабочим, военным и представителям городов — по 15, беженцам — 3 места. Используя давление крестьянских депутатов съезда, настаивавших на пропорциональном представительстве в Комитете народной власти, эсеры провели в его исполком большинство членов своей партии. Здесь же на съезде развернулась дискуссия об институте губернских комиссаров. По предложению П.Д.Климушкина была принята резолюция, признававшая необходимость существования губернского комиссара, но “при условии избрания его Комитетом из своей среды и подчинения его Комитету”. 29 мая К.Н.Иньков заявил о сложении с себя полномочий губернского комиссара. С.А.Волков констатировал: “Теперь у нас два органа власти: с одной стороны — Комитет народной власти, с другой — комиссар”⁵⁴. К.Н. Иньков не хотел мириться с таким положением, но необходимой поддержки для отстаивания своего единовластия не имел, а потому подал в отставку. Некоторое время обязанности губернского комиссара исполнял Н.В. Осоргин, ранее бывший заместителем К.Н. Инькова. Большевистская фракция на заседании исполнительного Комитета народной власти 1 июня вообще предложила ликвидировать институт губернских комиссаров. Меншевики поддержали эсеров и выдвинули такую формулировку по данному вопросу: “Представителем власти на местах является губернский Комитет, а представителем его перед правительством и правительства перед местной властью является выборный комиссариат”⁵⁵. На первом обновленном заседании губернского исполнительного Комитета народной власти 14 июня был избран президиум в следующем составе: “председатель Брушвит, товарищи председателя Н.М.Левинтов (от рабочей секции), П.П.Митрофанов (от военных), Климушкин (от крестьян), место от горожан не занято. Губернским комиссаром избран С.А.Волков, его помощником — Шаманин”.

В тот же день была произведена рокировка партийных фигур в Самарском совете рабочих депутатов. Решено было составить президиум рабочей секции Совета из шести человек: два большевика, два меньшевика, два эсера. Избраны: председатель В.В. Куйбышев, тов. председателя И.Т. Журавлев, секретарь Милонов, казначей А.Ф. Бурлаков. В связи с избранием председателем большевика меньшевики отказались занять в президиуме два предоставленных им места⁵⁶.

Особенно усложнилась обстановка в губернии в ходе реализации решений II Крестьянского съезда. Его постановления коренным образом расходились с указаниями Временного правительства и позицией руководства эсеровской партии. 22 июня губернским исполкомом Комитета народной власти обсуждалась телеграмма товарища министра внутренних дел Леонтьева, объявившего все решения II Крестьянского съезда по земельному вопросу незаконными. Он требовал принять меры по недопущению проведения их в жизнь. Комитет же предписал уездным комиссарам не исполнять циркуляра Леонтьева, обратиться к

министру земледелия Чернову с предложением обжаловать решение князя Львова и Леонтьева. Предложение части меньшевиков апеллировать к Всероссийскому съезду Советов на заседании большинством было отвергнуто.

Губернский Совет крестьянских депутатов занял неустойчивую, колеблющуюся позицию. В заявлении от 23 июня 1917 г. Совет заявил, что “до выяснения отношения всего Временного правительства к постановлениям II Самарского губернского крестьянского съезда предлагает на местах руководствоваться только временными правилами пользования землей, выработанными... съездом”⁵⁷. В то же время, боясь ответственности, исполнительный комитет губернского Совета крестьянских депутатов и земельный комитет упрощивали министров Временного правительства “утвердить постановления крестьянского съезда, как уже проводимые на местах и вошедшие в жизнь”.

Если эсеровское губернское руководство колебалось и никаких конкретных действий не предпринимало для реализации решений II Самарского губернского крестьянского съезда, за исключением ходатайств об их утверждении, то крестьянство губернии через свои комитеты на местах приступило повсеместно к их осуществлению. “После состоявшегося II Самарского губернского крестьянского съезда крестьянами повсеместно осуществляется захват частновладельческих земель... через местные земельные комитеты”⁵⁸, — жаловался поверенный сельскохозяйственного и торгово-промышленного товарищества Соколова и Самойлова в губернский земельный комитет. В свою очередь, низовые крестьянские комитеты отмечали, что “с образованием союза посевищников, во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь право частной собственности, положение ухудшилось... Такие меры противодействия не установили, конечно, хороших отношений между помещиками и крестьянами”⁵⁹.

В поисках “мужицкой правды” крестьяне постепенно отходили от эсеров и попадали в объятия большевиков. Последние стремились в ходе своего социалистического эксперимента подпереть мускулистые, но немногочисленные пролетарские плечи мощным крестьянским хребтом.

Политическое положение в России изменилось после июльского кризиса Временного правительства. Невозможным стал мирный путь развития революции. Претворение в жизнь радикальных требований рабочих и крестьян могло осуществиться лишь путем свержения власти Временного правительства и установления власти Советов.

События 3–4 июля 1917 г. в Петрограде, закончившиеся расстрелом демонстрации трудящихся, вызвали мощную волну протеста по всей стране. Рабочие Самары высказали полную солидарность с рабочими Петрограда: “Громко и во всеуслышание мы заявляем о своей полной солидарности с петроградскими революционными рабочими и солдатами”. А рабочие Трубочного завода заявили, что “травля, поднятая буржуазией против большевиков, есть поход против всего рабочего класса”. Трудящиеся города призывали поддерживать большевистские лозунги: “Мира, хлеба и свободы!”, “Никакого доверия прави-

тельству капиталистов и помещиков и связавших себя преступной связью с ними социалистов!", "Вся власть революционному народу!", "Да здравствует передовой отряд всемирной рабочей революции — петроградский рабочий класс, петроградская революционная армия!"

Власти начали открытое наступление против революционно-радикальных сил: "Большевиков-интернационалистов травили здесь в Самаре, как и повсюду, на каждом шагу, на каждом перекрестке. Злобная ложь и клевета распространились повсюду"⁶⁰. Были попытки закрыть газету большевиков и клуб, существовала угроза погромов. Комитет народной власти создал Комитет общественной безопасности для борьбы с революционными силами. Буржуазные газеты печатали компромат на большевиков. На митингах и собраниях большевикам не давали выступать. Готовился арест руководящих работников большевистских комитетов и разгром большевистской организации, которая снова оказалась на полулегальном положении.

Гонения на большевиков не уменьшили влияния их идей, а, наоборот, привлекли новых сторонников. В Самаре проводились митинги протеста рабочих против преследований большевиков. На митинге 26 июля в Аржановском саду после выступления большевиков И.П.Трайнина, А.П.Галактионова и П.С.Борисова была принята резолюция с призывом к сплочению вокруг лозунгов: "Долой мировое побоище! Долой смертную казнь! Долой тайные договора! Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!" О возросшем влиянии большевиков свидетельствовали перевыборы исполкома рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов 21 июля 1917 г., в который было избрано 9 большевиков, 8 меньшевиков, 8 эсеров и 5 максималистов. Во вновь избранное 27 июля бюро профсоюзов вошли главным образом большевики. К VI съезду РСДРП(б) Самарская партийная организация значительно окрепла. Число ее членов увеличилось до 4 тыс. человек.

VI съезд РСДРП(б) определил задачи и тактику партии большевиков в новой исторической обстановке, когда "мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла в руки контрреволюционной буржуазии"⁶¹. Большевики выступали на рабочих и солдатских митингах, систематически освещали постановления съезда в "Приволжской правде". Руководящие агитацией и пропагандой А.А.Масленников и А.Х.Митрофанов инструктировали агитаторов, заслушивали их отчеты и выступали с лекциями. Для более широкой пропаганды решений съезда военная организация большевиков выпустила их специальной брошюрой. На многочисленном митинге в Аржановском саду 11 августа 1917 г., организованном большевиками, после речи члена губкома партии А.П.Галактионова была принята резолюция с призывом сплотиться вокруг решений VI съезда.

Большую агитационно-пропагандистскую работу большевики провели при подготовке к выборам в городскую Думу. Они руководствовались указаниями В.И.Ленина о необходимости связи местных муниципальных вопросов с коренными вопросами революции. В ходе подготовки к выборам самарские большевики выдвинули требование пере-

строить все хозяйство на новых, революционно-демократических началах в интересах масс: передать всю городскую землю в распоряжение трудящихся, полностью отменить городские налоги, обременяющие бедноту, ввести прогрессивные налоги на доходы, имущество и наследство капиталистов, принять решительные меры против спекулянтов. Большевики настаивали на обеспечении охраны труда и страховании по безработице, всеобщем бесплатном образовании. Начавшиеся 15 августа выборы были сорваны, так как городская Дума отстранила от участия в них треть самарского гарнизона и почти всех участников войны. В день выборов стихийно возникшая демонстрация солдат и рабочих явилась с протестом на избирательные участки. Кадеты поспешили прекратить избирательную кампанию. Новые выборы были назначены на 24 сентября.

После июльских дней поддерживавшие Временное правительство общественные организации стали собирать силы. Они не хотели дальнейшего развития революции. С этой целью 12 августа 1917 г. в Москве было создано Государственное совещание. От Самары в нем участвовали представители кадетов и меньшевиков. Большевики развернули агитацию против созыва совещания в Москве, используя для этого каждое рабочее собрание.

11 августа 1917 г. в “Приволжской правде” была опубликована резолюция ЦК РСДРП(б) о Московском государственном совещании, в которой говорилось, что оно имеет целью санкционировать контрреволюционную политику, поддержать затягивание империалистической войны, защищает интересы буржуазии и помещиков. Такую же оценку совещанию дала в своей резолюции рабочая секция Самарского совета рабочих и солдатских депутатов 12 августа. Агитация имела успех в массах. Булочники и калачники 10 августа потребовали “недопущения контрреволюционного скопища Московского совещания”. Рабочие Трубочного завода 12 августа объявили однодневную забастовку против созыва Московского совещания: “Чтобы показать нашу солидарность с петроградским и московским пролетариатом, мы объявляем однодневную забастовку и требуем разгона Московского совещания, требуем отмены смертной казни, освобождения заключенных-интернационалистов и протестуем против гонений на социалистическую печать”. Аналогичные решения были приняты и на других собраниях. В статье “Красное воскресенье”, помещенной в “Приволжской правде”, говорилось: “Многотысячная масса сказала свое властное, твердое, ясное отчеканенное слово... Разгром Московского совещания”.

В дни корниловского мятежа трудящиеся города целиком поддерживали политическую линию большевистской партии. Меньшевики и эсеры быстро теряли авторитет и влияние среди рабочих и солдат Самары. Теперь массы обратили свои взоры к большевикам, надеясь, что они смогут обеспечить рабочих хлебом, дать мир народам, землю крестьянам, спасти страну от надвигавшейся экономической катастрофы. “Приволжская правда” писала: “Поворот налицо, огромный поворот”. Особенно резкий перелом в настроениях рабочих произошел на Трубочном заводе.

Нарастание общественного недовольства происходило в обстановке все усиливающейся экономической разрухи, внесенной в хозяйственную жизнь затянувшейся войной и параличом власти. Сокращалось производство, увольнение рабочих становилось распространенным явлением. Свертывалась работа на заводах Никитина, военно-промышленного комитета, заводах комитета по снабжению армии, мельницах и др. Рабочие стояли перед дилеммой: быть обреченными на безработицу, голод и унижение или активно вмешаться в процесс производства, установить над ним пролетарский контроль и тем самым изменить общественные отношения.

Крайне напряженная обстановка в деревнях и селах губернии сложилась летом и осенью 1917 г. Повсеместно крестьяне на основании "Временных правил", выработанных II Губернским съездом, осуществляли раздел земель, отобранных у помещиков и сельской буржуазии. Широкие масштабы приняло движение крестьян-общинников за возврат отрубных и хуторских земель. Это явление наблюдалось чаще всего в уездах с большим удельным весом крупного крестьянского земледелия. Земельной комиссией Совета крестьянских депутатов за два месяца после II съезда было разобрано 370 дел, возникших в результате проведения в жизнь указанных "Правил".

Губернский земельный комитет попытался как-то упорядочить этот процесс. Для этого в начале августа вместе с губернской земельной управой он разослал по волостям разработанные анкеты для исследования сельскохозяйственных вопросов в процессе подготовки к Учредительному собранию. Анкеты сопровождалась просьбой дать "по возможности краткий и ясный ответ на вопросы". Приведем для наглядности эти вопросы и варианты ответов на них сельских обществ⁶².

I. О порядке отчуждения земель

Все земли... подлежат отчуждению в общенародный государственный земельный фонд. Земля должна быть отобрана у всех помещиков, если они желают обрабатывать, наделяются на общих основаниях.

Как быть с крестьянами-собственниками, земли которых не превышают трудовой нормы?

Земли подлежат отчуждению и распределяются между населением наравне.

Следует ли делить между крестьянами лесные угодья?

Весь лес должен поступить в достояние всего народа, распределение и охрану поручить местным самоуправлениям.

II. Порядок распределения*

1. Наделение землею должно ли быть произведено по наличным душам обоего пола или другим способом?

*а) наделение землей должно быть произведено по наличным душам обоего пола** ,*

* Даны варианты ответов.

** Наиболее распространенные ответы.

б) все трудовое население должно быть наделено безусловно по трудовой норме. Трудовая норма должна быть определена не менее 15–17 десятин казенных мер на каждого работника в семье.

2. Как должно быть наделено землей пришлое оседлое хозяйствующее население?

а) должно наделяться землей в месте прописки;

б) по числу наличных душ обоего пола уравнительно.

3. Как должно быть наделено землей пришлое оседлое население, не ведущее собственного хозяйства?

а) наделяться не должно;

б) в половинном размере к предыдущим пунктам.

4. Как должно быть наделено пришлое население, не имеющее оседлости в данной местности?

а) должно наделяться в месте прописки при условии ведения хозяйства;

б) по числу душ обоего пола рабочего возраста от 17 до 55 лет.

5. Как должны быть наделены сельские наемные рабочие, имеющее постоянное жительство?

а) должны наделяться наравне с прочими при условии ведения собственного хозяйства;

б) вполвину от пункта 4.

6. Как должны быть наделены семьи, имеющие сторонние источники существования?

а) землей наделяться не должны;

б) не должны наделяться, если имеют достаточно дохода для пропитания;

в) должны наделяться в том случае, если будут сами на земле работать;

г) так же, как в пункте 5.

7. Как относится население к общине и общинному землепользованию?

*а) желательно общинное землепользование**;*

б) способ пользования землей в, настоящее время желательно признать общественный, передел необходим среди крестьянства, тогда не будет разрозненности населением и скорее можно будет прийти к социализации земли.

8. Как относится население к отрубному и хуторскому землевладению?

а) не сочувственно;

б) желательно, чтобы подворники и хуторяне влились в общества и получили то количество земли, какое будет определено для данной местности.

9. Как относится население к разбивке больших селений на малые общины с расселением?

а) желательно к разбивке по случаю дальнего расстояния полей;

*б) без ответа**;*

в) нежелательно;

г) недружелюбно.

III. Главные необходимые законы земельной собственности

Частная собственность на землю в пределах Российского государства должна быть навсегда отменена, должна быть отменена и купля-продажа земли. За все земли, поступающие в общенародный земельный фонд, плата ни в каком виде не допустима. Долгов не уплачивать.

Есть в данном вопросном листе пункт 11 второго раздела, где крестьян просят определить размер продовольственного и трудового наде-

ла, к которому прилагаются четыре таблицы с пояснениями для их расчетов. Г.И.Баскин, председатель губернской земельной управы, обработал ответы на этот вопрос по Ставропольскому, Самарскому, Николаевскому и Новоузенскому уездам, выявив закономерность экономических требований крестьян, зависящих от географического положения, особенностей колонизации края, удаленности от рынков сбыта и путей сообщения, что влияло на степень развитая аграрного капитализма. Он отмечал: “Наделение по наличным душам обоего пола пользуется тем большим сочувствием, чем севернее расположена данная область”, что связано с плотностью населения, острым малоземельем и близостью к рынкам⁶³.

В нашем распоряжении имеются заполненные анкеты по восточным уездам губернии — Бузулукскому и Бугульминскому, где ответов на данный вопрос нет. Наиболее распространенные ответы на вопросы социально-политического плана наглядно демонстрируют идеалы подавляющего большинства крестьян-общинников. Главная суть их заключалась в стремлении к уничтожению частной собственности и уравнительному землепользованию. Высказывая свое отношение к принципам аграрной реформы, крестьяне начисто отметили возможность сохранения хуторского и отрубного хозяйств.

В Самарской губернии на основе Временных правил пользования землей уже с июля 1917 г. началось перераспределение земельного фонда, что сразу же вызвало острые конфликты между крестьянами-общинниками и крестьянами собственниками. Например, 9 сентября губернский Совет крестьянских депутатов препроводил в губернский земельный комитет жалобу крестьянина Ф.А.Маслова на Мачинский сельский комитет по поводу отказа ему в наделной земле. Комитет мотивировал свой отказ имущественным положением Маслова, имевшего 30 дес. приобретенной земли, 11 рабочих лошадей и другой скот, различные сельскохозяйственные машины и орудия. Зажиточная часть сельского населения Бугульминского уезда встретила постановления II Самарского крестьянского съезда отрицательно. В докладе уездной земельной управы 31 октября 1917 г. губернскому земельному комитету отмечалось, что “недоразумения преимущественно были на почве отрубщиков с общинниками, и Учредительного собрания население ждет с нетерпением, но нельзя сказать, чтобы оно относилось к этому вполне сознательно”⁶⁴.

Вопрос о судьбе частновладельческих усадеб, культурных хозяйств, парков, садов и других угодий крестьяне решали особо, стремясь сохранить эти материальные ценности для блага всего общества. Они предлагали отчуждать их полностью в распоряжение местных органов самоуправления — для устройства школ, больниц, народных домов с общественными садами. Решение социальных нужд крестьян за счет крупных земельных собственников не могло не вызвать сопротивления последних. Так, Бугурусланский уездный земельный комитет считал, что проведение в жизнь решений II Губернского крестьянского съезда замедлилось в связи с образованием союза посеvщиков, “во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в

жизнь принцип священного права частной собственности". И, конечно, в случае отказа помещика выполнять волю крестьянского общества, благие намерения о сохранении "имений, особо выделяющихся по постановке в них хозяйства", тут же забывались. Все начинали вспоминать обиды, отношения проникались чувством взаимной ненависти, и крестьяне пускали барина "на поток и разграбление".

Губернский земельный комитет, разослав анкеты для подготовки земельного вопроса в Учредительное собрание, о настроениях основной массы крестьян был осведомлен и без ответов на них. Он попытался установить контроль над ходом земельного передела, разработав и утвердив 19–20 августа 1917 г. "Общую инструкцию волостным земельным комитетам Самарской губернии". Она явилась основой для утвержденных III Губернским крестьянским съездом "Правил об обложении платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 году казенными, частновладельческими, банковскими и иными землями"⁶⁵.

Правила возлагали на волостные земельные комитеты перераспределение земельного фонда между нуждающимся населением, мотивируя это необходимостью расширения посевных площадей под яровые в 1918 г. Комитетам рекомендовалось "взять в свое ведение все земли, на которых владельцы и арендаторы не ведут собственного хозяйства. Земли собственников и арендаторов, на коих имеются хозяйства, также принимаются на учет для распределения излишка среди безземельных и малоземельных". Помещик Тресвятский, имевший земли в Ставропольском уезде, резонно утверждал, что "понятие излишка не воспрепятствует земельным комитетам распределять между "малоземельными и безземельными" и ту часть земли собственников, на коей ведется собственное хозяйство, раз земельные комитеты признают ее излишней в руках указанных лиц". Это, по сути, подтвердил председатель губернской земельной управы, заявив, в ответ на запрос присяжного поверенного Н.А.Самойлова, что "Больше-Глушицкий волостной комитет поступил правильно, отобрав земли у землевладелицы Пиненковой"⁶⁶.

III Самарский губернский крестьянский съезд (20–27 августа 1917 г.), объединившийся затем со всесословным, должен был, по замыслу его организаторов-эсеров, стоявших во главе губернских органов власти и исполкома крестьянского Совета, разрядить накаленную обстановку в губернии. На съезде присутствовало 410 человек, повестка включала в себя: 1) отчет о деятельности губернского Совета крестьянских депутатов; 2) выборы в волостные земства; 3) выборы в Учредительное собрание. Однако крестьянские делегаты Новоузенского и Николаевского уездов с мест предложили расширить повестку дня. Их не удовлетворил такой недостаточный круг вопросов, который не отражал политическую борьбу в стране. Особенно настойчиво крестьяне требовали созыва Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Глава делегации от Николаевского уезда большевик В.И.Ермощенко, поддерживая предложение делегатов Новоузенского уезда, объяснил необходимость созыва Всероссийского крестьянского съезда тем, что исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов полностью

дискредитировал себя поддержкой Временного правительства. Эсеры Голубков, Климушкин, губернский комиссар Волков, пытаясь не допустить обсуждения вопроса о доверии Временному правительству (а доверия от крестьян ждать не приходилось), упорно настаивали на включении в повестку дня только тех вопросов, которые заранее обсуждались Советом крестьянских депутатов. Но при активной поддержке большевиков (вслед за Ермощенко с поддержкой требований крестьян выступил большевик А.А.Масленников) при вторичном голосовании в повестку дня был внесен вопрос “О созыве Всероссийского крестьянского съезда”. С начала работы съезда на нем четко оформились две группы крестьянских делегатов. Первая группа – делегаты, избранные сельскими сходами или делегированные сельскими и волостными комитетами народной власти, земельными комитетами (таких было меньшинство, так как в разгаре была уборочная страда и крестьянам было не до съездов). Данную группу радикально настроенных делегатов активно поддерживали большевики: В.И.Ермощенко, который был делегатом съезда, А.А.Масленников и Н.П.Теплов — представители от политических партий и общественных губернских организаций. К ним примыкали эсеры-максималисты. Деятели эсеровской партии составляли другую, более многочисленную группу делегатов. Они занимали руководящие посты в губернских и многих уездных организациях, как правительственных, так и общественных, и приложили все усилия для обеспечения себе неопровержимого большинства на съезде.

По всем обсуждавшимся на съезде вопросам между указанными группами разгорались споры. Особенной критике подверглась нерешительная, колеблющаяся позиция эсеровского руководства крестьянского Совета, занятая им в процессе реализации решений II Губернского съезда по земельному вопросу. Крестьянские делегаты прямо заявили, что в докладе председателя исполкома Совета крестьянских депутатов Г.М.Соколова по земельному вопросу “ничего нет определенного” и потребовали отчитаться о результатах поездок и переговоров местных эсеровских лидеров с министрами Временного правительства в Петрограде. Эсеры Голубков, Климушкин, Хайт и Волков, не желая объясняться (позиции их на переговорах были крайне неприглядные), оттягивали обсуждение этого вопроса до общегубернского съезда. Когда же их маневр был раскрыт, эсеры-максималисты Гетцольд и Кузьмин обвинили их “в отходе от программных лозунгов партии: в измене народным массам и в попытках повлиять на настроение съезда и его решения в сторону уклонения и соглашений с буржуазией”, отказе “от революционной тактики и наступлении против рабочих, солдат и крестьян”⁶⁷. Большевики призвали крестьян, в ответ на охранительную в отношении Временного правительства позицию правозэсеровского руководства съездом, осудить действия Временного правительства и его представителей на местах. Однако эсеры, используя свое большинство, сумели настоять на принятии резолюции о полном доверии Временному правительству. Обеспечивая себе неопровержимое лидерство на съезде, они предпринимали самые различные меры для ограничения инициативы крестьянских масс: включали в повестку дня малозначащие, неакту-

альные вопросы, большевикам и эсерам-максималистам давали в прениях не более 5–10 минут, прерывали их криками с мест, в то время как сами разглагольствовали, защищая мероприятия Временного правительства по несколько часов. Например, при обсуждении вопроса о выборах в волостные земства большевик Ермощенко выступил с критикой закона о выборах, поскольку он лишал избирательных прав молодых людей 18–19 лет, что было направлено прежде всего против солдат, являвшихся активной организующей силой крестьянского движения в 1917 г. Эсер Брушвит тут же бросился на защиту Временного правительства вообще и данного закона в частности, заявив, что они не вправе изменять законы. Товарищи по партии поддерживали его криками с мест, и резолюция о выборах, предложенная Ермощенко, была отклонена.

Эсеровский состав III Губернского съезда обеспечил и утверждение им соглашения Совета крестьянских депутатов с комитетом партии эсеров о выдвижении общего списка в Учредительное собрание. Резолюция, предложенная в связи с обсуждением этого вопроса эсерами-максималистами, выражала интересы рабочих, солдат и крестьян, требуя отмены частной собственности на средства производства, заключения демократического мира, передачи власти в руки Советов. Такая позиция способствовала оформлению блока между большевиками и эсерами-максималистами, направленного на сплочение всех революционных сил.

Если по политическим вопросам крестьяне еще поддерживали некоторые лозунги эсеров, то при обсуждении на Всесословном съезде вопроса о реализации “Временных правил пользования землей” они заявили решительный протест в ответ на попытки эсеров отступить от “Правил” на том основании, что их не одобряет Временное правительство. Не запугали крестьян угрозы и репрессии, не прельстили уговоры и обещания. “Три четверти крестьянства арестовать нельзя”, — отвечали они, оценивая политическую обстановку в стране после июльского кризиса.

26 августа на съезде обсуждалась инструкция волостным земельным комитетам. При обсуждении “Правил об обложении платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 г. казенными, частновладельческими и иными землями”, вновь вспыхнули споры. Часть ораторов призывала не утверждать правил, как противоречащих правилам землепользования, выработанным II Губернским крестьянским съездом. Они видели в обложении земель различного качества разными налогами замаскированную аренду, что было недопустимо. Взамен крестьянские делегаты предлагали установить одинаковый общий налог на все земли. Другая часть делегатов, ссылаясь на распоряжения Временного правительства о сохранении до Учредительного собрания границ владений и уездов и “большую крайнюю нужду государства в средствах”, просила собрание “не видеть хитрой механики в правилах обложения и принять их в целом”⁶⁸.

Примиренческая тактика эсеров на III Губернском съезде способствовала политической переориентации крестьянских масс, которые

объективно стояли на большевистских позициях в своих социально-экономических требованиях. В.И. Ленин, подметив это, писал: “Достаточно небольшого размышления над этими требованиями, чтобы увидеть полную невозможность осуществлять их в союзе с капиталистами, без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства”⁶⁹. Большевики воспользовались ситуацией и, поддержав не лучшие качества крестьянского мира, сумели после Октября 1917 г. временно перетянуть его основную массу на свою сторону.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Обстановка в Самарской губернии осенью 1917 г. характеризовалась разгаром гражданской войны между рабочими, солдатами и крестьянами, с одной стороны, и помещиками, буржуазией города и деревни — с другой.

Рабочие приступили к установлению контроля над производством, добивались нормального функционирования предприятий, брали в свои руки учет продуктов и контроль за их распределением. Их поддерживали Советы рабочих депутатов. В постановлении Самарского совета рабочих депутатов от 6 сентября 1917 г. говорилось, что “вопрос о сокращении производства на заводе и об увольнении рабочих подлежит разрешению губернского продовольственного комитета, без ведома которого никакого сокращения производства не может быть”. В случае закрытия предприятия или увольнения рабочих Совет требовал удовлетворить их из расчета заработной платы за месяц. Общее собрание рабочих и работниц второй и третьей смен 4-й мастерской Трубочного завода, состоявшееся 7 сентября, обсудило вопрос о взаимоотношениях слесарей и рабочих, поскольку предприниматели хотели противопоставить их друг другу. Была принята резолюция: “Мы признаем, что всякая рознь и вражда в среде революционного пролетариата ведет к гибели революции. Поэтому мы, слесари и рабочие второй и третьей смен, решили не поддаваться провокационной хитрости и идти вместе твердой и солидарной семьей на защиту экономических и политических интересов”.

На объединенном заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10 сентября 1917 г. большевики огласили декларацию, где излагалась резолюция Московского совета рабочих депутатов по текущему моменту от 5 сентября 1917 г. В декларации подчеркивалась необходимость введения в общегосударственном масштабе рабочего контроля над производством и распределением, выдвигалось требование прекращения всяких репрессий против рабочего класса. Эта декларация была поддержана солдатами 133 и 143-го полков. 12 сентября ими была принята резолюция фракции большевиков от 10 сентября. В тот же день к этой резолюции присоединились рабочие заводов Игнатьева и хлебопекарни Неклютиной⁷⁰.

После разгрома корниловщины меньшевики и эсеры сделали еще одну попытку ослабить нарастающий революционный подъем. С этой

целью 12 сентября они созвали Всероссийское демократическое совещание. Но Центральный Комитет партии большевиков решил его бойкотировать. Самарские большевики поддержали решение ЦК РСДРП(б). Собрание рабочих 2-й мастерской Трубочного завода под влиянием большевиков признало, что “демократическое совещание явно неспособно порвать с политикой соглашения с буржуазией, поэтому единственным выходом является новый революционный взрыв широких рабочих, солдатских и крестьянских масс, которые только и способны создать твердую революционную власть”.

В отличие от большевиков, лидер самарских меньшевиков А.И.Кабцан и представитель эсеров И.М.Брушвит, вопреки требованиям рабочих и солдат, вошли в состав предпарламента. Тогда солдаты 4 и 5-й артиллерийских батарей на своем митинге приняли резолюцию: “Признавая, что меньшевики и эсеры на демократическом совещании не только не защищали интересы рабочих, солдат и крестьян, но и даже предали дело революции, мы, солдаты 4-й и 5-й артиллерийских батарей, выражаем полное доверие партии революционных социал-демократов (большевиков) и будем голосовать на выборах в городскую Думу за список № 1”. Рабочие 2-й мастерской Трубочного завода 25 сентября переизбрали своих депутатов в Совет рабочих депутатов. Из 8 депутатов было избрано 6 большевиков, в исполком рабочей секции Совета из 15 депутатов – 13 большевиков⁷¹.

В эти дни на станцию Самара прибыла карательная экспедиция генерала Коровиченко, которая направлялась в Ташкент для расправы с рабочими, взявшими власть в свои руки. Совет рабочих и солдатских депутатов и железнодорожники пытались задержать экспедицию, однако местным властям удалось отправить ее в Ташкент. Рабочие Трубочного завода, трамвайного парка, завода № 3 и строители, узнав об этом, потребовали передачи власти Советам и вооружения рабочих. Гневную резолюцию протеста вынесли 600 работниц Трубочного завода. Они требовали прекращения войны, снижения цен на хлеб, рабочего контроля над производством, перехода власти к Советам.

Большевики продолжали уделять особое внимание работе среди солдат гарнизона. На собрании военной организации большевиков 12 сентября было избрано новое Временное бюро, президиум которого возглавил А.А.Масленников, заявивший о необходимости создания специальных боевых отрядов пролетариата для защиты социалистической революции. Еще 9 апреля I Самарская городская конференция большевиков решила “создать дружины вооруженных рабочих (Красная гвардия) для отражения каких бы то ни было попыток контрреволюции, мобилизовав для этого все свободное в стране оружие”. По настоянию большевиков 17 мая Совет рабочих депутатов избрал комиссию по созданию Красной гвардии, в которую вошли большевики Бакаев, Теплов и Милонов. Однако вследствие противодействия меньшевиков и эсеров, Красная гвардия в тот период в Самаре не была создана.

Только 26 сентября 1917 г., опираясь на требования рабочих, самарские большевики добились от Совета рабочих и солдатских депута-

тов утверждения Устава Красной гвардии, написанного В.В.Куйбышевым*. В нем ставились следующие задачи: а) защита завоеваний революции; б) борьба с контрреволюционными выступлениями; в) охрана жизни, безопасности и имущества всех граждан без различия национальности; г) усиление охраны заводов. После утверждения основных положений Устава Красной гвардии рабочие Самары немедленно приступили к созданию красногвардейских отрядов на Трубочном заводе, на предприятиях Самарского городского комитета по снабжению и снаряжению армии, на железной дороге и других предприятиях. Отряды Красной гвардии возникали и в других городах губернии. Например, формировались красногвардейские отряды и штаб боевой дружины в Иващенкове. Фабрично-заводские комитеты и профсоюзы, штаб Красной гвардии развернули энергичную работу по вооружению красногвардейцев, откомандировали специальных представителей в Москву, Петроград, Тулу и Казань для изыскания оружия. На промышленных предприятиях с красногвардейцами проводились регулярные занятия по военному делу.

В октябре 1917 г. в губернии активизировала свою деятельность Красная гвардия. Красногвардейцы помогали фабрично-заводским комитетам бороться с саботажем капиталистов, охраняли предприятия, партийные и общественные учреждения, участвовали в ликвидации черносотенных выступлений, следили за поддержанием порядка в населенных пунктах, т.е. Красная гвардия все больше выступала как вооруженная сила пролетариата. И это она доказала в дни установления Советской власти в губернии.

Антиправительственные выступления самарских рабочих поддержали солдаты местного гарнизона. 9 октября собрание солдат 102, 130, 133 и 143-х полков высказалось за “скорейшее окончание войны и передачу власти Советам, переход земли без выкупа трудящимся, понижение цен на хлеб, обложение капиталистов большими налогами, надзор над фабриками и заводами”. 14 октября рабочие 2-й мастерской Трубочного завода приняли резолюцию с наказом: “Совет должен перейти от слов о власти к делу”. Большевики воспользовались всеобщим недовольством, чтобы взять власть в свои руки. Рабочие и солдаты жадно читали большевистские газеты, брошюры, листовки, призывавшие к свержению Временного правительства и передаче всей полноты власти в руки Советов: Временное правительство потеряло контроль над ситуацией в стране. Все его попытки укрепить местные органы власти не имели успеха. 4 октября в Самаре под председательством губернского комиссара С.А.Волкова проходило совещание уездных комиссаров Временного правительства, где была признана полная беспомощность местных властей. “Условия работы органов управления тяжелы. Отсутствие той силы, на которую могли бы опереться органы государственного управления, усугубляют положение, так как одного морального воздействия недостаточно, а реальной силы нет”. Ко-

* В. В. Куйбышевым за основу был взят текст Устава Красной Гвардии, утвержденного Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

миссары также отмечали, что их “мероприятия были направлены к охране тех основ государственной жизни, которые добыты революцией и регламентировались Временным правительством”. Однако им мешали “нарушения, связанные с пользованием землей и стремлением крестьян к переделу земли под будущий посев”⁷².

Настроения крестьян отражены в отчете о командировке по населенным пунктам Среднего Поволжья видного деятеля эсеровской партии В.Власова: “Львовские телеграммы, Пешехонские распоряжения и даже инструкции Чернова вселяли в крестьян недоверие. «Посуди сам, — прямо говорили крестьяне, — 6 месяцев прошло, а с землей, не вперед, а как будто бы назад идем. Но всякому терпению конец бывает»»⁷³.

Осенью 1917 г. ходом событий массы были подведены к альтернативному выбору: либо диктатура пролетариата, либо диктатура военщины. Угрожающе нарастала и другая перспектива – русский анархический бунт, “бессмысленный и беспощадный”. Осенью 1917 г. общенациональный кризис проявлялся во всех сферах — как экономической, так и общественно-политической. Резко возросло большевистское влияние в массах. Уже 29 сентября в Самарском совете рабочих депутатов преобладали большевики. В меньшевистской партийной организации произошел раскол на оборонцев и интернационалистов (ранее они состояли в объединенной с.-д. организации). Впечатляющими были успехи большевиков на выборах в городскую Думу. За список большевиков было подано 20 138 голосов, они получили 34 места в Думе. Обсуждался даже вопрос о выдвижении на пост городского головы В.В.Куйбышева.

Вопрос о переходе власти к Советам стал предметом острых дискуссий уже в начале октября. Рабочая секция Совета 13 октября требовала немедленного перехода власти к Советам, “становящимся центрами нарастающей крестьянско-пролетарской революции”. В 20-х числах октября этот вопрос обсуждался не только на заседаниях партийных комитетов, исполкомов Советов, фабзавкомов и профсоюзов, но и на массовых митингах. Если большевики имели большинство в Совете рабочих, солдатских депутатов, в фабзавкоммах и солдатских полковых комитетах, то иной была ситуация в земельных комитетах, губернском Совете крестьянских депутатов. Последний все еще выступал в поддержку Временного правительства. Гарнизонный Совет крестьянских депутатов колебался. Вот почему решение вопроса о переходе власти в руки Советов не могло произойти сразу же 25 октября.

Бурная дискуссия по вопросу о текущем моменте вспыхнула на заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, которое открылось в 2 часа дня 25 октября в Белом доме (ныне здание Института культуры и искусств). Председательствующий В.В.Куйбышев огласил телеграммы о событиях в Петрограде и предложил направить на телеграфы комиссаров. Но это предложение встретило противодействие со стороны лидера самарских меньшевиков А.И.Кабцана. В связи с тем, что на заседание не были приглашены члены исполкома Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, его представитель И.Д.Панюжев в знак протеста покинул собрание. Участники заседания

приняли предложение меньшевика В.П.Преображенского отложить обсуждение до 8 вечера с тем, чтобы к этому времени представить мнение всех партийных фракций, входящих в Советы.

Вечером в Белом доме состоялось экстренное заседание исполкомов Советов, на нем вновь председательствовал В.В.Куйбышев. В президиуме находились меньшевик А.И.Кабцан и эсер И.А.Одайкин. Бурная дискуссия о текущем моменте затянулась до 5 часов утра. Представители губернского и гарнизонного Советов крестьянских депутатов, группы "Единство", эсеры и меньшевики высказывались против перехода власти к Советам. Более того, учитывая сложность момента, губернский Совет крестьянских депутатов вновь заявил о своей поддержке Временного правительства и выступил за немедленный созыв губернского Всесословного съезда, который и должен был решить вопрос о власти.

За два дня до начала вооруженного выступления в Петрограде А.Ф.Керенский по представлению Министерства внутренних дел утвердил распоряжение губернским комиссарам об использовании войск для подавления крестьянских беспорядков. Исполком самарского губернского Совета крестьянских депутатов не выступил с осуждением этой директивы. Это послужило для большевиков поводом для дискредитации эсеровских лидеров крестьянского Совета. 26 октября, опираясь на поддержку меньшевиков-интернационалистов и эсеров-максималистов, они внесли предложение о немедленном переходе всей полноты власти к Советам и признании Временного правительства низложенным. Эта резолюция не прошла, за нее было подано всего лишь 79 голосов. Эсеры и меньшевики-оборонцы, крестьянские депутаты (109 человек) отказались участвовать в голосовании. Большевики настаивали на том, чтобы провести еще одно объединенное заседание Советов.

Учитывая, что по вопросу о власти большевики были в меньшинстве, ими была избрана другая тактика. Они отказались от созыва Всесословного съезда, который, конечно же, выступил бы против перехода власти к Советам и пригласили на объединенное заседание не только членов исполкомов Советов, но и своих сторонников: представителей фабзавкомов и профсоюзов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, полковых и ротных комитетов. Удалось добиться поддержки и со стороны гарнизонного Совета крестьянских депутатов. С большевиками солидаризировались меньшевики-интернационалисты, члены еврейских социал-демократических организаций. И все-таки это не была поддержка масс, всего населения губернии. Вопрос о переходе власти к Советам решался в штабах партий и организаций, а не народными массами.

Вот как описывает заключительный этап борьбы за власть Советов участник событий Иван Козырьков: «Рабочие массы, считая минуты и секунды, ждали этого заседания, заранее зная и торжествуя победу пролетарской революции. В 5 часов вечера "Триумф" (ныне кинотеатр им. Ленинского комсомола. — Ред.) был переполнен. Заседание пришлось перенести в театр "Олимп"... Но и громадное помещение не могло вместить всю пришедшую массу. Члены Советов разместились в

партере, члены фабрично-заводских комитетов и правлений профсоюзов в ложах, бельэтаже и на балконе, и остальные товарищу заняли оставшиеся места. Заседание открылось около 8 часов вечера вступительным словом и коротеньким докладом тов. Куйбышева. Было решено дать высказаться от каждой фракции по одному оратору. Первый выступил от фракции большевиков, любимый и уважаемый всеми членами партии и рабочими массами тов. Масленников, встреченный бурей аплодисментов, длившейся около 5 минут. Часовая речь тов. Масленникова несколько раз прерывалась аплодисментами...» Были зачитаны также резолюции воинских частей Самарского гарнизона. Резолюция меньшевиков и эсеров, продолжавших поддерживать Временное правительство, собрала 140 голосов. Члены губернского Совета крестьянских депутатов, как бы подчеркивая неправомерность обсуждаемого вопроса, отказались от участия в голосовании. За большевистскую резолюцию проголосовал 441 человек. Тогда же был создан ревком, в который вошли большевики М.П.Герасимов, В.В.Куйбышев, П.П.Митрофанов, С.Я.Тиунов, меньшевик-интернационалист С.Н.Васильев и эсер-максималист В.А.Кузьмин. Совет крестьянских депутатов не захотел выдвинуть в ревком своих представителей. Эсеры и меньшевики также заявили об отказе занимать какие-либо посты при новой власти. 27 октября в 5 часов утра состоялось первое заседание ревкома, на котором был избран президиум в составе председателя В.В.Куйбышева, товарища председателя М.П.Герасимова и секретаря П.П.Митрофанова⁷⁴.

Выступая на объединенном заседании губернского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов вместе с левой частью IV Губернского крестьянского съезда, В.В.Куйбышев так объяснял поведение самарских большевиков в октябре 1917 г.: «Когда в Октябрьские дни получили первые сведения о восстании рабочих и солдат в Петрограде, для нас было очевидным, что рабочие и солдаты должны установить на местах власть Советов. Мы созвали собрание самарских Советов, и на нем при воздержавшихся крестьянах было решено создать революционный комитет для борьбы с буржуазным правительством Керенского, контрреволюцией и проводить в жизнь ту программу, которая 8 месяцев лежала под сукном... Мы с первых дней хотели идти рука об руку с крестьянами, но они не дали своих делегатов, и вместо них места были предоставлены гарнизонному Совету крестьянских депутатов»⁷⁵. Губернский Совет крестьянских депутатов 28 октября выпустил воззвание, в котором выступил против создания ревкома и передачи ему всей полноты власти. Но время было упущено. На долгие десятилетия установился режим коммунистической диктатуры.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- ¹ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф.169. Д.А.Милютин. Картон 62. Д.44. Л.7об. (Далее: РГБ ОР).
- ² Грот Н.Я. К.К.Грот в юности и в первую эпоху службы. СПб., 1904. С.19,23.
- ³ Леопольдов А. Исторические заметки о Самарском крае // Журн. Мин-ва внутренних дел. 1860. № 2.С.149. (Далее: ЖМВБ).
- ⁴ Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С.127.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Алабин П.В. 25-летие Самары как губернского города. Самара, 1875. С.542-543.
- ⁷ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России. СПб., 1913. Т.2. С.137.
- ⁸ См. об этом: Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // Вопр. истории. 1989. № 10.
- ⁹ 19 февраля 1861 – 19 февраля 1911 гг. Доклад неперенных членов Самарского губернского присутствия Е.А.Богдановича, Д.К.Черносвитова и Е.И.Запесошного в торжественном заседании Присутствия 19 февраля 1911 г. Самара, 1911. С. 3-4.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Журналы Самарского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян. Самара, 1859. С.3.
- ¹² Дудзинская Е.А. Общественная и хозяйственная деятельность Ю.Ф.Самарина // Ист. зап. Т.110. С.313.
- ¹³ Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. С.38.
- ¹⁴ Приложения к Трудам Редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т.III. Извлечения из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. СПб., 1860. Самарская губ. С.4–5; Симбирская губ. С.40, 41.
- ¹⁵ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Указ. соч. ... Т. 2. С.137.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Трубецкая О. Материалы для биографии кн.В.А.Черкасского. М., 1904. Т.1. С.170.
- ¹⁸ Государственный архив Самарской области. Ф.341. Оп.1. Д.1-8. (Далее: ГАСО).
- ¹⁹ Там же. Д.1. Л.106.
- ²⁰ Самарин Ю.Ф. Соч.: В 3 т. М., 1989. Т.3. С. 228.
- ²¹ Там же. С.275.
- ²² Великая реформа: В 6 т. М., 1911. Т. 5. С.100.
- ²³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.20. С.174.
- ²⁴ ГАСО. Ф.341. Оп.1. Д.1. Л. 32об-33.
- ²⁵ Там же. Л.41об.
- ²⁶ Там же. Д.3. Л.78.
- ²⁷ Самарин Ю.Ф. Соч. Т.3. С.257.

- 28 См.: *Наякишин К.Я.* Очерки истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955. С.115.
- 29 Самарские губернские ведомости. 1861. 4 марта. С. 82. (Далее: СГВ).
- 30 Там же. 18 марта. С.97.
- 31 Там же. С.98.
- 32 Российское законодательство. Т.7. Документы крестьянской реформы. М., 1989. С.27-31.
- 33 Полное собрание законов Российской империи. II. Т.38. № 39 792. (Далее: ПСЗ).
- 34 ГАСО. Ф.174. Оп.1. Д. 784. Л.152об.
- 35 Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. М., 1968. С. 494–502.
- 36 Уставная грамота с. Мироновки Новотроицкой волости Новоузенского уезда // ГАСО. Ф.174. Оп.1. Д.756.
- 37 ПСЗ. II. Т.36. № 36 660.
- 38 *Дружинин Н.М.* Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия // *Славяне и Россия.* М., 1972. С.148.
- 39 СГВ. 1866. № 86.
- 40 ПСЗ. II. Т.41. № 43 888.
- 41 См.: *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С.70–76.
- 42 Самарское земство, 1864–1914. Юбил. доклад-очерк, заслушанный в 49 Очередном губернском земском собрании. Самара, 1914. С.5.
- 43 Там же. С.8–12.
- 44 Цит. по: *Хайкина Н.Л.* Организация земских учреждений в Самарской губернии // Научн. докл. высшей школы. Ист. науки. 1959. № 2. С.50.
- 45 Цит. по: Там же. С. 52.
- 46 Там же. С. 50.
- 47 Самарское земство... С.16.
- 48 Там же. С.19.
- 49 Этот документ был обнаружен в Центральном историческом архиве Н.Л.Хайкиной (Н.Л.Клейн). См.: *Хайкина Н.Л.* Указ. соч. С. 47.
- 50 Самарский окружной суд. Его первая деятельность. Самара, 1871. С. 7.
- 51 Там же. С. 12, 13.
- 52 Там же. С. 80.
- 53 Там же. С. 13, 14.
- 54 Там же. С. 17.
- 55 Цит. по: Российское законодательство X-XX вв. Т.8. Судебная реформа. М., 1991. С. 7.
- 56 ГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.624, 639, 667, 709; Ф.170. Оп.6. Д.1002. Л.74.
- 57 *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России 60–90-х гг. XIX в. Л., 1984. С.64, 65.
- 58 Журналы заседаний гласных Самарской городской думы. (№ 1-13) Самара. 1871. № 1. С.2.
- 59 Там же. С.4.
- 60 ГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.1415. Л.28.
- 61 Там же. Оп. 36. Д. 614. Л.100.
- 62 Там же. Л.113.
- 63 Там же. Л.76, 129; Ф.170. Оп.1. Д.180. Л.183.
- 64 *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т.6. С.195.
- 65 Цит. по: *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань, 1973. С.130.
- 66 Там же. С.133.
- 67 Там же.

- 68 Подсчитано по: Хроника крестьянского движения в Среднем Поволжье/ Сост. Ю.И.Смыков. См.: Там же. С.200–219.
- 69 Там же. С.217.
- 70 Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С.52–59.
- 71 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения... Т.2. С.91.
- 72 ГАСО. Ф.3. Оп. 202. Д.17. Л.13-об.
- 73 Там же. Л.17.
- 74 Там же. Л.18об.
- 75 Богатикова Г.И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Ист. зап. Т.63. С.106–109.
- 76 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1. Самарский уезд. М., 1883. С.60.
- 77 Там же. Т.2. Ставропольский уезд. С.53.
- 78 ГАСО. Ф.43. Оп.13. Д.77. Л.1–80.
- 79 Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1892. Т. 8. С.60–61.
- 80 Распределение поземельной собственности в 49-ти губерниях Европейской России в 1877–1878 гг. СПб., 1879. С.44–61.
- 81 Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. СПб., Ч.П. Прил. 6.
- 82 ГАСО. Ф.150. Оп.2. Д.42–49.
- 83 Там же. Д.47–48.
- 84 Там же. Ф.174. Оп.1. Д.3489. Л.11–16.
- 85 Сводный сборник статистических сведений... Т. 8. С.62.
- 86 Распределение поземельной собственности... С.44–61.
- 87 Статистика землевладения 1905 г. Вып.28. Самарская губерния. СПб., 1906. С.10–13.
- 88 ГАСО. Ф.174. Оп.1. Д.1891. Л.60–101.
- 89 Там же. Ф.149. Оп.1. Д.491. Л.12.
- 90 Там же. Л.13об–16об.
- 91 См.: Руттик А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С.31–32.
- 92 Сборник народных юридических обычаев. Т.II. Русское географическое общество. Записки по отделению этнографии / Под ред. С.В.Пахмана. СПб., 1900. С.276.
- 93 Там же. С.283.
- 94 См.: Матвеев П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Русское географическое общество. Записки по отделению этнографии: Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1877. Т.I. С.13–46. Недавно эта работа частично переиздана проф. П.С.Кабытовым. См.: Черный перелом. Самара, 1992. С.23–43.
- 95 Черный перелом. С.26, 27.
- 96 Там же. С.28.
- 97 Там же. С.30.
- 98 Там же. С.31.
- 99 Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века. М., 1978. С.177–179. Прил. 2.
- 100 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904.
- 101 Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма. Саратов, 1982. С.16.

- ¹⁰² См.: *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- ¹⁰³ См. подробнее: *Савельев П.И.* Вольнонаемный труд накануне отмены крепостного права в России: (По материалам Императорского Московского общества сельского хозяйства (ИМОСХ) // Социально-экономическое положение и классовая борьба в поволжской деревне в период капитализма. Куйбышев, 1988. С.25–49.
- ¹⁰⁴ См.: Мнение ИМОСХ о необходимости ссуд землевладельцам для введения вольнонаемного труда в замене обязательного. Б.м., б.г. С.26–27.
- ¹⁰⁵ См.: Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т.III. Вып.I. СПб., 1893. С.42.
- ¹⁰⁶ *Ламанский Е.И.* О значении земледельческого кредита для сельского хозяйства в России и способ его осуществления // Съезд сельских хозяев в Санкт-Петербурге в 1865 г. по случаю 100-летнего юбилея Императорского Вольного экономического общества (ИВЭО). СПб., 1866. С.212.
- ¹⁰⁷ *Хрулев С.С.* Наш ипотечный кредит. СПб., 1898. С.14.
- ¹⁰⁸ ПСЗ. III. № 2355, 3094; *Мигулин П.П.* Наша банковская политика (1729–1903). Харьков, 1904.
- ¹⁰⁹ Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т.III. С.36.
- ¹¹⁰ Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. СПб., 1891. Т. II. С.118.
- ¹¹¹ Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и И.Ефрона. СПб., 1891. Т.4. С.937.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же. С.921.
- ¹¹⁴ *Боголепов М.И.* Государственный банк и коммерческий кредит // Банковская энциклопедия. Т.1. Коммерческие банки. Киев, 1914. С.292.
- ¹¹⁵ Доклад Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Прил. I. Отд. I. СПб., 1873. С.16.
- ¹¹⁶ *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит. Харьков, 1899. Т.I. С.525.
- ¹¹⁷ ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1029. Л.27.
- ¹¹⁸ Сборник правил и инструкций по Государственному дворянскому земельному банку. 1885–1908 гг. СПб., 1909. С.85–94, 163, 168, 169, 170, 222, 349–359.
- ¹¹⁹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып.I. Самарский уезд. С.152.
- ¹²⁰ СГВ. 1863. 2 нояб. С.295.
- ¹²¹ Доклад Высочайше утвержденной комиссии... Прил. VI. С.16.
- ¹²² РГИА России. Ф.593. Оп.2. Д.1978. Л.7-17об; Д.1972. Л.2-9; Д.1951. Л.4-14; Д.1953. Л.7-18об.
- ¹²³ Там же. Оп.18. Д.942. Л.132-137об.
- ¹²⁴ РНБ ОР. Ф.226. К.К. Грот. Оп.1. Д.26. Л.2-об.
- ¹²⁵ *Филиппченко А.Е.* Засамарская степь: Из путевых заметок // Русское сельское хозяйство. М., 1873. Т.XIII. С.5.
- ¹²⁶ Труды 5-го съезда русских сельских хозяев в Одессе в декабре 1878 г.: Докл. В.Черняева. Одесса, 1879. С.553.
- ¹²⁷ СГВ. 1860. 15 окт. С.348.
- ¹²⁸ Доклад Высочайше утвержденной комиссии... Прил. VI. С.65.
- ¹²⁹ Российский государственный исторический архив. Ф.593. Оп.2. Д.1937. Л.19-30. (Далее: РГИА).
- ¹³⁰ 1884-й год в сельскохозяйственном отношении. Вып.III, ч.II. Общий обзор года. СПб., 1886. С.147.

- 131 Материалы по вопросу о деятельности земств империи по снабжению населения кровельным и листовым железом и сельскохозяйственными машинами и орудиями. Харьков, 1909. С.179, 180.
- 132 ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1340. Л.20.
- 133 Там же. Л.31.
- 134 Труды Всероссийского съезда сельского хозяйства, созванного ИМОСХ с 10 по 20 декабря 1895 г. СПб. 1896. Вып.V. С.4.
- 135 РГИА. Ф.593. Оп.18. Д.679. Л.37-56.
- 136 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей. СПб., 1901. С.230.
- 137 РГИА. Ф.1302. Оп.11. Д.29. Л.29.
- 138 Конская перепись 1882 г. СПб., 1884. С.99.
- 139 Там же.
- 140 Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа по данным военно-конских переписей 1900–1906 гг. СПб., 1908. С.60, 61.
- 141 Филиппченко А.Е. Указ. соч. С.5.
- 142 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.128. Л.9.
- 143 Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 г. о найме на сельскохозяйственные работы. Ч.1. Заключение губернских совещаний. СПб., 1888. С.20.
- 144 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1281. Л.29об.
- 145 Опыт предварительного исследования и санитарного надзора за пришлыми рабочими Самарской губернии. СПб., 1910. С.15.
- 146 Статистика землевладения 1905 года. С.10–13; ГАСО. Ф.663. Оп.1. Д.14. Л.23-46.
- 147 РГИА. Ф.1288. Оп.1. Д.29. Л.176.
- 148 ГАСО. Ф.211. Оп.1. Д.60. Л.9.
- 149 РГИА. Ф.593. Оп.2. Д.1952. Л.4-14.
- 150 Русинов Н. Опыт приложения вольнонаемного труда к сельскому хозяйству // Сельское хозяйство. 1860. Т.1. № 1. Отд.1. С.8.
- 151 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л., 1981. С.229-230.
- 152 ГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.896. Л.1.
- 153 Там же. Д.896-898.
- 154 Там же. Ф.3. Оп.159. Д.8. Л.20; Д.21. Л.13.
- 155 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 г. Самара, 1900. С.90.
- 156 ГАСО. Ф.3. Оп.165. Д.76. Л.65-66.
- 157 Там же.
- 158 Приложение к Всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1882 г. Самара, 1883. С.6.
- 159 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 г. Самара, 1900. С.88.
- 160 Россия. Полное географическое описание. С.256.
- 161 ГАСО. Ф.171. Оп.1. Д.378.
- 162 Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981.
- 163 ГПБ ОР Ф.226. Оп.1. Д.27. Л.46.
- 164 Там же. Л.25об.
- 165 Там же. Л.37об.
- 166 Статистика землевладения 1905 года. С.10–13.
- 167 Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1901. Вып. IV. С.104–107.

- 168 Рот Г.Л. Очерк хлебопашества и крестьянского быта в восточной России // Русская речь. 1879. № 3. С.279.
- 169 Там же.
- 170 ГАСО. Ф.276. Оп.1. Д.102. Л.8–10.
- 171 Там же. Д.93. Л.10–16об, 33.
- 172 См.: Кабытов П.С., Савельев П.И. Новые документы по истории помещичьего хозяйства конца XIX - начала XX в.: По материалам Самарского отделения Государственного дворянского земельного банка // Экономическое и социально-политическое развитие пореформенной России (1861–1917). Горький, 1986. С.46–48.
- 173 Эртель А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. М., 1987. С.5–6.
- 174 Скиталец (С.Г.Петров). Дом Черновых. Ульяновск, 1963. С.7–8.
- 175 Путешествие в прошлое. Самара, 1992. С.43.
- 176 Там же. С.71.
- 177 Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. Самара, 1992. С.118–124.
- 178 Там же. С.123.
- 179 Там же.
- 180 Там же. С.122.
- 181 Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. СПб., 1887. С.16–27; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.342.
- 182 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. XXXVI. С.28–32.
- 183 Там же. С. 2, 3.
- 184 Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки по истории градостроительства. Куйбышев, 1986. С.117.
- 185 Моргун А.Г. От крепости Самара до города Куйбышева: Заметки об архитектуре. Куйбышев, 1986. С. 34, 35.
- 186 Там же.
- 187 См. подробнее: Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. С.126–127.
- 188 См.: Там же. С.127.
- 189 Путешествия в прошлое. С.69, 79.
- 190 ГАСО. Ф.170. Оп.3. Д.1. Л.140–150.
- 191 См.: Самара-Куйбышев: Хроника. С.60–78.
- 192 Путешествия в прошлое. С.69, 70.
- 193 Там же. С.69.
- 194 РГИА. Ф.595. Оп.6. Д.1. Л.2, 3.
- 195 Там же. Ф.616. Оп.1. Д.5. Л.1.
- 196 ГАСО. Ф.663. Оп.1. Д.14. Л.3–19; Статистика землевладения 1905 года. Вып.28. С.12, 13, 23–46.
- 197 РГИА. Ф.1302. Оп.11. Д.29. Л.10–17.
- 198 Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю.
- 199 Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: Сб. документов / Под ред. Л.М.Иванова. М., 1964. С.368.
- 200 Там же. С.367.
- 201 Там же. С.400.
- 202 Там же. С.401.
- 203 См.: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. С.258–260.
- 204 См.: Вульфсон Е.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С.140.
- 205 Революционное народничество 70-х гг. XIX в. / Под ред. Б.С.Итенберга. М., 1964. Т.1. (1870–1875) С.148.

- 206 Государственные преступления в России в XIX веке, Вторая половина 1877 г. Париж, 1905. Т.3. С.83; Революционное народничество. С.302.
- 207 Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919. С.64.
- 208 Государственные преступления в России.. С.246.
- 209 Революционное народничество... С.292.
- 210 В борьбе за народное дело: Биобиблиогр. справочник. Куйбышев, 1982, Кн.1. С.49, 50.
- 211 Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. М., 1961. Т.1. С.168.
- 212 Там же. С.280.
- 213 Яковлев Н.Н. По дорогам Самарского знамени // Краеведческие записки. Куйбышев, 1979. Вып.5. С.46.
- 214 Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С.179.
- 215 СГВ. 1879. 9 сент.
- 216 Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С.183.
- 217 Там же. С.181.
- 218 Яковлев Н.Н. По дорогам Самарского знамени, С. 52.
- 219 Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С.181.
- 220 Алабин П.В. Трехвековая годовщина Самары. Самара, 1887.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- 1 Начало первой русской революции. М, 1955. С.28–31.
- 2 Протопопов Д. Из недавнего прошлого: Самара в 1904–1905 гг. // Русская мысль. 1907. № 11. С.17.
- 3 ГАСО. Ф.4940. Оп. 1. Д.28. Л.11,13.
- 4 Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. М., 1977. С.258; Протопопов Д. Указ. соч. С.16.
- 5 Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987. С.62, 63.
- 6 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С.20, 21.
- 7 Самарский курьер. 1906. 1 янв.
- 8 Там же. 1905. 23 янв.
- 9 Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии: Документы и материалы. Куйбышев, 1955. С.29, 30, 37, 38.
- 10 1905 год в Самарском крае. С.31,37, 38.
- 11 Самарский курьер. 1905. 9 февр.; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С.43, 44.
- 12 Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: Качественный анализ. М., 1987. С.194–203.
- 13 Протопопов Д. Из недавнего прошлого: Самара в 1904–1905 гг. // Русская мысль. 1907. № 11. С.28.
- 14 Революционная Россия. 1905. № 72. С.22, 23.
- 15 Русь. 1905. 14 марта.
- 16 Голос Самары. 1906. 4 февр.
- 17 1905 год в Самарском крае. С.542, 543.
- 18 Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905. С.141.
- 19 Сегаль Г.Б. В деревне // 1905 год в Самарском крае. С. 610, 611.
- 20 Государственный архив Российской Федерации Ф.102. (ДПОО). 1906 г. 1 отд. Д.322. Л.13. (Далее: ГАРФ).
- 21 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.408. Л.36, 41, 42.
- 22 Цит. по: 1905 год в Самарском крае. С.381.

- 23 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1922. Л.51.
- 24 Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С.97, 98.
- 25 Самарская газ. 1905. 15 марта; Самарский курьер. 1905. 17 марта.
- 26 Самарский курьер. 1905. 17 марта.
- 27 Цит. по: 1905 год в Самарском крае. С.102.
- 28 *Скворцов В.Д.* Революционная борьба самарского пролетариата весной и летом 1905 года // Куйбышевского пед. ин-т. Учен. зап. 1966. Вып.51.
- 29 ГАРФ. Ф.102. (ДПОО). 1906 г. Д.9. Ч.50. Л.10; Революционная Россия, 1905. № 72. С.23.
- 30 ГАСО. Ф.469. Д.2490. Л.180–182.
- 31 Там же. Ф.468. Д.598. Л.169.
- 32 *Буртовой В.И., Титов И.И.* Самарский гарнизон в годы первой русской революции // Самарский краевед. Куйбышев, 1990.
- 33 Самарский курьер. 1905. 15 июля.
- 34 Там же. 1906. 1 янв.
- 35 1905 год в г. Самаре и Самарской губернии. С.147–151.
- 36 *Протопопов Д.* Из недавнего прошлого (Самара в 1904–1905 гг.) // Русская мысль. 1907. № 12. С.2.
- 37 Цит. по: Общественное движение в начале XX века. СПб., Т.2, ч.2. 1909. С.52.
- 38 РНБ ОР. Ф.634. К.1. Ед.хр. 25. Л.3–10.
- 39 Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С.158.
- 40 *Протопопов Д.* Из недавнего прошлого // Русская мысль. 1907. № 3. С.7.
- 41 Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955. Ч.1. С.611.
- 42 *Протопопов Д.* Из недавнего прошлого // Русская мысль. 1907. № 12. С.10.
- 43 Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С.158, 159.
- 44 Самарский курьер. 1905. 29 нояб.
- 45 Самарская газ. 1905. 25 окт.
- 46 Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП. Куйбышев, 1959. С.297–300; ГАСО. Ф.280. Д.164, 165.
- 47 ГАСО. Ф.468. Д.598. Л.282–383.
- 48 Самарский курьер. 1905. 25 окт.
- 49 1905 г. в Самарском крае. С.251, 252.
- 50 Самарский курьер. 1901. 5 нояб.
- 51 Там же. 1905. 2 дек.
- 52 Самарская газ. 1905. 2, 3, 6, 8, 16 дек.
- 53 *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988. С.63.
- 54 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.5144. Л.45; Ф.9. Оп.2. Д.12.
- 55 *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990. С.71, 72.
- 56 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.415. Ч.1. Л.26.
- 57 Там же. Л.37, 38, 42.
- 58 *Солдатов Г.П.* История революционного движения в с.Царевщине // 1905 г. в Самарском крае.
- 59 *Малиновский Н.* Народный учитель в революционном движении. М., 1926. С.43.
- 60 Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С.217–222.
- 61 *Водоватов Ф.* Крестьянское движение в Самарской губернии в первой революции 1905–1907 гг. Куйбышев, 1957. С.123.
- 62 ГАРФ. Ф.102. (ДПОО), 1905 г., Д.2550. Ч.45. Л.55, 60, 81, 83.
- 63 Там же. Л.80.
- 64 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.358. Л.703.

- 65 Там же. Д.598. Л.78; Самарская газ. 1905. 18 дек.
- 66 1905 год в Самарском крае. С.491.
- 67 Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). С.536, 537.
- 68 *Савельев П.И.* Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С.24-27; *Кабытов П.С., Курсеева О.А.* Поволжское дворянство в борьбе с революцией 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг. Куйбышев, 1985. С.75–79.
- 69 Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. С.227.
- 70 *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С.145, 146; Голос Самары. 1906. 2 февр., 28 июня.
- 71 Голос Самары. 1906. 19 февр.
- 72 *Львов В.Н.* Программные статьи и речи в Самарском отделе “Союза 17 октября”. М., 1907. С.23.
- 73 *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С.305; Самарский курьер. 1906. 4 нояб.
- 74 ГАСО. Ф.468. Д.1390. Л.9–19.
- 75 Там же. Д.898. Л.139, 141; Ф.469. Д.53. Л.58.
- 76 Революция 1905 г. в Самарском крае. С.491; Революция 1905–1907 гг. в г.Самаре и Самарской губернии. С.213.
- 77 Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). С.536, 537.
- 78 Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967. С.69,93; Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. С.39.
- 79 ГАРФ. Ф.533. Оп.1. Д.203. Л.2.
- 80 *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С.111, 112.
- 81 *Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln; Wien, 1978. S.220.
- 81 *Леонов М.И.* Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905-1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг. Куйбышев, 1985. С.57–66.
- 82 ГАСО. Ф.468. Д.278. Л.1, 2.
- 83 Там же. Д.913. Л.20, 21.
- 84 Там же. Д.950. Л.25, 26.
- 85 Там же. Д.895. Л.164.
- 86 Революция 1905–1907 гг. в г.Самаре и Самарском крае. С.290, 291.
- 87 1905 год в Самарском крае. С.361.
- 88 *Дунин А.А.* Взятие Народного Дома в Самаре. (Из воспоминаний о 1905 годе) // Ист. вестн. 1911. № 4. С.153.
- 89 ГАРФ. Ф.533. Оп.1. Д.203. Л.13.
- 90 ГАСО. Ф.468. Д.598 Л.3.
- 91 Там же. Д.608. Л.37–39.
- 92 Самарская газ. 1905. 16 дек.
- 93 Там же. 1905. 15 дек.
- 94 Подсчитано на основании: *Варзар В.Е.* Статистика стачек на фабриках и заводах за 1905 год. СПб., 1908; *Он же.* Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб., 1910.
- 95 *Водоватов Ф.* Указ. соч. С.134, 178.
- 96 Голос Самары. 1906. 25 февр.
- 97 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1211. Л.23.
- 98 Там же. Д.604. Л.279.
- 99 Голос Самары. 1906. 15 февр.
- 100 Там же. 25 февр.; ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.2274. Л.1.
- 101 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.2221. Л.2.

- 102 Голос Самары. 1906. 7 – 14 марта.
- 103 Самарский курьер. 1906. 25 февр.
- 104 Профессиональные союзы рабочих России. 1905 – февраль 1917. М., 1985. Ч.2. С.267-270.
- 105 Революция 1905–1907 гг. в г.Самаре и Самарской губернии. С.312–323.
- 106 Голос Самары. 1906. 3,4 мая.
- 107 Крестьянские наказания Самарской губернии. Самара, 1906. Анализ наказов см.: История СССР. 1979 № 3; *Клейн Н.Л.* Экономические основания аграрных требований Поволжских крестьян во время революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг. Куйбышев, 1985.
- 108 ГАСО. Ф.468. Д.598. Л. 17–118; Д.608. Л.37–40; Д.917. Л.11.
- 109 Там же. Д.604. Л.620-621.
- 110 Цит. по: *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород-Самара-Пенза. Пг., 1916. С.56.
- 111 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.608. Л.64-65; Самарский курьер. 1906. 16 июня.
- 112 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.608. Л.66.
- 113 Там же. Л.72–73.
- 114 Там же. Д.598. Л.451–491; Д.608. Л.79–112.
- 115 Правительственный вестник (СПб.). 1906, 9 июля.
- 116 См.: *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991.
- 117 *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. С.68.
- 118 Красный архив. 1931. Т.4/5. С.117,120–122.
- 119 *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. С.56.
- 120 ГАРФ. Ф.102 (ДПОО). Д.1877.Ч.45. Л.25.
- 121 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.598. Л.61.
- 122 Былое. 1909. № 1112. С.192.
- 123 ГАРФ. Ф.5847. Оп.2. Д.15. Л.32–34.
- 124 Там же. Ф.102 (ДПОО).1907г. Д.11. Ч.50. Л.11–12.
- 125 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.604. Л.480–481,268.
- 126 Там же. Л.269.
- 127 1905-1907 гг. в г.Самаре и в Самарской губернии. С.354–360.
- 128 *Фролов Г.* Террористический акт над Самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 10. С.114–122; *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. С.84–85.
- 129 ГАРФ. Ф.102 (ДПОО). 1906. 1 отд. Д.3. Ч.18. Л.5.
- 130 *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. С.91.
- 131 ГАРФ. Ф.102 (ДПОО). 1906, 1 отд. Д.3. Ч.18. Л.8.
- 132 *Водоватов Ф.* Указ. соч. С.174–178.
- 133 ГАРФ. Ф.102 (ДПОО). 1907г. Д.11. Ч.50. Л.11–12; Самарский курьер. 1906. 3 авг.
- 134 ГАСО. Ф.469. Д.53. Л.196,333.
- 135 ГАРФ. Ф.5847. Оп.2. Д.15. Л.35–36; 1905 год в Самарском крае. С.552–553.
- 136 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.415. Ч.1. Л.62.
- 137 Голос Самары. 1907. 4 янв.
- 138 *Львов В.Н.* Программные речи и статьи в Самарском отделе “Союза 17 октября” М., 1907. С.47.
- 139 Голос Самары. 1907. 12 янв.
- 140 Цит. по: *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. С.243.
- 141 Волжское слово. 1906. 11 нояб.
- 142 ГАСО. Ф.468. Д.917. Л.20.
- 143 Волжское слово. 1907. 18 янв.

¹⁴⁴ ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.913. Л.5–8.

¹⁴⁵ Там же. Д.898. Л.141.

¹⁴⁶ Губернские ведомости. 1907. 13 янв.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ¹ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Крестьянское землепользование. СПб, 1903. С.28.
- ² Госархив Саратовской области. Ф.1. Оп.1 Д.10243. Л.28.
- ³ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С.40–43.
- ⁴ РГИА. Ф.1662. Оп.1. Д.320. Л.1.
- ⁵ Ленин В.И. Столыпин и революция // Полн. собр. соч. Т.20. С.329.
- ⁶ Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С.112.
- ⁷ Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? М., 1917. С.9.
- ⁸ Ленин В.И. Последний клапан // Полн. собр. соч. Т.22. С.19.
- ⁹ Самарский земледелец. 1910. № 3. С.92, 93.
- ¹⁰ Наякишин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962. С.253.
- ¹¹ Сидельников С.М. Аграрная реформа... С.148.
- ¹² См.: Приложение к Всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1916 год. Самара, 1916. С.31.
- ¹³ Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Самара, 1913. Т.1. С.216.
- ¹⁴ Оболенский В.А. Очерки хуторской России // Русская мысль. 1913. Кн.1. С.80.
- ¹⁵ Крестьянское движение в России в 1907–1914 гг. М., 1966. С.138.
- ¹⁶ Там же. С.142, 143.
- ¹⁷ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.2408. Л.1, 4.
- ¹⁸ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. Куйбышев, 1963. С.282, 284.
- ¹⁹ Феноменов М.Я. Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни. М.; Л. 1925. С.28.
- ²⁰ Савельев П.И. Аграрные отношения и классовая борьба в Среднем Поволжье в период капитализма. Куйбышев, 1987; Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма... С.43, 44; Кабытов П.С. Аграрные отношения... С.29–35; Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900–1917). Куйбышев, 1989; и др.
- ²¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения... С.36, 37.
- ²² Динамика землевладения в России 1906–1914 гг. М., 1989.
- ²³ Статистика землевладения 1905 г. М., 1905. Вып.28.
- ²⁴ Савельев П.И. Аграрные отношения... С.6; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв.: Опыт количественного анализа. М., 1974. С.276–278.
- ²⁵ ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1405. Л.37.
- ²⁶ Там же. Ф.322. Оп.2. Д.1474. Л.13об.
- ²⁷ Савельев П.И. Аграрные отношения... С.7, 8.
- ²⁸ РГИА. Ф.1283. Оп.1. Д.87. Л.139.
- ²⁹ Кабытов П.С. Аграрные отношения... С.56.
- ³⁰ Статистика землевладения 1905 г. ... С.12.
- ³¹ РГИА. Ф.1290. Оп.6. Д.80. Л.16, 210, 212, 247, 357.
- ³² Толстой А.Н. Краткая автобиография // Избр. соч.: В 6 т. М., 1950. Т.1. С.8.
- ³³ ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1719. Л.12, 17, 18.

- 34 Там же. Д.1723. Л.28-66.
- 35 *Кабытов П.С.* Аграрные отношения... С.69–70.
- 36 Сборник хозяйственно-статистических сведений... С.139.
- 37 Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С.549, 550; Год десятый. Пг., 1917. С.607, 608.
- 38 *Проскурякова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIV – начале XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С.75.
- 39 Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка по покупке и продаже земли за 1906–1910 гг. СПб., 1910. С.72, 73.
- 40 ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.1413. Л.21, 22.
- 41 *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX - начале XX в. М., 1988. С.3, 4, 17.
- 42 Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 1. СПб., 1907. С.4, 5; Статистика долгосрочного кредита в России. Пг., 1917. Вып.1. С.14–17.
- 43 ГАСО. Ф.322. Оп.2. Д.1341. Л.8, 15–16, 20, 21.
- 44 Там же. Ф.430. Оп.1. Д.1903. Л.22об.
- 45 Там же. Л.41об.
- 46 Там же. Ф.332. Оп.1. Д.2675. Л.1, 2.
- 47 Там же. Ф.663. Оп.1. Д.76. Л.1.
- 48 Там же. Л.24.
- 49 Там же. Ф.322. Оп.1. Д.1626. Л.1, 2; Д.1642. Л.17.
- 50 Там же. Л.5.
- 51 Там же. Д.1611. Л.10.
- 52 Там же. Д.1341. Л.1–3, 5, 6, 8, 20, 21.
- 53 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1. С.114.
- 54 ГАСО. Ф.322. Оп.1. Д.2670. Л.36.
- 55 Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 1. С.4–5; Статистика долгосрочного кредита в России. Вып.1. С.14–17.
- 56 Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С.132, 133.
- 57 ГАСО. Ф.276. Оп.1. Д.368. Л.39.
- 58 Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый... С.552, 553.
- 59 ГАСО. Ф.211. Оп.1. Д.115. Л.13, 18.
- 60 РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.32.
- 61 Там же. Ф.276. Оп.1. Д.308. Л.21, 23.
- 62 Там же. Д.307. Л.2.
- 63 Там же. Д.311. Л.1.
- 64 *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25, ч.П. С.281.
- 65 *Кабытов П.С.* Аграрные отношения... С.41.
- 66 Статистический ежегодник России. 1913 год. С.14.
- 67 Труды местных комитетов... С.102.
- 68 *Лосицкий А.* Выкупная операция. СПб., 1906. С.39.
- 69 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Самарская губерния. СПб., 1903. Т.XXXV. С.109.
- 70 *Лосицкий А.* Выкупная операция... С.6.
- 71 Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии. Самарский уезд. Самара, 1913. С.8.
- 72 Там же. С.31.

- 73 Цит. по: Чупров А.И. О значении кредита для подъема крестьянского хозяйства // Чупров А.И. Речи и статьи. М., 1909. Т.П. С.375.
- 74 Труды местных комитетов... С.109.
- 75 ГАСО. Ф.4. Оп.1. Д.1240. Л.2.
- 76 Там же. Д.1320. Л.124.
- 77 Голос Самары. 1912. 31 янв.
- 78 ГАСО. Ф.4. Оп.1. Д.1281. Л.124.
- 79 Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1913 год. Самара, 1913. С.104.
- 80 Труды местных комитетов... С.105.
- 81 Госархив Ульяновской области. Ф.147. Оп.108. Д.91. Л.43–9об.
- 82 Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии. Ставропольский уезд. Самара, 1914. С.70.
- 83 Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911–1913 гг. Самара, 1914. С.311.
- 84 Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911–1913 гг. С.67.
- 85 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. С.82.
- 86 Труды местных комитетов... С.55.
- 87 Анфимов А.М. Земельная аренда в начале XXв. М., 1961. С.114.
- 88 Савельев П.И. Аграрные отношения... С.13.
- 89 Сборник статистико-экономических сведений... год 5. С.536, 537.
- 90 Отчеты Крестьянского поземельного банка. СПб., 1906–1916; ГАСО. Ф.171. Оп.1. Д.415. Л.1, 2; Земско-статистический справочник по Самарской губернии за 1914 год. С.130.
- 91 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.5321. Л.31.
- 92 Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. С.129, 131.
- 93 ГАСО. Ф.6. Оп. Д.130. Л.300.
- 94 Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Самара, 1909. Т.1. С.216.
- 95 ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1748. Л.99, 100.
- 96 Отчет Крестьянского поземельного банка за 1908–1909 гг. СПб., 1909–1910. С.125.
- 97 Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г. Пг., 1916. С.26–28.
- 98 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1. С.81, 82.
- 99 Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. С.119.
- 100 Земская жизнь (Самара) 1919. № 3/4. С.66, 67.
- 101 Там же. С.67.
- 102 Вестн. кооперации. СПб., 1910. Кн.3. С.17.
- 103 Вестн. кооперации. СПб., 1909. Кн.4. С.122.
- 104 Торгово-промышленная газ. 1913. № 2.
- 105 Вестн. мелкого кредита. СПб., 1914. № 18. С.725.
- 106 РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.210.
- 107 Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. С.119.
- 108 Вестн. кооперации. СПб., 1909. Кн.3. С.142.
- 109 Протокол съезда представителей кредитной кооперации Самарской губернии, 25–28 мая 1917 г. Самара, 1917. С.11.
- 110 О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С.36.
- 111 Чайнов А.В. Что такое аграрный вопрос? М., 1917. С.9.
- 112 Клейн Н.Л. Экономическое развитие... С.142.

- 113 Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М., 1951. С.101.
- 114 Клейн Н.Л. Экономическое развитие... С.142, 143.
- 115 Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства... С.101.
- 116 РГИА. Ф.23. Оп.9. Д.6. Л.15.
- 117 Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках России. СПб., 1912. С.320, 321.
- 118 Баскин Г.И. Приложение дистанционного принципа к группировке бюджетов крестьянского хозяйства // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов. Самара, 1925. Вып.IV. С.110.
- 119 Кабытов П.С. Аграрные отношения... С.111.
- 120 Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России. Киев, 1913. С.156.
- 121 Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1903. С.692-697; Статистический сборник за 1913–1917 гг. 1917. Вып.2. М., С.170, 174, 190.
- 122 Баскин Г.И. Нормы доходности пашни // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов. 1925. Т.6. Самара, С.64.
- 123 Кабытов П.С. Аграрные отношения... С.85.
- 124 Материалы к производственному плану. Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Пг., 1916. Вып.1.
- 125 Баскин Г.И. Приложение дистанционного принципа... С.11.
- 126 Баскин Г.И. Состояние производительных сил и тенденции их развития в разных отраслях народного хозяйства Самарской губернии // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов. Самара, 1925. Вып.II. С.9.
- 127 Земский агроном (Самара) 1914. № 2. С.50.
- 128 Морозов В.М. Доклад Особому совещанию при Самарском отделении Государственного банка о сбыте хлеба в связи с организацией элеваторов и зернохранилищ. Самара, 1911. С.14.
- 129 Сборник статистических сведений по Самарской губернии... С.69.
- 130 Гарин-Михайловский Н.Г. Несколько лет в деревне. Чебоксары, 1880. С.71.
- 131 Там же. С.102.
- 132 РГИА. Ф.587. Оп.33. Д.1121. Л.3.
- 133 Там же. Д.1442. Л.4, 6.
- 134 Канценеленбаум З.С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1912. С.7.
- 135 Лященко П.И. Хлебная торговля... С.325, 326.
- 136 РГИА. Ф.587. Оп.40. Д.1265. Л.2.
- 137 Морозов В.М. Доклад Особому совещанию... С.13.
- 138 См. об этом подробнее: Клейн Н.П. Экономическое развитие... С.137, 138.
- 139 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 г. Самара, 1900. С.88; Земля Самарская. Куйбышев, 1990. С.228.
- 140 Земля Самарская... С.237.
- 141 Румянцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы первой мировой войны и Февральской революции (1914–1917 гг.). Казань, 1989. С.37.
- 142 Земля Самарская... С.237.
- 143 Волобуев П.В. Монополистическая буржуазия и временное правительство // Монополии и иностранный капитал в России. Л., 1962. С.254.
- 144 РГИА. Ф.23. Оп.12. Д.1811. Л. 3, 5, 84.
- 145 См. об этом подробнее: Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России в 1914–1917 гг. Концерн Путилова–Стахеева–Батолина. Л., 1969.
- 146 РГИА. Ф.23. Оп.2. Д.137. Л.10–16.

- ¹⁴⁷ Китанина Т.М. Русско-Азиатский банк и концерн Стахеева // Монополии и иностранный капитал в России. Л., 1962. С.422.
- ¹⁴⁸ РГИА. Ф.575. Оп.1. Д.657. Л.26; Ф.515. Оп.78. Д.136. Л.23, 24.
- ¹⁴⁹ См. подробнее: Китанина Т.М. Указ. соч. С.410.
- ¹⁵⁰ ГАСО. Ф.780. Оп.1. Д.1; ЦГИА. Ф.23. Оп.12. Д.1912. Л.59, 86.
- ¹⁵¹ РГИА. Ф.22. Оп.4. Д.384. Л.143–144; Там же. Ф.23. Оп.12. Д.1920. Л.1, 2 и др.; Ф.587. Оп.33. Д.1302. Л.300–305.
- ¹⁵² Земский агроном (Самара) 1916. № 10. С.6–31.
- ¹⁵³ Гольберг Я.М. Тракторное хозяйство в России за 1917–1922 гг. // Сельское и лесное хозяйство. М., 1923. Кн.7. С.181.
- ¹⁵⁴ Волобуев П.В. Из истории монополизации нефтяной промышленности до-революционной России (1903–1914) // Ист. зап. Т.52. С.87.
- ¹⁵⁵ Волобуев П.В. Из истории... С.91.
- ¹⁵⁶ РГВИА. Ф.504. Оп.42. Д.36. Л.66, 89, 100, 108, 115, 116.
- ¹⁵⁷ Балакина Н.Г. Рабочий класс Среднего Поволжья накануне Великого Октября: Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 1977. С.1,3.
- ¹⁵⁸ Басин С.Г. Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1964. С.7.
- ¹⁵⁹ ГАСО. Ф.701. Оп.3. Д.2. Л.53.
- ¹⁶⁰ Там же. Ф.700. Оп.5. Д.138. Л.3.
- ¹⁶¹ Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С.488.
- ¹⁶² Балакина Н.Г. Рабочий класс... С.67.
- ¹⁶³ Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С.31.
- ¹⁶⁴ Волжский день. 1917. 11 янв.
- ¹⁶⁵ Волжское слово. 1914. 7 окт.
- ¹⁶⁶ Приволжская правда. 1917. 4 мая.
- ¹⁶⁷ Волжский край 1914. 19 апр.
- ¹⁶⁸ Волжский день. 1917. 23 июля.
- ¹⁶⁹ Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. С.32.
- ¹⁷⁰ Движение цен на предметы массового потребления в период войны. Самара, 1918. С.10.
- ¹⁷¹ ГАСО. Ф.3. Оп.61. Д.5. Л.42, 46.
- ¹⁷² Варешин А.М., Дедков В.П., Пономарев А.С. Город Сызрань. Куйбышев, 1964. С.65.
- ¹⁷³ ГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1627. Л.7, 9.
- ¹⁷⁴ Анфилов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С.189.
- ¹⁷⁵ Кабытов П.С. Аграрные отношения... С.137.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- ¹ Волжский день (Самара) 1917. 19 марта.
- ² ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2363. Л.19,20,26.
- ³ Точенький Д.С. Июльские события 1917 года и начало кризиса мелкобуржуазных организаций // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1973. С.69.
- ⁴ Вести (Самара) 1916. 5 дек.
- ⁵ ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.2352. Л.8.
- ⁶ Глядко К.Г. История Комитета народной власти первого периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т.1. С.45.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ГАСО. Ф.813. Оп.1. Д.21. Л.3.

- ⁹ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии (1902-1917). Куйбышев, 1969. С.430.
- ¹⁰ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 12 марта.
- ¹¹ Бешенковская М. От февраля по Октябрь // Красная быль (Самара). 1926. №2. С.87.
- ¹² ГАСО. Ф.813. Оп.1. Д.13. Л.19.
- ¹³ Изв. Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.
- ¹⁴ ГАСО. Ф.823. Оп.1. Д.22. Л.10.
- ¹⁵ Там же. Ф.820. Оп.1. Д.5. Л.23.
- ¹⁶ Там же. Ф.813. Оп.1. Д.14. Л.3.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф.406. Оп.1. Д.676. Л.10-10об.
- ¹⁸ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т.1, ч.1. С.88-93.
- ¹⁹ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1927. Т.1. С.34.
- ²⁰ Советы крестьянских депутатов... С.99.
- ²¹ Попов Ф.Г. Указ. соч. С.444, 445.
- ²² Там же.
- ²³ Блюменталь И.И. Указ. соч. С.51.
- ²⁴ Приволжская правда (Самара). 1917. 17 марта.
- ²⁵ ГАСО. Ф.153. Оп.41. Д.15. Л.181.
- ²⁶ Приволжская правда. 1917. 13 апр.
- ²⁷ Глядко К.Г. Указ. соч. С.45.
- ²⁸ Климушкин П.Д. История Комитета народной власти второго периода // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. С.49.
- ²⁹ ГАСО. Ф.823. Оп.1. Д.21. Л.19.
- ³⁰ Там же. Л.22.
- ³¹ Там же. Д.13. Л.65.
- ³² Там же. Ф.153. Оп.41. Д.15. Л.181.
- ³³ Блюменталь И.И. Указ. соч. С.17.
- ³⁴ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 апр.
- ³⁵ ГАСО. Ф.814. Оп.1. Д.10. Л.3.
- ³⁶ Поликов С. От Февраля к Октябрю (Самара в 1917 г.) // Пролетарская революция. М.; Л., 1925. № 10. С.212.
- ³⁷ Товарищ (Сызрань) 1917. 25 мая.
- ³⁸ Протоколы 2-ого Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы Общегубернского всесословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917. С.4.
- ³⁹ Там же. С.8.
- ⁴⁰ Там же. С.9.
- ⁴¹ Там же. С.11.
- ⁴² Там же. С.12.
- ⁴³ Там же. С.15.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С.20.
- ⁴⁶ Там же. С.21.
- ⁴⁷ Там же. С.22.
- ⁴⁸ Там же. С.24.
- ⁴⁹ Там же. С.37.
- ⁵⁰ Там же. С.42.
- ⁵¹ Там же. С.28.
- ⁵² Там же. С.42.
- ⁵³ Там же. С.44.

- ⁵⁴ ГАСО. Ф.820. Оп.1. Д.5. Л.343.
- ⁵⁵ Попов Ф.Г. Указ. соч. С.481.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф.1501. Оп.1. Д.6. Л.24.
- ⁵⁸ Там же. Ф.823. Оп.1. Д.1. Л.48; Д.94. Л.651.
- ⁵⁹ Там же. Д.1а. Л.6, 7.
- ⁶⁰ Приволжская правда. 1917. 15 авг.
- ⁶¹ КПСС в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т.1. С.488.
- ⁶² Там же. Ф.823. Оп.1. Д.3–10.
- ⁶³ Баскин Г.И. Принципы земельного наделения в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования. Самара, 1917. С.3.
- ⁶⁴ Там же. Ф.823. Оп.1. Д.1а. Л.22.
- ⁶⁵ Там же. Ф.175. Оп.1. Д.1412. Л.93.
- ⁶⁶ Там же. Л.100.
- ⁶⁷ Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917. С.19.
- ⁶⁸ Там же. С.95–98.
- ⁶⁹ Ленин В.И. Из дневников публициста // Полн. собр. соч. Т.34. С.110.
- ⁷⁰ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Куйбышев, 1957. С.106–113.
- ⁷¹ Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957. С.5.
- ⁷² ГАСО. Ф.814. Оп.1. Д.10. Л.34–36.
- ⁷³ Точеный Д.С. Эволюция политических настроений и общественного сознания крестьянства Среднего Поволжья: 1917–1918 гг. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: XVII – начало XX вв. Саранск, 1979. С. 182.
- ⁷⁴ Попов Ф.Г. Указ. соч. С.547–552.
- ⁷⁵ Солдат, рабочий и крестьянин. 1917. 14 дек.

Научное издание

**ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

Вторая половина XIX – начало XX века

*Утверждено к печати
Самарским научным центром
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *Н.И. Харламова*

Набор и верстка выполнены
в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 19.01.2000
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 15,0. Усл.кр.-отг. 15,0. Уч.-изд.л. 19,4

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 1650

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. 40 л.

В Своде публикуется весь комплекс выявленных и заново прочитанных записей древнерусских писцов, художников и переплетчиков на пергаменных кодексах XI–XIV вв., известных к настоящему времени. В научный оборот вводятся 515 надписей на рукописных книгах. Свод включает в себя не только тексты, сохранившиеся в оригинале или позднейших списках, но и известные только по публикациям или упоминаниям в литературе XVIII–XX вв. Публикуются также подложные записи на подлинных кодексах XI–XIV вв. Воспроизводятся как кириллические, так и глаголические записи. Каждая запись издается в орфографии подлинника и сопровождается развернутой библиографией, историко-географическими комментариями и палеографическими примечаниями.

Для историков, филологов, специалистов в области источниковедения и специальных исторических дисциплин.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины “Книга—почтой”

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга—почтой”

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга—почтой”)
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга—почтой”)
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга—почтой”)
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 (“Книга—почтой”)
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 (“Книга—почтой”)
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга—почтой”)
142292 Пушкино, Московской обл., МР “В”, 1 (“Книга—почтой”)
443002 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга—почтой”)
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 (“Книга—почтой”)
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга—почтой”)
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

По вопросам приобретения книг

просим обращаться также

в издательство по адресу:

117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90

тел. (095) 334-98-59

